

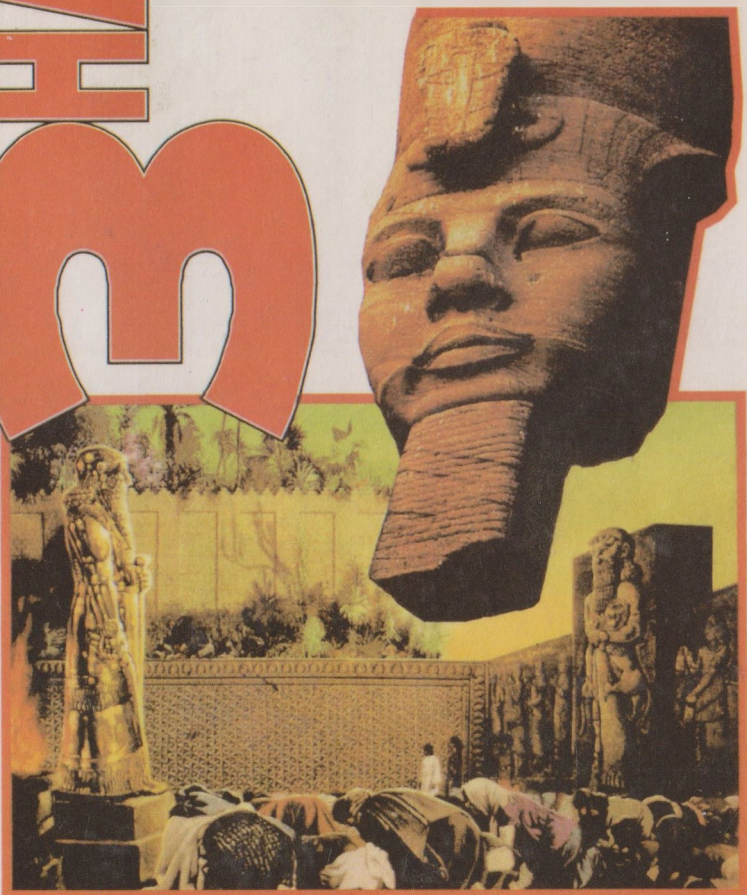
Народы моря

НАНМЕ

Э

Народы Моря

ИММАНИЛ ВЕЛИКОВСКИЙ

ФЕНИКС

ФЕНИКС

НАННЕ

**Народы
Моря**

ИММАНУИЛ ВЕЛИКОВСКИЙ

Э

Ф Е Н И К С
РОСТОВ-НА-ДОНУ
1997

ББК 65.5
В 27

Оформление Е. Коробкова
Перевод Л. В. Харламовой

Великовский И.
В 27 Народы моря/ Пер. с англ. — Ростов н/Д.: «Феникс», 1997. 544 с.

Книга И.Великовского «Народы моря» завершает серию исследований выдающегося американского ученого «Века в хаосе», посвященную «реконструкции» древней истории. Загадочные «народы моря», оживившие пейзаж древней истории в V—IV вв. до н. э., помогают Великовскому раскрыть многие тайны, даже то, что услышал Александр Македонский в египетской пустыне от оракула Амона.

Эта книга увлечет тех, кто уже знаком с предшествующими работами Великовского и полюбил вместе с ним разгадывать ребусы древнего мира.

Она адресована не только специалистам, но и всем, кто интересуется проблемами мировой истории и культуры.

В 4704010000 без объявл.
4МО(03)—97

ББК 65.5

ISBN 5-85880-391-1

© Оформление, изд-во «Феникс», 1997

© Художник Царев С., 1997

НАРОДЫ МОРЯ

Благодарности

На ранних этапах моей работы я был очень обязан покойному египтологу доктору Вальтеру Федерну за информацию, большей частью библиографического характера, предоставленную им в порядке научного сотрудничества. После того, как мы в течение многих лет обменивались суждениями и информацией, к концу жизни он стал решительно склоняться в пользу моей реконструированной хронологии.

Эта работа была прочитана в гранках доктором Н.Б.Милле, куратором отделения египтологии Королевского музея Онтарио в Торонто, который высказал целый ряд полезных замечаний. Доктор Мартин Диксон, профессор-ориенталист Принстонского университета, имеющий особый интерес к персидским штудиям, и профессор Р.Дж.Шорк, бывший в то время заведующим отделением классических исследований в Бруклинском колледже, также прочитали гранки и выразили полное одобрение этой в высшей степени революционной реконструкции истории периода, который охватывается в данном томе. Они оба предложили дополнительные сведения, связанные с областью их специальных исследований. Эдди Шорр, магистр классической археологии, посвятил много времени чтению гранок, сверив множество источников и предложив ряд изменений. Доктор Линн Э.Роуз, профессор философии Государственного университета в Буффало (штат Нью-Йорк), весьма великодушно уделал время последней сверке гранок перед отправлением их в печать, проявив небывалую самоотверженность. И этот перечень еще далеко не полон. Я выражаю благодарность каждому из них, но только я сам несу ответственность за свой труд, вплоть до последних мелочей.

Ни я, ни те, кто здесь упомянут, не придавали особого значения перечислению всех недавних исследований, если только они не шли вразрез с установившимися мнениями. Похоже, что большинство новых публикаций следуют столбовой дорогой, проложенной предшествующим поколением,

Вступление

Этот том, который является составной частью серии «Века в хаосе», посвященной реконструкции древней истории, может быть прочитан независимо от других томов. Весь период реконструкции охватывает двенадцать столетий, от конца Среднего Царства в Египте, которое, как я заявляю, синхронно Исходу израильтян из Египта, до прихода Александра Македонского, и даже дальше, вплоть до ранних Птолемеев — эллинистических правителей Египта. В настоящем томе рассматриваются последние два столетия этого периода.

«Века в хаосе. (Т. 1). От Исхода до Эхнатона», опубликованные в 1952 году, представили эту реконструкцию на материале шести столетий, заканчивающихся царствованием Иосафата в Иерусалиме и Ахава в Самарии и периодом эль-Амарны в Египте, незадолго до окончания восемнадцатой династии, которую я отнес к девятому веку. Обещание представить читателям в скором времени продолжение этой реконструкции было сделано вполне искренне: второй, заключительный том «Веков в хаосе» был уже в гранках. Но последующее решение расширить второй том до трех и даже четырех томов само по себе замедлило выполнение плана. (Завершающие историю восемнадцатой династии события стали темой моей книги «Эдип и Эхнатон», опубликованной в 1960 году.)

«Народы моря», как уже было сказано, охватывают приблизительно два века персидского владычества над Египтом и доходят, освещая завоевание Египта Александром Великим, до времени ранних Птолемеев. Внутри этого временного периода я располагаю двадцатую (династию Рамзеса III) и двадцать первую династии, которые обычно отодвигают на восемь веков назад. Ни в одной из других частей моей реконструкции нет столь значительного разрыва с общепринятой структурой хронологии событий.

После того как восемнадцатая династия сдвинулась по шкале времени более чем на пять столетий, первый том «Веков хаоса» убрал из ортодоксальной истории одну опору и возвел вместо нее другую. С передвижением двадцатой и двадцать первой династий на эпоху персидского владычества в Египте, что сдвигает их на целые века с их привычных мест, эта книга возводит еще одну такую опору. Если общепринятая история смещена с обоих концов, она уже не может вызывать с опасением середины.

Промежуточные тома «Веков в хаосе» (один из которых, «Рамзес II и его время», как раз сейчас готовится к печати) имеют дело как раз с этой самой серединой — девятым-шестым веками.

Разрастание первоначально задуманного второго тома «Веков в хаосе» до четырех томов, а именно: книг «Темные века Греции», «Ассирийское завоевание», «Рамзес II и его время» и «Народы моря» — может объяснить, почему ни одной моей книги не появилось между 1961 и 1977 годами. В свое оправдание я мог бы сослаться на «Кембриджскую древнюю историю», которая потребовала многих лет работы, объединила труд большого числа ученых, каждый из которых писал отдельную главу, и стала изданием хорошо оснащенным, снабженным редактором и целым секретариатом, в то время как я работал в одиночку и должен был сам заниматься разысканиями и письменным оформлением.

При этом армия ученых, заново написавших «Кембриджскую древнюю историю», не обновила и не изменила радикально этой истории, в то время как мне выпала задача сделать именно это. Такое сравнение может извинить мою медлительность. Но если это извинение является лишь частичным, то истина состоит в том, что космическая эра, начавшаяся в октябре 1957 года с запуском первого спутника, и годы, последовавшие за этим, с полетами Маринера и Аполлона, обратили мой интерес к астрономическим проблемам. В космологии стали высказываться мнения, что небесные тела Солнечной системы не пребывают на своих первоначальных орбитах, мирно повторяемых с начала времен, что земная ось изменила свою позицию, а день — свою длительность. В небесной механике неизбежно возникла идея, в соответствии с которой, кроме гравитации и инерции, существенную роль играют также электромагнитные поля и силы. Эти перемены в понимании природных явлений оказали существенную поддержку моим идеям, сформировавшимся еще в предшествующие десятилетия, и доставили мне определенное удовлетворение. Нетрудно понять, что открытие раскаленного состояния Венеры, покрывающей ее плотной облачности и ее атмосферы, достигающей у поверхности давления в 90 земных атмосфер, или путешествия на Луну и прогулки по ней, сопровождающиеся открытием сильного магнетизма в ее коре, мощной радиоактивности на определенных ее участках, вроде кратера Аристарха, непомерно высокой температуры под ее поверхностью, следов углеводорода и богатых запасов неона и аргона в ее породах, или изобилие в марсианской и лунной почве радиоактивных элементов — все это, уже заявленное в моих книгах и заметках, надолго отторгло меня от фараонов и ассирийских и персидских царей.

Возможно, мое промедление было связано и еще с некоторыми психологическими мотивами. Разве не все больше и больше археологов получают возможность прочесть первый том «Веков в хаосе», прежде

чем появится продолжение? И разве те, которые не поддадутся этому умственному порыву, не запутываются все в больших и больших противоречиях, не сталкиваются все с новыми тупиками? И разве не появятся в печати все новые и новые тома, от которых им лучше было бы воздержаться? Может быть, после некоторого горького опыта я испытаю счастье быть единственным обладателем знания, которое в последние годы я делал с немногими близкими единомышленниками, истинных путей истории?

Если такое самообвинение не состоялось, значит, мой интерес к проблеме реакций человеческого сообщества на травматический опыт прошлого, несомненно, заставил меня соблюдать осторожность, когда мои читатели заявляли, что я не выполнил обещания издать второй том «Веков в хаосе».

Но я в самом деле желал одного, прежде чем свод «Веков в хаосе» будет опубликован, — подтверждения путем радиоуглеродного исследования. Проблема углерода ^{14}C и ее приложение к хронологии древней истории в данном случае в высшей степени значимы, потому что после некоего космического катаклизма должно было произойти нарушение баланса C_{14} — C_{12} в гидросфере и биосфере. Я как-то уже занимался этой проблемой¹. Но я могу здесь признаться, что в течение двенадцати лет после публикации работы Либби «Радиоуглеродная датировка», которая появилась в том же самом году, что и «Века в хаосе» (1952), я тщетно пытался всеми возможными путями добиться, чтобы соответствующие предметы эпохи Нового Царства в Египте, в особенности восемнадцатой династии, подверглись углеродному тестированию². Только в 1963 году я добился, чтобы Каирский музей доверил мне три маленьких кусочка дерева из погребальной утвари Тутанхамона для тестирования в лаборатории Музея Пенсильванского университета. В то время как, по общепринятой хронологии, юный царь умер в 1350 г. до н. э.³, а в соответствии с моей реконструкцией — около 835 года, углеродный анализ указывал на 1030 г. до н. э. (или, по данным Либби, 1120 г.). Далее я написал доктору Элизабет К. Ральф из Музея Филадельфийского университета, задав вопрос, отражает ли углеродный возраст дерева время формирования его колец. Я предполагал, что если это так, то самый большой из трех кусков, тестированных одновременно (для одного теста необходимо 30 г), будучи очень древним кедром из Ливана, мог вызвать расхождение результатов. Если бы исследовался только недолговечный материал, такой, как тростник,

¹ Immanuel Velikovsky, «The Pitfalls of Radiocarbon Dating», *Pensée*, IVR IV, Spring-Summer, 1973, pp. 12ff.

² See the collection of letters called «ASH», *Pensée*, IVR VI, Winter, 1973—1974, pp. 5ff.

³ Согласно У. Кристоферу Хейнесу из Музея искусств Метрополитен.

зерно или папирус, то результат указывал бы приблизительно на 840 г. до н. э. Доктор Ральф подтвердила, что радиоуглеродный возраст — это отражение времени формирования колец, а не того момента, когда дерево было срублено.

Но на все это понадобилось еще семь лет. Весной 1971 года лаборатория Британского музея подвергла анализу тростник и зерно из могилы Тутанхамона (тростник из подстилки и зернышки из пальмы). Последнее показало на результат 899 г. до н. э., а первый — 846 г. до н. э. Я узнал об этих цифрах из письма доктора Эдвардса, эксперта-египтолога из Британского музея, направленного доктору Майклу из музея Пенсильванского университета 6 апреля 1971 года¹. Британский музей не опубликовал полученные им результаты, как первоначально было договорено, вероятно, на основе подозрения, что, ввиду такого расхождения с установленными датами, тростник и зерна могли оказаться попорченными, хотя склеп Тутанхамона оставался нетронутым с момента погребения до того, как был вскрыт Ховардом Картером в 1922 году, а все содержащиеся в нем предметы переданы в Каирский музей. Не проникала в могилу и вода.

Было бы вполне естественно, имея в виду такие результаты, которые были предсказаны мною задолго до этого, повторить тест на каких-нибудь других предметах из погребального убранства Тутанхамона. Но если такие тесты и были сделаны, то об их результатах не объявлено.

Было бы полезно сравнить углеродный возраст слоновой кости из могилы Тутанхамона с возрастом слоновой кости из крепости Салманасара III близ Нимруда. Если катаклизмы восьмого — начала седьмого вв. могли воздействовать на результаты углеродной датировки, то два образца слоновой кости, которые мне представляются почти современными (с отклонением на два или три десятилетия), должны представить такие же результаты. Я бы не удивился, если бы в огромной куче изделий из слоновой кости в военной крепости Салманасара обнаружили бы один или несколько оригиналов писем эль-Амарны.

Дело не в том, что эта работа по реконструкции нуждается в подтверждении углеродными тестами: я считаю ее достаточно обоснованной, чтобы рассматривать как средство проверки эффективности указанного метода, а не наоборот. Но у многих, кто занимается историей и археологией, такое подтверждение, не раз повторенное, вызвало бы желание изучить предложенную мной реконструкцию, прочитав в первую очередь книгу «Века в хаосе». И возможно, это способствовало

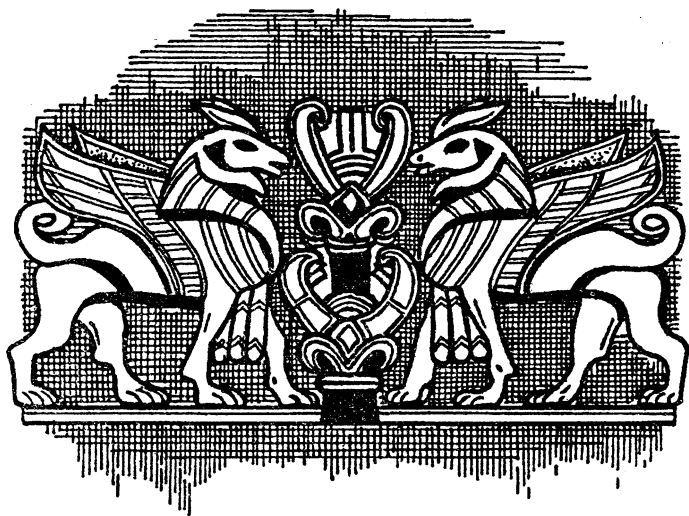
¹ Копия этого письма была дана доктором Эдвардсом г-ну Брюсу А. Мейнуорингу из Колледжтауна (Пенсильвания) на случай его поездки в Лондон с целью оказать воздействие на Британский музей, чтобы он провел тесты для проверки результатов моей работы по реконструкции хронологии.

бы обнаружено многих углеродных датировок, которые не появлялись в печати из-за того, что их результаты на полтысячелетия или даже больше расходились с общепринятыми.

С течением времени другие методы определения возраста (например, термосвечение неорганических материалов — черепицы, стекла, керамики) могут представить данные для разрешения спора между реконструированной и канонизированной версиями истории. Так, например, черепица из дворца Рамзеса III (см. главу 1) может дать прекрасный материал для термолюминесцентного определения ее возраста.

Читатели этой книги встретят немало сюрпризов. «Народы моря», которые сражались в Египте, были не бродягами двенадцатого века, а наемниками четвертого века, главным образом из Малой Азии и Греции времен Платона. Александр Великий посетил святилище оракула Амона в Ливийской пустыне, и историки говорят, что мы никогда не узнаем, что здесь произошло, потому что Александр никогда об этом не говорил. Но читатель этой книги об этом узнает, так как в ней представлено сообщение о том, что произошло, составленное жрецом этого оракула. И еще один жрец-князь, Си-Амон, которого обычно относили к десятому веку и иногда считали возможным тестем царя Соломона, оказывается, жил при Птолемеи II в третьем веке.

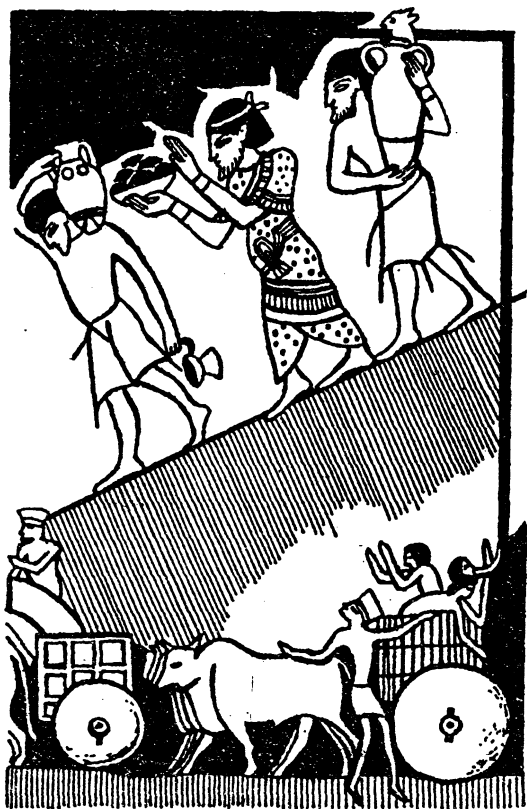
ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Двенадцатый или четвертый век?

Схема событий

Схема событий, предлагаемая в каждой книге по древней истории, представляет начало двенадцатого века как время огромных потрясений в жизни народов Восточного Средиземноморья — района, обычно известного как Древний Восток. Согласно этой схеме, на территории древних цивилизаций обрушились орды народов с сумрачного севера и превратили в руины все, что составляло их богатство и великолепие. Порядок был превращен в хаос, изобилие сменилось нуждой и обнищанием народов, оставивших позади славу собственного прошлого на волне миграции и пересекших границы других народов. Микенская культура, центром которой были греческие Микены и которая охватывала Эгейские острова, пришла к концу. Троянская война рассматривается многими учеными как одно из заключительных следствий общего брожения, вызванного миграционными волнами, лишившего народы целых стран их корней.

Эта схема предусматривает также, что после Троянской войны, всего через несколько лет, вооруженные орды, организованные в той мере, чтобы называться армиями, достигли Египта, в котором в это время правил Рамзес III.

Рамзес III обычно считается последним великим фараоном императорской эпохи в Египте. Три великих династии Нового Царства, восемнадцатая, девятнадцатая и двадцатая, прошли через апогей и упадок. И подобно тому, как Тутмос III был величайшим завоевателем на троне восемнадцатой династии, Аменхотеп III — самым богатым из фараонов, а Сети I и Рамзес II — самыми великими воинами девятнадцатой династии, так Рамзес III, и только он, был героическим монархом двадцатой династии. С кон-

цом этой династии наступает эпоха, которая завершилась поздним периодом Позднего Царства, в отличие от Царства Нового. В этой установившейся схеме Позднее Царство охватывает период между концом двадцатой династии в последние годы двенадцатого века и угасанием последней династии местных царей — Тридцатой — за десять лет до завоевания Египта Александром Македонским.

Согласно подсчетам современных историков, Рамзес III начал царствовать в 1200 г. до н. э. или только чуть позже этой даты¹. Главным событием его царствования было успешное противодействие армиям, движущимся с севера. Охваченные победным пылом, северные орды подошли к самым воротам Египта — самого большого и самого величественного царства. Во все века Египет был заветной целью завоевателей — Эсархаддона и ассирийского Ассурбанипала, персидского Камбиза, Александра Македонского, римлянина Помпея, араба Омара, турка Селима и Наполеона. И еще раньше их неизвестные вожди или группы вождей водили свои войска попить воды из Нила. Но Рамзес III восстал против этого. Он сражался с захватчиками на земле и на море и обратил вспять волну, которая грозила поглотить Египет.

Эта война известна как война против народов моря, или народов островов, как называл их Рамзес III². В Египте сохранились исторические тексты и многочисленные иллюстрации, высеченные в камне, которые восславляют эту войну и конечную победу фараона. Но о нашествии армий захватчиков на земли Ближнего Востока перед их появлением у границ Египта ни из каких исторических источников, письменных или археологических, ничего не известно. Только на основании косвенных данных был сделан вывод: микенская Греция, хеттская империя и многие другие мелкие царства были уничтожены странствующими завоева-

¹ Э.Мейер относит начало царствования Рамзеса III к 1200 г. до н. э., Алан Г. Гардинер (*Egypt of the Pharaohs*, 1961) — к 1182, Роутон (*Journal of Egyptian Archaeology*, Vol. XXXIV) — к 1170.

² Когда Рамзес III говорит о «народах моря», он выделяет Tjeker, Shekelesh, Teresh, Weshesh и Sherden (или Sardan); «народами островов» он называет Denien.

телями — народами моря. Этот вывод был сделан на том основании, что почти все царства и империи прекратили свое существование примерно в 1200 г. до н. э. Дело в том, что в последующие четыре или пять веков не имеется никаких сведений о них и никаких следов их существования, и даже никаких признаков обитаемости этих земель.

Что может показать Греция и ее острова, включая Крит, за период с 1200 по 750 или даже 700 г. до н. э.? После окончания микенского периода и падения Трои историю этих земель обволакивает тьма, и первые лучи света проникают сюда с началом греческого, или ионического, периода, примерно в 700 г. до н. э. Внезапно, как будто ниоткуда, приходит гомеровская поэзия, и глубочайшее знание поэтом мельчайших деталей жизни микенской эпохи, отстоящей во времени примерно на пять-десять веков, является постоянным поводом для удивления ученых и предметом бесконечных дискуссий.

Столетия с 1200 до 750 г. до н. э. называли «темными веками». Они не были темными в том смысле, в каком этот термин применяется к периоду европейской истории между концом Римской империи в 475 году и войнами крестоносцев на Востоке: эти столетия с конца пятого до середины тринадцатого века нашей эры представляли регресс в области науки, торговли, государства и права, в сравнении со временем Римской империи, но они обильно представлены историческими материалами и письменными свидетельствами. В отличие от этого, «темные века» между 1200 и 750 г. до н. э. действительно являются темными, поскольку от этого времени не сохранилось никаких документов ни в Греции, ни на Крите, ни в Эгейском регионе, ни в Малой Азии.

Такой порядок вещей никогда не вызывал вопросов. Однако следование ему порождает множество трудных проблем, которые или не решаются или решаются ценой создания дополнительных трудностей. С некоторыми из них мы столкнемся в этой работе.

Учеными, работавшими над этой проблемой, установлено, что народы моря пришли из Эгейского региона, и поскольку ареной действия является начало двенадцатого

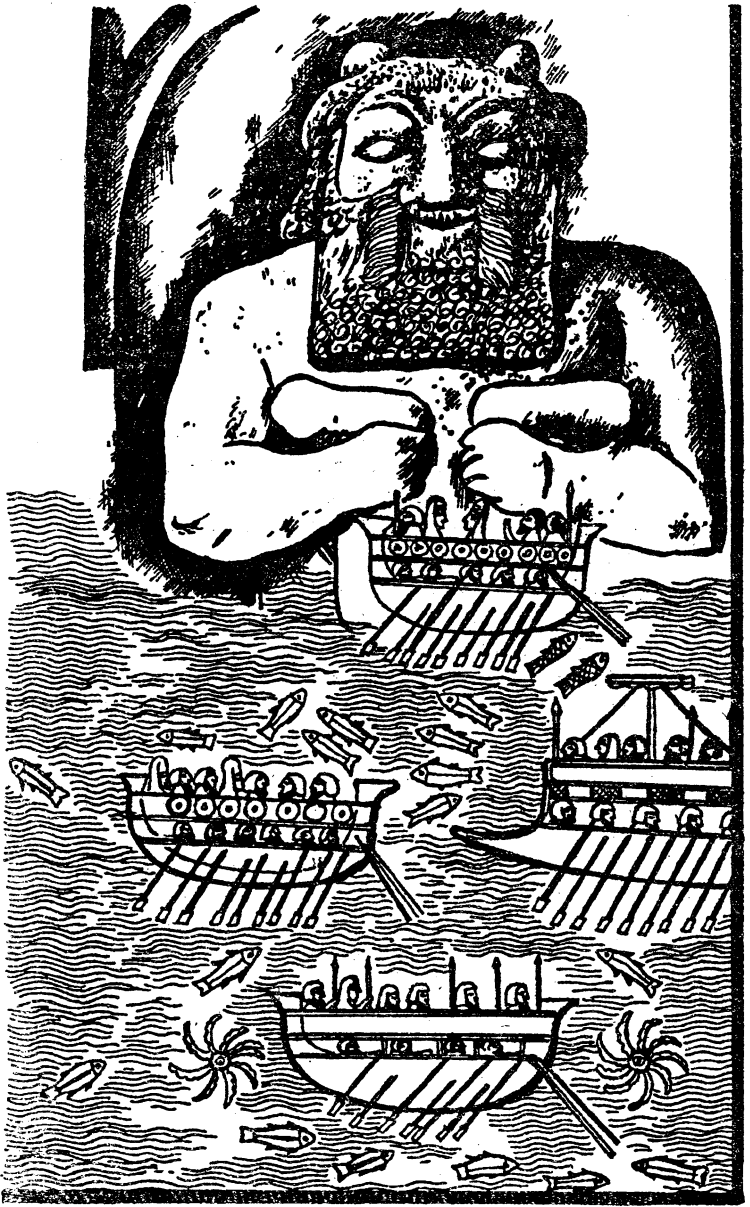
века, они должны были быть микенскими греками и их союзниками, покинувшими свои родные земли. Рамзес III перечисляет отдельные племена, из которых состояли народы моря, и были предприняты усилия, чтобы соотнести их с различными ахейскими племенами ранних времен,

За падением Трои последовала миграция, отзвуком которой являются странствия Одиссея из лагеря ахейцев и Энея, уцелевшего троянца. Хотя Одиссей посетил Египет, не потревоженный войной, было высказано предположение, что какая-то большая миграционная волна принесла ахейцев по суше и морю в царство на Ниле.

Кроме народов моря, в войне против Египта участвовало и еще одно мощное племя прекрасно оснащенных воинов, которое называлось *Pereset*. О них упоминалось под этим названием, и они выделялись своим одеянием. Возможно, они руководили этой экспедицией, а народы моря были их наемниками.

Существует мнение, что филистимляне, не упомянутые как участники осады Трои, принимали участие в последующих миграциях и войнах, и основанием для такого утверждения является фонетическое сходство названий *Philistines* и *Pereset*. Их войны с Египтом в эпоху правления Рамзеса III связываются со временем их появления на палестинском побережье, и это появление, незадолго до завоевания Израилем гористой части этой страны, рассматривается в связи именно с этими событиями. Такая точка зрения обязывает изменить дату вступления израильтян в Ханаан на время после 1200 г., и у нее есть сторонники. Согласно такой схеме, эпоха Судей охватывает примерно чуть более века, тогда как традиционно она составляет четыре столетия.

Чтобы раскрыть истинное отношение между микенской, библейской и египетской цепью событий, нужно заново исследовать исторический материал, оставленный Рамзесом III. Сначала мы займемся его дворцом в Тель эль-Иахудия, ближе к северному краю Дельты, а потом его надгробным храмом в Мединет-Абу на противоположной стороне Нила от Луксора и Карнака.

Греческие буквы на изразцах Рамзеса III

Тель эль-Иахудия, или «Рот еврея», — это арабская деревушка на востоке Дельты, в двадцати милях к северо-востоку от Каира по дороге в Измаилию. Свыше девяноста лет назад швейцарский египтолог Эдуард Невилл раскопал там руины дворца Рамзеса III. Когда-то его стены украшали раскрашенные и глазурованные изразцы. Они в большом количестве были обнаружены в этом месте странствующими археологами, а также Эмилем Бругшем из египетского департамента древностей — еще до Невилла, который начал вести здесь раскопки с помощью Ф.Л.Гриффита. На изразцах были богатые рисунки, главным образом растительные, и некоторые из них носили иероглифическое имя Рамзеса III. На обратной стороне этих изразцов были обнаружены нечеткие знаки: они были похожи на инициалы художника, который их изготовил, и нанесены еще до обжига.

Не было никаких сомнений в том, что знаки на многочисленных изразцах во дворце Рамзеса III в Тель эль-Иахудии представляли собой греческие буквы. «Наиболее важная особенность состоит в том, что на обратной стороне некоторых из этих изделий имеются греческие буквы, очевидно, оттиснутые в процессе изготовления», — писал Т.Х.Льюис, ориенталист и эксперт-искусствовед, на чей суд были отданы эти изразцы¹.

Но как могли использоваться греческие буквы в эпоху Рамзеса III, в начале двенадцатого века до нашей эры? Греческий алфавит возник из финикийского или еврейского намного позже. До 750 г. никаких его следов не обнаружено в Греции, на островах или в Малой Азии. Проблема греческих букв на изразцах Рамзеса III не может быть решена, даже если предположить, что греческий алфавит

¹ Т.Н.Левис, «Tel-el-Yahoudeh,» *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, VII, 1881 (1882), p. 182.

возник из финикийского не в седьмом, восьмом или девятом веке, но на несколько столетий раньше. Дело в том, что греческие буквы на египетских изразцах выглядят не так, как ранние греческие буквы седьмого века, а так, как классические буквы времен Платона.

Судя по этим буквам, изразцы должны были быть изготовлены в один из последних веков до нашей эры. Особое начертание буквы «альфа» было введено только тогда¹, и формы некоторых других букв также указывают на последнее столетие. Например, «сигма» обозначалась как С, а не как Σ. Учитывая эти очевидные факты, ученые сначала решили, что эти изразцы были изготовлены в последнем столетии Позднего Царства (четвертый век до нашей эры), возможно, даже в период греческого правления, начавшегося после Александра Великого в эпоху Птолемеев.

«Греческие буквы, и в особенности «альфа», обнаруженные на обломках и дисках, не оставляют никаких сомнений в том, что эта работа была выполнена в последние века египетской империи и, возможно, в эпоху Птолемеев; но трудности начинаются, когда мы задаем вопрос, кто был автором этой работы»². Так писал Эмиль Бругш.

В самом деле, кто же был автором этой работы? Имеется существенное несоответствие: судя по титлам и наружному орнаменту, изразцы были сделаны в эпоху Рамзеса III; но судя по греческим буквам на обратной стороне, самой ранней датой является четвертый век.

«Любопытны диски, которые были обнаружены в таком большом количестве; некоторые из них имеют на обратной стороне греческие буквы, а некоторые — египетские значки. Греческие буквы указывают на то, что в течение какого-то времени к этой работе привлекались и чужеземцы... Маловероятно, чтобы поздние цари, такие, как представители саитской династии или Птолеми, стали бы строить для своего предшественника Рамзеса III такие прекрас-

¹ T. H. Levis, «Tel-el-Yahoudeh», *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, VII, 1881 (1882), p. 189.

² E. Brugsch, «On et Onion», *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*, VIII (1886), p. 5.

ные покои, стены которых были украшены не только изображениями растений и животных, но и картинами военных подвигов Рамзеса III». Так писал Эдуард Невилл¹.

Дилемма была очень проста, но неразрешима: греческие буквы не могли быть написаны в эпоху Рамзеса III в начале двенадцатого века; они могли появиться только в последние десятилетия египетского царства или в последующую эпоху Птолемеев. Но эти изразцы должны были быть изготовлены ремесленниками Рамзеса III, и царское имя этого фараона украшает их лицевую сторону. Существует ли возможность разделить эти изразцы и отнести часть из них к эпохе Рамзеса III, а другую часть — к более позднему времени?

«Эта проблема связана с большими трудностями. Метки на керамике включают, помимо вполне определенных букв, несколько иероглифических знаков и следующие буквы, которые можно счесть (заглавными) греческими буквами А Е І Λ Μ Ο Σ Τ Χ... Я обнаружил Т на задней стороне головы пленника, а на одном из подобных же изделий к кольцу была прикреплена бирка с именем Рамзеса III... Я не вижу возможности четко классифицировать их по датировке. *Иероглифы и рисунки относятся к эпохе Рамзеса III, но на изразцах с рисунками имеются греческие буквы*»². Так писал Ф. Л. Гриффит, участник экспедиции Невилла.

Значки, сходные с обнаруженными в Тель эль-Иахуди, были найдены в литейных формах в Квантире — одной из царских резиденций Рамессидов в Дельте. Эти формы, по оценке археологов, могли быть на пятьдесят-сто лет старше, чем изразцы из дворца Рамзеса III в Тель эль-Иахуди. Идея реставрации при Птолемеях должна быть отвергнута. «Вопрос о происхождении фаянсовых дисков в Тель эль-Иахуди ныне решен... Они, несомненно, принадлежат эпохе Рамзеса III и не имеют никаких признаков реставрации Птолемеями». Так писал Махмуд Хамза, араб-

¹ E. Naville, *The Mound of the Jew and the City of Onias*, Egyptian Exploration Fund, 1887 (1890), p. 6—7.

² F. L. Griffith, «The Antiquities of Tell-el-Yahudiyeh», in Naville, *The Mound of the Jew*, p. 41. Курсив мой.

ский египтолог¹. Но категоричность этого суждения никак не изменила формы греческих букв, которые характерны для четвертого века до нашей эры.

Были предложены два объяснения того факта, что греческие буквы были высечены на обороте изразцов двенадцатого века в процессе их изготовления.

«Наибольшие затруднения в ранних перечнях этих изделий вызывало наличие «греческих букв» на обратной стороне многих изразцов», — писал сэр Флиндерс Петри². Согласно одному из предложенных им объяснений, греческие буквы еще ранее существовали в Египте³. Это предполагает, что египтяне, которые пользовались иероглифами, имели также алфавитное письмо, использовавшееся только в редких случаях для нанесения знаков на кувшинах, изразцах или кирпичках. Это письмо, вероятно, было известно в Египте в течение тысячи лет или целых тысячелетий. Оно никогда не использовалось для записи египетского текста. Позже финикийяне и греки заимствовали это письмо у египтян.

Эта теория давно забыта. Археологические и эпиграфические исследования не предложили ничего в ее поддержку: все было против нее. Развитие еврейско-финикийского письма, его перемещение в Грецию, дальнейшее развитие вплоть до формирования латинских букв, не отличающихся от тех, которыми мы ныне пользуемся, — все это изучено в той степени, что не остается и тени доверия к теории Петри.

Выход из трудной ситуации, как казалось, мог бы быть найден, если бы подлинность этих греческих букв могла быть оспорена. После того, как многие знаменитые ученые один за другим в течение пятидесяти лет читали эти буквы на изразцах как греческие, появилась новая идея, и была

¹ Mahmud Hamza, «Excavations of the Department of Antiquities at Qantir, 1928», *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*, XXX (Cairo, 1930), p. 58.

² W.M.Flinders Petrie, *A History of Egypt from the XIXth to the XXXth Dynasties* (1905), p. 160. Cf.G.A.Wainwright in F.Petrie, ed., *Ancient Egypt* (1917), p. III.

³ Petrie, *The Formation of the Alphabet* (London, 1912).

предпринята попытка истолковать их как иератические знаки¹. Иератическое письмо использовалось жрецами как упрощенное плавное написание, при котором иероглифы лишались своих орнаментальных рисунков и украшений. Из примерно десяти тысяч знаков иератической палеографии², которая охватывает наиболее разнородные и специфические формы, использовавшиеся в многообразных почерках целых поколений писцов, лишь немногие могут претендовать на сходство с греческими буквами. Несмотря на то, что десять тысяч знаков поворачивались в различных направлениях, чтобы облегчить сравнение, они вовсе непохожи на греческие буквы.

Α Ε Ι Λ Μ Ο Σ Τ Χ

Υ ^{top} ^{mm} ^{mm} / ^{top} Ω □ ▲ ×

Чтобы иллюстрировать это, я представляю здесь «эквиваленты» Махмуда Хамзы. «Альфа», перевернутая основанием кверху, интерпретировалась как новый иероглифический знак в форме лотоса, хотя он никогда прежде не встречался ни на папирусе, ни на камне и, разумеется, не включен в полный каталог иератических знаков. Следует также учитывать, что на задней стороне изразцов имеется еще и множество других букв и знаков и что почти все они представляют собой четко очерченные греческие буквы. Как могло случиться, что все эти многочисленные иератические знаки были отброшены, а использовались только те, которые казались похожими на греческие буквы?

Греческие буквы, обнаруженные на египетских изделиях, отнесенные ко времени за четыре или пять веков до Гомера, то есть предположительно к эпохе или предшествующей, или современной полулегендарной осаде Трои, не прекращали вызывать недоумение. Пользовались ли Ахилл и Одиссей, а также и ремесленники греческим ал-

¹ M. Hamza, *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*, XXX (Cairo, 1930) p. 58.

² G. Moller's *Hieratische Paläographie* (2nd ed., 1927—36) содержит 2145 иероглифических знаков и около 10 000 соответствующих иератических форм.

фавитом? Почему ни в Финикии, ни в Малой Азии тринадцатого и двенадцатого веков не было обнаружено никаких греческих надписей, выполненных финикийским письмом? И самое главное: как могли греческие ремесленники в Египте в двенадцатом веке до нашей эры использовать буквы с начертанием, которое появилось на восемь или девять веков позже?

Проблема классических греческих букв на изразцах Рамзеса III, относящихся к двенадцатому веку, и более древних греческих букв, датированных столетием ранее, так и не была решена и воспринималась во многом как некое парапсихологическое явление. «Когда-нибудь забрезжит свет вокруг этой тайны», — писал один из вышецитированных ученых, когда он осознал масштаб этой проблемы и возникший тупик¹. Но вот уже три поколения исследователей уходят от нее, не предлагая никаких решений.

Мы занимались главным образом обратной стороной этих изразцов. Теперь мы перевернем их лицевой стороной и рассмотрим рельефные рисунки на голубом поле, которое равномерно и изящно покрыто глазурью вместе с рельефами.

Невилл говорит: «Эта работа поразительно напоминает персидское искусство как современное, так и древнее. В Персии, как кажется, оно достигло гораздо более высокого уровня, чем в Египте»². Это наблюдение добавляет к «греческой проблеме» еще и «персидскую», если иметь в виду, что эти изразцы были изготовлены более чем за шесть столетий до завоевания Камбизом Египта. Греки впервые пришли в Египет и обосновались там в эпоху Псамметиха, в седьмом веке, согласно Геродоту, который сам посетил Египет в пятом веке. Персы достигли Египта в конце шестого века и оставались там с короткими промежутками до 332 г. до н. э., когда были изгнаны Александром.

Если, проводя раскопки в поле, вы находите в земле несколько образцов древнего оружия с геральдическими

¹ Griffith in Naville, *The Mound of the Jew*, p. 41.

² Naville, *The Mound of the Jew*, p. 6. His authority is T.H.Lewis, *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, VII, 1881 (1882), p. 188.

эмблемами какого-то древнего царя, который умер восемь веков назад, а на внутренней стороне этого оружия вы обнаруживаете четкое торговое клеймо шеффилдской мануфактурной фирмы викторианских времен, и если вы уверены, что не являетесь жертвой нахального шутника, а лучшие эксперты заверяют вас, что это оружие было сделано для Ричарда Львиное Сердце, а другие эксперты, столь же безупречные в своей области, заверяют вас, что торговая марка подлинная и что шеффилдская фирма, которая ею пользовалась, не существовала ранее периода Ганноверской династии в Великобритании, тогда вы тоже повторите вслед за Гриффитом, имя которого стало одним из самых значительных имен в египтологии, те самые слова, что мы цитировали на предшествующей странице: «Эта проблема связана с большими трудностями». Однако есть шанс, что вам захочется последовать мнению экспертов, занимавшихся торговой маркой шеффилдской стали.

Некрополь: двенадцатый или четвертый век?

На расстоянии одной мили от Тель эль-Иахудии Невилл и Гриффит обнаружили некрополь, древнее местное кладбище с несколькими небольшими искусственными холмами или курганами, выстроенными из базальтовых блоков и песка. Почти все эти могильные курганы в прошлом были ограблены искателями утвари, скарабеев* и драгоценностей. В каждом случае могила состояла снаружи из больших необработанных плит; сводчатая крыша была сделана из плит, подпирающих друг друга. Внутри располагался терракотовый гроб в форме закутанной мумии, сделанный из монолитного куска, с большим отвер-

* Скарабей — имеются в виду керамические фигурки или металлические пластинки с изображением жука-скарабея. У древних египтян служили как украшения или амулеты. — *Прим. ред.*

стием для головы, через которое закладывали тело, как кажется, не мумифицированное. «После того, как это было сделано, голова покрывалась маской, на которой воспроизводились черты лица, волосы, а иногда даже руки. Лица делались очень грубо, в стиле многочисленных гробов, обнаруженных на поздних кладбищах Эрмента или Александрии»¹. Некоторые из этих могил были «ограблены неумело», потому что археологи нашли в них бронзовые блюда, а также маленькие горшки с двойной ручкой на крышке и «прекрасные образцы так называемых кипрских «походных бутылей». Одна могила — она оказалась детской — была нетронута: в ней обнаружили фарфоровое ожерелье, стеклянных птиц и кольцо с вставленным в него маленьким скарабеем. На груди ребенка находилась маленькая кипрская ваза, помещенная на его сердце в момент захоронения.

Большинство гробов были раскрашены. «Краски, порой очень живые, — писал Невилл, — вскоре исчезли после соприкосновения с воздухом. Роспись оказалась очень грубой, как на мумиях греческой и римской эпохи». На ней воспроизводились мумии, обернутые в холст (мертвые не мумифицировались, но мумии рисовались на гробах). Нарисованы были также ленты с иероглифами и могильные духи с головами крокодилов. Обнаружилось, что иероглифы на гробах являются «весьма несовершенными»: «сразу бросается в глаза, что они относятся к очень поздней эпохе». В некоторых случаях эти иероглифы казались «просто элементом орнамента», не требующим прочтения и не обладающим смысловым содержанием.

«Эти надписи ясно указывают на то, что эти гробы относятся к поздней эпохе, что подтверждается полным отсутствием каких-либо признаков мумификации». Иероглифическое имя на гробу, еще частично поддающееся прочтению, оканчивается греческими буквами *οζ*. «Иероглифы, написанные на этих гробах, так небрежно выполнены, что чрезвычайно трудно определить точную дату этих захоронений, хотя общий стиль указывает на греческий или

¹ E.Neville, *The Mound of the Jew*, p. 16.

римский период». Невилл продолжал: «Я готов был считать их современными некоторым еврейским захоронениям, которые, судя по стилю письма на табличках, должны быть отнесены или к эпохе поздних Птолемеев или к началу римской эпохи». Это замечание связано с другим кладбищем, которое находится немного ближе к Тель эль-Иахудии и где могилы были высечены в скале с нишами для захоронений. В них было найдено несколько табличек с надписями на греческом языке — эпитафий с именами умерших, среди которых Глаусиас, Агатокл, Аристокл, Онезимос, Трифана, Эйрас, т. е. чисто греческие имена, «которые можно встретить в любой стране, где говорили на греческом». Но кроме того, встречались «греческие формы еврейских или чисто еврейские имена». Невилл считал весьма вероятным, что оба кладбища принадлежат одному времени, по крайней мере, оба они датируются не ранее эпохи греческого владычества в Египте, а еврейское кладбище — не ранее эпохи поздних Птолемеев.

В кратком предисловии к своей книге, содержащей отчет об этих раскопках, которую он опубликовал в соавторстве с Гриффитом, Невилл писал: «Читатель заметит, что наши мнения относительно датировки предметов, обнаруженных в некрополе Тель эль-Иахудии, расходятся. Каждый из нас полностью отвечает за позицию, которой он придерживается и которую мы представляем на суд читателей». Так завершается его предисловие.

И расхождение мнений действительно оказалось очень значительным. Всего через двадцать страниц после только что цитированных высказываний Гриффит таким образом описал тот же самый некрополь в пустыне: «Здесь находятся тела в гробах, сделанных из раскрашенной керамики, которые лежат на поверхности естественных или искусственных базальтовых блоков или прямо на песке пустыни. Вокруг каждого гроба, который защищен примитивной аркой (из кирпичей), разложено определенное количество глиняной и бронзовой утвари, после чего все погребение было засыпано слоем камней и песка толщиной почти в два фута». Эти груды свободно наваленных базальтовых блоков создавали небольшой могильный курган.

«Гробов много, и они лежат рядами, параллельно друг другу. Мы обнаружили, что в древние времена они подвергались грабежу, и почти все гробы взрослых оказались открытыми и расхищенными. С другой стороны, детские могилы оказались нетронутыми: воры хорошо знали, что они не содержат ничего ценного. В одной из них были найдены два глиняных скарабея, носящих имя Рамзеса III и являющихся, таким образом, самым убедительным доводом для уточнения датировки этого могильного кургана».

В одной из могил были найдены два скарабея, «оправленных в серебро и золото». «На одном из них было грубо высечено имя Сетнехта (отца Рамзеса III)». Другой скарабей носил имя Рамзеса VI, одного из ближайших преемников Рамзеса III. Гриффит описал содержимое отдельных могил и обнаруженные в них вазы, кувшины и бутылки различных форм, а также бронзовые сосуды. В детских могилах, кроме скарабеев, находились стеклянные ожерелья и глазурированная керамика. В двух могилах, которые были описаны последними, на керамике были обнаружены несколько знаков, похожих на буквы M и C. Они были нанесены на вазу перед ее обжигом. Но никаких выводов из этого сделано не было, так как Гриффит написал: «Предметы в обеих этих могилах принадлежат той же эпохе, что и все прочие, т. е. к эпохе XX династии». Свой отчет он завершил следующими словами:

«Общий итог раскопок в этих могильных курганах продемонстрировал, что они принадлежат к эпохе XX династии», точнее середине этой эпохи. «Из семи первых курганов ни один не оказался более поздним или более ранним, а обнаруженные скарабеи с именами Рамзеса III и Рамзеса VI, вкупе с тем обстоятельством, что наиболее поразительный образец керамики, так называемая «ложная амфора», обнаружен также на росписях в могиле Рамзеса III, указывают на точную дату».

В могиле Рамзеса III, которая находится на расстоянии более трехсот миль, в Фивах, в Долине Царей, на стенах были нарисованы очень похожие амфоры (кувшины с двумя ручками и очень узким горлом). Но Невилл заявил, что кипрский керамический сосуд, обнаруженный в могильных курганах пустынного некрополя, безошибочно

указывает на позднюю датировку этих захоронений, и он при этом ссылался на тот факт, что Флиндерс Петри «уже обнаружил подобные экземпляры в Небеше», греческом военном поселении в Дельте, которое находится на расстоянии одного дня пути от Деффене (Дафны). Греки впервые поселились в Египте в седьмом веке.

Гриффит также писал: «В тот период, когда был построен царский зал (Рамзеса III), в городе (на месте Тель эль-Иахудии) должно было находиться немало зажиточных людей, которые могли себе позволить достойное захоронение в этих курганах». Зал фаянсовых дисков, описанный ранее, относился к тому же времени, что и кладбище.

Теперь мы снова перед той же проблемой — как в связи с кладбищем, так и в связи с залом. Датируются ли эти могилы временем Рамзеса III, т. е. двенадцатым веком до нашей эры, как уверенно заявил Гриффит? Или эти могилы принадлежат греческой, а может даже римской эпохе, как не менее уверенно заявил Невилл?

Между эпохой Рамзеса III и временем первых греческих поселений в Египте прошло более пяти столетий; но Невилл, сравнивая росписи на гробах в могильных курганах с росписями греческой и римской эпох, имел в виду время, когда греческое влияние в Египте уже сильно возросло, т. е. четвертый век, или даже эпоху Птолемеев, которая началась после смерти Александра в 323 г. до н. э. и продолжилась до первого века до н. э., когда во времена Помпея и Клеопатры она сменилась римской оккупацией и соответственно римским влиянием.

Несомненно, мы вновь сталкиваемся с одной и той же проблемой. Обитатели этих могил жили или при Рамзесе III в первой половине двенадцатого века, как свидетельствуют скарабеи этого фараона и его отца, а также амфоры, или они жили в четвертом веке или даже позже: разрыв составляет по меньшей мере восемь столетий.

Весьма странно, что в одних и тех же обстоятельствах археологи вторично сталкиваются с одной и той же дилеммой. И это были не любители, не новички, легкомысленные и задиристые. В анналах франко-швейцарской археологии имя Невилла одно из известнейших. А имя Фрэнсиса Гриффита стало одним из ярчайших в созвездии британ-

ских египтологов. Они поставили проблему возраста этих могильных курганов перед читателями, но на каком основании должен решать читатель, если в руках у археологов, которые вели раскопки, изучали все на месте и описали свои находки, были все данные? Совершенно очевидно, что имелись основания для датировки временем Рамзеса III, т. е. двенадцатым веком. Но столь же очевидно, что были основания и для датировки греческим периодом¹.

Проблема не решена. Вместо того, чтобы искать в этом некрополе разгадку греческих букв на изразцах Рамзеса III, мы получаем всего-навсего головоломку, которую задают читателям в одной и той же книге два археолога, отстаивающие противоположные позиции.

Египетский данник Арсы, чужеземца

Поскольку имеются два аналогичных и сбивающих с толку вывода исследователей в отношении датировки фарфоровых изразцов из дворца Рамзеса III в Тель эль-Иахудии и могильных курганов на ближайшем кладбище, следующим верным шагом должно было бы стать обращение к текстам, которые сохранились от эпохи этого фараона. Он оставил пространные надписи, выбитые в камне, сопровождавшиеся рисунками на барельефах, на стенах своего погребального храма в Мединет-Абу в Западных Фивах. В них рассказывается прежде всего о его военных подвигах. Он оставил также тексты на папирусе. Самый длинный из них имеется на так называемом папирусе Харриса, который ныне находится в Британском музее — это самый длинный из существующих папирусов. Это поистине

¹ У.Ф.Олбрайт решительно принял точку зрения Гриффита. «An Anthropoid Clay Coffin from Sahab in Transjordan», *American Journal of Archaeology* (1932), p. 302—304.

величественный документ, вовсе не переписанная копия, имеющий 133 фута в длину и 16,5 дюймов в высоту и включающий 117 колонок иератического текста, или плавного письма, которое использовалось главным образом для религиозных текстов¹. Этот документ является своего рода завещанием царя и выражением его последней воли. Было также высказано предположение, что он был составлен от имени Рамзеса III его сыном и преемником, хотя и не первенцем, известным современным историкам как Рамзес IV². О царе, хотя повествование и ведется от первого лица, говорится так же, как о «боге» — обращение, принятое по отношению к умершему царю, хотя нам известны случаи, когда о царствующем монархе говорили как о «боге». Этот папирус перевозит дары Рамзеса III, сделанные храму Амона-Ре, Мут и Хэнсу, фиванской триады, а также храмам Гота в Гермополисе, Осириса — в Абидосе, Сутеха — в Омбосе, Птаха — в Мемфисе, Гора — в Атрибе, Ре — в Гелиополе и во многих других святилищах, некоторые из которых также были выстроены по его распоряжению. Его щедрость описывалась в мельчайших деталях, и таким образом гарантировалась благосклонность богов и могущественного жреческого клана. Текст написан разными почерками и заключается обзором прошедших времен, предшествующих Рамзесу III и Сетнахту, который избрал его своим преемником. Подчеркивается, что царь обеспечил безопасность своих земель. И пехота, и колесницы, и наемники ныне бездействуют, потому что царь победил всех своих врагов и принес мир на свою землю, засадил деревьями долину Нила, привез мирру с «большого моря с опрокинутой водой» (мы установим, что это Мертвое море), доставил медь из «Атики» на кораблях этой страны (и об этом пока не установленном месте мы поговорим позже) и превратил Египет в восхитительный край: «Я добился, чтобы любая египетская женщина свободно ходила в любом месте

¹ Факсимильное издание этого текста осуществил С.Бирч в 1876 г. Он был переведен на английский Дж.Брэдстедом, *Ancient Records of Egypt* (1906—1907), IV, Secs. 182—412.

² W.Struve, in *Aegyptus*, VII (1926), 3ff.

и чтобы к ней не приставали на дорогах». Свиток заканчивается приказом и призывом, обращенным ко всем государственным лицам и военачальникам, проявить полную лояльность по отношению к его сыну и наследнику Рамзесу IV.

С исторической точки зрения наиболее важной частью папируса является обзор времен, предшествующих правлению Рамзеса и Сетнахта, его предшественника. «Земля Египетская была сокрушена извне, и каждый был лишен своих прав. Они не имели главных уст вплоть до наших времен. Земля Египта была в руках военачальников и правителей городов, сосед убивал соседа, большого и малого».

Страна покорилась чужеземной силе («сокрушена извне»), и население развратилось. Слова «они не имели главных уст» означают, что не было царя и не было никакого централизованного правительства. Местные властители, мэры и им подобные действовали беззаконно.

«Когда после этого наступили другие времена, пустые годы, Арза, некий сириец (H-ḡw)¹, был с ними как предводитель. Он сделал всю страну своим данником; он объединил своих сообщников и ограбил их владения. Они превратили богов в подобие людей, и никакие жертвы не принесли в храмах».

После этих безотрадных лет Узикхауре-мераун-сетпенре Сетнахте-меррере-мераун «навел порядок во всей стране, которая взбунтовалась; он убил мятежников, которые были в земле египетской; он очистил великий египетский трон». Царская власть была восстановлена, и в государстве был установлен порядок после многих лет угнетения и эксплуатации. Рамзес III (Узимаре-мераун Рамессе-хекаон, Жизнь, Процветание, Здоровье!) преуспел в дальнейшем наведении порядка, обеспечения благосостояния и безопасности страны.

¹ Из-за неопределенности гласных в иероглифах это имя может читаться как Арса, Ирсу или каким-то подобным образом. Дж. Брестед предлагает читать его как Ярзу, Аризу или Арзу, У.Хейес и Дж.Уилсон — как Ирсу, А.Гардинер — как Арсу.

H-ḡw — это название палестинцев, сирийцев (арамейцев) или хурритов. См. А.Н. Gardiner, *Ancient Egyptian Onomastica*, Vol. I (1947).

Хвалы в честь славных свершений Рамзеса III и его предшественника Сетнахта не удивляли ученых, изучавших этот документ. Удивление вызвало загадочное упоминание о сокрушении страны «извне», поскольку, если следовать сложившейся исторической версии, ничего не известно о том, что Египет был покорен какой-то чужеземной силой в годы, предшествующие двадцатой династии, т. е. династии Рамзеса III. «Не обнаружено ни малейшего намека», который бы подтвердил слова Рамзеса, указывающие на чужеземное владычество при Арсе¹. Более того, общепринятая историческая версия оставляет всего несколько лет между концом девятнадцатой династии и началом двадцатой. Однако текст папируса повествует о долгом периоде, когда не было царской власти, завершившемся владычеством Арсы, который превратил страну в своего данника и в данника своих сообщников. Не существует времени, которое могло бы соответствовать в цепи исторических событий всему описанному, и эти описанные события не соответствуют данному периоду. Личность Арсы остается тайной, но «правление какого-то другого неизвестного» чужеземного захватчика «наверняка является реальным»², и все это благодаря четким фактам, содержащимся в данном папирусе.

Этот отрывок называли «странным»; он привлекал широкое внимание историков. Чтобы установить личность Арсы и объяснить его происхождение и возвышение, было предложено несколько весьма надуманных идей. «Вполне вероятно, — писал один из ученых, — что «Ирсу» — это или эпитет («сам себя создавший») одного из последних правителей девятнадцатой династии, у которого могла быть сирийская мать, или имя одного из сирийских канцлеров, который во времена Рамессидов достиг власти и влияния»³.

Но было сказано о времени, которое прошло без законного правителя страны; имя Арсы следует за знаком, который должен обозначать чужеземца, и оно не присоеди-

¹ H. Junker, «Die Aegypten», in Junker and Delaporte, *Die Völker des antiken Orients* (Freiburg, 1933), p. 153.

² J. Wilson in J. B. Pritchard, ed., *Ancient Near Eastern Texts* (Princeton, 1950), p. 260, n. 6.

³ W. C. Hayes, *The Scepter of Egypt* (1953–1959), I, 363.

нялось бы к имени египетского фараона, даже если бы его мать была сирийкой.

Быть может, это реминисценция гораздо более древних времен — периода оккупации гиксосами до начала восемнадцатой и девятнадцатой династий? Такой вопрос задал А.Г.Гардинер, делая еще одну безнадежную попытку: «В этом странном отрывке великие достижения XVIII и XIX династий обойдены, и мы возвращаемся в эпоху, предшествующую гиксосам. Единственный характерный факт, о котором упомянуто, — это вторжение какого-то сирийского разбойника, который завладел целой страной. О личности этого чужеземца было много споров...»¹.

Сбивает с толку тот факт, что Рамзес III свидетельствует о покорении Египта «извне» или о чужеземном владычестве в эпоху, предшествующую правлению его отца, и при этом ничего не известно о столь важном событии в истории императорской эпохи в Египте. Поразительно, что Египет находился в рабстве у чужеземного военачальника, и при этом ни один источник, ни одна цепь событий, известных из принятого летоисчисления, не указывают на какую-то зависимость от чужеземного правителя, и менее всего — от сирийского. Как следует нам толковать эту загадочную и в высшей степени важную информацию, заведенную Рамзесом III потомкам?

¹ А.Н.Gardiner, *Egypt of the Pharaohs*, стр. 281—282. Еще одно предположение было высказано И.Черни: Арсу можно отождествить с человеком по имени Бей, влиятельным лицом в период правления Сетоса II. В книге, посвященной ассирийскому завоеванию Египта, будет показано, что Сетос II и Бей принадлежат самому началу эпохи, известной как эпоха девятнадцатой династии, что, согласно нашей реконструкции, соответствует первой четверти седьмого века.

Арзамес

Персидские мотивы на изразцах Рамзеса III обращают нас за разъяснениями к персидскому периоду египетской истории.

Персидская эпоха на Ближнем Востоке началась с победы Кира над лидийским Крёзом (546 г. до н. э.), захвата Вавилона (539 г. до н. э.) и установления наследственного права на Вавилонскую империю. Сын Кира Камбиз (530—521 гг. до н. э.) покорил Египет в 525 г. до н. э., преемник Камбиза Дарий (521—486 гг. до н. э.) сделал Фракию и Македонию персидскими провинциями и дважды вторгнулся в Грецию. Во время второй экспедиции его армия была разбита при Марафоне (490 г. до н. э.). Он организовал морскую торговлю и прорыл канал от Нила до Суэцкого залива на Красном море.

Его сын Ксеркс (486—465 гг. до н. э.) возглавил еще одну экспедицию против Греции (480 гг. до н. э.) и разбил греков при Фермопилах, но греки одержали победу на море у Саламина. Разбитый затем при Платеях, Ксеркс воздержался от дальнейших нападений на Грецию. Он правил «от Индии вплоть до Эфиопии над ста и семью и двадцатью провинциями», согласно книге Эсфирь, которая предположительно была одной из его царств. Он никогда не посещал Египет. Когда он умер, его сын Артаксеркс I (465—425 гг. до н. э.) вступил на трон. Спустя несколько лет в Египте произошло восстание под предводительством Инароса, местного вождя. Афинский флот, состоящий из двухсот трирем, отправился к Нилу на помощь Египту в его борьбе с великим царем. Сначала персидский гарнизон был разбит и укрылся в крепости Мемфиса, но через несколько лет новая персидская армия освободила осажденный гарнизон и разбила афинский флот, повернув вспять русло канала и оставив корабли на суше. Афиняне сожгли свой флот и отступили в Кирену. Египет остался в персидском рабстве.

В Афинах наступила великая эпоха процветания — век Перикла. В Палестине Неемия с разрешения Артаксеркса I восстановил иерусалимскую стену, все еще пребывавшую в руинах со времен захвата и разрушения города вавилонянами более двухсот лет назад.

Вскоре после подавления мятежа, возглавленного Инаросом, Артаксеркс I назначил своим сатрапом в Египте Арзамеса, одного из представителей царского дома. Сохранились глиняные таблички, повествующие о нем и его деяниях, на арамейских папирусах, на свитках из кожи (здесь он назван Архамом) и у греческих авторов Ктесия и Полиена (где он назван Арзамесом). Самая ранняя из табличек, связанных с ним, датирована временем до начала восстания Инароса, т. е. первыми годами правления Артаксеркса I (463 или 462 г. до н. э.)¹. До своего назначения сатрапом Египта, а также, как кажется, всего региона между Евфратом и Египтом, он уже занимал и другие заметные посты в обширной империи персов.

После смерти Артаксеркса персидский трон был захвачен одним из его сыновей, который принял имя Ксеркса (II), а потом его сводным братом, который убил его, а затем в свою очередь был убит. Арзамес помогал сохранить трон для Охуса, который переименовал себя в Дария (II). Хроникеры называли его Нотусом, бастардом, поскольку он был незаконным сыном последнего царя. Он был жесток и тщеславен. Поддержка, оказанная Арзамесом, оказалась решающей для достижения Охусом верховной власти, и в качестве Дария II он осыпал Арзамеса почестями и богатством, причем последнее обрело форму огромных земельных владений в Вавилоне и Египте.

Время от самого раннего упоминания об Арзамесе (при Артаксерксе I) до самого позднего (при Дарии II) охватывает пятьдесят три года. Его влияние в продолжение всего этого времени оставалось непререкаемым и распространялось на весь регион «за рекой», или на запад и юг от Евфрата. На крестьян и пастухов, которые жили и тяжело

¹ G.R.Driver, *Aramaic Documents of the Fifth Century B.C.* (Oxford, 1954).

трудились на бескрайних пространствах земли, отданной ему, а также захваченной им, он возложил тяжелую дань. Управители (губернаторы) и казначей этих сатрапий действовали так же, как его личные слуги, собирая доходы главным образом для него, а также для других привилегированных членов царской семьи, имевшей резиденции в Вавилоне, Сузе или Персеполе.

В разгар этой эксплуатации, осуществляемой сатрапом, Египет вынужден был ежегодно платить дань персидской короне, и эта дань собиралась управляющим (губернатором), который одновременно являлся главным казначеем, и передавалась лично Арзамесу в Вавилон.

Со времени Дария I каждая из сатрапий была обложена постоянной данью. Египет, как повествует Геродот и подтверждают современные историки, был «одним из главных источников дохода для трона, принося по 700 талантов, т.е. в два раза больше, чем вся Сирия-Палестина»¹. Кроме того, Египет обязан был также содержать персидский гарнизон и объединенные войска, главным образом из района Анатолии, в количестве 120 000 пайков². Во времена Дария II тяжкая дань еще более увеличилась.

Современным историкам Арзамес был хорошо известен еще до того, как надписи на кожаных свитках, о которых мы скоро будем говорить, стали доступны ученым. О размахе его хозяйственной деятельности в Вавилоне, где он имел большие скотоводческие фермы, можно судить по клинописным табличкам: в одиннадцатый год царствования Дария II (приблизительно 413 г. до н. э.) им была совершена сделка по приобретению 1809 голов крупного рогатого скота в Ниппуре, в Вавилонии, а в течение двух последующих дней — еще 582 головы. Этот скот обычно сдавался в аренду, и арендатор нес ответственность за уход и за сохранность стада³.

¹ E. C. Kraeling, *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri* (New Haven, 1953), p. 32.

² Геродот, III, 91. Сто двадцать тысяч пайков «предполагает армию численностью от десяти до двенадцати тысяч человек» (Kraeling, *op. cit.*, p. 32.).

³ Driver, *Aramaic Documents*, p. 44.

В 1932 году Л. Боркхардт, интерес которого в сфере египтологии был связан, главным образом, с изучением древних календарей, начал в Каире переговоры с одним торговцем антиквариатом, который предложил ему для продажи кожаный мешок, заполненный кожаными свитками с арамейскими надписями. Торговец не хотел или не мог указать место, где были обнаружены эти кожаные свитки, но по текстам можно судить, что они были извлечены из канцелярии сатрапа Арзамеса в Вавилоне, где он устроил свою главную резиденцию, появляясь в Египте только от случая к случаю, чтобы присматривать за своими владениями и давать инструкции. Его полномочным представителем в администрации Египта, или губернатором и главным казначеем, был сначала некто Псамхек, а затем некто Нект-хор — оба египтяне. Нам следует обратить внимание на этих людей и их имена, потому что в нужном месте мы уделим им особое внимание.

Всего, кроме многочисленных фрагментов, в этом мешке находилось четырнадцать свитков. Один из них практически распался при попытке развернуть его. Информация Ктесия, греческого ученого при персидском дворе в начале четвертого века и автора «Персики», о том, что официальные и представляющие важность послания писались в персидской империи на царских ремнях, была подтверждена этой находкой.

Пришлось с удивлением обнаружить, что арамейский был официальным языком переписки между персидским сатрапом и его подчиненными в Египте. Э. Миттvox, исследователь еврейско-арамейского языка, прочел эти свитки. «Арам» по-еврейски обозначает Сирию, и арамейский был одним из сирийских диалектов. Он вошел в употребление в девятом веке до нашей эры, как на это указывают единичные факты. В дни вавилонской ссылки евреев он был одним из нескольких языков, употреблявшихся при вавилонском дворе (Книга Даниила 2:4); в пятом веке, при персах, он использовался в официальной переписке, заменяя также аккадский (ассиро-вавилонский) в Вавилоне, как показы-

вают эти свитки¹. К первому веку нашей эры арамейский стал разговорным языком населения Палестины, как свидетельствуют об этом некоторые выражения в евангелиях, написанных по-гречески. И иерусалимский, и вавилонский Талмуды, созданные в период с первого по пятый век нашей эры, написаны по-арамейски.

Свитки, о которых идет речь, написанные большей частью в канцелярии Арзамеса в Вавилоне и сохраненные в канцелярии его представителя в Египте, были адресованы различным людям: на внешней стороне свитка обычно писалось имя адресата с обозначением темы, которая рассматривалась в письме. Письма из этой коллекции не имеют дат, но из их содержания можно сделать вывод, что они были написаны при Дарии II Нотусе с 424 по 410 г. до н. э.

Десять из этих посланий — от Арзамеса (в большинстве случаев они подписаны писцом от его имени), и четыре из них адресованы Нект-хору. Оставшиеся три письма тоже адресованы Нект-хору, но они от различных корреспондентов, причем во всех этих письмах упоминается имя Арзамеса. Таким образом, его имя присутствует в каждом из писем этой коллекции. Самые ранние из писем свидетельствуют, что Нект-хору на его посту предшествовал Псамхек, и одно из этих посланий содержит также строгий выговор командиру гарнизона за неповиновение Псамхеку. В письмах Арзамеса Нект-хору отсутствуют вступительные приветствия, что указывает на высокомерное отношение этого сатрапа к своему представителю египетского происхождения.

Письма большей частью связаны с исчислением дани с земли Египта и скорее даже с личных земель и владений Арзамеса и двух-трех лиц его окружения, которые, подобно ему, были связаны с персидским царским домом.

Вот одно из типичных писем:

¹ А.Т.Оlmstead, *History of the Persian Empire* (Chicago, 1948), p. 116—117. Cf. См. также Книгу Ездры 4:7 — письма к Артаксерксу и от Артаксеркса были написаны на арамейском (сирийском).

«От Арсама к Нект-хору (Нетихуру): И вот прежде, когда египтяне взбунтовались, тогда Псамхек, прежний правитель, всячески позаботился о наших людях и имуществе, которые находились в Египте, так что мое достояние нисколько не пострадало. Он также разыскал немало умельцев всех народностей и другое имущество и присоединил все это к моим владениям...»

В этом письме Арзамес упрекал Нект-хора, нынешнего губернатора, и его помощников за расхлябанность и приказывал: «Ты должен проявить активность и неукоснительно заботиться о моих людях и имуществе, чтобы мое достояние ни в чем не могло пострадать; и ищи также умельцев от разных народов и отовсюду, и приведи их к моему двору, и пометь их моим клеймом, и сделай их моей собственностью, как это обычно делал предшествующий управляющий. Пусть тебе будет известно: если моим людям (рабам) или другому имуществу будет нанесен хоть малейший урон, и ты не найдешь других откуда бы то ни было и не сделаешь их моим достоянием, ты будешь призван к строгому ответу и наказан». Арзамес сослался Нект-хору на один пример: некоторые его доверенные лица в Нижнем Египте «показывают свою активность и неукоснительно пекутся о людях своего хозяина и об его собственности, а также ищут новых повсюду и присоединяют их к достоянию хозяина, в то время как ты этого не делаешь». И затем последовал приказ, чтобы он поступал подобным же образом.

Из подобного письма сатрапа своему правителю можно узнать, что и в Верхнем и в Нижнем Египте земельная собственность бесцеремонно подвергалась конфискации и присоединялась к личным владениям сатрапа; люди из любых мест («отовсюду» по-арамейски) становились рабами, и их метили его клеймом, превращая их таким образом в его собственность.

Даже самые маленькие и захудалые владения не имели возможности избежать политики аннексий, которую проводил сатрап. Так, канцелярия Арзамеса информировала управляющего, что человек по имени Петосири, написал сатрапу, прося разрешения вступить во владение фермой своего отца. Его отец, Памун, погиб вместе со всеми

женщинами своего семейства во время «беспорядков», происшедших в Египте. Брошенная ферма «не была присоединена к моим владениям» — так писал писец от имени Арзамеса. Управляющему было приказано позволить этому сыну занять ферму, но, получив эту ферму, он «обязан будет платить земельный налог в мою казну...» Писец подписал это письмо.

Охваченный алчностью, Арзамес не думал о том, чтобы облегчить условия жизни, которые вызвали «беспорядки», но желал лишь увеличить свой доход, присоединяя разоренную и, возможно, сторевшую ферму к своему уделу.

Из этих «царских свитков», написанных сирийскими идиомами, мы узнаем об эксплуатации Египта Арзамесом и его когортой.

Об Арзамесе мы можем сказать то же самое, что Рамзес III сказал об Арсе, чужеземце, который в течение многих лет после захвата Египта «извне», в результате чего в стране не было местного правителя, «был у них предводителем». Все указывает на Арзамеса, сатрапа и автора арамейских писем, который эксплуатировал Египет и злоупотреблял своим положением, как Арса из папируса Харриса, который «сделал всю страну своим данником» и «завладел ее имуществом».

Имя Арзамес (Арсам по-арамейски или сирийски) легко могло превратиться в египетском языке в Арсу не только потому, что египтяне обычно укорачивали личные имена (в том числе и имена своих царей)¹, но даже скорее потому, что в этом случае окончание — *mes*, которое встречается во многих египетских именах, и означает «сын» — например, в имени Тутмес (Тутмос) — могло восприниматься как несущественное.

Поскольку Арзамес писал свои письма по-арамейски, его следовало бы считать сирийцем. Кроме того, в те времена, как мы знаем из Геродота, понятия «сириец» и «кассириец» (месопотамец) не различались и одно и то же слово применялось к обоим².

¹ См.: Века в хаосе.

² Геродот, VII, 63. Страбон, II, I, 31 и XVII, 1, 1—3.

Личным именем Артаксеркса II, под которым он был известен до вступления на трон после смерти Дария II (404 г. до н. э.), было имя Артасис, которое в персидско-арамейских текстах пишется как Арсу (Олмстед). Он вполне может претендовать на роль Арсы (или Арсу) как угнетателя Египта. Он действительно потерял Египет на пятый год своего царствования (399 г. до н. э.), когда восстание Неферита освободило страну от персидского владычества, и египтяне вступили с ним в войну в 374 г. до н. э.

В одном вавилонском астрономическом тексте, датированном восьмым годом его царствования (387 г. до н. э.), его еще называли Арсу: «Арсу, который назван именем Артаксатсу (Артаксеркс II), царь...» (Куглер). Это было совсем незадолго до событий, которые мы здесь описываем. Судьба Артаксеркса II оказалась тесно связанной с Вавилоном: он, как коронованный принц, вырос в Вавилоне, и здесь, в Вавилоне, являвшемся в то время центром арамейской культуры, находилась его вторая резиденция. Это может объяснить тот факт, что в папирусе Харриса об Арсу (Арсе) говорится как о сирийце (арамейце). У него могла быть сирийская мать.

О ком бы из двоих ни говорилось в этом папирусе — об Арсаме (Арзамесе) или об Арсу (Арсакесе) — оба они соответствуют описанию как угнетатели египетского народа в период, непосредственно предшествующий тому, о котором мы собираемся рассказать. Однако Арзамес, который умер до того, как Артаксеркс поднялся на трон, выполнял в Египте свои служебные обязанности. Артаксеркс II никогда не посещал Египет, и поэтому я считаю более обоснованным видеть в Арзамесе (Арсаме) Арсу¹.

¹ В предшествующих моих работах, прежде чем столкнуться с этой дилеммой, я считал, что Ездра, книжник, возможно, может быть идентифицирован с Арсой или Эрзу из папируса Харриса. Он получил от персидского царя мандат для сбора дани из казны сатрапий «за (этой стороной) Евфрата» для иерусалимского храма. Египет не составлял исключения среди сатрапий, обязанных платить такую дань или налог. В его юрисдикцию входила прерогатива карать смертной казнью за неповиновение. Он прибыл в Иерусалим в седьмой год царствования Дария II (417 г. до н. э.) или в седьмой год царствования Артаксеркса (397 г. до н. э.). См. об этом подробнее на последующих страницах.

Проведя такую идентификацию, мы почти замкнули круг: кажется, все проблемы, о которых мы говорили, обретают решение, если Рамзес III — а вместе с ним и вся двадцатая династия — передвигаются в четвертый век до нашей эры. Но как же быть тогда с его войнами и его хрониками, им посвященными?

ГЛАВА II

Персы и греки вторгаются в Египет

Pereset: филистимляне или персы?

В западных Фивах, более чем в трехстах милях вверх по Нилу от Дельты, Рамзес III выстроил для себя величественный погребальный храм. На его стенах он высек для потомства историю своих военных побед, и этот рассказ был иллюстрирован многочисленными барельефами. Это место, которое называется Мединет-Абу, находится на противоположной от Луксора стороне Нила, под скалами, которые скрывают Долину Царей с ее царскими захоронениями. Узимаре-мерамун Рамессе-хекаон (Рамзес III) защитил и спас страну, когда она оказалась под угрозой завоевания большими вторгшимися армиями и морскими силами.

Против Рамзеса III в Ханаане. — Палестине была собрана огромная военная сила — армия, состоявшая из многочисленных людей, которую возглавлял народ, название которого читалось как «Pereset», и флот, готовый к вторжению в Египет. В соответствии с принятым летоисчислением, этот период наступил сразу после 1200 г. до н. э., через несколько лет после того, как Рамзес III поднялся на трон, и на основании этого летоисчисления было решено, что «Pereset» должны быть филистимлянами. В египетском письме отсутствует буква «L», а буква «R» может также произноситься как «L». Однако почти во всех случаях, когда эта буква появляется, ее обычно произносят как «R», и таким образом мы читаем Рамзес, а не Ламзес.

Кроме предполагаемого упоминания о филистимлянах в военных анналах Рамзеса III, единственным письменным источником наших знаний о филистимлянах является Ветхий Завет. Согласно Второзаконию (2:23), Книге Амоса (9:7) и Иеремии (47:7), филистимляне пришли в Ханаан с

острова Кафтор. Иеремия говорит о «филистимлянах, остатке острова Кафтора». Обычно считалось, что под Кафтором имеется в виду Крит; однако более вероятно, что это Кипр¹. Филистимляне в полном составе явились на побережье Ханаана очень незадолго (за несколько десятилетий, а может быть, и лет) до того, как израильские племена, движущиеся из-за Иордана, достигли гористой части Ханаана².

Рамзес III не упоминал об израильтянах или о ком-нибудь из их двенадцати колен в своих подробных военных хрониках, и соответственно в Книге Иисуса Навина и в Книге Судей нет упоминаний о войне, которую вели египтяне в Ханаане. Поскольку «Pereset» были ордами захватчиков-филистимлян, то предполагалось, что израильтяне еще не дошли до Ханаана. Это могло бы объяснить тот странный факт, что Рамзес III смог вести масштабную и победоносную войну против филистимлян и их союзников частично на территории Палестины, а израильские племена не были вовлечены в нее ни по одну, ни по другую сторону. Обычно данную ситуацию интерпретируют следующим образом: столь позднее появление израильтян может объяснить тот факт, что о них не упоминалось в египетских хрониках о войнах в Ханаане, и равным образом это объясняет молчание Библии по поводу событий, описанных в этих хрониках.

Датировка завоевания Ханаана Иисусом Навином временем после 1180 года не лишена серьезных противоречий: вместо традиционных четырех столетий, отведенных для странствий в пустыне, покорения Ханаана и эпохи Судей, остается только чуть более ста лет. К 1000 г. уже прошла часть сорокалетнего царствования Давида, и Саул, первый израильский царь, завершил царствование за несколько десятилетий до Давида. Сто лет для эпохи Судей — это в самом деле слишком мало.

¹ См.: Века в хаосе. Глава «Троглодиты или карийцы».

² «Они ни в коем случае не были потомками тех филистимлян, которые заключили договор с Авраамом (см. Книга Бытия 21 и 26): они мигрировали с Кипра в гораздо более поздние времена». L. Ginsberg, *The Legends of the Jews*, IV (1913), 94.

Датировка завоеваний Иисуса Навина временем, следующим за войной Рамзеса III в Палестине, противоречит также более приемлемым теориям, в соответствии с которыми эти завоевания произошли в период восемнадцатой династии (в письмах Тель эль-Амарны) или в период девятнадцатой династии. Но читатель «Веков в хаосе» знает, что Исход произошел в конце Среднего Царства, задолго до Рамзеса III из двадцатой династии, Минепты — из девятнадцатой или Аменхотепа III или IV (Эхнатона) из восемнадцатой. Тогда остается головоломка: как получилось, что Рамзес III не встретился с израильскими племенами во время войны, которую он вел с вторгшимися народами моря в Египте и Палестине, и как получилось, что еврейские хроники тоже не сохранили никакого воспоминания об этой кампании?

Предполагалось, что произошла какая-то обширная миграция народов, равную которой знали лишь немногие эпохи. «1200 г. до н. э. — это примерная дата кульминации всяческих беспорядков в политической жизни Древнего Востока... изменений, не имеющих равных по своим далеко идущим последствиям, кроме завоеваний Александра», — писал один из участников многолетней археологической экспедиции в Мединет-Абу¹.

Поскольку ни один народ вскоре после 1200 года не казался столь подходящим, «Pereset» стали отождествлять с филистимлянами. И в школьных учебниках появились изображения филистимлян, народа Голиафа, чрезвычайно известного в эпоху Судей: эти изображения скопированы с барельефов погребального храма Рамзеса III.

На стенах этого храма в Мединет-Абу «Pereset» и их союзников, народы моря, можно легко узнать по их вооружению. «Pereset» носят на головах шлемы, напоминающие короны, и одеты в богатые доспехи. Солдаты народов моря носят рогатые шлемы, причем между рогов иногда имеется шар или диск.

¹ Н.Н. Nelson, Medinet Habu, *The Epigraphic Survey of the Oriental Institute* (University of Chicago, 1929), p. 1.

«Pereset» были богатым и культурным народом, судя по их изысканному и красочному убранству. Несомненно, великолепно одетые и вооруженные войска не были похожи на бродячие орды кочевников, как их порой представляли, в соответствии с теориями миграционных волн сменивших место обитания племен, достигших Египта. Одна из современных исследовательниц выразила эту самую точку зрения и свою уверенность в том, что эти армии представляли собой силы хорошо организованного государства, а не мигрирующие орды, сорвавшиеся с родных мест¹. Народы моря тоже не были похожи на кочующие орды: они были дисциплинированной и хорошо организованной армией.

Мы не располагаем сведениями о других древних народах, которые обладали бы сходством с филистимлянами. Однако если мы перелистаем отчеты о раскопках в различных странах и фоторепродукции произведений древнего искусства, мы еще раз встретим шлемы в форме короны, которые, как нам известно из барельефов Рамзеса III, были головным убором «Pereset». Мы обнаруживаем их на головах персидских воинов.

В Персеполе, древней столице, находящейся в тридцати милях к северо-востоку от Шираза, сохранились руины дворцов древних царей Персии с грандиозными, еще высющимися лестницами. На барельефах, украшающих стены этих лестниц, представлены многочисленные фигурки персидских воинов. У них на головах шлемы в форме короны: этот головной убор состоит из многочисленных пластинок или лепестков, укрепленных на ремне, охватывающем голову и отделанном орнаментом, и из небольшого защитного экрана для задней части головы. Коронообразный головной убор «Pereset» на египетских настенных росписях также состоит из многочисленных пластинок или лепестков на ремне, охватывающем голову и отделанном орнаментом, и из небольшого защитного экрана для задней части головы.

¹ L.A.Stella, Rivista di Antropologia, 39 (1951—1952), 3—17.

Рядом с Персеполем, в Накш-и-Рустаме, находятся могилы великих царей Персии: это погребальные комнаты, высеченные в мощной скале, высоко над землей. На могиле Дария имеются наскальные барельефы, изображающие стражу персидского монарха. На них вновь легко узнать головные уборы «Pereset»¹.

Кроме царской стражи в головных уборах из множества лепестков, барельефы в Персеполе и Накш-и-Рустаме изображают сатрапов и самого царя, увенчанного простой тиарой. На египетских росписях Рамзеса III можно увидеть узников, которые также носят такие простые тиары. Они не изображены в процессе битвы, но некоторых из этих узников с простыми тиарами ведут в торжественной процессии фараона. Очевидно, это были узники высокого ранга.

Типичный и уникальный головной убор на персидских стражниках и военачальниках можно увидеть также и у воинов «Pereset», а тиары великого царя и его сатрапов — на военачальниках «Pereset». Это весомый аргумент в пользу того, что «Pereset» следует толковать как «персы». Но персидские контакты с Египтом и персидские войны с Египтом ограничены периодом между 525 г. до н. э., когда Камбиз завоевал Египет, и 332 г. до н. э. — годом, когда

¹ Такой тип головных уборов в своем роде уникален; он был характерен для персидского народа на протяжении столетий. В дворце Кукньюк, построенном поздними ассирийскими царями, были обнаружены барельефы, изображающие некоторые фигуры с головными уборами, не слишком отличающимися от шлемов «Pereset».

См.: А.Н. Layard, *Nineven and Babylon* (London, 1882), p. 76—77. De Clercq, *Catalogue des antiquités assyriennes* (Paris, 1883), p. 139 (Palais de Kouyaundjok) говорит о «короне из перьев». Отдельные секции в форме лепестков имели выпуклый характерный орнамент; фигурки были облачены в длинные туники. Эти изображения были высечены или поздними ассирийскими царями, которые, как нам известно из хроник, вели войны в Еламе, персидском высокогорье, и захватывали узников, или персидскими завоевателями Ассирии, которая оказалась в их власти вместе с Вавилонией во второй половине шестого века нашей эры. Фигура воина на одном из барельефов в Накш-и-Рустаме, датированная эпохой Сасанидов с третьего по седьмой век нашей эры, имеет головной убор, схожий с головным убором Исиды, изображенной в качестве кормилицы Рамзеса III.

Александр вошел в Египет и положил конец персидскому владычеству.

Если судить по тому факту, что солдаты «Pereset» на египетских барельефах безбородые и только у военачальников имеются бороды, в то время как на барельефах Дария, датированных примерно 500 г. до н. э., военачальники и стража имеют бороды, тогда мы упираемся прямо в четвертый век: одно столетие отделяет Дария от четвертого века. В это время была проведена реформа, обязывающая солдат брить бороды, чтобы лишить врага возможности легко за нее ухватиться¹. Но военачальники высокого ранга сохраняли свои бороды. На египетских барельефах бороды украшают лица высших офицеров «Pereset».

Значит, не богатое убранство «Pereset», которое поразило современных ученых², а одеяния персов поразили греков того времени?

Во времена Геродота, в середине пятого века, персы «носили на головах просторные головные уборы, называвшиеся тиарами, а на телах туники с рукавами самых различных цветов с железными чешуйками, похожими на рыбью чешую». Сирийцы в армии Ксеркса «носили на головах шлемы, сделанные из бронзы, и такой странной формы, которую нелегко описать»³. Аммиан Марцеллин, описывая гораздо позже вооружение персов, сообщает нам, что они были одеты с головы до ног в железные пластинки в форме перьев⁴.

В некоторых случаях лепестки на коронах-шлемах «Pereset» были сделаны в виде перьев. Это заставляет историков говорить о «коронах из перьев» у филистимлян на манер американских индейцев. Но от Аммиана мы узнаем, что железные чешуйки делались у персов как имитация перьев.

¹ Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» говорит, что Александр ввел этот обычай бритья бороды солдатами; в этом он следовал восточной воинской традиции.

² Г. Масперо (*The Struggle of the Nations*, 1896, p. 463) говорит о присущем персам «вкусе к определенной роскоши и изысканности».

³ Herodotus, VIII, 61, 63.

⁴ Ammianus, XXIV, IV, 15.

Климат Египта в течение большей части года исключает использование кольчуги. Солдаты «Pereset» были одеты в легкие туники с кольчужными полосками и шлемы, сделанные из чешуек. При раскопках в Дафне (библейском Тафнисе), греческой колонии в Египте, были найдены железные чешуйки. «Кольчуги — это самая необычная находка»¹. Но идентичное оснащение, в частности «латы из чешуек в могиле Рамессу (Рамзеса III)», Флиндерс Петри изучал тоже не без удивления².

Тот факт, что железные чешуйки были найдены при раскопках в Дафне, основанной в седьмом веке для греческих наемников, служивших в Египте, и латы из аналогичных чешуек обнаружены в могиле Рамзеса III, пополняет коллекцию анахронизмов, которыми, как кажется, изобилует эпоха этого фараона.

Очевидно, что «Pereset» были не филистимлянами, а персами. Таковую интерпретацию этого названия легко проверить. Ведь почти в течение двух веков Египет находился под персидским владычеством или сражался против него, и не слишком трудно найти название, которым в египетских текстах персидского периода и эпохи Птолемеев обозначалась Персия и персы.

В иероглифических текстах персидской эпохи между 525 и 390 г. до н. э., когда Египет добился временной независимости, есть множество упоминаний о Персии: она всегда называлась P-g-s (по-еврейски Персия также называлась P-g-s или Парас); это название, столь привычное в египетском письме, сопровождалось знаком «чужеземная страна».

При третьем Птолемее, в 238 г. до н. э., жреческий конклав создал декрет и выбил его на камне — он известен как Канопский декрет, по тому месту в Египте, где заседал этот конклав. В нем идет речь о реформе календаря: мы займемся этим текстом на последующих страницах этой книги. В этом декрете содержится упоминание о пер-

¹ Petrie, *Tanis*, Pt. II, «Nebesheh and Defenneh (Tahpanhes)», p. 78.

² Ibid.

сах как о нации и, что важно для нашего исследования, их название пишется как P-r-s-tt¹.

Канопский декрет относится к тому времени, когда все священные изображения были унесены «Pereset»: «И статуи богов, которые зловредный P-r-s-tt унес из Египта...его величество (Птолемей III) пошел в земли Азии, он захватил их и вернул их назад в Египет».

Канопский декрет написан тремя видами письма на каменной плите: по-гречески, египетским демотическим письмом и иероглифами. Греческий текст гласит: «И те священные изображения, которые были унесены из страны персами, Царь, совершивший поход за пределы Египта, благополучно вернул их в Египет и возвратил их храмам, откуда они были унесены...»².

Если и могло быть сомнение в значении названия «Pereset», то греческий текст Канопского декрета его рассеивает. И после этого не будет существовать никакой проблемы, касающейся идентификации «Pereset» в надписях Рамзеса III в Мединет-Абу — это персы.

¹ Д-р Н.Б.Миллет из Королевского музея Онтарио любезно собрал по моей просьбе некоторые упоминания о Персии и персах в египетских текстах. Он полагает, что двойное t в слове «Peresett» использовалось во имя чисто эстетических требований иероглифического письма, что не является необычным. Эдди Шорр указывает, что в тексте Канопского декрета и другие географические названия также имеют второе прибавленное t. Так, к примеру, Кефту (Кипр) — это Кефтет, а слово Ретену (Палестина) пишется как Ретенутет.

² E.A.Wallis Budge, *The Rosetta Stone in the British Museum* (London, 1929), Appendix: «The Decree of Canopus», p. 256, 283. Cf.D.Lorton, «The supposed expedition of Ptolemy III to Persia», *Journal of Egyptian Archaeology*, 57 (1971), p. 160ff.

Масштаб проблемы

Прежде чем мы пойдем дальше, позвольте сделать небольшую паузу и осмыслить огромный масштаб этой проблемы. Уже несколько раз ситуация направляла нас к персидскому периоду: в первый раз, когда мы говорили об изразцах Рамзеса III с греческими буквами и персидскими изобразительными мотивами; во второй раз, когда мы прочли, что могилы, построенные в период царствования Рамзеса III, имеют явные характерные признаки четвертого или более позднего столетия; в третий раз, когда мы заметили, что угнетение Египта чужеземцем, Арсой, было немислимым в тринадцатом или двенадцатом веках, но что нечто весьма похожее происходило во второй половине пятого века; и наконец, когда мы пришли к пониманию того, что Рамзес III вел войну с персами. Персы, однако, впервые вступили в войну с Египтом в 525 г. до н. э., а потом снова сражались с Египтом в четвертом веке, когда египтяне заявили о своей независимости под властью местных царей.

Здесь мы можем остановиться, озадаченные явно немислимым предположением о том, что могла произойти ошибка на восемь столетий, или испуганные при виде полной пертурбации, к которой нас может привести это исследование. Но разве не стоит нам решиться пойти немного дальше и разве не испытаем мы облегчения, если какие-то новые данные подтвердят многовековую концепцию древней истории? Ибо следует четко осознать: мы не можем позволить Рамзесу III воевать с персами и при этом сохранить границы мировой истории неприкосновенными. Какой лавиной должно сопровождаться такое открытие: царства должны рухнуть, империи должны сдвинуться на столетия, потомки и предки должны поменяться местами. И вдобавок ко всему этому сколько книг должно устареть, сколько научных исследований должно быть начато вновь, сколько инерции должно быть преодолено? Это не просто лавина, но полный обвал, казалось бы, вечных массивов.

Теперь, когда читатель оценивает все последствия, вызванные установленным тождеством между «Reset» и персами, мы приглашаем его познакомиться с дальнейшими свидетельствами, чтобы его не убедили в том, что не доказано, или не привели к тому, что является всего лишь иллюзорной картиной прошлого.

Что мы будем описывать — двенадцатый или четвертый век? Поскольку начало четвертого века — это уже не седая древность, а войны, в которых принимали участие греки, даже в качестве наемников, большей частью точно описаны некоторыми греческими авторами, мы подвергаем нашу историческую схему самому беспощадному тесту: все фрагменты этой истории должны быть описаны и истолкованы в греческих источниках. Если это не может быть сделано, мы выдвинули недоказуемые тезисы. Но если события, изображенные и прокомментированные фараоном, обнаруживаются и у греческого историка, шаг за шагом, со всеми участниками, играющими подобающие им роли в том самом порядке, который обозначен на египетских настенных росписях и сопровождающих их текстах, тогда схема, которую мы здесь предлагаем, лишена какого-либо отпечатка произвольности:

Ах, если бы, любовь, нам удалось

С Ним в заговор вступить,

Чтоб этот жалкий мир рассыпать в прах

И новый воссоздать, для сердца милый¹.

Какой бы отпор ни встретила эта пересмотренная схема истории, необходимо осознать, что главная цель в этом поединке заключается в отстаивании статуса подлинной истории.

Пересматривая заново указанный исторический период, мы не можем обращаться за помощью к Библии или к ассиро-вавилонским источникам, и по очень простой причине: к началу четвертого века до нашей эры Ветхий Завет был окончательно или почти завершен, и его наиболее поздние исторические части — книги Есфирь, Неемии и Ездры —

¹ Омар Хайям. *Рубаи*.

посвящены периоду, предшествующему Рамзесу III; что касается Ассиро-Вавилонии, то она уже не существовала как государство. Однако мы располагаем возможностью найти необходимый материал для сопоставления у греческих авторов.

Это был четвертый век, и всего за шесть лет до его начала Софокл впервые вступил в соревнование с Эсхилом. Перикл, именем которого назван золотой век Афин, умер примерно пятнадцать лет назад. Сократ тоже умер. «Лягушки» Аристофана разыгрывались и читались уже в течение многих десятилетий.

Мы не заглянем в книги историка Фукидида в поисках сведений о Рамзесе III: этот историк умер вскоре после 400 г. до н. э. Не можем мы обратиться и к книгам Геродота: когда он посетил Египет, Рамзес III еще не родился.

Когда библейские источники прекратили снабжать информацией, греческие авторы стали составлять современные летописи. Египетские цари Неферитос, Акорис, Нектанеб I, Тахус и Нектанеб II — знакомые фигуры в этих летописях и хрониках, написанных историками более позднего поколения, чем Геродот и Фукидид. В египтологии эти поздние фараоны отнесены к двадцать девятой и тридцатой династиям царей (последним перед кратковременным повторным захватом Египта персами за десять лет до его завоевания Александром). Нектанеб I, который правил с 379 по 361 год до н. э., — это самая впечатляющая фигура среди этих поздних местных фараонов. Но если, как здесь утверждается, Рамзес III жил не в двенадцатом, а в самом начале четвертого века, кем тогда был Нектанеб, который жил в то же самое время?

Мы собираемся доказать, что фараон, для которого современные историки избрали из его нескольких имен имя Рамзеса III, был Нектанебом I у греческих авторов. Поскольку оба они жили в одно и то же время и не были разделены восемью веками, и поскольку оба они были египетскими фараонами, нет другой альтернативы, как считать их одним и тем же лицом. И мы увидим, сравнив летописи Рамзеса III и греческие письменные источники о Нектанебе, что особенности их личности, их биографии, их правление и их войны имеют столько сходства, что не оставляют

никаких препятствий для полного отождествления. Более того, мы обнаружим, что на некоторых надписях Рамзес III использовал имя Нект-а-неб как одно из своих царских, как считалось, данных Гором, имен.

Рамзес III оставил летописи о своей войне с «Pegetet» и народами моря. Диодор Сицилийский, историк, писавший по-гречески в последнем веке до нашей эры, детально повествует о войне Нектанеба I с персами и греческими наемниками. Диодор, который провел годы между 60 и 57 гг. до н. э. в Египте, очевидно, располагал многочисленными документами и источниками, когда он составлял историю последних коренных династий в Египте. Мы подвергнем оба эти отчета самой строгой проверке, проведя сравнение. Эти две летописи должны представлять собой историю одной и той же войны, иначе мы сбились с верного пути в нашей попытке распутать истинный ход исторического времени.

«Острова были беспокойны...»

После смерти Дария II (Нотуса) его сын Арсакес поднялся на трон, приняв имя Артаксеркса II. Прозванный Мнемоном за свою хорошую память, он занимал трон с 404 по 358 г. до н. э., в период больших исторических событий. В начале его царствования его брат, сатрап Анатолии, Кир, прозванный Младшим, поднял мятеж и выступил против царя. В этом известном военном походе участвовала армия греческих наемников в количестве от десяти до двенадцати тысяч человек. Афинянин Ксенофонт, один из ее предводителей, описал этот поход и отступление в книге «Anabasis» («Восхождение»). Кир продвинулся вплоть до Вавилона и вскоре погиб в сражении (401 г. до н. э.). Греческая армия отступила и после многих тяжелых испытаний достигла Черного моря.

В течение последующих нескольких лет персидские сатрапии в Малой Азии постоянно сотрясались мятежами

и попытками Спарты освободить ионийцев на азиатском побережье от персидского владычества. Эти попытки приняли весьма агрессивный характер, когда в 396—395 гг. до н. э. спартанский царь Агесилай одержал победу в военных действиях в Западной и Центральной Малой Азии¹.

Подвиги Агесилая предвосхитили деяния Александра. Корнелий Непот писал в короткой биографии Агесилая:

«Агесилай... захватил множество земель и богатую добычу... Когда он задумал поход на Персию и нападение на самого царя, к нему из дома явился вестник, по приказу эфоров, уведомить его, что афиняне и беотийцы объявили войну против лакедемонян (спартанцев) и что ему поэтому не следует медлить с возвращением. Хотя он был во главе победоносной армии и чувствовал уверенность, он повиновался приказам... Агесилай предпочел честь самой могущественной империи и решил, что более почетно повиноваться законам своей страны, чем покорить в войне Азию»².

Началась восьмилетняя Коринфская война. Персидский царь оказал поддержку Афинам; в действительности он содействовал разжиганию этой вражды. Замысел состоял в том, чтобы заставить Агесилая вернуться в Грецию и способствовать тому, чтобы греческие государства уничтожили друг друга в продолжительной войне. В 394 г. до н. э. спартанцы выиграли битвы при Немее и Коронее, но их флот был уничтожен персидским флотом под командованием афинского адмирала Конона у Книды, и они навсегда лишились своего морского владычества. Ионийцы на побережье Анатолии восстали и объявили о своей независимости от Спарты. Афины захватили острова Делос, Скирос, Имброс и Лемнос и заключили союз с Хиосом, Митиленами, Родосом, Косом и Книдом.

¹ Он постоянно вступал в военные, а также в дипломатические контакты с персидским наследственным сатрапом Фарнабазом, провинция которого была известна в Персии как «Туайу Драуахуа», или «Те (или народы), что с моря». Мы называем здесь этого человека, потому что еще с ним встретимся по прошествии некоторого времени. Мы также напомним тогда о названии, которое имела его сатрапия.

² Cornelius Nepos, *Agésilaus* (3,4), trans. J.S. Watson (London, 1910). Эфорами были пять государственных чиновников, осуществлявших контроль над царями Спарты.

Многие широко известные события происходили во время Коринфской войны (395—387 гг. до н. э.), и многие острова участвовали в них. Евагор, царь Саламина на Кипре, обратился к помощи афинян, оказав, таким образом, услугу персидскому царю. Но несколько лет спустя (в 390 г. до н. э.) Евагор поднял восстание против Артаксеркса, будучи спровоцирован на это Великим Царем, который негодовал по поводу мужества и независимости Евагора. Артаксеркс к тому же нуждался в услужливом царе на этом острове, так как готовился к войне с Египтом. Но война с Евагором продлилась десять лет и стоила Персии очень дорого, ибо с течением времени Евагор перебравшись в Малую Азию, убедил киликийцев восстать и захватил несколько городов в Финикии.

На другой стороне восточного Средиземноморья, в Сицилии и Южной Италии, тоже продолжалась война. В Италию вторглись карфагеняне; Дионисий, тиран Сиракуз в Сицилии, начал войну против Кротона — греческого поселения в Южной Италии. Афинский флот тоже участвовал в этой войне, и в конфликт вступили острова к западу от Греции.

Во время Коринфской войны спартанцы главенствовали на суше. Но одной из сенсаций этой войны стала победа афинского полководца Ификрата, который в 391 г. до н. э. разгромил отряд с тяжелым вооружением и медленно теснил спартанские войска с легко экипированными и маневренными афинскими полками, оборонительное и наступательное вооружение которых он реформировал таким образом, чтобы обеспечить лучшую их мобильность и возможность нанесения внезапного удара.

В Египте персидское угнетение перед смертью Дария II заставило Амиртеоса установить свою власть над частью Египта. Он был единственным представителем очень непродолжительной двадцать восьмой династии. После него восстал еще один гражданский лидер — Неферит. Он достиг такой степени независимости, которой Египет не имел уже в течение ста тридцати лет. Когда он умер, после нескольких лет относительной независимости, ему не наследовал собственный сын. Вместо этого трон был захвачен неким Акорисом. Возможно, за этим захватом скрыва-

лась какая-то персидская интрига. Сначала Акорис признал персидское владычество, но спустя некоторое время поднял мятеж: когда Евагор при поддержке афинян восстал против персидского царя, Акорис тоже предпочел мятеж. В 381 г. до н. э. флот Евагора был разбит персами. Акорис умер в 379 или 378 г. до н. э., и трон был захвачен Нектанебом I, который объявил Неферита своим отцом, но на самом деле был сыном военного и сам являлся военачальником. Вероятно, он действовал на ливийском фронте, достигнув там некоторых успехов, прежде чем объявил себя царем.

Поражение Евагора, кипрского царя, укрепление отношений между Афинами и Персией и помощь, оказанная Персией Афинам против Спарты, повлияли на состояние дел в Египте. Нектанеб тоже сначала признал персидское владычество, но вскоре поднял свои войска и флот, чтобы отразить атаку персидской армии и военных кораблей. Лишь очень недолго он казался лояльным.

Диодор писал, что (в 375—374 гг. до н. э.) «Артаксеркс, царь персов, намереваясь вести войну с египтянами и будучи полностью занят организацией мощной армии наемников, решил попытаться прекратить войны, идущие в Греции». Установив мир на западном фронте (в Греции), он рассчитывал сконцентрироваться на южном фронте (в Египте); он надеялся также, что «греки, освободившись от своих внутренних войн, с большей готовностью пойдут служить наемниками». Но результат так называемого Царского мира, который должен был предоставить автономию каждому греческому городу, вызвал новые раздоры, когда фиванцы под руководством Эпаминонда не приняли такой процедуры. Кроме того, получив автономию, «города погрузились в большие волнения и внутренние раздоры, особенно на Пелопоннесе»¹.

Попытка достичь общего соглашения привела к новой вражде между Спартой и Афинами. Спарта, установив блокаду Геллеспонта, вынудила Афины заключить мир с

¹ Diodorus, *The Historical Library*, trans. Charles L. Sherman (Loeb Classical Library), XV, 40.

Персией. Спарта заняла крепость Кадмею в Фивах, столице Беотии. Фиванские беженцы успешно отвоевали Кадмею. Афины заключили союз с Фивами. В 376 г. до н. э. афинский адмирал Хабрий в решающей битве уничтожил спартанский флот с Наксоса.

В следующем году «царь Артаксеркс направил военную экспедицию против египтян, которые восстали против Персии»¹. Представляя описание этой экспедиции и ее разрушительных последствий, о которых будет сказано на последующих страницах, Диодор вернулся к политической ситуации греческих государств и заметил: «По всей Греции ее несколько государств пребывали в смуте из-за непривычных форм правления... посреди всеобщей анархии вспыхивали многочисленные мятежи...»².

Такое положение дел иллюстрирует происходящее в Греции брожение. Коринфская война еще едва закончилась, когда стала назревать новая война между греческими городами-государствами и островами.

На втором пилоне своего погребального храма в Мединет-Абу Рамзес III написал, что «острова» были беспокойны, постоянно воюя друг с другом.

«Страны... северяне на своих островах пребывали в смуте, разобщенные враждой... Ни один не встал, чтобы удержать их руки (оружие), из Кхета (Ht), Кода («окружность» сирийского побережья у залива Искандера), Кархемиша, Арвада (в Северной Сирии), Алазии (Кипр) они были отброшены. Они обосновались лагерем в одном месте, в Аморе (Сирия)»³.

Эти слова похожи на описание истинного положения дел перед завоеванием Египта персами: с того времени, когда спартанцы при Агесилае покорили западную часть Малой Азии, греческие острова пребывали в состоянии беспорядочной войны; Сицилия и Кипр тоже были вовлечены в войны и мятежи.

¹ Diodorus, *The Historical Library*, trans. Charles L. Sherman (Loeb Classical Library), XV, 41.

² Ibid., XV, 45.

³ Cf. Breasted, *Ancient Records of Egypt*, IV, Sec. 64.

Более детальное описание «лагеря в одном месте» Сирии мы найдем у Диодора. Но прежде чем мы двинемся дальше, мы поставим несколько вопросов и найдем на них ответы.

Quid Pro Quo?

Изучение барельефов Рамзеса III позволяет увидеть, что между группировками, участвующими в войне, заключались и перезаключались запутанные союзы. Отношения между египтянами, Pereset и народами моря на протяжении лет, запечатленные Рамзесом III на надписях и барельефах, принимали различные формы, поскольку народы моря меняли союзников. Однако Pereset также меняли союзников, в одно время будучи на стороне Египта, а в другое — его врагами.

Есть что-то странное в отношениях между этими народами — египтянами, Pereset и народами моря. Когда фараон в начале своего царствования начал войну против захватчиков из Ливии, народы моря в своих рогатых шлемах и Pereset со своими тиарами помогали ему и его армии, и можно увидеть, как они убивают ливийцев (плита 4). Таким образом, в момент первого своего появления они были не врагами, а союзниками Египта.

Позже, во втором акте, Pereset видятся как главные враги египтян. В войне против Pereset народы моря помогают фараону, показывая примеры героизма; отдельные воины сражаются с целым полчищем (плита 5). Барельефы также изображают, как они участвуют в параде вместе с армией фараона; их внешний вид и вооружение — шлемы, щиты, копья и мечи — точно воспроизведены на этих картинах, где они маршируют под звуки египетской трубы или где они стремительно движутся в боевом порядке (плита 6).

Но во время великой битвы у устья Нила народы моря в своих рогатых шлемах — на этот раз без дисков

между рогами — появляются на вражеских кораблях, и египетский флот обращает в бегство и корабли Pereset, и корабли народов моря. Определенное количество воинов Pereset и народов моря находится и на египетских кораблях, но это захваченные пленники (плита 7).

После битвы мы видим процессию пленных с руками и шеями в колодках, связанных веревками. Среди них воины Pereset и народов моря (плита 8).

Что означает эта смена ролей? Сначала Pereset и народы моря вместе с фараоном. Затем армия народов моря на стороне египтян, а Pereset являются врагами. И наконец, и Pereset, и народы моря становятся врагами, пытаются осуществить попытку вторжения.

Pereset были гордыми воинами. Они помогали фараону, но вскоре стали его главными врагами. Почему?

Народы моря были наемниками. Они были храбрыми воинами. И они сменили лагерь. Почему?

Тексты, сопровождающие стенные росписи, не объясняют причин такой странной перемены ролей союзников и врагов в этих битвах и постоянных превращений.

Предпринимая попытку определить время Рамзеса III как четвертый век и признать в нем личность одного из последних местных фараонов на египетском троне, мы подвергаем нашу схему весьма любопытному тесту. В начале четвертого века до нашей эры, вскоре после того, как Арзамес воспользовался своей властью, чтобы вымогать дань с Египта и вершить там закон, в Египте началось политическое и военное развитие, в котором принимали участие персы и греки. Если мы на правильном пути, то порядок событий требует, чтобы, во-первых, персы и греки были на стороне фараона в его попытках поддержать порядок на своей западной границе. Потом греки остались бы его союзниками, а персы стали бы его врагами. На третьем этапе и греки и персы должны были превратиться во врагов фараона, и должна была произойти битва флота в устье Нила, в которой египтяне одни сражались против персов и греков.

Греческие наемники меняют позиции

В момент своего восхождения на трон Нектанеб I находился в дружественных отношениях с персами. Возможно даже, что он занял этот трон как персидская марионетка, поскольку он не был сыном Акориса, который проводил недружественную политику в отношении Великого Царя. В начале своего царствования Нектанеб вынужден был защищать западную границу своего царства, Кирены и Ливия страстно желали (и это же заботило Персию), чтобы западные подходы к Египту были защищены и таким образом препятствовали растущей мощи Карфагена распространяться в этом направлении. В этом состояла политика персидских царей, оказывающих помощь афинянам в их войнах против спартанцев, хотя афиняне пользовались относительной свободой, воюя и против Персии. На этом же основывалась и персидская помощь египетскому царю, который получил определенную меру независимости в своих пограничных конфликтах с ливийцами.

Но спустя несколько лет фараон начал войну с персами. Диодор писал, что этот конфликт начался еще как будто при Акорисе, но некоторые специалисты с этим не согласны, относя эту историю ко времени Нектанеба, преемника Акориса¹. По словам Диодора, эти события в Египте начались в то самое время, когда образовалась вторая афинская морская конфедерация, целью которой было препятствовать спартанскому первенству в Греции, и это произошло в 377—376 гг. до н. э. Одним или двумя годами ранее Нектанеб сменил на троне Акориса.

Диодор описывал это так:

«Когда все эти события происходили в Греции, Акорис, царь Египта, уже давно затаивший вражду к персид-

¹ H. R. Hall, «Egypt to the coming of Alexander», *Cambridge Ancient History*, 1st ed. (1927), VI, 148.

скому царю, собрал отовсюду большую армию чужеземцев. Ибо платя много и будучи при этом очень щедрым, он за короткое время собрал вместе множество греков, которые записались к нему на службу. Но, желая иметь искусного военачальника, он послал за Хабрием, афинянином, превосходным командующим, высоко чтимым за свои заслуги, который принял эту должность, но без согласия народа (Афин), и таким образом со всем усердием приготовился к войне против персов»¹.

В тех схватках, которые армия Нектанеба имела с персидскими отрядами, Хабрий и его наемники играли главенствующую роль. Персы были изгнаны из Египта.

Но Фарнабаз (назначенный персидским царем главнокомандующий), сделав большие запасы денег для этой войны, направил послов в Афины с жалобой на Хабрия, дав им понять, что, приняв на себя должность главнокомандующего при египетском царе, он сильно восстановил царя Персии против афинского народа². Тогда он попросил прислать к нему Ификрата, чтобы помочь командовать армией. После этого афиняне (которым чрезвычайно важно было сохранить доброе мнение царя и обеспечить поддержку Фарнабазом их интересов) без промедления отозвали Хабрия из Египта и назначили Ификрата помогать персам³.

Мы теперь видим, что странная смена ролей, запечатленная на стенах храма Мединет-Абу Рамзесом III, получает полное объяснение. Сначала персы и греки поддерживали фараона. Под предводительством Хабрия греки служили фараону в его войне против персов. Затем Хабрий был отозван в Афины, а Ификрат с греческими наемниками прибыл на помощь персам, и они вместе сражались против египтян.

¹ *The Historical Library of Diodorus the Sicilian*, trans. G. Booth (London, 1814), XV, 3, p. 21.

² Hall (*Cambridge Ancient History*, VI, 148) относит эту историю к 377 г. до н. э.; это вступает в противоречие с его датировкой событий (*ibid*, p. 146). См. также сноски Шарля Л. Шермана к его переводу Диодора (*Loeb Classical Library*, 1952), Vol. VII, p. 24—25.

³ Diodorus, XV, 3.

Диодор также рассказал, что когда Сократид был архонтом в Афинах, а Квинт Красс (Сервилий), Сервий Корнелий и Спурий Папирий были военными трибунами в Риме, «в это время царь Персии выступил против египтян, которые восстали незадолго до этого». Четко назван год — 374—373 до н. э.

«Армия находилась под командованием Фарнабаза и Ификрата, афинянина; варвары были у Фарнабаза и двадцать тысяч наемников у Ификрата, который был в такой милости у царя за свое превосходное поведение (стратегическое искусство), что тот поручил ему ими командовать. Фарнабаз посвятил много лет подготовке к этой войне»¹.

Ификрат, впечатлительный и пылкий, в отличие от Фарнабаза, немедленно приступил к действиям. Зная о «ловкости его (Фарнабаза) языка», Ификрат как-то обратился к нему, говоря, что удивляется, «как человек, столь словоохотливый, может быть настолько медлителен в своих действиях». Фарнабаз ответил, что он «мастер слов, но король своих поступков».

Персидский сатрап и греческий стратег собрали свои армии в Акко в Северной Палестине. Диодор писал:

«Когда войска царя явились в Акес (Акко), в Сирию, и там собрались, всего обнаружилось двести тысяч варваров под командованием Фарнабаза и двадцать тысяч греков под командованием Ификрата»².

Похоже, что Рамзес III упоминал именно об этом лагере, когда писал: «Они собрались лагерем в одном месте в Аморе (Сирия)».

---

¹ Diodorus, XV, 5.

² Ibid.

Вторжение флота в Дельту

В этой войне основной стратегической силой, игравшей главную роль, должна была стать не огромная армия, оснащенная и расположившаяся лагерем в Акко, а морской экспедиционный корпус, хотя эта роль и не оказалась для него успешной.

«К началу весны военачальники, собрав все морские и сухопутные силы, отправились в Египет. Когда они приблизились к реке Нил, то обнаружили, что египтяне готовы к битве»¹.

В течение тех лет, когда персидский сатрап вел тщательную подготовку к внезапному нападению на Египет, у фараона было время подготовиться к обороне. План атакующих состоял в том, чтобы прорваться через одно из устьев Нила с помощью флота.

Можно сравнить то, что писал Рамзес III о своих приготовлениях и ходе войны, с тем, что Диодор сообщал о приготовлениях и ходе войны фараона Нектанеба I. Диодор писал:

«В обозначенное время Нектанеб, царь египетский, успел разузнать о мощи персидского войска; но он в высшей степени доверял силе собственной страны, поскольку доступ в Египет был очень труден со всех сторон, и путь был блокирован Нилом по суше и по морю в течение семи месяцев. Ибо в каждом устье, где Нил впадал в море, был выстроен город с большими крепостями или башнями на каждом из берегов реки...

Из них из всех наиболее укрепил он Пелусий, потому что все сочли, что, будучи ближайшим к Сирии пограничным городом, он может побудить врага войти в страну этим путем. Поэтому они сделали вокруг этого города ров, а там, где было место, через которое мог войти какой-

¹ Diodorus, XV, 5.

нибудь корабль, они возвели стены, чтобы препятствовать проходу. А если были какие-нибудь броды, через которые открывался путь на Египет по суше, то их затопили водой. А где мог пройти корабль, там он навалил камней и гравия. Из-за таких мер было очень трудно и почти невозможно пройти кораблю, коннице или пехоте»¹.

Рамзес III писал:

«Они шли к Египту, где для них был приготовлен огонь. В их союз входили Pereset, Theker, Shekelesh, Denyen и Weshesh — объединившиеся земли. Они наложили свои руки на владения во всех концах земли, их сердца были полны уверенностью: «Наши планы сбудутся!»

...Я подготовил мою границу в Захи... Я заставил приготовить устье Нила, как мощную стену, укрепив его военными кораблями и галерами»².

Возведение укреплений на входе в устья Нила описано и Рамзесом III и Диодором. Оба они говорят о том, как в целях предотвращения насильственного вторжения в устья Нила фараон возвел в них стены — очень необычное инженерное сооружение, не известное ни из ранней, ни из более поздней истории Египта.

Диодор рассказывал, что, когда флот атакующих понял непроходимость Пелуснанского устья Нила, он отправился к другому, Мендесскому устью. Здесь кораблям удалось прорваться, и после короткой схватки с египетским войском они пристали к суше и заняли крепость в устье Нила. Диодор продолжал:

«Они направили свой путь в Мендес, в другое устье Нила, где берег отходит на большое расстояние от основного материка. Здесь они спустили на сушу три тысячи людей, и Фарнабаз и Ификрат захватили крепость, построенную в самом устье реки. Но египтяне подошли с тремя тысячами конницы и пехоты к этому месту, после чего разыгрался жаркий бой»³.

¹ Diodorus, XV, 5.

² Edgerton and Wilson, eds., *Historical Records of Ramses III* (1936), p. 5.

³ Diodorus, XV, 5.

Один из барельефов Рамзеса III изображает морскую битву в устье Нила (плита 7). Пять кораблей неприятельского флота захвачены четырьмя египетскими кораблями. На этот раз врагами египтян оказались воины в рогатых шлемах и коронообразных тиарах. Египетский текст, сопровождающий эту сцену, гласит:

«Теперь северные страны... проникли в каналы нильских устьев... Его величество устремился на них, как вихрь...»

Рамзес III, подобно Диодору, писал, что врагу удалось войти в устья Нила. Это проникновение в Мендесское устье Нила и захват крепости на берегу этого устья вряд ли были успешными, Рамзес писал:

«Те, кто пришли на землю, были отброшены и уничтожены... Они, вошедшие в устье Нила, были подобно птицам, попавшим в силки»¹.

Диодор объяснил, почему захват теперь полуразрушенной крепости стал ловушкой для нападающих. Ификрат и Фарнабаз, греческий и персидский военачальники, не пришли к согласию, вплоть до ссоры, по поводу тактики. Ификрат хотел попытаться подняться по Нилу до самого Мемфиса и захватить этот город, прежде чем египтяне смогут собрать там достаточно сильный гарнизон. Этот афинский генерал был одним из самых тонких стратегов, каких когда-либо знала Греция.

«Он (Ификрат) посоветовал, чтобы они плыли всем флотом дальше, прежде чем соберется вся египетская армия; но Фарнабаз и все его воины были за то, чтобы ждать, пока подойдут все персидские сухопутные и морские войска, так чтобы экспедиции угрожала меньшая опасность. Но тогда Ификрат предложил предпринять захват этого города силами тех наемников, которые были с ним, если ему дадут свободу действий. По этому поводу Фарнабаз преисполнился зависти к доблести и чести этого человека и начал опасаться, как бы весь Египет не был завоеван только силами его армии, и потому отказал ему в этой просьбе. После этого Ификрат с достоинством выступил против всех

¹ Edgerton and Wilson, eds., *Historical Records of Ramses III*, p. 53.

них, заявив, что вся эта экспедиция будет бесполезной и напрасной по их недомыслию, если они позволят упустить такую возможность. Но Фарнабаз испытал к нему еще большую зависть и ответил ему оскорбительными речами»¹.

Старый персидский сатрап убеждал, что им следует ждать прибытия главных военных сил, движущихся по суше.

Отказ от плана стратега, который был приглашен персами для помощи в ведении войны против Египта, по-видимому, имелся в виду и Рамзесом III, когда он написал:

«Они вопрошали вождя своими устами, но не своим сердцем».

Египтяне, говорил Диодор, имели теперь достаточно времени, чтобы «установить сильный гарнизон в Мемфисе, и в составе всей своей армии отправились к маленькому городку, прежде чем он был разрушен. И, побеждая персов в многочисленных стычках, они не давали им никакой передышки и, становясь все сильнее и сильнее, устроили их большое истребление и с каждым днем становились все решительнее».

Рамзес III писал:

«...И пока они двигались в Египет, передав порыв сердца своим рукам, для них были приготовлены силки, чтобы захватить их.

Те, которые вошли в устья Нила, были схвачены, брошены в него, связанные, убитые, и их тела были изрублены»².

И Рамзес III и Диодор почти в одинаковых выражениях описывали уничтожение захватчиков — Пересет и народов островов, или персов и греков.

На барельефе, который сопровождается этой надписью, Рамзес III изображен стоящим на носу корабля перед крепостью, выстроенной в устье Нила. Его государственные чиновники демонстрируют ему пленных. Рамзес говорит:

«То, что я приказывал, исполнилось, и все мои указания и мои планы свершились».

¹ Diodorus, XV, 5.

² Edgerton and Wilson, eds., *Historical Records of Ramses III*, p. 42.

Над крепостью написано: «Мигдал». «Мигдал» по-еврейски означает «башня» или «бастион». Это, должно быть, та самая крепость, которая, как сообщал Диодор, была построена в устье реки и захвачена нападавшими, где они подверглись осаде. Действительно в тексте Диодора есть слово «pyrgos», т. е. башня — то самое, которым воспользовался и Рамзес III. Именно так оно воспроизведено и в современном переводе Диодора¹. Стоит также обратить внимание на то, что Рамзес III воспользовался еврейским словом для обозначения башни: о внедрении еврейских слов в египетский язык в эпоху этого фараона мы поговорим чуть подробнее позже.

Эта военная экспедиция оказалась полным провалом. Персидская армия заняла крепость на несколько месяцев, но, когда уровень воды в Ниле стал подниматься, «военачальники решили немедленно покинуть Египет» (Диодор).

Рамзес писал:

«Их флот прекратил наступать на границы Египта».

О том же писал и Диодор:

«Таким образом, все эти большие приготовления к военной экспедиции в Египет не привели ни к чему».

Поспешное отступление имело драматические последствия. Рамзес писал:

«Их вожди...бежали жалкие и дрожащие».

Диодор подтвердил, что Ификрат тайно бежал от персидского сатрапа, боясь, что его могут обвинить в неудачном ходе кампании.

«Потому как только они вернулись в Азию, Фарнабаз возобновил ссору с Ификратом: в ответ на это Ификрат разузнал, как ему тайно исчезнуть из этого лагеря. В конце концов (приготовив для этой цели корабль) он ночью поднялся на борт и так поплыл в Афины: но Фарнабаз направил за ним послов и объявил его виновником неудачи плана, связанного с захватом Египта. На что афиняне ответили: если он виновен, то они накажут его согласно его

¹ Diodorus, trans. Charles L. Sherman (Loeb Classical Library), XV, 42.

проступкам. Но очень скоро после этого они сделали его адмиралом всего своего флота»¹.

Рамзес III очень гордился своей победой не просто над сильным врагом, но над известными военачальниками, отмеченными успехами и увенчанными лаврами. Он знал настроение Греции, никогда не испытывавшей искренней преданности персидскому царю. Она скорее всего приветствовала эту победу.

«Их народ воздаст хвалы мне».

Война Рамзеса III на суше и на море против захватчиков из Сирии, которая закончилась их изгнанием, была описана им самим. Греческие историки рассказывали историю Рамзеса III как историю Нектанеба I.

«Из египетских надписей мы ничего не знаем об истории Египта во время царствования Нектанеба I, и только к классическим авторам, в особенности к Диодору, мы должны обращаться за информацией, касающейся хода войны между греками и персами, а также роли, которую играл в ней Египет»².

О «войне Нектанеба» не удастся обнаружить никаких египетских источников, потому что отчет о ней уже содержится в летописях фараона, которому современные историки дали имя Рамзеса III. Никаких исторических данных о войне Рамзеса III не будет обнаружено ни в еврейских, ни в греческих источниках, потому что отчет о ней содержится в истории Нектанеба I.

Среди своих поверженных врагов Рамзес III в первую очередь называл «Denien» или «Thenien». Скорее всего это были афиняне (а не данайцы, как порой предполагается).

¹ Diodorus, trans. Charles L. Sherman (Loeb Classical Library), XV, 52.

² E.A. Wallis Budge, *A History of Egypt* (New York, 1902), VII, 101.

ГЛАВА III

Воинское искусство

Воины народов моря

Солдаты народов моря, Tjeker, Shekelesh, Teresh, Weshesh и Sardan, были выходцами из региона Малой Азии. О «Denien», однако, Рамзес III говорил как «о народах островов». Мнение о том, что эти солдаты были древними греками, уже высказывалось учеными, которые рассматривали события, рассказанные и проиллюстрированные Рамзесом III, как греческое вторжение в Египет, которое произошло вскоре после падения Трои. Если быть более точным, то именно этих воинов следовало бы считать микенскими греками и их союзниками или, если такая классификация более предпочтительна, гомеровскими греками, поскольку троянская война велась последним поколением эллинов, предводитель которых Агамемнон, сын Атрея, был царем Микен.

Чтобы обосновать тождество «Denien» и микенских греков, было заявлено, что «Denien» (Dnn) означают данайцев (гомеровское название архаических греков). В некоторых текстах, однако, они связываются с сирийским побережьем, а в других — с Кипром. Я же склоняюсь к отождествлению «Denien» с афинянами, поскольку звуки «d» и «t» обозначаются в египетском языке одной и той же буквой.

Выражение «народы островов» также указывает на эгейский регион и в широком смысле может охватывать Кипр, Крит, Сицилию, а также Пелопоннес, так как со времен древности южная часть Греции, ниже коринфского Истма (Пелопоннес), упоминалась как остров. Равнина Аргоса (Арголида), Спарта, Аркадия и Ахайя рассматривались как части какого-то острова. И действительно, узкий Коринфский перешеек — это всего лишь мостик меж-

ду континентальной Грецией и Пелопоннесом (островом Пелоп).

Еврейские пророки Исайя II, Иеремия и Иезекииль обычно говорили об эгейском архипелаге и об эллинском мире в целом как об «островах». «Слушайте Меня, острова, и внимайте, народы дальние» (Книга Исайи 49:1)¹. «И всех царей Тира и всех царей Сидона и царей островов, которые за морем» (Книга Иеремии 25:22)².

Народы моря — это общее название конгломерата племен или конфедерации народов. Рамзес III называет эти многочисленные народы, обозначенные этим родовым названием: Tjkr, Skls, Trs, Wss и Srdn. Были предприняты различные попытки идентифицировать эти племена. Tjeker могут быть тевкрами или греками, которые обосновались в пятом веке в Доре, городе Tjeker. Shekelesh — это, вероятно, производное от сагалассов из Малой Азии. Teresh может быть производным от Тарса или Тира. Weshesh, вероятно, происходит от Аса, Иаса или Исоса в Малой Азии. Sardan известны как наемники фараонов девятнадцатой династии Сети и Рамзеса II. Фонетическое звучание этого названия побудило одних ученых выбрать Сардинию, а других — Сардис, столицу Лидии в Западной Малой Азии. Лидийское царство, однако, датируется начиная с восьмого и последующими столетиями³.

Говоря о Sardan, служивших при фараонах девятнадцатой династии, я могу доказать на основании независимых источников, что эти народы следует считать народами Сардиса.

Важно отметить, что провинция, которой управлял Фарнабаз, называлась «Туайу Драаһуа», или «Те (народы), что с моря». Эта сатрапия находилась в Малой Азии и, очевидно, была той самой территорией, которая у Рамзеса III называлась землей «народов моря».

¹ См. также Исайя 59:18; 60:9; 66:19.

² См. также Иеремия 31:10; Иезекииль 27:35; Захария 2:11.

³ Ханфманн, проводя раскопки Сардиса и обнаружив стену, подобную стенам Трои VI, заметил, что древний Сардис восходит к тринадцатому веку. Не следует ли опровергнуть его точку зрения?

Надпись рядом с одним из барельефов Мединет-Абу, где изображена группа пленных в одеяниях, характерных для Pereset, называет их «Тжекег» (Tjkr); другая подобная же группа обозначена в иероглифической надписи как «De-pien». Третья, и самая многочисленная, с идентичными головными уборами и одеждами, названа Pereset¹. Это позволяет выяснить, что солдаты и матросы из персидских сатрапий, составлявшие императорскую армию Артаксеркса II, были одеты так же, как персидские воины. Но они были призваны на военную службу, а солдаты в рогатых шлемах были наемниками.

С того времени, как Геродот посетил Египет в пятом веке, создается впечатление, что применительно к народам западного побережья Малой Азии в целом или, возможно, к какой-то отдельной их группе чаще всего применялось название «тевкры». Тжекег как матросы появляются также в истории Венамона, о чем будет сказано дальше в нашей книге.

Тип лица солдат в рогатых шлемах, изображенных на барельефах Рамзеса III, очень напоминает внешность греков века Перикла, и на это также обращено было внимание. Европейский, в частности греческий, тип очень характерен: лицо явно напоминает хорошо известный бюст молодого человека VI—V вв. до н. э., находящийся в Музее Акрополя в Афинах². Эксперт-искусствовед, который описывал таким образом воина с барельефа в Мединет-Абу, датированного 1190 г. до н. э., не имел намерения вносить какие-либо уточнения в эпоху Рамзеса III; он исходил из общепринятой хронологии, согласно которой между временем создания двух сходных моделей пронеслось семь столетий.

Однако имеются и внешние различия между греческими моделями пятого или любого из предшествующих столетий и народами моря. Народы моря, подобно Pereset, были безбородыми. Сохранившиеся образцы греческого искусства, с тех времен, от которых дошли какие бы то ни было сведения или изображения, показывают, что грече-

¹ Trude Dothan, *The Philistines and Their Material Culture* (in Hebrew) (Jerusalem, 1967).

² *Cambridge Ancient History*, volume of plates, C.T.Seltman, ed. (1927), p. 152.

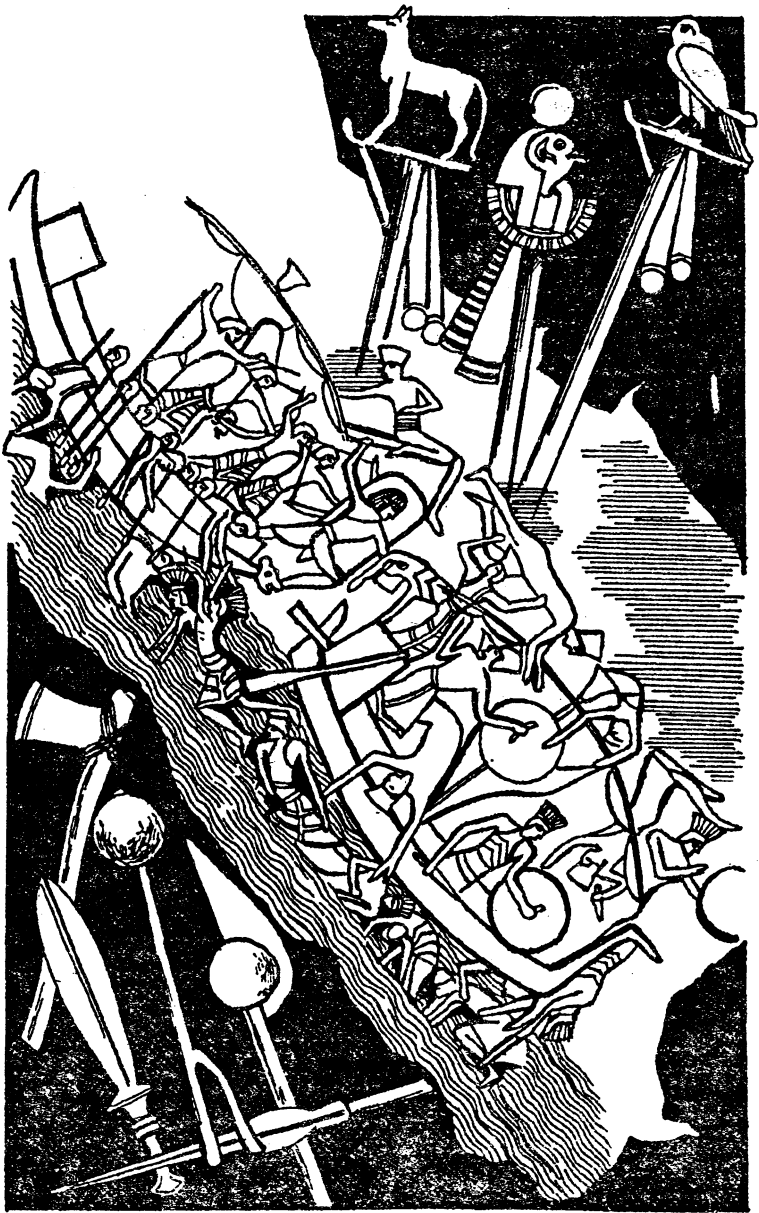

ские мужчины отращивали бороды, и только не раньше конца пятого или в четвертом веке они начали бриться. Микенские вазы часто украшались человеческими фигурами в ярких одеждах, и мужчины на этих картинах обычно бородатые. Гомеровские герои, за исключением Ахилла, изображались греческими художниками седьмого и последующих столетий с бородами. Но Ахилл, чтобы избежать участия в троянской войне, смог выдать себя за девушку и жил среди девственниц при дворе Ликомеда, царя острова Скирос, где он был изобличен Одиссеем, разложившим перед ним оружие, а Ахилл выдал себя восторгом, который испытал при виде его. Греческие мужчины носили бороды при Перикле. Это касалось взрослых мужчин. Эфебы, юноши в период возмужания, подобно тем, что изображены на фризе Парфенона, рисовались, разумеется, безбородыми. Воины народов моря не были эфебами, только что вступившими в армию, это были взрослые мужчины, имевшие привычку бриться.

Как уже упоминалось, Александр скопировал древний военный обычай брить бороды, когда македонцы отправились с походом в Малую Азию. Следовательно, можно предполагать, что различные этнические группы в Малой Азии и находившиеся там греки уже привыкли бриться. Безбородые греческие солдаты на барельефах Мединет-Абу, отнесенных к началу двенадцатого века, к концу микенской эпохи, предположительно ко времени странствий Одиссея, — это явный анахронизм. Только этой детали достаточно, чтобы подвергнуть серьезному сомнению общепринятую точку зрения, в соответствии с которой народы моря были микенскими греками.

Вооружение народов моря — также весьма значимый указатель. Шлемы, туники, латы, мечи, щиты, копья — все это принадлежит греческим наемникам четвертого века, находящимся на персидской службе. Греческий воин в шлеме с двумя рогами изображен на вазе, обнаруженной в афинском Акрополе¹. Но шлем с рогами и с гребешком был

¹ W. Reichel, *Homericische Waffen* (2nd ed., 1901), Fig. 47. Внешний вид воинов, представлявших народы моря на барельефах Мединет-Абу, дал повод Рейхелю отнести греческий портрет на вазе из Акрополя к гомеровской эпохе.

первоначально головным убором лидийских воинов из армии Ксеркса¹. Через сто лет после того, как Ксеркс вступил на трон, шлемы с рогами, но не прикрывающие уши, стали, вероятно, частью униформы греков, состоявших на службе в персидской армии, прежде всего на морской службе².

Рогатые шлемы носили афинские солдаты четвертого века, состоявшие на службе сначала у египтян, а потом у персов. Существует отличие между афинским шлемом, который носили солдаты, служившие у Хабрия (диск между рогами), и тем шлемом, который характерен для воинов Ификрата (без диска между рогами). Это изменение формы шлема говорит о том, что народы моря, покинувшие своего союзника — Египет, и те же народы, атакующие Египет в союзе с Персией, — это не одни и те же войска, перебежавшие на другую сторону. Афинские солдаты не переходили от египтян на сторону персов; солдаты Хабрия были отозваны из Египта, а другие войска под командованием Ификрата получили приказ отплыть на помощь персам.

Сорок лет спустя двурогий шлем носил Александр во время своей кампании в Азию и Египет. Прозвище Александра по-арабски звучало как «Dhul-Karnein», или «Два рога». Рога Александра, однако, были больше похожи на бараньи.

Правильная датировка народов моря может быть подтверждена еще более надежными свидетельствами — их оборонительным и наступательным оружием, мечами и щитами.

¹ Детально описав внешний вид азиатских фракийцев, или бистонийцев, Геродот писал еще об одном греческом контингенте, название которого отсутствует в дошедших до нас списках его трудов (VII,76): «Они носили бронзовые шлемы с ушами и бычьими рогами, сделанными из бронзы, а также гребни». Эти воины скорее всего были из Сардиса — места, которое по логике сменило Битинию.

² Рогатый шлем с диском обычно использовался в Персии в более поздние времена: царь Хосров I из персидской династии Сасанидов (относящейся к эпохе Римской империи) был изображен в таком шлеме во время охоты на каменных козлов. A.U.Pope, *Survey of Persian Art*, Vol. IV (1939), Plate 213.

Сначала мы видим мечи нормальных размеров, но у народов моря эти короткие мечи меняются на очень длинные.

Народы моря также постепенно меняли длину своих копий: мы тоже встречаем и короткие и длинные копия. Щиты также имеют две различные формы: почти прямоугольный, который закрывает большую часть тела, и круглый.

Дальше мы прочтем о том, что такая перемена в вооружении афинских солдат произошла в начале четвертого века.

Реформа Ификрата, запечатленная Рамзесом III

Как уже упоминалось, Ификрат в 390 (или 391) г. до н. э. завоевал себе славу победой с помощью полка афинских солдат над спартанской «*motha of hoplites*» (тяжеловооруженными воинами) под стенами Коринфа. Это он решил увеличить наступательную мощь своих солдат, усовершенствовав их оборонительное оружие. Он одел их в туники вместо тяжелых доспехов; он изменил форму щитов; он удлинил пики на половину их прежней длины; мечи тоже стали более чем в два раза длиннее, почти утроив свою прежнюю длину. Уже в первом бою «*motha of hoplites*» были разбиты «*peltasts*» (легковооруженными воинами), и малоподвижные спартанцы были обращены в бегство афинянами. Ификрат ввел множество и других стратегических инноваций в искусство вооружения.

На картинах в Мединет-Абу мы имеем возможность видеть, какие перемены переживала греческая армия. Солдаты народов моря одеты в туники, некоторые в легких латах, но ни один не имеет тяжелых доспехов. Можно также проследить за изменениями меча, копья, дротика и щита. Мы видим как короткие мечи, так и очень длинные, введенные Ификратом, короткие и длинные копия, а также

щиты двух различных форм — квадратные, которые закрывают большую часть тела, и маленькие круглые. Новое афинское вооружение, возможно, было введено в Египте Хабрием, который помогал фараону в более ранних военных кампаниях.

В период между 390 г., когда «peltasts» были в первый раз введены в действие, и 375 г., когда Египет при Нектанебе порвал с Персией, реформы Ификрата были приняты и другими греческими генералами, но оружие старого образца еще использовалось в некоторых полках. Хотя тяжелые кольчуги не были приняты в армии наемников, как это показано на барельефах Рамзеса III, рядом с батальонами, заново вооруженными очень длинными мечами и круглыми щитами, все еще оставались солдаты со старинными короткими мечами и тяжелыми щитами, прямыми внизу и закругленными сверху. Реформа, как мы видим, только шла и постепенно приобретала сторонников.

У народов моря, «участвовавших в сухопутной и морской войне при Рамзесе III, были огромные мечи», пишет Лоример¹, и это тоже соответствует тому, что мы ожидали увидеть у греческих наемников в тот период, когда вводилась реформа Ификрата, и в войсках, которыми он командовал.

Сам Рамзес III писал, что необычные мечи, использовавшиеся в период ливийской кампании, имели в длину «пять локтей»².

Поскольку Ификрат присоединился к Фарнабазу в 374 г. до н. э. с греческим войском в двадцать тысяч человек, которое теперь выступило против Египта, мы вновь можем провести сравнение и более четко выяснить, каковы были его последние новшества. Диодор Сицилийский посвятил несколько фрагментов реформам Ификрата, рассказывая о войне между Нектанебом и персами, в которой этот афинский генерал принимал участие. Он «уделял особое внимание созданию новых видов оружия» и сделал мечи почти в три раза длиннее. «У греков ранее был обычай

¹ H.L.Lorimer, *Homer and the Monuments* (1950), p. 267.

² F.W.von Bissing, *Studi Etruschi* (1932), IV, 75. Breasted reads «five feet».

носить большие и тяжелые щиты; но, поскольку своим весом они задерживали солдат во время марша, он (Ификрат) изменил их форму и заказал для их вооружения щиты меньших размеров... Он также изменил образцы их пик и мечей. Он сделал, чтобы пики были в полтора раза длиннее прежних, а мечи — почти в два раза. Такое изменение теперь оправдалось практикой и опытом, и репутация этого генерала чрезвычайно укрепилась благодаря полезности его хитроумных изобретений. Позже он изменил и солдатскую обувь, чтобы ее можно было быстрее надевать, чтобы легче было в ней ходить и легче ее сбрасывать. И потому эта обувь в то время называлась ификратиками. Он изобрел множество других вещей, связанных с мореходством, о которых слишком долго было бы здесь рассказывать. Но все эти великие приготовления к военной экспедиции в Египет не привели ни к чему»¹.

Картины в храме Рамзеса III в Мединет-Абу иллюстрируют описание Диодора.

Может быть, реформы Ификрата уже были обдуманы и проведены за восемь столетий до его рождения?

Повозки с «их наложницами»

Во время военной кампании в Египет воинов Пересет сопровождали повозки, заполненные женщинами. Один из барельефов в Мединет-Абу, в верхнем ряду сцены, изображающей битву, показывает несколько повозок с девицами, попавшими крайне неудачно в самую гущу схватки. Три женщины поднимают руки, как бы защищаясь или моля о пощаде, а одна юная девушка, по видимому, пытается бежать или падает из повозки (см. плиту 5).

Геродот, рассказывая об обычаях персов в ходе войны, говорит, что, когда они отправлялись в военные походы

¹ Diodorus, XV, 5.

ды, их сопровождали повозки, «в которых ехали их наложницы»¹.

Повозки, занятые женщинами, имеют кубическую форму. В них запряжены быки.

На монетах, отчеканенных в Сидоне в самом начале кампании Фарнабаза против Египта, можно разглядеть царскую колесницу². Сидон находился под персидским владычеством. В эту колесницу запряжены лошади, но любопытно, что она тоже имеет кубическую форму, резко отличающуюся от колесниц ассирийцев, «хиттитов», египтян, микенцев, или греко-ионийцев, этрусков и минойцев.

В морском бою, изображенном на стенах храма в Мединет-Абу, Pereset используют главным образом мечи, а не оружие, соответствующее конкретной ситуации; народы моря, находящиеся на своих собственных кораблях, но сражающиеся в союзе с Pereset, пользуются копьями, но египтяне используют луки и очень длинные пики, хорошо приспособленные для морского боя с близкого расстояния. Можно видеть одного египтянина, которому удается со своего корабля пронзить противника на другом корабле длинной пикой.

Геродот (VII, 89) говорит, что египтяне в армии Ксеркса «были вооружены пиками, предназначенными для морского боя, и очень длинными алебардами».

Брандеры

Есть возможность предложить новую интерпретацию одного выражения в тексте Рамзеса III. Там так сказано о приближающемся флоте врага: «Они пришли, а огонь был приготовлен для них»³. И вновь при

---

¹ Herodotus, VII, 83.

² Sir George F. Hill, *Catalogue of the Greek Coins of Phoenicia* (London, 1910), Plates XIX, 5, and others.

³ Edgerton and Wilson, eds., *Historical Records of Ramses III*, p. 55.

описании входа в устье Нила: «И для тех, кто пришел морем, пламенем были охвачены все устья Нила»¹. В двенадцатом веке зажигательные факелы были неизвестны как оружие для штурма или обороны крепостей. Поэтому эти фразы были истолкованы как риторические фигуры, аллегорически изображающие ярость. «Когда в этом тексте говорится об «охватившем пламени», кто может догадаться, что имеется в виду египетский флот; или когда говорится о «металлической стене», кто может предположить, что речь идет об египетской армии?»². Следует признать, что, ввиду свойственного Рамзесу III цветистого стиля, такое объяснение может казаться вполне приемлемым. Тем не менее повествовательный характер отрывков о «приготовленном пламени» и «охватившем пламени» заставляет нас усомниться в том, что это всего-навсего простые аллегии.

Ассирийцы стали применять «зажигательное» оружие, используя горящую смолу и горящие горшки при осадах, как об этом свидетельствуют их барельефы. Геродот³ рассказывает, что персы применяли стрелы с горящей паклей на концах, когда Ксеркс захватил Афины в 480 г. до н. э. В Пелопоннесской войне (413 г. до н. э.), согласно Фукидиду⁴, использовались брандеры и металась горящие просмоленные факелы.

«Эней Тактик (360 г. до н. э.) описывает способ устройства мощного пожара с помощью горшков, наполненных смесью смолы, серы, сосновой коры и ладана или канифоли. Эта ароматическая смесь могла также, как он говорит, прикрепляться к широким деревянным пестикам с металлическими крючьями на концах, которые бросались на деревянные палубы кораблей, сами к ним прикрепляясь, или на деревянные укрепления осажденных войск»⁵.

Когда в 332 г. до н. э. Александр Великий штурмовал Тир на горе вблизи Финикийского побережья, воины Тира

¹ Ibid.

² Breasted, *Ancient Records*, Vol. IV, Sec. 21.

³ Herodotus, VIII, 52.

⁴ Thucydides, VII, 53. See also IV, 100.

⁵ J.R. Partington, *A History of Greek Fire and Gunpowder* (1960), p. 1.

использовали брандеры. Они также возвели на стенах башни и атаквали корабли выбросами огня¹.

Точной датой встречи Рамзеса III с вражеским флотом в Мендесском устье является 374 г. до н. э. Использование брандеров и зажигательных снарядов через тридцать девять лет после осады Сиракуз во время Пелопоннесской войны и за сорок два года до осады Тира Александром вовсе не было аллегорическим действием.

Mariannu

Остается еще один участник войны Рамзеса-Нектанеба с персами и греками, идентифицировать которого пока не удалось. Рамзес III писал, что усиливая оборону сухопутной границы, он укрепил место, называемое Захи, на египетско-синайской границе, и это соответствует тому, что говорил Диодор об оборонительных работах, проведенных Нектанебом I на восточной сухопутной границе. Рамзес III упомянул и об организации гарнизона:

«Я организовал свою границу в Захи, поставил перед ней князей, командующих гарнизоном и Марианну»².

Кем были эти Марианну — единственные достойные доверия союзники Египта? Сначала предполагалось, что Марианну — это арамейское слово «Mareinu», означающее «благородные». Но кем могли быть эти чужеземные воины в Египте двенадцатого века, называемые арамейским словом, Арамейский — это семитский язык, который заменил в Палестине еврейский после вавилонской ссылки и на котором были написаны Книги Ездры и Даниила, а позже Талмуд. В начале нашей эры он был обиходным языком

¹ Arrian, *Anabasis of Alexander*, trans. E. I. Robson (Loeb Classical Library, 1929), II, 21. Cf. *Cambridge Ancient History*, VI (1927), 374—375.

² Edgerton and Wilson, eds., *Historical Records of Ramses III*. Уилсон считает Захи пограничным пунктом. Некоторые ученые полагают, что Захи — это обозначение какого-то обширного района Палестины.

евреев в Палестине. Древнейшие арамейские надписи датируются девятым и восьмым веками.

Присутствие в Египте двенадцатого века представителей семитской знати, обозначаемых арамейским названием, требовало объяснений. Эта идея была отвергнута как абсолютно противоречащая условиям места и времени, и были выдвинуты другие теории, в соответствии с которыми слово «Магиаппи» заимствовано из языка Митании или из санскрита¹. Сдвигая историческую сцену, мы можем вновь задать вопрос: не является ли Магиаппи Рамзеса III арамейским обозначением «знатных людей»?

В 1906 году среди развалин древних строений в южной части Элефантины, острова на Ниле напротив Асуана, были обнаружены папирусы, написанные по-арамейски. Они были найдены всего на глубине полметра от поверхности, в песке и мусоре, ничем не защищенные. Установлено, что эти документы должны относиться к пятому веку до нашей эры, ко временам персидского владычества в Египте. Старейший из них датируется 494 (или 483) г. до н. э., самый последний — 407 г. На многих из них упоминаются имена персидских царей вместе с годами царствования царя, при котором был написан данный документ, что делает возможной точную датировку папируса.

Эти документы обнаруживают тот факт, что в Аб-Элефантине существовало еврейское военное поселение. Это место находилось на южной границе Египта, и его задачей была охрана земель от вторжения со стороны Нубии. В этом поселении находился храм, где почитался Яхо (Яхве) совместно с Анат-Венерой. Этот храм и поселение уже существовали, когда Камбиз напал на Египет. Разрушив египетские храмы, он не повредил храм Элефантины — так записано на одном из папирусов.

¹ A. Gustavs, *Zeitschrift für Assyrologie*, XXXVI, Neue Folge, II, (1925), 297 ff. Густавс утверждает, что языком «Mariannu» был не арийский (санскрит), как предполагал Уинклер (*Orientalistische Literaturzeitung*, XIII, (1910), 291, а субарийский (Митания). См. также работы: W. F. Albright, *From the Stone Age to Christianity* (Baltimore, 1940), p. 153; cf. Sidney Smith, *Early History of Assyria* (London, 1928), p. 237—238. Cf. R. T. O'Callaghan, «New light on the Mariannu as "Chariot Warrior"», in *Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung*, I (1950—1951), 309—324.

Социальный статус членов этого военного поселения был привилегированным: у них были рабы, и к ним относились с уважением как к профессиональным военным, составляющим постоянный гарнизон страны.

Но в 410 г. жрецы Хнума, исполненные враждебности, воспользовавшись отсутствием персидского наместника, убедили местного правителя позволить разрушить храм в Аб-Элефантине. Старейшины военной общины получили некоторую сатисфакцию сообщением о наказании преступников. Но храм так и не был восстановлен, и по этому поводу они писали персидскому сатрапу Багоазу в Иерусалим и двум сыновьям Санбаллата — сатрапа в Самарии. Багоаз был тем человеком, который сменил Неемию¹, и Санбаллат постоянно упоминался в Книге Неемии как противник его благочестивого стремления восстановить стену в Иерусалиме.

Это частное письмо было написано в 407 г. до н. э. и является последним в найденной коллекции. Вскоре после этого Египет с оружием в руках восстал против персидского владычества. Неизвестно, что случилось с еврейским военным поселением. Выдержало ли оно мятеж и продолжало ли существовать? Участвовало ли оно в освободительной войне и защищало ли Египет от посланных Персией войск?

Нам следует только открыть опубликованный текст Элефантинских папирусов², чтобы найти ответ на вопрос, кем были Магианну Рамзеса III, и попутно выяснить судьбу еврейской военной колонии в Египте после 407 г. до н. э.

Самые первые слова одного из этих папирусов, написанного в 407 г. до н. э., — *el-magan*, что означает «господину», и слово «*magan*» повторяется вновь и вновь в этом и в других Элефантинских папирусах. Слово «*magan*» или «*magineu*» («наш господин») ставилось перед именем сатрапа в Иерусалиме, когда старейшины колонии писали ему. К ним самим рядовые члены колонии в письмах адресовались как к «*magineu*» («наши господа»). Эти притяжа-

¹ Josephus, *Jewish Antiquities*, XI, 297 ff.

² E. Sachau, *Aramäische Papyri und Ostraka aus einer jüdischen Militär-Kolonie zu Elephantine* (Leipzig, 1911). His preliminary publication is *Drei Aramäische Papyrusurkunden aus Elephantine* (Berlin, 1908). Эти папирусы были найдены в Элефантине в последние десятилетия прошлого века.

тельные формы единственного и множественного числа — *maḡepu* и *maḡeipu* — широко использовались в папирусах Элефантина.

Таким образом, мы имеем доказательство от самого Рамзеса III, что еврейское военное поселение еще существовало в Египте в 374 г. до н. э., что его члены были верны египетским интересам и что во время нашествия они были перемещены со спокойного юга на угрожающую восточную границу.

В 1953—1954 гг. были опубликованы новые арамейские документы, обнаруженные в Египте: они в течение десятилетий лежали неопубликованными в европейских и американских собраниях, и об их существовании широкой научной общественности было неизвестно. Некоторые из них, написанные на коже, датируются периодом с 411 по 408 г. до н. э. и писались персидским сатрапом Арсаном¹. Другая группа частных писем, написанных членами еврейской колонии в Элефантине, датируется периодом 499—399 гг. до н. э.² Из этой последней коллекции видно, что Артаксеркс II еще признавался царем в Элефантине в 401 г. до н. э. Из этих писем можно сделать точно такой же вывод по поводу идентификации «*maḡeipu*», как и из тех, которые были опубликованы в начале нашего века.

Руда из земли «Atika»

В дни Рамзеса III (Нектанеба I) сообщение между Грецией и Египтом развивалось необычайно быстро. В эпоху первых царей, в первой половине седьмого века, греческие наемники и купцы поселились в Египте, а в шестом веке, при Амазисе установился интеллектуальный обмен, когда греческие философы посетили страну, которая

¹ Purchased by L. Borchardt in the 1930s; published by G. R. Driver, *Aramaic Documents of the Fifth Century B.C.* (Oxford, 1954).

² Purchased in Aswan by C. E. Wilbour in 1893; published by E. G. Kraeling, *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri* (New Haven, 1953).

манила их возможностью познать древнюю науку и историю. Но во времена Рамзеса III контакты стали очень тесными, и Афины в Аттике сыграли важную роль в военной, политической и экономической жизни Египта. Наемники приходили, уходили и возвращались; корабли с дарами полей плавыли в Грецию, а оттуда шли корабли с товарами.

Такие отношения, почти прекратившиеся в пятом веке, когда Египтом управляла Персия, и тогда, когда Греция была ввергнута в Пелопоннесскую и Коринфскую войны, снова достигли расцвета с приходом к власти Рамзеса III, даже до того, как он порвал с персами.

В папирусе Харриса Рамзес III говорит:

«Я послал своих послов в страну «Атики»... на большие медные рудники, которые находятся на этой земле. Их доставили на своих галерах, а другие ехали сушей на своих ослах. Об этом и не слыхано было прежде, с тех пор как правят цари. Выяснилось, что в их рудниках изобилие меди, десять тысяч человек нагружали ею галеры»¹.

Где находилась земля «Атики», о которой идет речь в этом тексте? Брэстед говорит, что так называлась «некая территория, до которой можно было добраться из Египта и по морю и по суше, — всего вероятнее Синайский полуостров».

Это не мог быть Синай, ибо тогда Рамзес III не сказал бы: «Об этом и не слыхано было прежде, с тех пор как правят цари», т. е. со времен монархии в Египте, насчитывающей к тому времени несколько тысяч лет. Добыча меди в синайских рудниках производилась в течение Нового, Среднего, а возможно, и Древнего царства. Синайские вожди при Рамзесе III или в любой более ранний период не имели возможности отправлять руду на своих собственных судах. К тому же в иероглифических текстах этих ранних времен не было обнаружено никаких упоминаний об Аттике, а Синай находился буквально на пороге Египта.

Руда доставлялась на «их галерах», и это означает, что использовались не египетские корабли, а корабли той земли, которая производила руду. Первым делом приходит мысль о финикиянах, киприотах, лидийцах или греках,

¹ Breasted, *Ancient Records*, IV, 408.

которые все были народами-мореплавателями. Кипр имел и имеет до сих пор большие медные рудники — само название этого острова дало название данному металлу или, наоборот, остров получил свое название от металла. Но описание Аттики как территории, на которую можно попасть и по морю и по суше, исключает Кипр. В течение десятилетий царь Евагор вел войну против персов, препятствовавших вывозу товаров с Кипра, и, вероятно, поиски новых месторождений руды велись в странах, которые при обычных обстоятельствах ввозили бы эту руду с Кипра. Финикийцы также зависели от кипрской руды, необходимой им для ремесленного производства.

Если расположение Аттики зависит от конкретного условия, что на эту территорию можно попасть и по морю и по суше, как понимал это Брэстед, тогда можно сказать, что Аттика в Греции, государство, столицей которого были Афины, соответствует такому условию. Пересечение Геллеспонта (Дарданелл) совершалось регулярно в условиях войны и мира, и на галерах, и на плотках, и на временных плавучих мостах, составленных из барж: так поступил Ксеркс в 481 году до н. э., отправившись на завоевание Греции, и вслед за ним это повторил Александр, двигаясь на восток сто пятьдесят лет спустя.

Но данный текст не связан с таким условием. В действительности здесь говорится о том, что руда доставлялась из рудников на корабли на «их» («народов Атики») ослах и перевозилась оттуда в Египет вновь на «их» («народов Атики») кораблях.

Вопрос стоит об идентификации Атики, упомянутой в данном папирусе, с Аттикой, столицей которой были Афины, и проблема в том, были ли обнаружены в Аттике необычно твердые металлы или сплавы. В Большом папирусе Харриса металл из рудников Атики называется «hmt», что переводится Брэстедом как «медь», хотя и с оговорками, поскольку «hmt» — это не вполне обычное название этого металла. В другом тексте это же самое слово «hmt» используется для обозначения трех различных разновидностей руды или сплава, ни один из которых не был идентифицирован, хотя подчеркивалась твердость этой руды или

сплава¹. Таким образом, это слово использовалось для обозначения металла (или минеральной руды) вообще. Ныне Греция не является производительницей меди, однако минеральная руда составляет значительную долю ее экспорта и лидируют среди ее разновидностей пирит и хромит.

Пирит внешне напоминает латунь: это бледно-желтый минерал, бисульфид железа; другими металлами, которые частично включают железо, являются кобальт, никель и медь. Пирит называли «золотом дураков», однако он нередко в действительности содержит золото.

Хромит состоит из железа и хрома. Последний элемент по твердости превосходят только бор и алмазы. При добавлении свинца хромит приобретает желтый цвет. Металлический хром получают путем извлечения посредством углерода оксидов. Он используется для покрытия других металлов из-за своей крепости и присущего ему свойства не тускнеть. При производстве стали хром широко применяется для укрепления сплава.

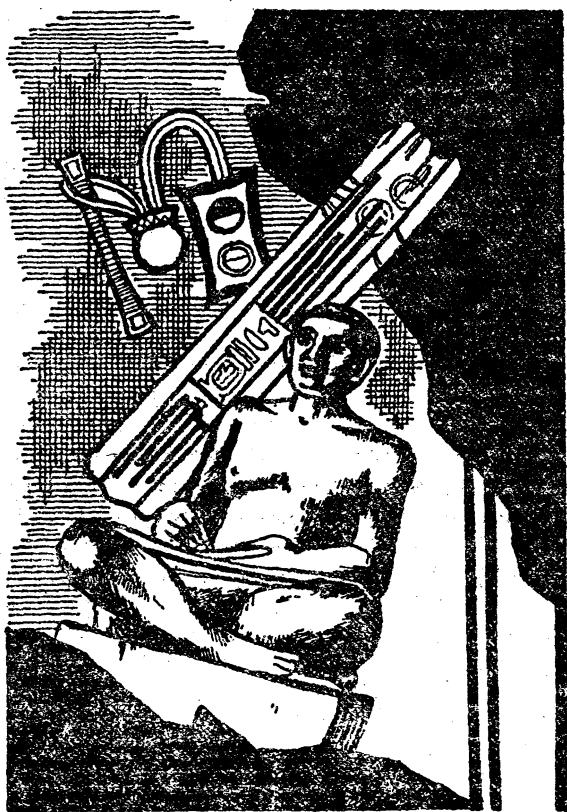
Закалка железа, которое наравне с хромом содержится в хромите, сделала бы его предпочтительным для производства оружия, а также инструментов для работы с камнем. Ведь так и не решен вопрос: с помощью каких инструментов египтяне Бронзового века, начиная с эпохи Древней Бронзы, высекали иероглифы в твердом граните, еще более твердом базальте и самом твердом из всех диорите (сплав бронзы, меди и олова притупился бы через несколько ударов), или высекали каменные скульптуры с исключительно четкими линиями век, губ и глаз? На этот вопрос можно ответить, если при изготовлении инструментов использовалась руда хромита, даже в качестве абразивного порошка. В древние времена, с начала эпохи строительства пирамид, эта руда могла привозиться из Родезии, которая богата ее залежами.

Представляется вполне вероятным, что Рамзес III говорил о хромите и пирите — рудах, которыми богата Греция, когда он писал о металлической руде, привезенной на галерах из Аттики в Египет в момент нависшей угрозы войны с Персией. Если это было так, то греческая руда была даже предпочтительней медной руды Кипра или Синая.

¹ Alan Gardiner, «The Tomb of a Much Travelled Theban Official», *Journal of Egyptian Archaeology*, IV (1917), p. 28ff.

ГЛАВА IV

О языке, искусстве и религии

Семитское влияние на язык и религию Египта

Более двухсот лет, после падения Иерусалима, в Египте существовала еврейская колония. Влияние еврейско-сирийского языка, уже заметное в шестом веке, должно было стать исключительно сильным в эпоху Рамзеса III. Это действительно так. Во многих случаях семитские слова заменили египетские, и писцы Рамзеса III «зачастую отказывались от вполне добротного египетского слова» в пользу еврейского эквивалента. В надписях Мединет-Абу — если взять наугад любой пример — семитское слово «*baekh*» (благовословлять) используется вместо соответствующего египетского слова¹.

«Тексты Мединет-Абу крайне непривычны с точки зрения выбора слов. Они демонстрируют склонность к необычным словам или фразам... У них особое пристрастие к использованию иностранных слов, заимствованных обычно из семитских языков. Здесь ясно виден расчет на изумление, детская игра эрудицией, а также усиливающийся интернационализм. То, что в Мединет-Абу в таком обилии представлены семитские слова, указывает на очень активный культурный обмен, который происходил в районе Древнего Востока в древности»².

¹ В папирусе Харриса еврейское слово «*ashek*» употребляется в значении «угнетать». Есть и другие примеры: «*aliach*» (грабёж), «*keseth*» (покрывать), «*marcheshet*» (сковорода), «*tzaek*» (кричать). См. J. H. Bondi, *Dem hebräisch-phönizischen Sprachzweige angehörige Lehnwörter in hieroglyphischen und hieratischen Texten* (Leipzig, 1886).

² J. A. Wilson, «The Language of the Historical Texts Commemorating Ramses III», *Medinet Habu Studies*, 1928–1929 (Chicago, 1930), p. 32.

Эта особенность вполне понятна, если принимать в расчет влияние еврейской колонии в Египте. Она становится источником недоразумений, если считать Рамзеса III современником судей Гедеона, Иеффая и Самсона, а в особенности потому, что во всей Книге Судей нет ни одного упоминания о каком-либо контакте с Египтом.

Рамзес III писал: «Я на путях... Всемогущего, моего царственного божественного отца, Властелина богов»¹. Влияние еврейских поселений в Египте могло также наложить определенный отпечаток на египетскую религиозную мысль.

Рамзес III часто упоминал о Ваале, и это тоже подчеркивает, что культ Ваала, прежде почти неизвестный в Египте, стал чрезвычайно заметным в это время. Расцвет этого культа в Египте должен быть увязан с влиянием нееврейского населения Палестины в эпоху, последовавшую за изгнанием, и его контактами с Египтом.

Совершенно очевидно, что влияние еврейской религии на египетскую идею Верховного Божества не было ни глубоким, ни постоянным. Храм в Мединет-Абу заполнен изображениями богов с человеческими телами и головами птиц и животных, которым царь приносит дань. Он также стоит перед богом Амоном, который изображен в состоянии непристойного возбуждения. Но больше всех их Рамзес III почитал собственную персону. Храм Мединет-Абу был построен как место почитания его собственной божественной сущности. Утомительно читать бесконечные самовосхваления. Самое простое из них — это скромное заявление: «Мой характер превосходит».

Можно задать вопрос: имеет ли литературный стиль изучаемого нами периода, т. е. периода двадцатой династии, близкое сходство со стилем двух непосредственно предшествующих, согласно установленному летоисчислению, династий? Ответ на этот вопрос может стать аргументом за или против представленной здесь реконструкции, а также за или против установленного летоисчисления, в соот-

¹ Однако «Всемогущий» — это выражение, уже встречавшееся в одной надгробной надписи начала Среднего Царства: Егмап-Грапов, *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*, II (1928), 230.

ветствии с которым Рамзес III жил в первой половине двенадцатого столетия.

«Культурный египетский писец двенадцатого века до н. э., весьма сведущий в классических образцах своей литературы, может скорбеть по поводу выродившегося стиля храмовых писцов своего времени. Вспоминая о чеканных военных анналах Тутмоса III, он бы содрогнулся при виде цветистых преувеличений, которыми заполнял Рамзес III свои летописи...Его бы привела в уныние сознательная искусственность, выражающаяся в обилии иностранных слов и избыточных метафор. Вспомнив, если бы он был на это способен, о более строгих правилах грамматики, которые отстаивали чистоту классической литературы, он бы испытал жалость к тем писцам, которые трудились над созданием древней грамматики, но чьи усилия были уничтожены невежеством, торопливостью и легковесностью разговорного языка»¹.

Но существовал ли этот «культурный египетский писец» при Рамзесе III? Если и существовал, то не оставил никаких следов своего умения или вкуса для потомства. «Храмовые надписи его дней, судя по текстам в Мединет-Абу, напыщенны, небрежны и грамматически неправильны». Кроме того, они «до нелепости помпезны». Более длинные тексты заполнены «всевозможными восхваляющими сравнениями и превосходными эпитетами, какие только могли изобрести самоуверенные писцы», а короткие тексты, сопровождающие барельефы, «состоят из нарастающих в темпе стаккато восхвалений царя, комплиментарных диалогов между царем и богом или хвалебных песнопений греческого хора придворных льстецов и пленников»². (Слово «греческий» было употреблено автором этого отрывка не для указания на возраст текстов или на национальность придворных и пленников: оно лишь передает впечатление от подобных хоровых вставок).

Это «постоянное выпячивание величия и значения фараона» могло означать то, что «средний правитель должен был возвыситься до стандарта своих предшественников, или, что более вероятно, пресытившийся вкус его народа требовал более изысканной и очень пряной пищи». Эти напы-

¹ Wilson, *Medinet Habu Studies*, 1928—1929, pp. 24 ff.

² *Ibid.*, p.26, п.3. Все остальные цитаты даны из этой работы.

щенные излишества подобны «звучанию духовых инструментов и звенящих цимбал».

Что касается грамматики, письмо Рамзеса III «стремилось к стилю, который вышел из общего употребления». В нем использовались архаизмы, указывающие на то, что не так уж мало оборотов уже вышли из употребления. «Некоторая расплывчатость» свидетельствует о том, что «столь же неточной была и разговорная речь, или о том, что она уже тоже подверглась общему процессу сокращения окончаний (суффиксов)».

Если судить с позиций палеографии, то «усечение знаков было грубым и безжалостным... Налицо какая-то всеобщая поспешность». Писцы, которые готовили тексты для гравиров по камню, были гораздо лучше знакомы с иератическими знаками, употреблявшимися на папирусе, а не на камне, чем с иероглифами, и потому искажали последние. Их иероглифы «полностью утратили признаки первоначальных знаков»¹.

И наконец, сами барельефы в Мединет-Абу свидетельствуют о «решительном разрыве с прошлым». «Утрата величия и правильности отчасти уравнивается обретением силы и разнообразия».

Прежде чем мы перейдем к архитектуре и ее стилю, обратим внимание на следующее: во времена Рамзеса III язык — его грамматика, его фразеология и начертание, в особенности на камне, — в значительной мере отошел от классических форм, предположительно свойственных предшествующим поколениям.

Искусство: сцены охоты

Рамзес III приказал своим художникам украсить свои постройки в Мединет-Абу и военными сценами, и сценами охоты. Эти охотничьи сцены имеют много общих черт с ассирийскими барельефами, изобра-

¹ Уилсон предлагает несколько примеров для иллюстрации.

жающими царские забавы и выполненными художниками Ассурбанипала, а до него — Ашурназирпала. «Всегда предполагалось, что сцены ассирийской охоты девятого-седьмого веков были подражанием соответствующим египетским сценам, которые служили им образцом. Однако никаких доказательств этого представлено не было. Эта проблема должна быть полностью пересмотрена», и Л. Спелеерс провел такую работу¹. Он внимательно исследовал ассирийские и египетские сцены охоты с точки зрения реализма изображения, оружия, которое применялось, общей композиции и, наконец, животных, на которых охотились.

Спелеерс убедился, что ассирийские сцены были более реалистичными, на них лучше выписаны животные с их разнообразными позами, и основные мотивы были развернуты ассирийцами вполне оригинально. Этого нельзя сказать о сценах в Мединет-Абу. Хотя им присущи некоторые особенности, которых нельзя проследить на более древних египетских образцах эпохи Древнего и Нового Царств, многие новые детали явно обнаруживают свое азиатское происхождение.

Трудность в соотнесении результатов этого анализа с хронологической последовательностью, разумеется, обнаружилась с самого начала. «Чтобы правильно подойти к этой проблеме, мы должны помнить о том, что ассирийские сцены охоты появились на несколько веков позже, чем сцены египетские (эпохи Рамзеса III)». Автор вынужден был повторить это предостережение для самого себя несколько раз, поскольку все указывало на то, что Рамзес III заимствовал у Ассурбанипала.

Ассурбанипал вторгся в Египет в 663 г. до н. э., а царствование Рамзеса III достигло расцвета, как считается, в двенадцатом веке. Однако Ассурбанипал ничего не заимствовал у Рамзеса III: это стало ясно в ходе исследования. «Трудно обнаружить в ассирийских сценах хоть один мотив, заимствование которого у египтян было бы неоспоримым». И даже более того: «Отнюдь не утверждая, что ассирийцы копировали египтян, я вынужден задать вопрос,

¹ Louis Speleers. «Les Scènes de chasse assyriennes et égyptiennes», *Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptiennes et assyriennes*, Vol.40. (1923), 158—176.

не заимствовали ли последние некоторые мотивы у азиатов, поскольку бесспорно, что некоторые ассирийские мотивы, которые, казалось, указывают на египетское происхождение, в действительности пришли из Азии»¹.

Египетские сцены демонстрируют заимствование из Азии, а с другой стороны, выбор мотивов, общая концепция и реализация сюжетов доказывают, что ассирийские сцены не были заимствованы у Египта. Все эти мотивы получили у ассирийцев оригинальную интерпретацию, и если в них и ощущается некоторое влияние, то оно идет от еламитян (ранних персов), а не от египтян.

Охотничьи сцены Рамзеса III после детального исследования обнаруживают влияние азиатских мотивов. Но поскольку мы отвергаем двенадцатый век как время Рамзеса III, нас больше не смущает трудность объяснения того, каким образом мотивы двенадцатого века могли быть заимствованы из произведений, созданных в седьмом веке.

Спелеерс был также поражен сходством изображения животных (львов) художниками Рамзеса III и художниками эпохи поздних Птолемеев: эта особенность хорошо видна в фигурках, созданных в Ком Омбо².

Это тоже не вызывает никаких затруднений, потому что по времени Рамзес III только на полстолетия предшествовал началу династии Птолемеев. Было бы вполне естественно, если бы формы искусства, созданные в Египте четвертого века, стали бы образцом для последующих царей династии Птолемеев.

Архитектура храмов и религиозное искусство

Рамзес III после победоносной войны с Фарнабазом и Ификратом провел остаток своего царствования в мире и покое. Он построил множество величественных сооружений, перечисленных в длинном папиру-

¹ Ibid., p. 173.

² Ibid., p. 170.

се Харриса. Некоторые из этих зданий, подобно храму в Мединет-Абу, сохранились лучше других древних памятников Египта.

Как могло случиться, что храм Рамзеса III уцелел, в то время как храмы более «поздних» династий лежат в руинах? «Это здание (Мединет-Абу) — один из наиболее полно сохранившихся храмов Египта, предшествующих эпохе Птолемеев... Поэтому храм Мединет-Абу в своем роде уникален»¹.

Элефантинский папирус сообщает, что «когда Камбиз пришел в Египет, он обнаружил (еврейский) храм (в Элефантине) уже построенным. Все храмы египетских божеств были уничтожены, только вышеуказанный храм совсем не пострадал»². Но тот же самый папирус сообщает нам, что храм Элефантины на южной границе Египта, будучи не тронут Камбизом, впоследствии был разрушен толпой.

Тот факт, что здания Рамзеса III, относящиеся предположительно к двенадцатому веку, сохранились в хорошем состоянии, противоречит информации, содержащейся в данном папирусе, датированном 407 г. до н. э., в соответствии с которой все храмы, стоявшие в Египте в то время, когда Камбиз вступил в эту страну (в 525 г. до н. э.), были разрушены этим царем. Мединет-Абу, погребальный храм Рамзеса III, и храм Хонсу, возведенный им в Карнаке, относятся к лучше всего сохранившимся сооружениям Египта. Здания двенадцатого века едва ли избежали бы разрушения в седьмом веке Ассурбанипалом. И если бы по счастливой случайности один или несколько храмов или дворцов императорского Египта избежали бы разрушения от рук ассирийцев, они бы не пережили персидского завоевания, происшедшего сто сорок лет спустя. По крайней мере, их существование оспаривается документом, написанным в Египте, покоренном персами.

Все меняется, если радикально пересмотреть дату правления Рамзеса III. Чтобы судить о возрасте уцелевших строений Рамзеса III по присущим им особенностям, следует сравнить их со зданиями эллинистической эпохи в Египте.

¹ Breasted, *Ancient Records*, Vol. IV, Sec. 1.

² Sachau, *Aramäische Papyri und Ostraka*, p. 21.

В этой книге воспроизведен пилон (порталы) погребального храма Рамзеса (Мединет-Абу) на равнине, на противоположном от Луксора берегу Нила, и другой пилон храма Хонсу в Карнаке (этот последний пилон был возведен Хирхором из двадцать первой династии сто лет спустя, согласно принятой хронологии, после того, как Рамзес III выстроил храм, перед которым стоит этот пилон).

Нельзя не поразиться при виде этих пилонов их явному сходству с пилонами храмов Птолемеев в Эдфу, в Ком Омбо и других местах. В целях сравнения пилоны, предположительно относящиеся к двенадцатому-одиннадцатому векам, и пилоны третьего и второго веков изображены на иллюстрациях последовательно. Поразительное сходство бросается в глаза при первом же взгляде. При ближайшем рассмотрении впечатление переходит в уверенность, что перед нами памятники одной и той же эпохи или близко отстоящих друг от друга поколений, во всяком случае не разделенных восемью или десятью веками. Я предоставляю до тошному читателю взглянуть в многочисленные детали, идентичные на пилонах Рамзеса III и Хирхора (о котором пойдет речь далее в нашей книге) и на пилонах эллинистической эпохи. Начиная с общей формы и прослеживая многие характерные особенности, сравнительный анализ выявляет такое разительное сходство, что исключаются какие-либо стилистические основания для того, чтобы отнести одни из этих зданий к началу двенадцатого и началу одиннадцатого века, а другие — к третьему веку или даже еще более позднему периоду.

Один современный автор выразил свое удивление по поводу очень близкого сходства пилона в Филе (как предполагалось, четвертого, а в действительности пятого века) и ворот в стене Мединет-Абу, а также сходства некоторых барельефов, изображавших сцены гаремной жизни и казни узников¹. А несколько десятилетий назад Адольф Эрман, египтолог, констатировал: «И если бы мы не прочли надписей, мы не смогли бы догадаться, что храмы Эснеба,

¹ Philippe Derchain in *Bibliotheca Orientalis*. January-March 1961, p. 48; book review of H. Junker's *Der Grosse Pylon des Tempels der Isis in Philä*.

Эдфу, Дендераха и Филы относятся ко времени Лагидов (от Лага, отца Птолемея I), Цезарей и Антониев»¹.

С нашей точки зрения, было бы вполне естественно, если бы тексты на стенах храмов Птолемеев также имели явное сходство с текстами храмов Рамзеса III. Жан Иоотт, который исследовал храм Птолемеев в Эдфу, с удивлением обнаружил на стенах этого храма, строительство которого было завершено Птолемеем VIII (Сотером II), текст, говорящий о царе, уничтожающем своих врагов, «разрубающем на куски Meshwesh, убивающем Shasu, казнящим Tjeker». Иоотт недоумевал по поводу упоминания названий народов, которые были известны в Египте почти тысячу лет назад и которые, как считалось, уже покинули историческую сцену задолго до Александра². Одна из надписей в Ком Омбо говорит о Meshwesh, Shasu, Tjeker — врагах, известных по войнам Рамзеса III. «При нынешнем состоянии исторической документации известно, что единственное мощное наступление Tjeker, одного из народов моря, на Египет произошло в период царствования Рамзеса III», — писал Иоотт. Тогда почему же некоторые народы моря названы и обозначены как враги в храме одного из поздних Птолемеев?

Ответ состоит в следующем: война народов моря происходила всего за полстолетия до Птолемея I, сына Лага, военачальника в армии Александра, возведенного на трон Египта и основавшего новую династию.

Вопрос о том, каким образом храм Мединет-Абу сохранился после разрушений 663 и 525 г. до н. э., находит готовый ответ: этот храм был возведен не около 1180 г., а около 370 г. до н. э., и, следовательно, в отличие от более ранних храмов и дворцов, не пострадал от рук Ассурбанипала или Камбиза. И еще одна проблема — близкое сходство сооружений Рамзеса III и Птолемеев — находит анало-

¹ Антонины — это общее название семи римских императоров второго века (от Нервы до Коммода). Цит. по кн.: A. Ernau, in *The Historian's History of the World*, M.S. Williams, ed., I (1907), 195.

² J. Yoyotte, «Un souvenir des campagnes de Ramses III au Temple d'Edfou» in «Trois notes pour servir à l'histoire d'Edfou», in *Kemi*, XII (1952).

гичное объяснение. Упоминание о народах, перечисленных в храмах Птолемеев в перечне народов моря, вторгшихся в Египет, теперь не представляет никакой загадки.

Взаимовлияние персидской и египетской религии и искусства

От Персеполя остались только великолепные лестницы, а от дворцов и храмов на огромной площадке — только лес одиноких колонн и множество порталов, поднимающихся над землей. Стены же превратились в пыль. Над порталами обычно располагается изображение Мазды (Ормузда) в виде человеческой головы, помещенной над диском — планетой Юпитер; у этого диска длинные крылья: бог летит на вытянутых крыльях.

То же самое изображение, только без головы Мазды, но с теми же характерными деталями — диск с распростертыми крыльями — можно увидеть на многих порталах Египта эпохи двадцатой династии (Рамзес III и последующие Рамессиды) и при двадцать первой династии (Хирхор). Такое же изображение можно увидеть на порталах храмов Птолемеев. И не только это украшение, но и сама форма порталов поражает удивительным сходством. Здесь явно имело место взаимное влияние, потому что первоначальное архитектурное воплощение диска с распростертыми крыльями восходит к восемнадцатой династии и даже к эпохе Древнего Царства в Египте. Персеполь начал строиться при Дарии, продолжил его Ксеркс, но Египет был захвачен персами за несколько лет до вступления Дария на трон, и Дарий провел в Египте довольно много времени.

Рамзес III жаждал божественных почестей, достойных фараона. Не принадлежа по рождению к царской крови, вопреки своим настойчивым напоминаниям о таком происхождении, он желал подчеркнуть свое божественное вознесение. На одном из барельефов он изображен как мальчик

лет четырнадцати-пятнадцати, стоящий рядом с Исидой, которая кормит его молоком из своей груди.

Интересен и нов облик Исиды. Ее привычное обличье и рога с расположенным между ними планетным диском знакомы по бесчисленным картинам, барельефам и скульптурам. Художник Рамзеса III, однако, изобразил головной убор богини в полном несоответствии с традицией. Этот головной убор похож на шлемы с многочисленными лепестками, которые носили Ретсет, но он гораздо выше и имеет более изысканную форму, с ободком, расположенным над этими лепестками.

То же самое изображение (хотя здесь головной убор не так высок) можно увидеть на одном персидском барельефе на скале в Накш-и-Рустаме, в районе царских могил, рядом с Персеполем. Этот барельеф датируется временем династии Сасанидов в Персии, т. е. вторым-пятым веками нашей эры. Головной убор, украшающий голову рыцаря с развевающимися волосами, — это явный персидский мотив, который ведет свое происхождение от формы шлема с лепестками.

Глубоко укоренившаяся традиция, в соответствии с которой должна была изображаться богиня Исида, не была воспринята художником Рамзеса III, и он избрал принципиально новый подход. Произведенный эффект можно представить, если вообразить, что современный художник изобразит Мадонну в современной расхожей одежде.

Чтобы настолько далеко отойти от традиции, египетский художник должен был испытать почти непреодолимое влияние иранского искусства, или, что вполне возможно, эта картина была создана персидским художником, состоящим на службе у Рамзеса III. Мы знаем, что в персидскую эпоху между Персией и Египтом происходил обмен художниками¹. Разве персидский головной убор на Исиде не является признаком глубочайшего, отнюдь не эпизодического, влияния персидского искусства на египетские религиозные идеи четвертого века, ошибочно отодвинутого на восемь столетий в прошлое?

¹ Такие сведения содержатся в переписке сатрапа Арзамеса.

ГЛАВА V

От Рамзеса III до Дария III

Последние Рамескиды

На предшествующих страницах мы сопоставили исторический материал из греческих и египетских источников и пришли к выводу, что Нектанеб I у греческих авторов — это alter ego Рамзеса III у современных историков, или Узимаре-мераун Рамессе-хекаон на египетских царских монументах и в официальных папирусах. В свое время, и в особенности среди греков, он был известен как Нектанеб — имя, которое он мог от случая к случаю использовать в менее формальных ситуациях. Так ли это было и имел ли Рамзес III, как это бывало с другими фараонами, более одной серии царских имен, или разные имена как царь Верхнего и Нижнего Египта Нектанеб греческих авторов — это то имя, под которым им был известен этот монарх? Установив это, мы можем рассчитывать на то, что некоторые сложные проблемы истории поздних Рамессидов смогут быть разрешены. «Если верно, что народ, не имеющий истории, счастлив, то Египту, должно быть, больше повезло при маломощных потомках Рамзеса III, чем при самых известных фараонах»¹. Полностью тот период, в течение которого эти потомки занимали трон, продолжался, как считается, только в течение двух поколений (1170—1100 гг. до н. э.), хотя после Рамзеса III правили еще восемь царей с этим же именем от IV до XI. После этого, как предполагалось, династия угасла при неизвестных обстоятельствах.

Определив, что Рамзес III — это Нектанеб I у греческих авторов, мы должны признать этот вывод решаю-

¹ G. Maspero, *The Struggle of the Nations*, p. 483.

щим, но наша попытка воссоздать подлинные личности поздних Рамессидов остается гипотетической из-за скудности информации, которая с ними связана.

Мы предпримем попытку, даже если она будет весьма преждевременной, внести некоторую ясность в историю наследования престола, опираясь на то, что нам известно о преемниках Нектанеба I, а также о некоторых его предшественниках. С другой стороны, некоторые детали, не объясненные в греческих источниках, проясняются, когда привлекается материал, касающийся Рамессидов.

Неизвестно, например, при каких обстоятельствах Тахус наследовал Нектанебу I и на каком основании племянник Тахуса заявлял о своих правах на престол, поднял мятеж против Тахуса и занял его трон: он известен как Нектанеб II. Расскажут ли нам памятники о том, какие основания были у Нектанеба II для претензий на трон?

Еще до того, как умер Рамзес III, уже начались интриги среди его жен, обитательниц его гарема и офицеров царской стражи. После смерти фараона один из принцев, возможно законный наследник, его мать и несколько других лиц были обвинены в заговоре против покойного монарха. Другой принц, не являющийся прямым наследником, усадил себя на трон, арестовал военачальника и некоторых придворных и устроил суд против своего сводного брата и его камарильи, пытаясь доказать, что против его отца был устроен заговор. Пространный документ, касающийся этого суда, существует¹; несколько сторонников принца были осуждены на смерть от руки палача, а другие были изувечены. Обвиняемого принца, однако, заставили покончить с собой с помощью яда — приговор, не чуждый Греции четвертого века: в ходе процесса афинян против Сократа (399 г. до н. э.) был вынесен смертный приговор, принуждающий осужденного выпить яд. Принц, который поднялся на трон, известен нам как Рамзес IV, но мы считаем его Тахусом греческих авторов. Рамзес IV «заявлял, что он законный царь, а не узурпатор. Впрочем, он, вероятно, слишком рьяно защищался», — писал один со-

¹ «The Judicial Papyrus of Turin», Breasted, *Ancient Records of Egypt*, IV, Secs. 416—456.

временный автор. Говорилось, что от времени Тахуса не сохранилось ни одной надписи, но если Рамзес IV — это Тахус, то надписей имеется множество, и загадка исчезает.

Цари, следовавшие за Рамзесом III, обычно добавляли к другим своим тронным именам и эпонимам имя Рамзес. Такой же обычай существовал в императорском Риме, когда имена Цезарь или Август, скорее в форме титула, добавлялись к именам римских императоров в качестве некоего прозвища. В действительности это был Рамзес II, правивший перед Рамзесом III, чье имя стало добавляться к любому имени царя, занимавшего трон, или претендента на трон.

Рамзес IV царствовал шесть лет и был смещен при обстоятельствах, о которых иероглифические тексты не содержат никакой информации. О Рамзесе V почти ничего не известно: должно быть, он был юным соправителем у своего отца Рамзеса IV. Он умер от оспы. Рамзес VI, однако, оказался сыном осужденного принца и внуком Рамзеса III. Захватив трон, он отомстил за своего отца, уничтожив имя Рамзеса IV на всех монументах и заменив его своим собственным. Он также присвоил себе недостроенную могилу Рамзеса V и таким образом, обеспечив себе трон при жизни и могилу после смерти, начал бурное строительство во всех частях своего государства. Мы узнаем его в Нектанебе II у греческих авторов. И как мы вскоре прочтем, он восстал против своего дяди и вслед за ним взошел на трон.

Рамзес VII и Рамзес VIII были просто претендентами, не оставившими никаких следов в истории, кроме заявленных прав на престол. Были также Рамзес IX, X и XI, но ими и их истинными позициями в династии Рамессидов мы займемся позже на последующих страницах. Существует, однако, общее мнение, что линия от Рамзеса III до Рамзеса VIII, а также от Рамзеса IX до Рамзеса XI неясна и что, следовательно, нет доказательств их непрерывного следования от Рамзеса III до Рамзеса VIII.

С этими скудными фактами, известными о Рамессидах, мы предпримем попытку установить личности преемников Рамзеса III—Нектанеба I.

С того дня, когда Неферитос освободил Египет, за шестьдесят лет своей независимости страна увидела девять или десять царей, некоторые из них правили всего в течение недель, а другие оставались только претендентами.

«Дитя», призванное на помощь фараону

Когда Артаксеркс II умер (359 г. до н. э.), его сын Охус был провозглашен царем под именем Артаксеркса III. Чтобы защитить трон от любых попыток захвата одним из его родных или сводных братьев, он обрек их всех, численностью в восемьдесят человек, на смерть.

Артаксеркс считал своей главной задачей новое завоевание Египта, потерянного его отцом, и уже в начале своего царствования начал готовиться к военной экспедиции. За год до того, как Артаксеркс-Охус занял трон Персии, Тахус (Рамзес IV), лишив своего старшего брата права наследования, поднялся на египетский трон. Обеспокоенный угрозой войны с персидским царем, Тахус направил приглашение спартанскому царю Агесилаю, чтобы тот явился ему на помощь за определенное вознаграждение. Старый воин находился на пороге своего восьмидесятилетия.

Агесилай принял роль наемника и поплыл в Египет. Плутарх, писавший четыре столетия спустя, рассказывает, что, по его мнению, а возможно, и по мнению современников Агесилая, такой поступок не приличествовал закату жизни человека, который более трех десятилетий «был величайшим и самым влиятельным из эллинов». Но Ксенофонт, который знал Агесилая лично, представил доводы в его оправдание.

Агесилай был пронзительным психологом. Ксенофонт говорит нам, что «у него была привычка общаться с людьми самого разного сорта, но сближаться только с достойными... Когда ему случалось слышать, как люди хвалят или бранят других, он считал, что в такой же мере постиг

характер критиков, как и тех, кого критикуют... Клеветников он ненавидел больше, чем воров»¹.

Этот прославленный воин и предводитель должен был вызвать лишь враждебность у египтян, непривыкших к свойственному спартамцам пренебрежению к помпе и церемониям. У Агесилая, кроме того, была невыингршыная внешность.

«Насколько благосклонна была к этому великому человеку природа, наделив его блестящими качествами ума, настолько он ощутил ее недоброту по отношению к своему телу: он был невзрачен, мал ростом и хромал на одну ногу. Все это придавало его внешности нечто отталкивающее, и посторонние, глядя на него, испытывали к нему только презрение, в то время как те, которым известны были его заслуги, неустанно им восхищались. Такая судьба ждала его, когда в возрасте восьмидесяти лет он пришел в Египет на помощь Тахусу и расположился со своими людьми на берегу без какого-либо навеса, имея вместо ложа солому, покрытую кожей, и все его сподвижники устроились так же, в простой и сильно поношенной одежде... Весть о его прибытии скоро дошла до царских чиновников; ему принесли различные дары. Но когда чиновники спросили об Агесилае, их едва удалось убедить, что он один из тех, кто сидит перед ними». Когда Агесилай выбрал лишь несколько из принесенных ему подарков, а остальные приказал унести, «варвары посмотрели на него с еще большим презрением, считая, что он сделал выбор лишь по невежеству, не понимая, что именно ценно»².

Отчет Плутарха о прибытии Агесилая в Египет также передает неблагоприятное впечатление, которое этот спартаец произвел на египтян своим малым ростом, своим обликом и манерами.

«Как только он причалил к Египту, военачальники и наместники царя пришли встретить его и отдать ему почести. И другие египтяне ожидали его с живым нетерпением,

¹ Xenophon, *Agesilaus*, trans. E.C. Marchant (Loeb Classical Library).

² Cornelius Nepos, *Agesilaus*, trans. Watson.

зная имя и славу Агесилая, и все побежали приветствовать его. Но когда вместо пышного облачения они увидели старого человека, лежащего в какой-то соломе у моря, маленького и жалкого, покрытого поношенным и неказистым плащом, они принялись смеяться и издеваться, говоря, что все это иллюстрация басни о горé, которая родила мышь»¹.

Какие-либо исторические летописи фараона Тахуса отсутствуют, и история его царствования известна нам только от поздних греческих и латинских авторов: причина в том, что иероглифические документы идут под именем Рамзеса IV. Как уже было сказано, многие ученые приписывают авторство Большого Папируса Харриса Рамзесу IV, хотя этот папирус написан так, словно его автором был Рамзес III.

На стене погребального храма Рамзеса III в Мединет-Абу есть следующая надпись, связанная с ливийской войной:

«Его величество привел дитя из земли Тетех — ребенка, которого поддержала его сильная армия, где он назначен был военачальником, чтобы наладить порядок в стране».

Было высказано предположение, что речь идет о каком-то ребенке. Ребенок, которого фараон привел себе на подмогу, — это бессмысленно, и потому данный фрагмент рассматривался как «трудный текст»².

Слово «военачальник» по-египетски означало царя. Поэтому предполагалось, что фараон, интересующийся делами соседней Ливии, заключил союз с ее царем, который был еще ребенком. Но текст говорит не о поддержке, оказанной фараоном, но о помощи, полученной им. Упоминание об этом «ребенке», который является в Египет по приглашению фараона и получает поддержку войск, является загадочным для исследователей, занимавшихся этой проблемой.

Внешность Агесилая, описанная его биографами, и в особенности то впечатление, которое произвела по прибы-

¹ Plutarch, *Lives*, Agesilaus, trans. B. Perrin (Loeb Classical Library).

² J. A. Wilson, «The Libyans and the End of the Egyptian Empire», *American Journal of Semitic Languages*, January 1935.

тии в Египет его низкорослая фигура, делают текст в храме Мединет-Абу не только понятным, но и вполне соответствующим ситуации¹.

Название земли или народа, «Тетех», откуда явилось это дитя, «поддержанное сильной армией», по приглашению фараона, — это, разумеется, решающий аргумент, способный решить, прав я или неправ, отождествляя Агесилая с вышеупомянутой личностью.

Египтяне называли население соседней Ливии «Тетепи». «Тетепи» изображались темнокожими, с вьющимися волосами. Они были известны египтянам под этим названием со времен первой династии. Но в течение некоторого времени в качестве жителей Ливии или ее восточной части, Киренаики, стал описываться и изображаться какой-то другой народ или раса, названный «Тетеху». «Тетеху были совершенно другой расой, имевшей светлую кожу, белокурые волосы и голубые глаза. Исконной землей этого народа не могла быть Африка, и по всей вероятности они пришли из Европы и обосновались в Северной Африке...»². Они были явно не семитского или хамитского, а арийского происхождения. Тогда кем же они были?

У нас еще будет возможность поговорить о ранней миграции греков в Ливию. Здесь, однако, наиболее умест-

¹ Если этот текст имеет отношение к Рамзесу III (Нектанебу I), а не к его сыну Рамзесу IV (Тахусу), то наша гипотеза о том, что «дитя» означает Агесилая, может быть подтверждена только в том случае, если этот воин являлся в Египет не только во времена Тахуса (Рамзеса IV), но и пятнадцать лет назад, во время царствования его отца. Такое предположение может опираться на следующее обстоятельство: известно, что Евдокс, будущий знаменитый астроном, в возрасте примерно двадцати трех лет привез Нектанебу рекомендательное письмо, подписанное Агесилаем. Создается впечатление, что Агесилай знал Нектанеба лично. Было высчитано, что Евдокс отправился к Нектанебу в 367 или 366 году. (См. Giorgio di Santillana, «Eudoxus and Plato: A Study in Chronology», in *Reflections on Men and Ideas* (Cambridge, Mass., 1968), p. 228.) Это позволяет нам отнести надпись в Мединет-Абу к периоду правления Рамзеса III (Нектанеба) и установить тождество того самого «ребенка» и Агесилая. Мы знаем, что афинский адмирал Хабрий дважды отправлялся в Египет для участия в военных действиях, — первый раз при Нектанебе, а второй раз при Тахусе.

² Ahmed Fakhri, *Siwa Oasis* (Cairo, 1944), p. 23.

но вспомнить то, что было сказано Плутархом в его биографии Лизандра. Этот спартанский герой участвовал в Пеллопоннесской войне и захватил афинский флот в битве при Эгоспотамах (405 г. до н. э.). Он стремился стать царем спартанцев и имел поддержку оракула Додона, но ему не удалось заручиться поддержкой Дельфийского оракула. Он послал дары оракулу Амону в Ливийскую пустыню, но снова потерпел неудачу. Однако жрецы Амона во время своей миссии в Спарте объявили, что спартанцы скоро придут жить в Ливию в соответствии с пророчеством старейшего оракула¹.

Мы можем сделать вывод, что название Темеги применялось и к спартанцам из Ливии, и к спартанцам из Лакедемона в Греции. «Царь (вождь) Темеги», которого фараон привлек на помощь, был спартанским царем; описание «ребенка» указывает на Агесилая.

Последний из местных фараонов

Ксенофонт рассказывает нам, что Тахус, готовясь к войне с Персией, «имел мощную пехоту и кавалерию, а также много денег», и что Агесилай «был очень рад, когда до него дошла просьба о помощи от египетского царя, который обещал доверить ему командование». Однако вскоре Агесилай разгневался, «когда сей проситель о помощи не сделал его главнокомандующим. Агесилай понял, что его нагло обманули». Тахус доверил ему только частичное командование, отдав флот в руки Хабрия, вновь появившегося в Египте, и сохранил за Хабрием должность главнокомандующего. Тахус находился в Сирии, часть которой была им занята после смерти Артаксеркса II. Между тем в Египте тайно готовился заговор с тем, чтобы посадить на трон его племянника. Хабрий желал сохранить верность Тахусу, своему хозяину, и решил

¹ Plutarch, *Lives*, Lysander, 20, 25.

посоветоваться с Агесилаем. Старый спартанский царь, разгневанный отстранением от командования, спросил свой народ, как ему следует поступить, но выразил при этом мнение, что в интересах Греции лучше было бы принять сторону мятежника (Нектанеба II). Ксенофонт писал: «В этот момент сначала группа египетских войск, действовавших в качестве сепаратной армии, восстала против этого царя, а потом и остальные войска покинули его».

Тахус в ужасе бежал с палестинского фронта в Финикию, в Сидон, а оттуда отправился к персидскому царю просить прощения. «Египтяне раскололись на две партии, и каждая из них выбрала своего собственного царя. Агесилай теперь понял, что если он не поможет ни одному из них, то ни тот, ни другой не заплатит грекам их жалованья». Поэтому, «обдумав кто из них (из двух претендентов) более явно склоняется к дружбе с греками, он принял его сторону». Таким образом, покинув Тахуса и сражаясь против еще одного претендента, Агесилай сделал царем Нектанеба II.

У Плутарха мы читаем, что когда соперничающие претенденты принялись оспаривать трон, освобожденный Тахусом, и попросили помощи у Агесилая, спартанец счел, что было бы неловко еще раз менять позиции, и в военной кампании встал на защиту Нектанеба II — последнего местного фараона Египта.

Следуя этим событиям, известным нам от греческих историков, мы узнаем Рамзеса IV, узурпатора трона своего отца, в Тахусе, а Рамзеса VI — в Нектанебе II, как мы раньше узнали Рамзеса III в Нектанебе I. Нектанеб II был сыном законного наследника Нектанеба I, как Рамзес VI был сыном законного наследника Рамзеса III. Отцу Нектанеба II не удалось подняться на трон по вине своего сводного брата — узурпатора Тахуса — Рамзеса IV.

Претенденты, которые пытались склонить Агесилая на свою сторону, были, вероятно, персонами, известными нам как Рамзес VII и Рамзес VIII. Ни один из них в действительности не царствовал, если только не считать царствованием кратковременные захваты власти в отдельных районах страны. От них не сохранилось почти ни одной надписи.

После провала военной экспедиции, возглавляемой Фарнабазом, и ухода из Палестины всех войск, находившихся под его командованием, Нектанеб I (Рамзес III) мог захватить эту практически беззащитную страну. И это действительно свершилось: в Мегиддо, в куче мусора, оставшейся от прежних раскопок, был найден футляр для пера, принадлежавший посланнику Рамзеса III, а также его скарабей.

В Лахисе также «подобрали» скарабей Рамзеса III, а в Бефсане нашли его статуэтку. Эти находки подтверждают, что он действительно завладел Палестиной после своей победы над «Pereset».

Следующий царь, Тахус (Рамзес IV), находился в Палестине, когда мятеж Нектанеба II, поддержанный Агесилаем, заставил его бежать в Сидон, а оттуда к персидскому царю. Между первой неудачной кампанией Артаксеркса (III), Охуса, против Египта в 350 г. до н. э. и второй, успешной, кампанией 343 г. до н. э. Палестина находилась под властью Нектанеба II (Рамзеса VI). Следовательно, мы вправе ожидать, что будут обнаружены какие-то следы и его оккупации этой страны. И действительно в 1934 году во время раскопок в Мегиддо было обнаружено основание бронзовой статуи Рамзеса VI. Еще раз были сделаны определенные заключения относительно стратиграфической хронологии Мегиддо. В пояснительной сноске археолога Г. Лауда, сопровождающей небольшое сообщение Джеймса Брэстеда об этой статуе, говорится, что она была «обнаружена под стеной в слое VII Б 1832 года, как будто она была намеренно там закопана»¹. На основании такой оценки трудно или даже невозможно извлечь собственно хронологические выводы. Археологи относят слой VII Б к «девятнадцатой и началу двадцатой династии».

Неудачные результаты раскопок в Бефсане, Мегиддо, Лахисе и других библейских местах станут предметом более внимательного рассмотрения в книге, посвященной пересмотру библейской хронологии. Здесь достаточно сказать, что раскопки в Бефсане, Мегиддо и Лахисе стали предметом многочисленных дискуссий среди археологов с

¹ J.H. Breasted, in G. Loud, *Megiddo II* (1948), p. 135.

обилием взаимных обвинений и даже оскорблений — и все это, на наш взгляд, потому, что существует ошибочное соотнесение временной шкалы палестинской и египетской хронологии. Находки предметов, датированных эпохой Рамзеса III (Нектанеба I) и Рамзеса VI (Нектанеба II), могли только дополнить хаос, царящий в стратиграфической археологии Мегиддо. При раскопках в Мемфисе, которые проводились экспедицией музея Пенсильванского университета, был выявлен поразительный факт: слои двадцать первой династии находились непосредственно под слоями Птолемеев.

Комедия ошибок

На основании фактов, представленных на предшествующих страницах, фараон, известный в книгах по египтологии как Рамзес III, «освободил» трон, который ошибочно был приписан ему в двенадцатом веке, и передвинулся в свое истинное место, в четвертый век: он стал царем Нектанебом I у греческих историков. За ним следуют его непосредственные преемники, *alter ego*, которых следует искать в том же самом четвертом веке, незадолго до появления Александра.

Пересматривая имена и прозвища Рамзеса III, мы обнаруживаем, что одним из его так называемых имен Гора было Нектанеб (Канехт-мау-пехти-нект-а-неб-кепех-Сати)¹. Бадж, который составил перечень имен, использовавшихся этим и другими царями, не предпринял попытки прочесть это имя как Нектанеб, потому что и не подозревал, что у него в руках ключ к необычной идентификации. Создается впечатление, что Рамзес III — это единственный фараон, о котором мы точно знаем, что он имел среди своих царских имен то самое имя, которое известно от греческих авторов, писавших о Египте четвертого века. Слог «неб» также об-

¹ E. A. Wallis Budge, *The Book of the Kings of Egypt* (London, 1908), Vol. II, p. 1.

наруживается в имени Рамзеса VI (Небмаре-мерамун Рамессе-итамун-нутехакаон); «Нехт» (или «Нект» в греческой версии этих имен) — обычно часть царских имен, означающая «могущество». Следовательно, именно слог «неб» вызывает недоумение.

Отождествление Рамзеса(III)-Нехт-а-неба с Нектанебом греческих историков обосновывалось на предшествующих страницах доводами гораздо более убедительными, чем тождество имен: но как итог всех прочих фактов тождество имен тоже в высшей степени желательно.

Однако недостаточно соединить воедино Рамзеса III и Нектанеба I: необходимо осуществить еще один этап детективного расследования, а именно исключить какую-либо ассоциацию Нектанеба I с некоей личностью, которую современные историки считают египетским вариантом Нектанеба. В ходе поисков среди персонажей, действовавших на египетской сцене в персидскую эпоху и оставивших в Египте памятники, претендующие на демонстрацию принадлежности к царской фамилии, были обнаружены два кандидата с именами, содержащими часть имени Нектанеб. Им приписывается по крайней мере более двух памятников, носящих их имена, — Нект-хор-хеб и Нект-небеф¹. В прошлом веке один из них был избран на роль Нектанеба I греческих историков, а второму была отведена роль Нектанеба II.

При этом беспокоило то обстоятельство, что ни один из них не упомянул в своих многочисленных надписях ничего о тех войнах, которые они оба вели: Нектанеб I — против Артаксеркса II и его наемников на суше и на море, а Нектанеб II — против Артаксеркса III, прежде чем был окончательно разбит в завершающем сражении. Эти надписи хвастливы, и потому отсутствие в них каких-либо упоминаний о военных подвигах представляется загадочным. Ввиду очень большого количества оставленных ими надписей, нельзя было утверждать, что их многочисленные постройки и дарственные надписи сохранились лишь по случайности, в то время как монументы, посвященные войнам, и мемориалы в честь триумфальных побед были полностью

¹ F.K.Kienitz, *Die politische Geschichte Agyptens vom 7 bis zum 4 Jahrhundert vor der Zeitwende* (Berlin, 1953).

уничтожены. Однако, за недостатком лучших вариантов, такая идентификация была проведена. Затем в начале нынешнего века В.Шпигельберг, немецкий египтолог, нашел повод пересмотреть эту точку зрения, и Нект-небеф был провозглашен Нектанебом I, а Нект-хор-хеб, который прежде играл эту роль, был назначен на роль Нектанеба II, менее удачливого правителя¹. Со времени опубликования работы В.Шпигельберга большинство египтологов приняли его концепцию, хотя время от времени раздаются голоса оппонентов в защиту предшествующего варианта.

Поскольку Нектанеб I имел своего реального двойника в Рамзесе III, а Нектанеб II, с той же вероятностью, был Рамзесом VI, нам необходимо подобрать для Нект-небефа и Нект-хор-хеба их реальных исторических двойников. Теперь мы приступим к осуществлению этого детективного расследования. Прежде чем мы окончательно расценим Рамзеса III и Рамзеса VI в их настоящих владениях, мы должны изгнать оттуда незаконно поселившихся жильцов.

Внимательный читатель этой книги сразу объявит решение относительно Нект-хор-хеба. Мы уже встречались с ним на предшествующих страницах — с управляющим и государственным казначеем, а также администратором владений Арзамеса, который был всемогущим сатрапом, обосновавшимся в Вавилоне и считавшим Египет только частью своей безграничной сатрапии. В своих письмах Арзамес постоянно предписывал Нект-хору лучше заботиться о его личных владениях, увеличивая число рабов на принадлежащих ему территориях и расширяя сами эти территории любыми средствами, даже незаконными. Письма, адресованные Нект-хору, свидетельствуют о недостатке личного уважения к этому «*rehidā*» (чиновнику), местному жителю, находящемуся в зависимости. Тем не менее этот чиновник обладал большой властью по отношению к своим соотечественникам и, кроме того, имел доступ к значительным суммам денег: все деньги проходили через его руки, прежде чем попадали к сатрапу в Вавилон. Я цитировал в разделе

¹ W. Spiegelberg, *Die Sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothek Nationale zu Paris* (Leipzig, 1914).

«Арзамес» (глава I) одно из таких типичных писем от сатрапа к его управляющему.

Дотошный критик может задать вопрос: может ли Нект-хор соответствовать имени Нект-хор-хеб? Письма сатрапа адресовались следующим образом: «От Арсама к Нект-хору». Помня о той бесцеремонности, с которой сатрап писал своему чиновнику в Египет, мы считаем вполне естественным, что Арзамес опускал последнюю часть имени своего адресата (он опустил также все приветственные фразы в письме одному знатному персу, посетившему Египет, о чем скоро будет сказано). Однако для более точной идентификации было бы лучше найти доказательство того, что Нект-хор заменяет имя Нект-хор-хеб. И, к счастью, это тоже можно сделать.

В статье, опубликованной в 1933 году, аббат П.Трессон провел собственную экспертизу двух фигурок, обнаруженных в одной частной коллекции¹. Одна из них представляет собой коленопреклоненного человека (голова отсутствует), держащего в руках маленькое изображение (икону) с фигуркой Осириса. Основание этой статуэтки исписано иероглифами.

«... (совершая жертвоприношение) Нехбет, великой Божественной Матери... ради души (ка) благородного Бога, наследственного принца .... Царя Севера... (совершая жертвоприношение Нехбет), великой Божественной Матери, чтобы она дала погребальную еду, все самое лучшее... для «ка» благородного властелина, наследного принца, носителя царской печати Севера, единственного защитника, главного управляющего владениями, ... надзирающего за всеми входами (в Египет) по суше и по морю, от Нект-хор-хеба, рожденного от Нес-эн-пер-Мут».

Далее Нект-хор-хеб заявляет: «Я был истинно отличен манерами, прекрасен характером, служил безупречно, сердце мое было (всегда) исполнено гармонии, в мыслях был бесхитростен, и мне нечего было скрывать в глубине моей души...».

¹ Paul Tresson, «Sur deux monuments égyptiens inédits», *Kēmi*, IV (1931, published 1933).

В этой надписи Нект-хор-хеб убеждал, что он честно служил держателю царской печати — в последнем мы узнаем Арзамеса. Молитва о душе этого «благородного властелина и наследного принца» подтверждает, что фигурка была изготовлена по случаю смерти Арзамеса. Изображение Осириса, бога мертвых, и молитва о еде для покойного говорят о том же самом. Правив более половины столетия, Арзамес, в последний раз упомянутый в эфлантинском письме, написанном в 407 г. до н. э., должно быть, умер вскоре после этого или даже до этого, скорее всего в Вавилоне, а возможно, в Персеполе, потому что эфлантинское письмо связано с его визитом к царю, совершившемся в 410 г. до н. э. Дарий II (Нотус) умер в 404 г. до н. э.

Слова о Царе Севера в надписи на статуе безошибочно указывают на персидского монарха. В списке династий Манефона персидские цари составляют двадцать седьмую династию. Однако Манефон не называет их имен. По памятникам известны только царские имена Камбиза и Дария Великого; что касается последующих персидских царей, египетские писцы предпочитали говорить о них как о царях Севера, не называя их. Из персидских царей только Камбиз и Дарий посетили Египет, и, с точки зрения жрецов, чтобы быть освященным царем и носителем Двойной Короны, нужно было пройти через церемониал в южных и северных святилищах страны. Никогда не посещая Египта, персидские цари после Дария не могли законным путем приобрести египетского тронного имени.

Можно предположить, что управитель-помощник решил обойти нелегкую ситуацию, и в надписи он просит Божественную Мать, чтобы «сын Ре», Аамес, смог достигнуть «тридцатилетней годовщины на троне Гора».

«Сын Ре», Аамес, упомянутый в этом отрывке, заставил аббата Трессона предположить, что здесь имеется в виду царь Амазис, предпоследний в двадцать шестой династии (который умер за несколько месяцев до завоевания Египта Камбизом). Отнеся данную статуэтку к эпохе Амазиса, аббат Трессон вынужден был предположить, что кроме царя Нект-хор-хеба, возможного Нектанеба II четвертого века, существовал два века спустя, в эпоху Амазиса, какой-то его тезка. Такая интерпретация упоминания об Аамесе

должна вступить в противоречие с упоминанием в той же надписи о Царе Севера: молящийся не мог в эпоху Аамеса воздавать почести «Царю Севера».

Имя Аамес (Амазис), обведенное овалом (картушем), может относиться к иному лицу, но не к «Царю Севера», и у нас есть возможность выяснить его личность: в персидскую эпоху, в пятом столетии, «военачальник, в обязанности которого входило собирать со всех местных начальников дары для бальзамирования Аписа, быка, носил то же самое имя, что и царь Амазис, и писал его с картушем, хотя его стела указывает на персидское вторжение (оккупацию)»¹. Этот человек, главнокомандующий всего Египта, вероятно, назван Нект-хор-хебом в тексте, выгравированном на коленопреклоненной фигурке с иконой, если только это имя не относится к самому Царю Севера.

От этой жертвенной статуэтки мы узнаем, что Нект-хор-хеб, помимо исполнения обязанностей агента покойного и других должностей, занимался также сбором чужеземной дани («надзирающий за всеми входами (в Египет) по суше и по морю»). Действительно, Нект-небеф, о котором мы будем говорить ниже, возвел стелу в морском портовом городе Навкратисе, на которой указал размеры этой дани.

Кроме того, мы узнали, что мать Нект-хор-хеба звали Нес-эс-пер-Мут. Очень пространный текст на саркофаге «царя» Нект-хор-хеба, который никогда не переводился и не публиковался, должен быть прочитан, ибо разумно предположить, что он также может заключать в себе имя его матери. Но свидетельства о личности Нект-хор-хеба, агента сатрапа и управляющего, уже налицо в собрании писем Арзамеса и в тексте на статуэтке с иконой.

Таким образом, установлена и эпоха Нект-хор-хеба: он действовал в последние годы жизни Арзамеса и находился на посту, когда тот умер, т. е. в 407 г. до н. э. или даже немного ранее.

Чтобы доказать, что Нект-небеф жил и действовал немного раньше, но тоже во времена сатрапа Арзамеса, нам понадобится заняться личностью Псамхека.

¹ A. Gardiner, *Egypt of the Pharaohs*, p. 366. G. Posener, *La première domination perse en Egypte* (Cairo, 1936), p. 41 ff.

В одном из писем, написанных Арзамесом Нект-хору и уже цитировавшемся в этой книге, он упомянул о Псамхеке как о человеке, который занимал должность адресата непосредственно перед ним. В другом, более раннем, письме, адресованном персидскому принцу Артаварту, который оказался в Египте, Арзамес писал:

«Желаю тебе много мира и благоденствия. Что касается дани, которую давал мне царь, а для меня — А-хапи, мой слуга, который управлял моими владениями в Верхнем и Нижнем Египте, то Псамхек, сын А-хапи, который теперь сделан управляющим (*pakida*) вместо него в моих владениях, что в Верхнем и Нижнем Египте, просил меня об этом.

Теперь то обеспечение, которое давалось мне царем, а через меня А-хапи, будет позволено собирать здесь в Египте Псамхеку, его сыну».

Мы стоим у разгадки одного из наиболее странных недоразумений египетской истории, или, если только стиль научного исследования позволяет такие выражения, на пороге разоблачения одного человека, который незаслуженно играл роль не только одного из последних царей, как об этом говорилось, но который воплощал собой, вероятно, образ одного из величайших египетских царей. Важность того, что мы должны рассмотреть, может легко бросить свет на проблему, решение которой мы здесь ищем, а именно — место в истории Нект-небефа (уже не Некта-неба I), с которого мы и начнем, хотя мы установим время его жизни только в связи с его отношением к Псамхеку.

Базальтовые плиты балюстрады с изображениями Псамхека и Нект-небефа были обнаружены и описаны. Из этого мы узнаем, что Псамхек и Нект-небеф были современниками, и поскольку Псамхек был непосредственным предшественником Нект-хор-хеба на его посту, Нект-небеф должен был быть еще более высокопоставленным чиновником при Арзамесе. Я уже упоминал о его стеле с декретом, касающимся взимания дани, обнаруженной в Навкратисе, торговой греческой колонии, основанной в седьмом или шестом веке.

Нект-небеф и Нект-хор-хеб обогащали персидскую корону, сатрапа Арзамеса и прежде всего самих себя. Из

их собственных признаний мы узнаем, что каждый из них демонстрировал щедрость по отношению к жреческому классу и одаривал храмы и святилища земельными владениями и рабами¹. Оба они, а также Псамхек писали свои имена в обрамлении картушей, претендуя таким образом на царские титулы. Персидского Великого Царя это не заботило: он был Царем Царей.

Изысканно отделанный саркофаг Нект-небефа был найден в одном из частных дворцов в Александрии, где он использовался многими поколениями в качестве ванны. Теперь он выставлен в музее Каира.

Саркофаг Нект-хор-хеба пережил немало приключений, прежде чем обрел свое постоянное место в Британском музее. Он служил купелью в церкви св. Анастасия, которая позже была превращена в мечеть, где он был выставлен как гроб Александра.

Важно отметить, что саркофаг Рамзеса III, который ныне находится в Лувре, был построен по образцу саркофага Нект-хор-хеба: сходство простирается от полуовального очертания до многих других деталей, и это неудивительно, ибо их владельцы, как мы теперь знаем, при жизни были разделены всего одним поколением, а не многими столетиями.

Огромная путаница в установившейся временной шкале истории Египта может быть проиллюстрирована целым рядом примеров, начиная с конца Среднего Царства. Однако одним из самых темных периодов остается история двадцать первой династии, и не только потому, что она отодвинута на шесть-восемь столетий назад от своего истинного исторического времени, но и потому, что некоторые из ее представителей были ошибочно отождествлены с личностями более ранних или более поздних эпох.

Египетский царь Псамметих — это наиболее яркая фигура в египетской истории, как говорили Геродот и другие греческие историки. Современные историки помещают его в седьмой век и отводят ему место в начале двадцать шестой династии, в соответствии со шкалой Манефона. В этой, реконструированной версии истории он является

¹ Kienitz, op. cit.

Сети-Птах-Маатом из девятнадцатой династии, и это было предметом подробного обсуждения в книге «Века в хаосе», посвященной периоду ассирийского завоевания и владычества. Подробное исследование тождественности девятнадцатой и двадцать шестой династий — это главная тема книги, посвященной халдейскому владычеству. Поэтому здесь мы не уделим этому вопросу внимания. Достаточно сказать, что история девятнадцатой династии написана на основе египетских памятников, а история (та же самая) двадцать шестой династии написана на основе данных греческих авторов.

Сети-Птах-Маат на монументах — это Псамметих в истории Геродота, но современные историки ищут памятники Псамметиха независимо от памятников Сети. Были обнаружены предметы с именем, которое читается как Псамхек. Однако наиболее удивительным оказался тот факт, что среди этих довольно многочисленных реликвий не оказалось ничего, что напоминало бы историю, содержащуюся у Геродота и других классических историков. Почему Псамметих воздержался от повествования о своих великих деяниях в дни войны и мира: как ему удалось обойти одиннадцать других правителей Египта, каким образом он вернулся из Палестины, куда бежал от эфиопов, каким образом он получил помощь от карийцев и ионийцев, которые прибыли морем, как он построил для них военные лагеря и стал первым из фараонов, кто позволил грекам поселиться в Египте; как он освободил Египет от ассирийской гегемонии; каким образом, будучи теперь союзником своего прежнего властителя Ассурбанипала, он начал войну в Сирии? Ничего, даже отдаленным образом напоминающего эти события, не было обнаружено на памятниках, носящих иероглифическое имя Псамхека.

Еще одна загадка состоит в самом этом имени: Псамхек, как оно написано иероглифами, звучит довольно странно для царского имени. Гардинер размышлял: «Это имя, на вид чужеземное, на самом деле является египетским и означает «продавец лимонада»¹.

¹ *Egypt of the Pharaohs*, p. 352.

Но фараон не взял бы себе имя «продавец лимонада». Птах и Маат в царском имени и прозвище Сети — все это египетские божества, и именно этого должно ожидать от царских имен и прозвищ. Но «продавец лимонада»... — вряд ли это лучшее, что можно было отыскать в египетском языке, если только это имя вообще является египетским. Поскольку, кроме знаменитого Псамметиха, греческие авторы называли по крайней мере еще семерых правителей, носивших то же самое имя, но менее представительных, можно дойти и до предположения, что «продавец лимонада» стало любимым царским именем, вроде Цезаря во времена римлян.

Смысл данной ситуации совсем иной. Памятники с именем Псамхека, написанным иероглифами, можно спокойно связать с Псамхеком, управителем Египта при сатрапе Арзамесе, и именно поэтому мы уделили здесь внимание этому человеку и его социальному положению. Из писем, написанных на коже и посланных из канцелярии Арзамеса в Вавилоне, которые были адресованы его подчиненным в Египет, мы узнали, что перед Нект-хором управителем Верхнего и Нижнего Египта был Псамхек.

Псамхека необходимо вернуть в его истинное время — в середину пятого века. Его имя, заканчивающееся на «ек», звучит на персидский манер, как мне говорил профессор Мартин Диксон из Принстонского университета. Его эпоху можно также выяснить по тем сведениям, которые мы имеем из греческих источников. В 445 г. до н. э. «царь Псамметих» послал на кораблях зерно для народа Афин. Полагалось, что эта информация относится к тезке знаменитого Псамметиха из седьмого века, жившему в пятом веке, и что ничего иного о нем неизвестно. Это неверно: этот «царь Псамметих» не кто иной, как Псамхек, правитель при Арзамесе. Совершенно ясно, что Псамхек не отправлял зерно в Афины без ведома и даже распоряжений Арзамеса. Должно быть, это было то время, когда персидские интересы требовали поддержки Афин.

Восстание Инароса против персидского владычества в Египте, которое началось в 463 г. до н. э. и продолжалось до 454 г., было поддержано афинянами и их флотом. Афинянам удалось захватить крепость Мемфис, затем они дви-

нулись к Просопиту и подверглись там длительной осаде, во время которой персы отвели воду из канала. Эта война закончилась мирным договором в 448 г. до н. э. между персами при Артаксерксе I и Афинами. Афины оставили персам Кипр и Египет, а Персия пообещала не нападать на греков на побережье Малой Азии. В результате этой политики невмешательства и наладившихся отношений последовал мирный договор 446 г. до н. э. между греческими государствами — Аттикой (Афины), Беотией (Фивы), Лакедемоном (Спарта) и другими, который позже получил название Тридцатилетнего мира. Артаксеркс I восстановил полный контроль над Египтом и предоставил его в качестве сатрапии Арзамесу, который сохранил свою резиденцию в Вавилоне (третьей столице империи после Персеполя и Сузы), а А-хапи, упоминавшийся в письме I, которое уже цитировалось, стал с некоторого времени его полномочным представителем в Египте. После смерти А-хапи его сын Псамхек был назначен на должность отца. Восстановив все это, мы получили две точные даты: Псамхек отправил зерно в Афины в 445 г. до н. э., а Нект-хор-хеп, его преемник на службе у Арзамеса, оплакивал смерть своего хозяина в 407 г. до н. э. или приблизительно около этого времени.

С этими двумя точными датами мы сможем решить еще несколько проблем. Еще несколько исторических лиц, сорванных со своих исторических якорей, были бесцеремонно передвинуты через границы столетий. Насколько запутывает такая ситуация общепринятую историческую схему, читатель может судить, познакомившись с заключением эксперта в области египетского искусства и истории, У.С.Смита, изучавшего плиты балюстрады с портретами Нект-небефа и Псамхека:

«Странные портреты двух царей, Псамметиха I и Нектанеба I (Нект-небефа) были обнаружены на царском барельефе, и они свидетельствуют о том, что стремление к передаче индивидуальных характерных черт не утратилось в период между началом XXVI династии и эпохой Птолемея. Они изображены на базальтовых плитах, в 4 фута высотой, которые, казалось, составляли балюстраду какого-то одного памятника. Нелегко представить первоначаль-

ный вид этого памятника или объяснить, почему большая его часть оставалась без надписей в течение почти 200 лет, пока Нектанеб снова не взялся за работу. На двух основных плит, по обе стороны, нанесены аналогичные рисунки. На одной стороне — занимающая всю площадь коленопреклоненная фигура царя, приносящего жертвы различным божествам, с бордюром, составленным из ястребов, наверху. На другой стороне плиты — одиночная фигура царя расположена на черном фоне, а карниз — в форме змеи (урея)».

Насколько может судить читатель, эти две личности, Псамхек и Нект-небеф, идентифицированы неверно: один представлен как фараон седьмого века, а другой — как фараон четвертого века. Они не были разделены периодом «почти в 200 лет» (в действительности скорее тремя веками), а оба принадлежали пятому столетию до н. э.

Нект-небеф, изображенный в серии барельефов рядом с Псамхеком, должен был быть его современником и, следовательно, также чиновником при Арзамесе. Вполне возможно, что они служили одновременно, один как управитель, второй как казначей, или один на севере, а второй на юге. А может быть, их функции при Арзамесе были разделены каким-то другим путем.

Перемещенные на восемь столетий

В разделе, названном «Масштаб проблемы», мы были озабочены мыслью, что могла произойти ошибка на восемь столетий в общепринятой истории двадцатой династии, и испытывали беспокойство при виде еще больших пертурбаций, в которые может нас вовлечь это исследование. Мы были поражены серией несогласующихся фактов, каждый из которых указывал на необходимость решительного приближения эпохи Рамзеса III и всей этой династии именно на такой огромный временной промежуток. Среди этих фактов были и персидские мотивы, и гла-

зурь, и греческие буквы классического периода, эпохи Платона, на изразцах во дворце Рамзеса III в Тель эль-Иаху-дии; кроме того, могилы, в которых один археолог видел связь с двадцатой династией, т. е. с двенадцатым веком, а другой датировал их не ранее как четвертым веком; упоминания в официальных документах, составленных Рамзесом III или от его имени его сыном, Рамзесом IV, о владычестве Арсы, какого-то арамейца, которому не имеющий царя Египет одним-двумя поколениями ранее платил дань и который демонстрировал неуважение к местным богам, — ситуация немислимая в установившейся версии истории, которой неведомо такое событие или даже вероятность подобного события в период между девятнадцатой и двадцатой династиями, когда, как считается, Египет находился в самом апогее своей имперской мощи.

Чтобы выяснить, являются ли эти факты иллюзорными и ложными или, наоборот, исполненными значения и верными, мы предприняли сравнительное исследование летописей Рамзеса III, в которых он описывал свою войну против народа, названного «Pereset», воинов в богатом убранстве, и его союзников, народов моря, с описанием, найденным у Диодора Сицилийского, войны Нектанеба I, фараона первой половины четвертого века. Мы показали, что установить, кем были Pereset, можно, сравнив их характерные головные уборы с головными уборами гвардии Дария на скульптурах в Персеполе, и мы доказали свой вывод тем, что то же название Pereset употреблялось в Египте по отношению к персам при составлении Канопского декрета при Птолемах. «Народы островов» не были похожи на микенских греков ни вооружением, ни снаряжением, ни своими бритыми лицами. Греки тоже были известны поздним еврейским пророкам как «народы островов».

Оккупация бастиона в Мендесском устье Нила войсками захватчиков; контратаки фараона и уничтожение многих осажденных захватчиков, изнурительная осада; разногласия, которые возникли среди лидеров захватчиков, их отступление без попытки дальнейшего продвижения в страну; бегство главного стратега и многие другие детали — все это описано и Рамзесом III и Диодором.

События, которые предшествовали этой войне, внутренний раздор между народами моря, военная поддержка, предоставленная Pereset фараону в начале его царствования; сбор солдат народов моря и их приход на службу к фараону; их участие на стороне египетских войск в последовавшей за этим войне с Pereset; наконец, сражение египетских солдат и матросов с объединенными силами Pereset и народов моря — все это изображено Рамзесом III на барельефах, а также описано у Диодора, который детально рассказывает, как в 377 г. до н. э. фараон поднялся против персидского владычества и пригласил афинского адмирала Хабрия и его наемников к себе на службу, и они помогли изгнать персов с его земли. Но афиняне отозвали Хабрия и его войска и послали Ификрата на помощь персам в их войне против египтян. Мы обнаруживаем одни и те же события, представленные со множеством деталей у Рамзеса III и Диодора: большой военный лагерь, собранный Pereset в Палестине для нанесения удара по Египту с помощью пехоты и флота, состоящего из множества галер, в котором сражались в качестве наемников и народы моря; укрепление сухопутной границы (в Захи), проведенное фараоном; его верный расчет на то, что враг попытается прорваться через одно из устьев Нила и укрепление им этих устьев вооруженными судами и стенами (дамбами), а также крепостями; морская битва в одном из устьев Нила, во время которой использовались прибрежные укрепления и огнеметательные снаряды.

Все рассказанное Рамзесом III и Диодором — это не истории двух разных войн, разделенных восемью веками, но история одной и той же войны.

Реформа армии, проведенная Ификратом, известная из греческих источников, иллюстрирована также барельефами Рамзеса. Мечи стали в два раза длиннее, и Рамзес также упоминает в одной из своих надписей о мечах в пять локтей длиной (в два раза больше обычного), введенных в этой армии. Прямоугольные щиты солдат Хабрия сменились круглыми, и оба типа щитов можно увидеть на барельефах Рамзеса.

Использование судов-поджигателей также относит все эти события к четвертому веку, как и упоминание о гарнизоне «Marianni» на египетской границе.

Если всего этого недостаточно — а это так и есть, в соответствии со стандартом научного исследования, — чтобы установить идентичность событий и лиц, отделенных в общепринятой истории восемью столетиями, тогда мы можем также напомнить о наблюдениях специалистов-искусствоведов, которые выяснили, что ассирийские и персидские сцены охоты, вероятно, послужили образцами для художников Рамзеса, изобразивших аналогичные сцены. Храмы, воздвигнутые Рамзесом III, имеют странное сходство с храмами эпохи Птолемеев. Египетский язык и религия в эпоху Рамзеса III подвергались семитскому влиянию, а религиозное искусство — явной «иранизации».

Параллели были продолжены и в следующих поколениях — Тахуса (Рамзеса IV) и Нектанеба II (Рамзеса VI). Прибытие Агесилая со своим войском и маленький рост старого спартанского воина описаны на папирусе Рамзесом IV и греческими авторами. Нект-небеф и Нект-хорхеб, которые у греческих историков обычно считаются малозначащими царями Нектанебом I и II, являются, как было показано, управляющими при персидском сатрапе, а не вышеупомянутыми царями.

Читатель может задать недоуменный вопрос: как могли произойти такие ошибки при написании истории? Кто был первым, допустившим оплошность и поместившим Рамзеса III со всей его династией, которая проходит под названием «двадцатая», в двенадцатый век? Рамзес III и его династия были размещены там, где они уже издавна находились в книгах по хронологии, т. е. в течение многих столетий. Первые иероглифы были расшифрованы только в первой четверти девятнадцатого века. Мы будем помнить об этом, когда приступим к исследованию основ, на которых была воздвигнута египетская хронология.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА I

Династия жрецов

Во второй части мы предпримем попытку восстановить историю династии, которая известна под ошибочным названием двадцать первой. Это период, богатый документами, большей частью юридическими или религиозными, редко содержащими какие-либо исторические сведения, и потому считалось, что в историческом смысле это один из самых темных периодов в истории Египта. Были предприняты значительные усилия, чтобы установить порядок в этой смене царствующих жрецов и обнаружить смысл их политической деятельности. «Двадцать первая династия — это все еще чрезвычайно темный период египетской истории», — пишет И.Черни в «Кембриджской древней истории»¹. И нет ничего удивительного: этот период, будучи перемещен на множество столетий со своего истинного места в истории, сопротивляется попыткам выяснить его исторические связи с миром за пределами Египта или его внутреннюю политическую ситуацию. Мы признаем, что постижение этих связей и последовательности событий было достигнуто лишь в результате постоянных усилий, чем объясняется то, что я не раз откладывал публикацию этой книги.

Как выяснит мой читатель, династия, о которой мы начинаем разговор, существовала перед двадцатой (так же, как двадцать девятая и тридцатая). Она также развивалась параллельно с двадцатой и пережила ее на несколько поколений, перешагнув через эпоху Александра.

Поскольку дело обстоит именно так, кажется более разумным не говорить об обеих династиях, до некоторой степени совпадающих во времени, одновременно, но рассмотреть сначала двадцатую, а потом двадцать первую. Это

---

¹ «Egypt from the Death of Ramesses III to the End of the Twenty-first Dynasty», *Cambridge Ancient History* (Cambridge, 1975), Vol. II, Part 2, Chap. XXXV, p. 643.

означает, до определенной степени, что по одному и тому же полю придется пройти дважды, особенно, когда имеешь дело с персидским порядком наследования.

Химерическое тысячелетие

Двадцать первая династия в Египте, согласно установленной временной шкале, относится к одиннадцатому веку и к первой половине десятого, т. е. приблизительно к периоду 1100—945 гг. до н. э. В Израиле это было время поздних Судей и царей Саула, Давида и Соломона. Данный период израильской истории наиболее величественен. Большое число страниц Ветхого Завета посвящено событиям этого времени: войны Саула и освобождение страны и всего древнего Востока «от Хавилы до окрестностей Сура, что пред Египтом» (1-я Книга Царств 15:7), или от Месопотамии до Египта, от владычества амаликитян; последующее поражение Саула от рук филистимлян; захват Иерусалима Давидом и его войны против Амона, Моава и Идумеи; блестящая эпоха Соломона, который вел строительство в Пальмире и в Иерусалиме и который участвовал вместе с финикийским царем Хирамом в строительстве гавани, в далеких морских экспедициях и в заморской торговле колесницами и конями; ливанские кедры были привезены из-за моря для строительства Храма и дворцов. Царица Савская (Shwa) приехала, чтобы удостовериться в слухах о чуде, и «все цари на земле искали видеть Соломона» (3-я Книга Царств 10: 24). Но во времена Соломона устраивались также и заговоры с целью расколоть его империю, и центр этих заговоров был в Египте. Адер из Идумеи, который бежал в Египет, когда его страна была разорена Иоавом, военачальником Давида, вернулся в Идумею, оставив своего сына Генувата во дворце фараона в Египте. Иеровоам, вассал Соломона, который бежал в Египет и женился на сестре царя, вернулся, чтобы отделить Израиль от Иудеи. Спустя пять лет после смерти

Соломона фараон Сусахим вторгся в Иудею, захватил Иерусалим и унес все ценное из дворца и храма. Это было бурное время подъема и упадка, когда в политические дела Израиля и Иудеи были вовлечены соседние народы, прежде всего Египет, время продолжительного мира и военных походов, активного строительства и торговли, заговоров и столкновений, возникающих и рушащихся империй. Истории Израиля и Египта постоянно пересекались в продолжение всей этой эпохи.

В первом томе «Веков в хаосе» я на основе детального исследования документов определил соответствующий период египетской истории: конец эпохи Судей и их попыток освободить свою страну от владычества амаликитян-филистимлян соответствует завершающей фазе владычества Аму (гиксосов) в Египте и Палестине-Сирии. Саул был современником Камеса и Аамеса, основателей восемнадцатой династии, и они вместе осадили и взяли Аварис — крепость-столицу гиксосов-амаликитян. Я также определил, что Аварис — это эль-Ариш. Здесь Саул взял в плен последнего царя гиксосов Агога. Давид был современником Аменхотепа I, и оба они остались в памяти своих народов как святые, независимо от того, было ли это заслуженным. Соломон был современником Тутмоса I, на дочери которого он женился и чья вторая дочь и наследница — Хатшепсут — стала правительницей Египта. Яркое описание ее путешествия в Святую землю (Божественную землю) и Финикию (Пунт) детально соответствует описанию визита царицы Shwa (Савской), которую историк Иосиф Флавий назвал царицей Египта и Эфиопии. Читателю нужно лишь вновь обратиться к соответствующим страницам книги «Века в хаосе», чтобы осознать многочисленные пересекающиеся факты. Террасы, которые она увидела, деревья, прежде невиданные, обезьяны и павлины, и даже народ Офира — обо всем этом рассказано, и все это даже изображено. О подарках, которые она получила, рассказано в Книгах Царей и Паралипоменон. Паруах (P'-r'-hw) встретил царицу Хатшепсут по ее прибытии, и это был тот самый Паруах, отец Иосафата, который управлял Египтом Гавером при Соломоне (3-я Книга Царств 4:17). Тутмос III

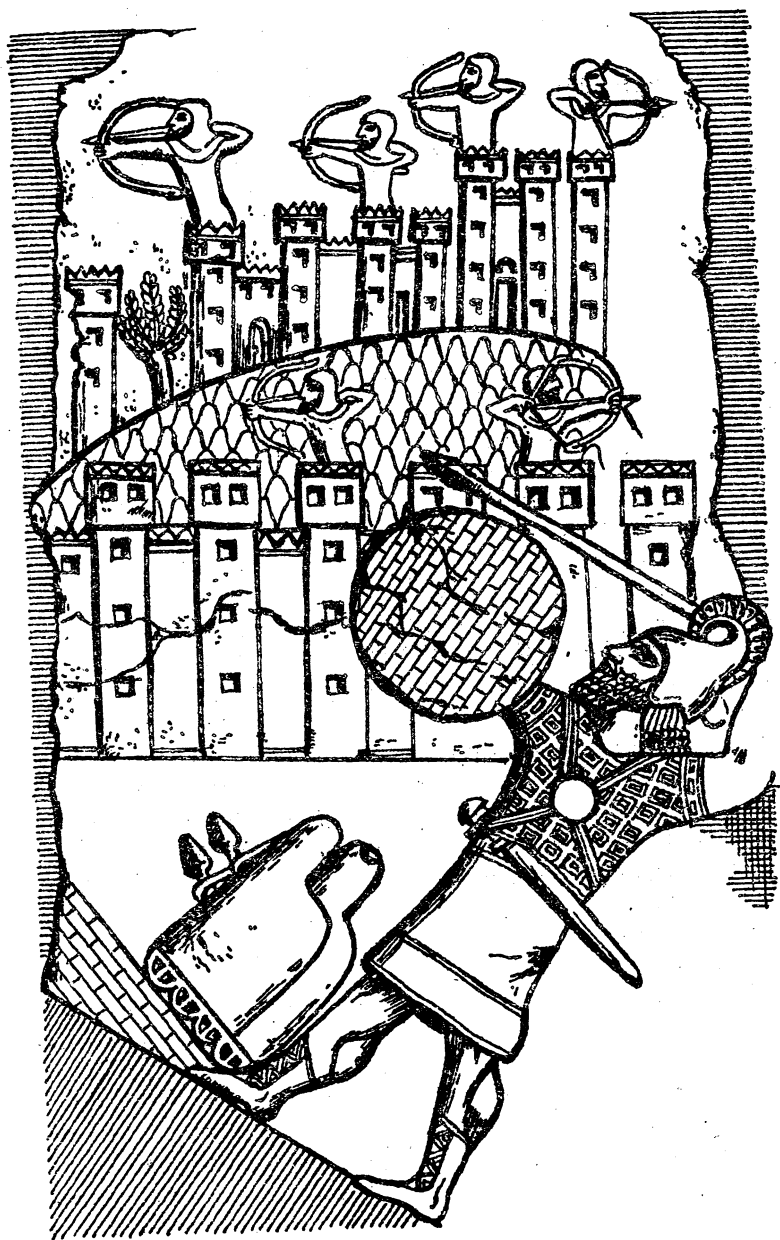

(Сусаким в Библии) вторгся в Палестину, осадил ее укрепленные города и принял капитуляцию царя Кадеша-Иерусалима. Сосуды и утварь, которые он вывез из храма и дворца и изобразил на стенах храма в Карнаке, сравнивались, поштучно, с описанием этих сосудов в храме Соломона. Сын Адера Генуват (3-я Книга Царств 11:20) упоминается в надписях Тутмоса III. Ано, жена Иеровоама (ее имя называется в Септуагинте), была принцессой из дома Тутмоса III, и ее канопский кувшин хранится в музее искусств Метрополитен. В общих очертаниях и в мелких деталях эти две истории сочетаются друг с другом, и описания времен, предшествующих данному периоду (время Исхода и кризиса Среднего Царства в Египте) и следующих за ним (время писем эль-Амарны), — это не что иное, как плотная цепь совпадений, соответствий и тождеств, расширяющих эту рамку на столетия назад и вперед.

В общепринятой истории двадцать первая династия отнесена к самому концу эпохи Судей, царствований Саула и Давида и к середине царствования Соломона. Что может предложить такая схема, с точки зрения контактов между двумя данными государствами? Является ли это единственной точкой пересечения? Двадцать первая династия исключительно богата папирусными документами. Какие существуют основания для того, чтобы считать двадцать первую династию современной Саулу, Давиду и Соломону?

Чтобы представить традиционную точку зрения, я буду следовать главе XXXV «Египет от смерти Рамзеса III до конца двадцать первой династии» (написанной И. Черни) второго тома «Кембриджской древней истории» (третье издание 1975 г.).

Преамбула такова: «Нам немного известно об отношениях Египта с внешним миром в эпоху двадцать первой династии». «Сирия и Палестина были политически независимы — факт, подтвержденный библейским преданием о возвышении царства Израиля. Один безымянный фараон из двадцать первой династии предоставил, однако, убежище Адери, молодому принцу из Идумеи, когда царь Давид захватил его страну, а позже этот фараон отдал ему в жены сестру своей царицы. Сын Адера Генуват был воспитан

при дворе вместе с сыновьями фараона. После смерти Давида, несмотря на возражения фараона, Адер вернулся в свою страну как заклятый враг Соломона. Личность этого фараона не установлена.

Также неясно, какой именно фараон из двадцать первой династии находился в столь дружеских отношениях с Соломоном, что послал в Иерусалим свою дочь, чтобы она стала одной из жен Соломона»¹.

Разве это не *testimonium paupertatis*? Ни о каких отношениях с Израилем в египетских документах не сообщалось: разве можно оправдывать и объяснять это молчание тем, что Сирия и Израиль были независимыми государствами? Согласно такой схеме, грандиозный размах деятельности Давида и Соломона, по необъяснимым причинам, оставил Египет совершенно безучастным. В то время как в Палестине, Финикии и Сирии возводились огромные здания, посылались в далекие страны флотилии, велись войны и одерживались победы, в Египте в то же самое время плелись политические интриги и готовился развал империи с северных ее границ. И после этого нам предлагают поверить в то, что ни в одном египетском документе эпохи двадцать первой династии, столь богатой папирусными источниками, не сохранилось никаких сведений об этой деятельности или каких-нибудь международных контактах.

При этой династии Египет представлял собой картину распада и нищеты. Главным занятием населения, жрецов и чиновников стала охота за древними могилами и их содержимым. Население, угнетаемое «чужеземцами», называемыми также «варварами», ждало темноты, чтобы приступить к недозволенным раскопкам. Жрецы под предлогом смены повязок на мумиях древних царей очищали их от драгоценностей, которые еще можно было отыскать между слоями тканей, и как об этом свидетельствуют многочисленные папирусы, суды занимались делами грабителей мо-

¹ «Egypt from the Death of Ramesses III to the End of the Twenty-first Dynasty», *Cambridge Ancient History* (Cambridge, 1975), Vol. II, Part 2, Chap. XXXV, p. 656.

гил. В стране не было промышленности, торговых контактов с другими государствами. Жалкая поездка Венамона с целью добыть в Библосе кедровую древесину для единственной ладьи Амона — судна, которое использовалось жрецами во время процессий, — это все, что могут сообщить папирусы двадцать первой династии об отношениях Египта с Сирией или Палестиной. Мы скоро будем рассматривать путешествие Венамона и поймем, каким жалким было положение Египта в международных отношениях и торговле. Его вряд ли можно охарактеризовать как «дружеские торговые отношения с приморскими городами Палестины и Сирии» (И.Черни), не располагая никакими иными фактами.

На принципиально другом уровне находилась торговля при Соломоне, когда кедровые леса Ливана перевозились по морю в Яффу — это не только различие возможностей, но и различие эпох.

Сто пятьдесят пять лет (с 1100 по 945 г. до н. э.) без какого-либо контакта, даже без подобия контакта, даже без каких-то косвенных свидетельств! Вот две истории предстали перед судом. «Никаких аргументов, никаких свидетельств» — вот и все, что говорит в свою защиту один из претендентов на титул истинной истории?

На последующих страницах так называемая двадцать первая династия (неверное название, которое мы вынужденно сохраняем для жреческой династии, которую оно обозначает) помещается на свое истинное историческое место. Заняв его, он обнаруживает многочисленные контакты с чужеземными странами той же самой эпохи, а именно — эпохи персидского завоевания Египта, простиравшейся до эпохи Птолемеев, после прихода Александра.

То, что проходит под названием двадцать первой династии, это династия наследственных жрецов-князей, которая правила в Фивах, Танисе, но главным образом в оазисах Ливийской пустыни: южном оазисе эль-Харгех и северном оазисе Сива. Их династия по времени предшествовала, сопутствовала эпохе двадцатой династии и продолжалась после нее, т.е. после периода царствования Рамзеса III — Нектанеба I.

Завоевание Камбизом Египта

Персидский период древней истории начинается с Великого Кира. От захудалого князька в Аншане, колонии мидийского царства Астиагеса, он возвысился до верховного правителя империи, не имеющей себе равных среди государств древности. Завоевание им лидийского царства Креза произошло в 546 г. до н. э., а завоевание Вавилона, где правил Набонид и его сын Валтасар, — в 539 г. до н. э., и это событие, согласно Книге Даниила, случилось в ту ночь, когда появились письмена на стене¹. Но Египет оставался за пределами владений Кира.

Кир вступил в войну с племенами на северной границе своей империи, к востоку от Каспийского моря. Его сын Камбиз, поднявшись на трон и защищая его от других претендентов, сразу замыслил завоевание Египта, которым тогда правил фараон Амазис II². Но прежде чем Камбиз дошел до Египта в 525 г. до н. э., Амазис умер, и его трон был унаследован его сыном, Псамметихом II, названным у Геродота Псамменитом. Состоялась битва при Пелусии, которая была проиграна египтянами. Мемфис был окружен, и царь был взят в плен. Из Киренаики, что на западе, были направлены послы к Камбизу с декларацией о капитуляции. Не удовлетворенный этим и планируя завоевание всей Ливии, он направил свою армию в Ливийскую пустыню, но сам поднялся по Нилу и занял Египет вплоть до южных границ, блокировав его со всех сторон.

Геродот дает живое описание завоевания Египта Камбизом: это история жестокости и святотатств, граничащая с безумием со стороны завоевателя. Это также картина полного обнищания покоренного населения, примером которо-

¹ Книга Даниила приписывает завоевание Вавилона Дарию. Не исключена возможность, что Дарий, который в это время служил под началом Кира, действительно взял Вавилон штурмом.

² Амазис I (Аамес) царствовал после изгнания гиксосов из Египта как первый царь восемнадцатой династии. Амазис II сменил фараона Хофра (Априя) из двадцать шестой династии и считается предпоследним царем, хотя не был родственником Априя.

го служит обездоленность лишенной средств к существованию старой знати, которая открыто просила у солдат-захватчиков кусок хлеба. Многие ученые выражали сомнения по поводу истинности рассказа Геродота. В особенности много нареканий вызывала история убийства Камбизом священного быка Аписа, когда в 1845 году А.Э.Мариэтт обнаружил опровергающие ее факты, открыв обширные погребальные покои, где покоилось не менее шестидесяти четырех священных быков, мумифицированных и уложенных в великолепные саркофаги, с датами их рождений и смертей, написанными на повязках.

Имя Камбиза, написанное египетским письмом, было обнаружено на папирусе и на камне, но только одна иероглифическая надпись, сообщающая о завоевании и оккупации Египта, известна до настоящего времени. Она написана неким Удиехарресне: это небольшое автобиографическое сообщение на статуе, которая ныне хранится в Ватикане. Он был в составе египетского флота в Средиземном море. После падения Мемфиса и свержения фараона он единственный из местных жителей смог завоевать доверие Камбиза, стал его советником по делам Египта и был также назначен придворным лекарем — удивительный виток карьеры после должности адмирала.

Удиехарресне приказал написать на этой статуе:

«И вот пришел в Египет великий вождь всех чужеземных земель, Камбиз, и с ним чужеземцы из всех стран. Когда он овладел всей этой землей, они там обосновались, чтобы он мог быть великим правителем Египта и великим правителем всех чужеземных стран. Его Величество приказал мне быть главным лекарем и приказал мне служить ему помощником и управляющим дворца, и я стал его служащим во славу его имени царя Верхнего и Нижнего Египта Месутира»¹.

Все, что этот Удиехарресне осмелился сказать о великих бедствиях населения, сводится к одной фразе: «Большая печаль пришла на всю землю египетскую». Кое-что можно понять из того факта, что он получил царский при-

¹ Trans. by A.H.Gardiner, *Egypt of the Pharaohs* (Galaxy ed., 1966), p. 366.

каз изгонять «всех тех чужеземцев, которые поселились в храме Нейт», где он был управляющим: «Его Величество приказал, чтобы храм Нейт был очищен». Этот храм был расположен в Саисе.

Такая позиция Камбиза, о которой сообщил его египетский лекарь и советник, а также находка Мариэтта, подорвали доверие к геродотовской версии событий, происходивших в Египте после его завоевания¹.

Какому рассказу мы должны доверять: рассказу Удихарресне — современника, но отступника, который дает понять, что бремя оккупации смягчалось законом и царскими декретами, или Геродоту, который приехал в Египет собирать материал для своей истории спустя три четверти столетия после Камбиза и который был способен преувеличить, чтобы больше заинтересовать своим рассказом читателей? Как нам это выяснить?

Но верно ли прежде всего то, что мы не располагаем никакими другими современными египетскими сообщениями о завоевании Египта персидским царем Камбизом?

Жалоба Урмая

В 1891 году русский египтолог В.С.Голенищев купил у торговца антиквариатом в Каире несколько папирусов, один из которых, письмо Урмая, сына Хеви, был опубликован в 1961 году, семьдесят лет спустя после его приобретения. Он хранится в государственном музее им. А.С.Пушкина в Москве. О его существовании известно специалистам, но публикация текста и перевод его на русский язык откладывались, пока М.А.Коростовцев не взялся за эту далеко не легкую задачу². Переводчик признается, что не совсем уверен в порядке слов или предложений.

¹ Posener, *La première domination perse en Egypte*.

² М.А.Коростовцев, *Hieratic Papyrus 127 from the Collection of the State Museum of Arts named for A.S.Pushkin (Moscow, 1961)*.

Папирус Урмай датируется началом двадцать первой династии. Урмай, «божественный отец» из храма в Гелиополисе, адресовал свое письмо Ре Некту, царскому писцу в Гераклеополисе. Титул «божественный отец», как можно судить на основании весьма убедительных данных, означает родственные связи через брак с царским домом, а более конкретно — царского тестя¹ (царь мог иметь множество тестей, в зависимости от количества его жен). Очевидно, и автор письма и адресат принадлежали к местной аристократии.

Начало этого письма сохранилось полностью, но с середины третьей страницы имеется много лакун*. Все вместе оно составляет пять страниц и короткий постскрипtum на обратной стороне папируса. Вся первая страница и начало второй (практически половина сохранившегося текста) заполнены формулами вежливости с пожеланиями адресату жизни продолжительностью в сто десять лет, без каких-либо недугов, а потом сохранения его мумифицированных останков среди великих усопших Гелиополиса. Завершив приветствия и благословения, автор письма сразу же приступает к истории своих бедствий:

«Я незаконно изгнан, всего лишен, я лишен голоса (протестовать), я ограблен, хотя не совершил ничего плохого. Я выброшен из моего города, мое имущество захвачено, ничего не оставлено (мне). Я (беззащитен) перед всемогущими злодеями...»

Урмай — только одна из многих жертв. В следующей фразе он скорее всего говорит о своих коллегах или верных слугах:

«Они оторваны от меня, их жены убиты (на их глазах); их дети разбросаны по свету: одни взяты в тюрьму, другие схвачены как добыча.

Я выброшен из моего вчерашнего жилища, обреченный на тяжкие скитания. Земля охвачена вражеским огнем. Юг, север, запад и восток — все принадлежит им».

¹ C. Aldred in *Journal of Egyptian Archaeology*, XLIII (1957), 30--41. See also my *Oedipus and Akhnaton*, p. 84--85.

* Лакуна — пробел, пропуск, недостающее место в тексте. — Прим. ред.

«Морской флот» ушел из страны, завоеванной врагом, и последний «прошел через всю страну вдоль течения реки».

Урмай перечисляет места, через которые он прошел, и все пешком, потому что «увели всех его лошадей, захватили колесницы и сбрую». «Я был вынужден идти целый день из моего города, но это уже не мой город».

Его город — это Гелиополис, где он был влиятельным жрецом, связанным родственными отношениями с царским домом. Но, похоже, никакого царского дома в Египте уже не было: враг захватил в стране власть вместе с собственностью наиболее заметных граждан. Возможно, в Гераклеополисе, месте, где жил адресат, в восьмидесяти милях к югу, дела еще не обстояли так плохо, как в северном Гелиополисе, находившемся на вершине Дельты, чуть к северу от нынешнего Каира.

Враги не только грабили людей, забирали у них детей и убивали женщин, но совершали святотатства против богов и мертвых.

«Тела (мертвых) и кости выброшены на землю и кто прикроет их?...»

Далее многие строки папируса не поддаются расшифровке, но потом следует продолжение:

«Их алтари исчезли, а также жертвоприношения, соль, сода, овощи».

Этот обездоленный жрец жалуется: «Я страдаю от голода». Он также замечает: «... зерно, которое дали мне солдаты». И это звучит так, как будто Урмай вынужден был просить зерно у солдат-захватчиков.

Враг возложил на страну большую дань («тяжела его дань»), и было совершено «великое преступление против бога». Он молит:

«Пусть твоя власть, О бог-создатель, заявит о себе. Приди, спаси меня от них».

Кем могли быть эти захватчики в начале двадцать первой династии? Согласно установленной исторической шкале, неизвестны какие-либо захватчики, овладевшие Египтом в ту пору, когда на трон вступила двадцать первая династия, т. е. в начале одиннадцатого века. Считалось, что после угасания двадцатой династии двадцать первая династия мирным путем взяла в свои руки бразды госу-

дарства. Поэтому текст папируса Урмая сразу после опубликования вызвал недоумение: пытались искать объяснения странной истории бедствий, рассказанной Урмаем, но тщетно¹.

Однако в данной работе мы относим время двадцать первой династии не к одиннадцатому-десятому векам, а к персидскому периоду египетской истории. Поэтому нам и приходилось рассчитывать, что какие-то жалобы подобного рода должны были дойти от эпохи начала двадцать первой династии. Урмай говорит о Верхнем Египте как о уже завоеванном; автор письма обладает титулами, указывающими на недавнее существование монархии в Египте, закончившееся из-за вторжения захватчиков.

Как уже было сказано, один из главных источников по истории завоевания Египта Камбизом, сыном Кира, — это Геродот. Он посетил Египет спустя всего несколько поколений, когда страна находилась под персидским владычеством и время завоеваний Камбиза и страданий, причиненных им, были еще живы в памяти народа.

По словам Геродота, Камбиз совершил «множество диких злодеяний, пока он оставался в Мемфисе. В числе прочего он вскрыл древние усыпальницы и обыскивал тела, которые в них покоились. Он также отправился в храм Гефеста и надругался над святыней... Камбиз неистовствовал, словно в безумии; он не мог удержаться от того, чтобы глумиться над священными обрядами и вековыми обычаями» (Геродот, III, 37—38).

Он убивал детей. «Ты даже детей обрек на смерть» — таковы слова Геродота, вложенные им в уста Креза, лидийца, который сопровождал Камбиза как узник (Геродот, III, 36).

После остановки в Мемфисе Камбиз предпринял военный поход на юг, двигаясь вдоль Нила. Возвратившись в Мемфис, «он изгнал греков, позволив им отправиться на кораблях домой» (Геродот, III, 25).

В истории Геродота и в жалобах Урмая мы находим сходные сетования на совершенные кощунства против богов и усопших, на разорение усыпальниц, из которых вы-

¹ G.Fecht, «Der Moskauer literarische Brief als historisches Dokument», *Zeitschrift für Aegyptische Sprache*, 87 (1962).

брасывались тела мертвых, на жестокости, совершенные по отношению к населению, даже к детям. И в папирусе и у Геродота говорится о военном походе вдоль реки. Оба источника сообщают об отбытии судов. История, рассказанная Геродотом о первых днях завоевания Камбиза, заставляет нас вспомнить об Урмае и его жалобах:

«Десять дней спустя после падения крепости (Мемфиса) Камбиз решил испытать дух Псамменита, египетского царя, царствование которого длилось всего шесть месяцев. Потому он поместил его в одном из предместий и многих других египтян вместе с ним, и здесь они подверглись оскорблениям. Во-первых, он выгнал его дочь из города, облачив ее в одеяния рабыни, с кувшином для воды. Многие девушки, дочери знатных особ, сопровождали ее, одетые таким же образом. Когда эти девы подошли к тому месту, где сидели их отцы, проливая слезы и испуская горестные крики, их отцы, все, кроме Псамменита, в свою очередь стали рыдать и сетовать, видя своих детей в таком плачевном положении. Но он, когда все это увидел, склонил голову к земле. И так прошли эти водносы. Вслед за ними появился сын Псамменита, и с ним 2000 египтян того же возраста, все привязанные за шею веревками и с уздечками во рту, и они тоже прошли этим путем, смертельно страдая... Царь Псамменит увидел, как проходила эта процессия, и узнал своего сына, которого вели на смерть, но в то время как все остальные египтяне, сидевшие вокруг него, плакали и были охвачены горем, он не подавал никаких признаков страдания, как и тогда, когда увидел свою дочь. А когда и эта процессия прошла, случилось так, что один из его прежних верных соратников, человек уже преклонного возраста, который был лишен всего, что имел, и вынужден был нищенствовать, пришел туда, где находился Псамменит, сын Амазиса, и остальные египтяне, чтобы попросить у солдат милостыни. И при виде этого царь разрыдался... «Мои собственные несчастья слишком велики, чтобы исторгнуть слезы, но бедствия моего друга вызвали их. Когда человек повержен из величия и благосостояния в нищету на пороге старости, его можно только оплакивать»¹.

¹ Herodotus, III, 14. Trans. G.Rawlinson.

Письмо Урмая подтверждает рассказ Геродота. Это — опровержение общего мнения современных историков о том, что Геродот нарисовал эту картину слишком мрачными красками и что история святотатств, совершенных Камбизом в Египте, вымышлена. Может даже показаться, что положение Урмая, родственника царя, послужило своего рода основой для описанной здесь сцены. Урмай тоже просил кусок хлеба у солдат оккупационной армии.

От Дария I до Артаксеркса I

После падения Мемфиса Египет не оказывал дальнейшего сопротивления Камбизу. Персы намеревались атаковать Карфаген, но жители Тира отказались предоставить свои корабли для завоевания государства, основанного колонистами из Финикии. Тогда Камбиз послал из Фив на запад войско численностью в пятьдесят тысяч человек, имея целью оазисы Ливийской пустыни как первый шаг в осуществлении стратегической задачи присоединения северного побережья Африки к империи, завещанной ему Киrom. Эта армия прошла через оазис эль-Харгех (Харга), но так и не достигла оазиса Сива. Она вся погибла во время песчаной бури в пустыне, и, согласно Геродоту, не осталось в живых ни одного человека, который мог бы поведать об этом бедствии¹.

Не отказываясь, однако, от плана захвата Карфагена, Камбиз задумал покорить Нубию и Эфиопию и направился на юг. Слова Урмая («земля охвачена вражеским огнем. Юг, север, запад и восток — все принадлежит им») точно описывают эту ситуацию. Камбиз вел свою армию, слишком большую для похода по стране обезлюдившей и бедной провизией: похоже, что он выбрал путь, который шел через пустыню прямо к Напате — столице Нубии. Когда тягловые животные были съедены и возникли случаи канниба-

¹ Herodotus, III, 17, 25—25; also Diodorus, X, 14.

лизма, он приказал вернуться на север. В Египет он вошел в полном неистовстве и, если можно доверять Геродоту, именно тогда он вскрыл древние могилы, сжег священные статуи и убил Аписа. Он также обрек на смерть свою беременную жену Роксану и приказал убить Креза, царя-узника, находившегося в его свите, но потом передумал и отменил приказ, когда обнаружил, что он не выполнен. Зато он убил тех, кто осмелился не исполнить этого приказа. Перед этим он отослал своего брата Бардию (Смердиса) из Египта домой, но при этом послал за ним убийцу, чтобы от него избавиться. Когда он сам находился в Палестине на пути домой, он услышал, что Смердис занял трон империи, и понял, что задуманное убийство не было осуществлено; он умер близ горы Кармел, возможно, сам лишив себя жизни. Однако вновь провозглашенный царь не был Смердисом, который был убит по тайному приказу Камбиза: это был маг Гаумата, который внешне был очень похож на Смердиса¹.

Дарий, сын Гистаспа, служил при Кире и сопровождал Камбиза в его египетской кампании. Он восстал против Гауматы, убил его и стал царем в 521 г. до н. э. Подобно Камбизу, он был потомком Ахеменидов в пятом поколении и поэтому заявил о своих правах на престол. Затем он выступил против узурпатора, который заявлял, что является воплощением Навуходоносора, уже умершего несколько десятилетий назад. Он также подавил мятежи в различных частях своей империи и, пройдя всю Малую Азию, пересек Босфор, прошел через Фракию и вторгся в земли скифов. Но осознав, сколь обширны пространства этой земли, он повернул назад, прошел маршем через свою империю и завоевал земли вокруг Инда. Отсюда он направил экспедицию вокруг Аравии, чтобы найти проход к Египту. После этого он приказал вырыть канал, соединяющий Средиземное море с Красным, связав Нил с Суэцким заливом.

Дарий не вел строительство в самом Египте и предоставил обездоленному населению занимать без особого разрешения города и деревни, многие из которых были опустошены армией его предшественника, но притеснениям на-

¹ Herodotus, III, 30 ff.

селение не подвергалось. В начале своего царствования он провел кодификацию египетских гражданских законов. Он также предпринял определенные шаги, чтобы умиротворить египетских жрецов: он построил крепость-святилище в эль-Харгехе, или Большом Оазисе, известном в папирусных текстах под названием Хиб или Хеб: это самый южный из цепи оазисов, находящихся напротив Лидии.

Сооружения, воздвигнутые по приказу Дария в эль-Харгехе, все еще стоят, хотя разрушительное действие времени оставило на них свои следы. Длинные иероглифические надписи, гимны во славу небесных светил и царя, восславляющие божественное начало, были высечены на их стенах. Их дешифратор, Генри Бругш, признал, что если бы в тексте не было прямых указаний, то невозможно было бы догадаться, что Сетту-Ре означает Дария. Но его привлекло также и персидское имя этого царя — Эндарий. В храме эль-Харгеха почитался «Амон Сильной Руки», и создается впечатление, что здесь явно наблюдается влияние пантеона маздаизма.

Бругш, который посетил эль-Харгех в 1877 году, заметил, что, согласно тексту одной стелы, найденному в Луксоре, оазис в древние времена использовался как место ссылки политических узников. Здесь они находились далеко от густо населенной долины Нила и под присмотром военных жрецов. На последующих страницах мы еще поговорим об этой стеле, найденной в Луксоре.

Проявляя заботу о пограничных военных постах, подчиняющихся командованию жрецов, имевших статус князей, Дарий, очевидно, проявлял особое внимание к защите западной границы Египта от набегов ливийских банд, или, что вполне возможно, он сознавал растущую мощь Карфагена на далеком западе.

Неизвестно, когда именно подобный пограничный пост — крепость и храм — поднялся в северном оазисе Сива, но вероятнее всего он был выстроен в то же самое время, что и северный пост и также по приказу Дария I. Вскоре он стал знаменит из-за своего оракула, и «оракул Аммона» (греки писали это имя с двумя «м») высоко ценился ливийцами и египтянами, а слава о нем распространилась за пределами страны. Аристофан в «Птицах» (414 г.

до н. э.), говоря об оракулах, упомянул об оракуле Амона рядом с Дельфийским оракулом и Додоной. Ответы оракула Амона были обычно лукавыми: последующие события соответственно могли интерпретироваться как исполнение слов оракула. Так было, когда во время войны афинян и сиракузцев Амон предсказал, что афиняне возьмут всех сиракузцев в плен, но захватили они всего лишь один вражеский корабль с листами переписи жителей Сиракуз. Еще ранее Пиндар написал гимн или оду Амону, и треугольную стелу с этим гимном увидел в этом оазисе Павсаний шесть веков спустя. Египетские жрецы поддерживали популярность своего оракула среди греков и распространяли легенду, что сам Геракл просил его совета. Филипп Македонский, отец Александра, видел сон, который его встревожил, обратился к Дельфийскому оракулу за его толкованием, и ему было велено почтить Амона — так рассказывал Плутарх. У нас нет возможности судить, насколько верна эта история.

Египет, который потерял свою независимость при персах и был превращен в сатрапию, обладал тем не менее некоторым самоуправлением как теократическое государство. Жрецы были сделаны военачальниками, храмы находились в определенной безопасности, и страна, не имея собственного автономного гражданского правительства, впала в подобие феодальной зависимости от храмов и их жрецов.

Подобная же политика создания теократического васалитета проводилась персами в Иудее. Кир издал декрет, разрешающий восстановление храма в Иерусалиме, разрушенного Навуходоносором, и возвращение всех изгнанников. Они были приведены из Вавилона Зоровавелем, назначенным управляющим, и Иисусом, сыном Иоседека, назначенным верховным жрецом. Они установили алтарь для жертвоприношений, но «храму Господню еще не было положено основание» (Книга Ездры 3:6). Они выдали деньги «Сидонянам и Тирянам, чтоб они доставляли кедровый лес из Ливана по морю в Яффу, с дозволения им Кира, царя Персидского» (Там же: 3:7). Но местное население, большей частью потомки колонистов, приведенных в эту страну Саргоном, Сеннахеримом и Эсархаддоном, ассирийскими царями, «подкупали против них советников,

чтобы разрушить предприятие их, во все дни Кира, царя Персидского, и до царствования Дария, царя Персидского» (Там же: 4:5). Когда Дарий пришел к власти, иудейские пророки Аггей и Захария потребовали возобновления работ по строительству храма. Вскоре сатрап Татнай доложил Дарию о возобновлении работ. Был произведен поиск в государственных архивах, и во дворце Ахмета в одной из провинций Мидии был найден свиток с оригиналом декрета Кира, который Дарий утвердил. Пророки прозрели время прихода Мессии. «И будет называться Иерусалим городом истины», — провозгласил Захария. — ... И будут приходить многие племена и сильные народы, чтобы разыскать Господа Саваофа в Иерусалиме и помолиться лицу Господа» (Книга Захарии 8:3, 22).

На шестой год царствования Дария храм был закончен.. «И поставили священников по отделениям их, и левитов, по чередам их» (Книга Ездры 6:18). Ранние мессианические ожидания, сосредоточившиеся сначала на Зоровавеле, гражданском предводителе, вскоре были притушены, и жрецы взяли верх в руководстве «пленниками надеющимися» (Книга Захарии 9:12). Таким образом, Иудея из «детей, вернувшихся из рабства», преобразилась в теократическое государство с наследственной кастой жрецов.

Последним пророком был Захария. Малахия, последний по каноническому списку, был всего лишь оракулом, первой заботой которого были жертвоприношения и сакральное очищение. Подобно греческим храмовым оракулам, он был рупором жреческой касты. «Можно ли человеку обкрадывать Бога? А вы обкрадываете Меня. Скажете: «Чем обкрадываем мы Тебя?» десятиною и приношениями»¹.

Израильские колена — Северное царство — уведенные в ссылку ассирийскими царями, так и не вернулись и были потеряны для истории. Большинство обитателей Южного царства — колена Иуды, Вениамина, Симона и Левия — отправившись в вавилонскую ссылку, остались там. Из вернувшихся при персидских царях была воссоздана новая нация на обломках былой славы, отвергнутой поселенцами, которые заменили изгнанных предков — мно-

¹ Книга Малахии 3:8.

гообещающая федерация, центром которой стало скромное здание храма. Они вошли в период, который должен был длиться около шести столетий и известен как Bait Shenі — Второй Дом, или второе сообщество.

Прежде чем Дарий умер, он совершил свое первое вторжение в Грецию и испытал первые неудачи в своей военной карьере. Его сын Ксеркс объединил все ресурсы своей империи и сконцентрировал все усилия во время своего царствования на том, что получило известность как Персидская война — военное столкновение Греции, расколотой между своими городами-государствами Афинами, Фивами, Спартой и другими, с персидским колоссом. Эта война подробно описана греческими авторами. Ксеркс (по-персидски Кхайярша) был библейским Артаксерксом, который «царствовал над ста двадцатью семи областями от Индии и до Ефиопии» (Книга Есфирь 1:1). Согласно Геродоту, «никто своей красотой и статью не был более него достоин такой власти». История гаремного романа, связанного с царицей Астинь, царицей Есфирь, которая заменила ее, ее дядей Мардохеем и Аманом, вугеянином (потомком Агога, амаликитянина), рассказана в Книге Есфирь. Имена еврейских патриархов, участвовавших в этой интриге, восходят к именам вавилонских божеств (Мардука, Иштар) и свидетельствуют о процессе ассимиляции, разрушающем национальную основу тех, кто решил остаться в диаспоре.

Ксеркс продолжил строительство Персеполя, начатое его отцом. На большой равнине, примерно в сорока милях к северо-востоку от Шираза, перед крутой горой, Дарий возвел фундамент из камней, некоторые из которых достигали пятидесяти футов в длину, к которому вела лестница, достаточно широкая, чтобы на ней разместились десять всадников. На этой платформе он выстроил царский дворец и зал со ста колоннами для царских аудиенций. Стены этой лестницы были украшены барельефами, изображающими царскую стражу, состоящую из равного количества персидских и мидийских знатных особ, или «бессмертных». Другие барельефы изображают знатных лиц покоренных народов, которые платят дань царю Персии, или Царю Царей, в день Нового года, когда в пышных празднествах «обновлялось» царство.

В Сузе Ксеркс построил еще один дворец и гарем, а в Накш-и-Рустаме, рядом с Персеполем, вблизи могилы Дария, выбитой в скале, Ксеркс приготовил для себя такую же могилу, которую можно увидеть издалека. Там он и был положен, когда его убили.

Когда Артаксеркс I поднялся на трон, население Дельты подняло восстание под предводительством Инароса. Ахемениду, родственнику персидского царя, было доверено подавить этот мятеж. При первом столкновении Ахеменид одержал победу, но тогда афиняне приказали флоту из двухсот кораблей, стоявшему на якоре у Кипра, двигаться в Египет на помощь Инаросу. Он поплыл вверх по Дельте к Мемфису, атаковал персидский гарнизон и захватил большую часть города. В 460 г. до н. э. большая армия под командованием Мегабизоса при поддержке трехсот финикийских кораблей атаковала египтян и их греческих союзников, заставив последних отступить к Просопиту, где они в течение восемнадцати месяцев выдерживали осаду. Тогда персы отвели воду из рукава Нила, где стоял афинский флот, и греки сожгли свой бездействующий флот. После этого осажденные сдались.

Спустя некоторое время Геродот посетил Египет, добравшись на юг до Элефантина; он описал эту страну, которая, по-видимому, хорошо управлялась.

В период царствований Кира, Дария, Ксеркса и Артаксеркса обвинения против евреев, которые «строили мятежный и нечестивый город» Иерусалим, произносились обычно «на сирийском языке» представителями потомков тех колонистов, которые были поселены на землях Самарии Ассурбанипалом (Аснафером у Ездры 4:10) и другими ассирийскими царями. «Город этот издавна восставал против царей»¹.

В двадцатый год царствования Артаксеркса Неемия, его виночерпий, попросил царя послать его в Иерусалим, «город, дом гробов отцов моих», пребывающий в запустении, «чтобы я обстроил его». Царь, тронутый «сердечной печалью своего виночерпия», согласился и дал Неемии в

¹ Книга Ездры 4:19

сопровождение всадников для этого опасного путешествия и вручил Неемии письмо к хранителю царских лесов в Ливане, в котором предписывал, чтобы Неемии дали леса для ремонта ворот стены, окружавшей Иерусалим. Они были разбиты и сожжены Навуходоносором сто сорок лет назад.

Прибыв в Иерусалим, Неемия сам осмотрел город и его стены, не спеша объехав его ночью верхом, и наутро поговорил со старейшинами. Они сказали: «Будем строить». Вместе с Елияшивом, великим священником, строившим Овечьи ворота, многочисленные группы строителей разделились по всей окружности стен, где находились разрушенные ворота, и стали работать, в то время как остальные с оружием в руках охраняли их. В течение долгих недель «они не снимали с себя одеяния своего», поскольку Санаваллат, правитель Самарии, и его сподвижники угрожали им: «Что это за дело, которое вы делаете? уже не думаете ли возмутиться против царя?»

Правление Неемии продлилось двенадцать лет, с двадцатого по тридцать второй год царствования Артаксеркса I, и все это время его донимали недоброжелатели, среди которых были самаритяне и арабы. Пробыв на троне сорок один год, Артаксеркс умер в 429 г. до н.э., и вскоре его сменил его сын — Ксеркс II, который буквально в течение нескольких недель был смещен Дарием II.

«Варвары пришли и захватили храм»

Культ Амона оставался в Египте господствующим на протяжении всей персидской эпохи. Поскольку Амон (Юпитер) был эквивалентом иранского Мазды (Ахурамазда), персы с достаточной терпимостью относились к сохранению фиванского культа. Жрецы Амона из оазисов использовались также в святилище Карнака (Фивы). Поскольку в Египте не существовало местной

династии, а персидские цари, которые следовали за Дарием Великим — Ксеркс, Артаксеркс I и Дарий II, — никогда не бывали в Египте, а держали здесь своих сатрапов, власть жрецов Амона, которым было также доверено командование войсками гарнизонов, была весьма весомой.

В одном документе периода двадцать первой династии сказано, что в году первом какого-то царя — он так и назван «Год Первый» (месяц и день обозначены) — было проведено расследование по поводу ограбления могил великих царей восемнадцатой и девятнадцатой династий. Во время слушания, прежде чем комиссия назначила расследование ограбления могил, среди других свидетелей и обвиняемых был допрошен один грузчик по имени Ахотинофер. Так называемый папирус Мейера А, который ныне хранится в музее Ливерпуля, гласит:

«Он сказал: «Варвары пришли и захватили Храм, пока я занимался ослами, принадлежащими моему отцу. Пехети, варвар, схватил меня и отвел меня в И-пип. Это случилось через шесть месяцев после того, как Аменхотеп, которому назначено было быть Верховным Жрецом Амона, был изгнан». Свидетель сообщил, что ему было позволено вернуться домой только «через девять месяцев после изгнания Аменхотепа, которому назначено было быть Верховным Жрецом Амона»¹.

Это единственное из известных упоминаний о смещении верховного жреца Аменхотепа. От того времени, как он приступил к обязанностям, сначала как Третий пророк, потом — как Второй, и наконец — как Первый пророк, сохранилось несколько надписей. На одном из барельефов изображается, как он подносит цветы царю Неферкере-сетпенре, которого современные историки определяют как Рамзеса IX. Поскольку на этом барельефе размеры фигуры жреца и царя одинаковые — ситуация, прежде неизвестная египетскому искусству, — было высказано пред-

¹ Papyrus Mayer A, 6, published in T.E. Peet, *The Mayer Papyri A and B* (London, 1920); Peet, *The Great Tomb Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty*, Vol. 2 (1930), p. XXIV. E.F. Wente, «The Suppression of the High Priest Amenhotep» in *Journal of Near Eastern Studies*, XXV, 2 (April 1966).

положение, что Аменхотеп соперничал с царским домом в вопросах власти, что стало причиной его падения¹. Довольно обширная литература, посвященная падению Аменхотепа, исследует лишь причины, которые к нему привели.

Однако очевидная связь между захватом храма (храма Амона в Карнаке) «варварами» и изгнанием, или отставкой, верховного жреца обнаруживается в свидетельских показаниях Ахотинофера.

Захват храма был произведен варварами, «которые, по-видимому, были организованы в той мере, что имели «hryw-pdt» (войсковых капитанов)»². Эти варвары не были ни арабами, ни ливийцами: эти соседи египтян обычно назывались «обитателями шатров». Не были они и эфиопами, южными соседями, которые никогда не назывались «варварами».

Общепринятая хронологическая схема, согласно которой двадцать первая династия царствовала в Египте, когда Саул, Давид и Соломон царствовали в Израиле, требует разъяснения того, кем были эти «варвары». Если их не называли так, как обычно называли ливийцев, эфиопов или арабов, можно ли сделать вывод, что они были израильянами? Такой вывод сделан не был, и это правильно. Если бы Давид или Соломон овладели Египтом, это не могло бы остаться без упоминания в Библии.

Но при этом сложившаяся схема египетской истории не знает о каком-либо чужеземном вторжении и оккупации Египта в одиннадцатом веке, в конце двадцатой или в период двадцать первой династии. Однако современный документ говорит о варварах, ведущих себя как победители.

Поскольку эти «варвары» были организованы в военные отряды под руководством капитанов, не приходится видеть в их действиях лишь выражение «недовольства некоторых национальных меньшинств, поселившихся в Египте», как полагали некоторые историки, за неимением лучшей идеи.

¹ A.H.Gardiner, *Egypt of the Pharaohs*, p. 299, 301.

² Wente, *Journal of Near Eastern Studies*, XXV, 2 (April 1966), p. 84.

К тому времени, когда «храм был захвачен», а верховный жрец Аменхотеп «изгнан», предводителем капитанов был человек по имени Пинехас, который считался инициатором смещения верховного жреца. Он появился в Верхнем Египте во главе сильного военного контингента, изгнал Аменхотепа и восстановил порядок.

В папирусе Мейера А сказано также, что некоторые грабители могил были «убиты Пинехасом». Они были убиты, после того как были признаны виновными. Следовало бы ожидать, что человек, который установил порядок, будет высоко оценен населением, но это было не так. «Имя Пинхаси (Пинехаса) написано так, что обличает в нем врага верноподданных в Фивах, а отсутствие какого-либо титула показывает, что он был хорошо известной личностью»¹.

Если Пинехас после суда сурово наказал воров, а также установил в Египте порядок, почему его считали «врагом верноподданных», или националистов? Но он был также известен как человек, устанавливавший или собиравший налоги в городах к югу от Фив и заставлявший население в страхе разбегаться при виде людей, которых в иероглифических текстах называли чужеземным словом «mdwt'-n». «Кем были эти «mdwt'-n», в точности неизвестно»². Поскольку с самого начала это слово обозначало каких-то людей, был сделан вывод, что это мидийцы.

Пинехасу также приписывается назначение Херигора, человека военного и незнатного рода, на должность верховного жреца, на место Аменхотепа. Пинехасу был направлен царский приказ (имя этого царя нам неизвестно), предписывающий ему сотрудничать с царским дворецким Иенесом, чтобы обеспечивать полудрагоценными камнями ремесленников города-резиденции.

Кем были эти «варвары», которые собирали налоги, снимали с должности верховного жреца и назначали другого — человека военной профессии; которые наказывали

¹ Gardiner, *Egypt of the Pharaohs*, p. 302.

² J. Černý, «From the Death of Ramesses III to the End of the Twenty-first Dynasty», *Cambridge Ancient History*, Chap. XXXV, p. 631. Cf. also T. E. Peet, «The Chronological Problems of the Twentieth Dynasty», *Journal of Egyptian Archaeology*, 18 (1928), 68. Пит читает как «mdw'-n».

преступников и отвечали за наведение порядка, были организованы в военные отряды под руководством капитанов; которые держали население в страхе перед обыском и арестом и при этом собирали полудрагоценные камни для неведомого царя, живущего в неназванном городе-резиденции?

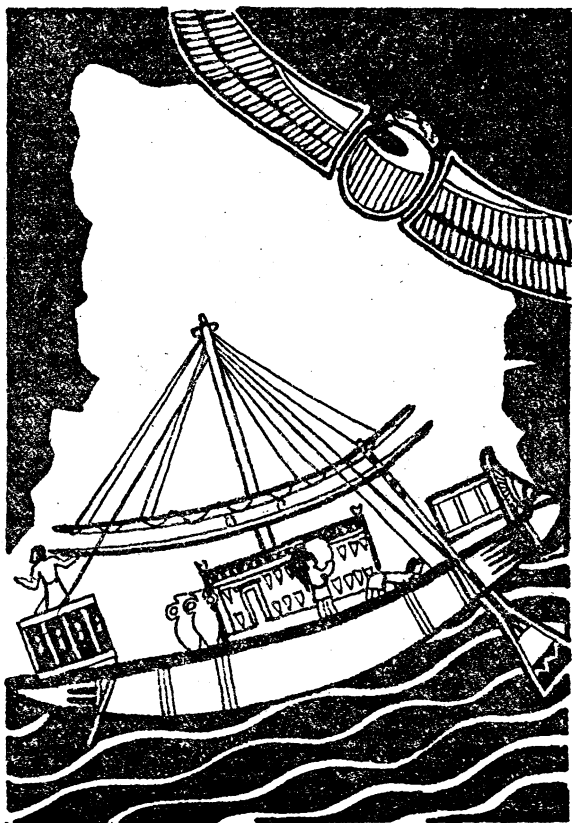
«Варвары» — это название, которое греки дали персам: оно постоянно встречается в сочинениях греческих авторов четвертого и пятого веков по отношению к персам эпохи Дария, Ксеркса, Артаксеркса и других царей династии Ахеменидов. Они назывались «варварами», а не персами, несмотря на изысканную роскошь их двора в Персеполе и богатое оснащение их воинов. Во всех их сатрапиях оккупационные войска подчинялись капитанам, а капитаны — сатрапам.

«Варвары» в египетских документах двадцать первой династии были персами; они собирали налоги, вершили суд, приговаривая «или к смерти, или к изгнанию, или к конфискации имущества, или к тюремному заключению», как явствует из персидского декрета, о котором упоминалось в Книге Ездры (7:26). Город-резиденция был персидской столицей. Пинехас, независимо от того, был ли он по национальности египтянином или чужеземцем, был персидским губернатором. Он, будучи во главе «варваров», захватил Фивы и их храмы.

Если бы мы захотели более точно установить время и обстоятельства смещения Аменхотепа, нам следовало бы прежде всего выяснить, какое время, согласно установленной схеме, лучше всего соответствует этому описанию захвата храма «варварами». Это тот момент, когда на троне был Артаксеркс I, который решительно расправился с попытками египтян восстановить свою независимость. Если данное предположение верно, то это был 458 г. до н. э. Отсюда должно следовать, что Херигор был назначен не сразу после отставки Аменхотепа с поста верховного жреца Амона, но несколько лет спустя.

ГЛАВА II

«Слабейшее из царств»

«Дурацкие поездки»

Со времен персидского завоевания при Камбизе Египет был «слабейшим из царств» (Книга Иезекииля 29;15). Пророчества Иеремии и Иезекииля, касающиеся падения Египта, исполнились, но не в их время, а в конце царствования Амазиса, когда Камбиз захватил Египет, унизил его народ, разрушил его храмы, и так продолжалось в течение большей части периода персидского владычества.

Когда Голенищев приобрел папирус с письмом Урмая, в это же время он получил и еще один папирус, содержащий очередную историю бедствий — историю поездки Венамона в Библос на Сирийском побережье. Подобно письму Урмая, путешествие Венамона датируется временем двадцать первой династии. Оба документа написаны одной и той же рукой, но очевидно, что история Венамона повествует о событиях, происшедших несколькими поколениями ранее. В то время как письмо Урмая было переведено и опубликовано только недавно (в 1961), история Венамона была обнародована давно самим Голенищевым — в 1899 году.

Ни один документ не живописует лучше плачевное международное положение Египта в период последних лет персидского владычества, чем описание Венамоном его испытаний.

Жрец Венамон был послан своим начальником, верховным жрецом Херигором, чтобы раздобыть в Ливане кедровую древесину для строительства ладьи Амона. Когда он добрался до Таниса в Дельте, он получил письменный мандат или рекомендательное письмо к Несбиндиди, правителю Нижнего Египта, и к Та-нет-Амон, его жене, и

эти письма были прочитаны в их присутствии. Они прогнали его вместе с капитаном его корабля Менгебетом.

Прежде чем Венамон добрался до Библоса — цели своего путешествия — он потерял все золото и серебро, которое вез с собой для оплаты древесины для священной ладьи: когда его корабль вошел в Дор, «город, принадлежащий Тиекег», на Палестинском побережье, один моряк сошел с корабля и унес с собой золотую вазу, четыре серебряных кувшина и «мешок с серебром» — скорее всего кошелек с серебряными монетами. Венамон задержался в Доре на девять дней, обращаясь с жалобами к местному князю, Беделу, и возлагая на него задачу поимки вора. Однако Бедел отказался признать, что ему следует возместить пропажу, и указал на тот факт, что вор является не жителем его города, а матросом с корабля. Венамон продолжил свой путь в Библос.

Несчастья, которые преследовали его на пути, нетерпимость и презрение, с которыми он столкнулся в сирийских городах из-за своего египетского происхождения и гражданства, отсутствие защиты в морях — все это описано в дневнике его путешествия¹.

В это время путешествие по Сирии грозило гибелью. Неемия (2:7) и Ездра (8:22) говорили о небезопасности больших дорог даже для царских поездок. Ездра ощущает неловкость, прося персидского царя дать ему «отряд солдат и всадников», чтобы защитить его во время пути через Сирию, потому что до этого он уверял царя, что Бог сам охраняет того, кто к Нему стремится. Но он испытывал страх. Неемия же взял с собой письмо от царя к правителям «заречным» (за Евфратом) и конный отряд, чтобы обезопасить себя на беспокойных дорогах.

Когда Венамон на другом корабле приплыл в Библос, городской князь Закар-Баал приказал ему покинуть это место. «Итак я провел двадцать девять дней в этом городе, а он посылал ко мне каждый день, чтобы сказать: «Убейся из моего города!»

¹ J. Breasted, *Ancients Records*, Vol. IV, Secs. 563 ff; J. A. Wilson in J. B. Pritchard, ed. *Ancient Near Eastern Texts* (1950), pp. 25 ff. M. A. Korostovtzev, *Poolshesiviye Un-Amuna v' Bibl* (Akademiya Nauk S.S.S.R., Moscow, 1960).

Египетский посол ждал корабль, который должен был увезти его домой. Наконец, в тот вечер, когда он уже был готов уехать, один молодой человек из окружения князя впал в транс и изрек пророчество оракула относительно миссии Венамона. Тогда поступило предложение остаться. Экстатическую горячку этого юноши называют «самым ранним из известных нам примеров пророческого экстаза»¹. Но к этому времени последние пророки Израиля были уже мертвы.

Князь Библоса согласился предоставить аудиенцию Венамону. «Я застал его сидящим в своих верхних покоях, прислоненным к окну спиной, в то время как волны огромного сирийского моря обрушивались сзади него»². Венамон описывает эту сцену так живо, что мы видим ее, словно там присутствовали.

«Давно ли ты приехал из того места, где живет Амон?» — спросил князь. «Пять месяцев и один день».

Закар-Баал спросил Венамона, кто может за него поручиться. Ответ был: Несбиндиди из Таниса. Тогда князь рассердился и продолжил допрос: «Где тот корабль, который Несбиндиди предоставил в распоряжение Венамона? Где его сирийская команда?»

Князь скорее всего знал, что Венамон оставил свой корабль с капитаном Менгебетом в палестинском городе Доре, когда были украдены его золото и серебро³. Эмиссар, который явился, чтобы получить кедровую древесину для священной ладьи Амона, не имел ни поручительства, ни корабля, ни золота или серебра, чтобы заплатить за дерево.

Из дипломатических соображений Венамон перевел разговор, затронув тему национальной принадлежности команды, находящейся на корабле, на котором он вышел из Таниса. «Разве это был не египетский корабль?». И он

¹ Breasted, *Ancient Records*, Vol. IV, Sec. 562.

² В этом отрывке мы следуем переводу Брестеда; в других случаях используется перевод Уилсона.

³ О Доре в персидскую эпоху см. T.C. Mitchell, «Philistia» in *Archaeology and Old Testament Study*, D.W. Thomas, ed. (Oxford, 1967), p. 417.

продолжал уверять, что на кораблях, плывущих из Египта, не бывает сирийских команд. На это князь возразил, что в его собственном городе имеется двадцать кораблей, которые регулярно плавают в Египет, и продолжал:

«А что касается Сидона, через который вы проходили, разве не имеется там более пятидесяти кораблей, которые делают торговые рейсы в Веркет-эль, а потом доставляются к себе домой?»

Веркет-эль, или Биркат-эль, — «это, вероятно, финикийское торговое представительство в Египте, которое вело торговлю и с Сидоном», — пояснял переводчик этого текста¹. Это название является важным ключом, и мы к нему вернемся, когда завершим изложение разговора между Закар-Баалом и Венамоном, а также событий, которые за ним последовали.

Князь в гневе заявил, что «если бы правитель Египта был моим хозяином», он мог бы попросить о подарке. Но «я не ваш слуга, я не слуга тому, кто тебя послал, кем бы он ни был!» И он презрительно фыркнул: «Как это тебя отправили путешествовать, словно нищего?»².

Венамон ответил, что не существует корабля, который бы не принадлежал Амону: «И море принадлежит ему, и Ливан — его!» Он просил князя, чтобы послали отряд в Танис с просьбой от Венамона к Несбиндиди о займе, который будет выплачен (Херигором) после его возвращения. Князь согласился, и через несколько недель Несбиндиди прислал золота, серебра, пять рулонов папируса, пятьсот воловьих кож, пятьсот веревок. Князь послал триста человек рубить деревья в горах и перетаскивать бревна к морю. После этого принц сказал Венамону, чтобы тот забирал бревна и уезжал. Венамон колебался. Море штормило, и он боялся кораблей Тиекег. Закар-Баал потерял терпение: «Прекрати смотреть на гнев моря! Если ты будешь смотреть на гнев моря, ты увидишь и мой гнев!»

¹ Дж.А.Уилсон. Он также замечает: «Выражение «доставляются к себе домой» может означать или пришвартовку к берегу в сидонском представительстве или доставку буксиром по водным путям Нила».

² Перевод Брэстеда. В переводе Уилсона: «... отправили в дурацкие поездки»

Разъяренный князь сказал Венамону, что он должен быть благодарен судьбе: эмиссары, которые явились из Египта поколение назад, в дни правления Ха-эм-вазета, чтобы купить кедровую древесину, были задержаны предком этого князя и, проведя в Библосе семнадцать лет, умерли. «И он сказал своему дворецкому: «Возьми его и покажи ему могилу, в которой они лежат». На что Венамон ответил: «Не показывай ее мне».

Снова получив приказ отбыть, Венамон был охвачен страхом, что «корабли Тиекер» захватят его в открытом море. «Я следил за одиннадцатью кораблями, принадлежащими Тиекер, которые возвращались с моря со словами: «Задержите его, не дайте его кораблю уйти в землю египетскую». Тогда я сел и залился слезами». Князь Библоса пожалел этого перепуганного человека. Он ответил капитанам кораблей Тиекер, которые требовали его выдачи: «Я не могу арестовать посланца Амона на моей земле. Позвольте мне отослать его, а потом вы последуете за ним, чтобы задержать его».

В персидскую эпоху пиратство на Средиземном море было вполне законным промыслом¹. Афиняне, спартанцы, сицилийцы плавали на своих кораблях во все концы моря. Сидон был крупнейшим центром кораблестроения, и продажа кораблей здесь велась не только для честных купцов.

В результате избранного плана двигаться в обход и морского шторма, корабль Венамона выбросило на берега Кипра, в город, которым правила принцесса Хетеб. Как он добрался до Египта, неизвестно, так как конец папируса отсутствует.

Любопытно, что в истории странствий Венамона встречается немало еврейских слов: «собрание» он обозначает еврейским словом «тоед», а «лигу», или «альянс» — еврейским «hever»; имеются и другие подобные ситуации, когда Венамон отдает предпочтение еврейским словам перед египетскими.

¹ See Max Cary, «Piracy», Oxford Classical Dictionary (Oxford, 1949), p. 694. In the Peloponnesian War privateering became «a serious scourge».

Два имени в тексте этого папируса озадачили ученых. Одно из них — Хаэмвис (Ха-эм-васет), в дни правления которого посланцы Египта были задержаны в Библосе против их воли; другое — имя судовладельца Веркет-эль, или Биркат-эль, который осуществлял товарные рейсы между Сидоном и Танисом.

Проблема идентификации Хаэмвиса так и не была решена. В качестве вариантов рассматривались Рамзес IX, или Неферкаресетпенре Рамессе-хаэмвис-мерер-амун, и Рамзес XI, или Менмаресетпенптах Рамессе-хаэмвис-мерер-амун-нутехекаон, но оба были отвергнуты. Хаэмвис, несомненно, «был царем»¹, а поскольку Рамзес IX и Рамзес XI царствовали совсем недавно, Венамон, жрец и лицо официальное, не опустил бы при упоминании любого из них титула «царь». Такая манера именовать титулом, будучи обязательной формой вежливости для жреца и писца, не могла быть нарушена². Отклоняя оскорбительное предложение посетить могилы послов, прибывших в дни Хаэмвиса, Венамон говорит: «Не показывай их мне. Что касается Хаэм-Васета³, это были люди, которых он послал, и он сам был человеком». Уилсон комментирует это так: «Это уже должно исключить возможность того, что Хаэм-Васет был Рамзесом IX, так как Венамон вряд ли стал бы говорить о фараоне как о «человеке»⁴.

Фараон, который проходит под именем Рамзеса IX, был современником Херигора, но Рамзес, известный как Рамзес XI, должен был предшествовать ему, так как на одном барельефе изображено, как ему подносит цветы верховный жрец Аменхотеп. Оба эти царя относятся к пятому веку, оба имеют в числе имен «Хаэм-Васет». В папирусе Венамона может говориться о более раннем из них двоих, который был смещен вместе с верховным жрецом Аменхотепом в начале царствования Артаксеркса I. Скорее всего

¹ Gardiner, «The Twentieth Dynasty», *Egypt of the Pharaohs*, p. 311.

² Korostovtzev, *Poolestvige*, p. 34.

³ В своем переводе этого папируса Гардинер использовал фонетический вариант «Хаэмвис».

⁴ Wilson in *Ancient Near Eastern Texts* (1st ed.), p. 28, fn. 35.

это был Инарос из греческих источников, который восстал против Артаксеркса I. Гипотеза, в соответствии с которой Хаэм-Васет является Камбизом, должна столкнуться с филологическими трудностями.

Еще одно имя, обнаруженное в папирусе Венамона и вызвавшее затруднения, — это имя хозяина-судовладельца, который имел свою штаб-квартиру в Танисе на Дельте. О нем князь Библоса сказал, что только в Сидоне пятьдесят кораблей «в союзе с Биркат-эльем» и плывут «к его дому».

В своей книге, посвященной путешествию Венамона, А.Эрман, выдающийся немецкий египтолог, пришел к выводу, что правильным прочтением иероглифического имени «w-g-k-t-g» является Биркат-эль (в иероглифах существует один знак для г и l, а w и в были взаимозаменяемыми)¹. Имя Биркат-эль, по заключению Эрмана, указывает на семитское происхождение этого корабельного магната, скорее всего финикийское. Оно означает «божественное благословение» и не очень отличается по своей конструкции от других семитских имен, оканчивающихся на «эль».

М.Бурхардт высказал дополнительные аргументы в пользу такого прочтения имени Эрманом, но в то же время и усомнился в нем на том основании, что хотя египтяне позднейших времен меняли местами согласные в и w, одиннадцатый или десятый век до нашей эры — это слишком рано для подобной лексикографической вольности².

В 1924 году Р.Эйслер опубликовал работу «Баракхель-сын и компания. Представительство торгового флота в Танисе»³, в которой обратил внимание на тот факт, что один поздний еврейский источник содержит упоминание о той же самой судоходной компании. Завещание Нафталии из «Завещаний двенадцати патриархов» (двенадцати сыновей Иакова) говорит о судоходной компании, называе-

¹ A. Erman, *Aegyptische Literatur* (1923), p. 230.

² M. Burchardt, *Die Altkanaanaischen Fremdworte und Eigennamen im Aegyptischen* (Leipzig, 1909—1910).

³ *Zeitschrift der Morgenlaendischen Gesellschaft*, Vol. 78 (Vol. 3 of the New Series) (1924), 61—63.

мой Беракхель-сын. Завещание Нафталии — это псевдо-эпиграфическое сочинение, созданное около 148 г. до н. э., тот год, когда Ионатан из дома Маккавеев завоевал Яффу и таким образом открыл доступ к морю и к морской торговле.

В этом Завещании рассказывается видение о корабле, который проходит близ берегов Яффы без команды или пассажиров. Но на мачте этого корабля написано имя его владельца — сын Беракхеля.

Имя Беракхель, как и Биркат-эль, означает «божественное благословение» и представляет собой слегка измененную конструкцию притяжательного прилагательного (напр.: «божественное благословение» и «благословение Бога»).

Эйслер был в недоумении: как могло случиться так, что эта судовладельческая компания существовала еще в 150 г. до н. э.? Из этого следовало бы, что ее корабли плавали вдоль сирийских берегов по крайней мере более девяти веков, поскольку поездка Венамона произошла «примерно в 1100 г. до н. э.». Но такой промежуток времени «в три раза превышает период существования самой старой английской или ганзейской компаний». Предположение, что автор Завещания Нафталии мог почерпнуть свои сведения из какой-нибудь копии с рассказом Венамона, должно быть отвергнуто, как заявил Эйслер, как по существу, так и на том основании, что в двух сообщениях об этой судоходной компании ее название пишется с небольшими отличиями.

По нашей оценке, Венамон отправился в свои путешествия не «примерно в 1100 г. до н. э.», а около 400 г., и поэтому между двумя этими источниками не пролегают девять с половиной веков. Более того, вполне возможно, что Завещание Нафталии было составлено до того, как Маккавеи добились независимости от власти Селевкидов, может быть, даже еще в персидскую эпоху. Если же, однако, это завещание действительно относится к середине второго века до н. э., эта судоходная фирма еще могла существовать или об ее существовании за один или два века до этого могло быть известно автору завещания. Но между ними не пролегает без малого тысячелетие.

У.Ф.Олбрайт был несогласен с Эрманом и высказал предположение, что это имя, прочитанное им как Варкар, «не является ни египетским, ни семитским, а скорее всего азиатским (анаатолийским или эгейским)», и принадлежало какому-то человеку, который участвовал в миграции народов моря, а потом обосновался в Египте¹. Аргументы Олбрайта основаны на факторе времени, к которому относят набеги морских народов. Тем не менее большинство египтологов предпочитают следовать прочтению Эрмана, как об этом свидетельствовал Дж.А.Уилсон².

«Повторение рождений»

Венамон предпринял свою поездку примерно в конце эпохи персидского владычества в Египте. Можем ли мы определить ее время с большей точностью?

В начале папируса Венамона сказано, что Венамон начал свое путешествие в «год 5, 3-й месяц 3-го сезона». Но какой эре принадлежал этот год 5? Обычно в египетских документах год, обозначенный в начале текста, указывал на год правления царствующего монарха. Тогда кто же был монархом в тот год, когда Венамон отправился в путешествие? Его имя не сообщается. Сказано, однако, когда Венамон добрался до Таниса в Дельте, то, прежде чем отплыть, он вручил рекомендательное письмо Несбиндиди, написанное Херигором. А в Доре, когда украли золото и серебро, Венамон сказал Бенделу, местному князю: «Оно (золото и серебро) принадлежит Амону-Ре, царю богов, властителю земель; оно принадлежит Несбиндиди; оно при-

¹ «Some Oriental Glosses on the Homeric Problem», *American Journal of Archaeology*, LIV (1950), 174.

² «Веркет-эль (=Биркат-эль?) — это скорее всего резиденция какого-то финикийского купца, торговавшего, в частности, с Сидоном». *Ancient Near Eastern Texts* (1950), p. 27.

надлежит Хери-хору, моему господину, и другим высоким особам Египта». Ни об одном царе не упоминается, и об этих личностях как о царях не говорится.

Херигор, жрец, который послал Венамона, и Несбиңдиди, правитель Дельты, считались могущественными сановниками при Рамзесе XI, предположительно последнем царе из династии Рамессидов. С ним пришла к концу двадцать первая династия. Предполагалось, что Рамзес XI уже не был у власти, поскольку ограбленный посол в своей жалобе сирийскому князю в Доре взывает только к авторитету верховного жреца Фив и правителя Дельты. И позже, когда его удерживал Закар-Баал, князь Библоса, он снова упоминает только этих людей, но не египетского царя, защиты которого он должен был бы просить, если бы в Египте была царская власть. Поэтому было высказано предположение, что пятый год может относиться к «периоду безвластия, последовавшему за двадцатой династией»¹. Это, однако, кажется неправдоподобным. Время безвластия не может отмечаться годами и месяцами в начале документа. Египтяне обозначали время годами царствования монарха, находящегося у власти. В Египте в это время монарха не было, и, однако, данный документ датирован «год 5».

В других документах этого же времени в первых предложениях подобным же образом называются определенные годы, но царь не назван. Однако время от времени упоминается о «повторении рождений». А.Г.Гардинер в своей книге «Египет и фараоны» пишет о времени великого жреца Херигора: «Вместо дат промежутки времени выражались обычно указанием на годы правления монарха, когда начиналась таинственная новая эра, названная «повторением рождений»².

Папирус Мейера А озаглавлен «Год I в повторении рождений». В этом папирусе названы те же грабители могил, что и в папирусе Эбботта, который имеет следующую дату: «Год I, первый месяц сезона дождей, день 2, соответствующий году 19». Очевидно, использовались два метода датировки событий. Год 19 мог, к примеру, относиться

¹ J. Wilson in Pritchard, *Ancient Near Eastern Texts* (1950), p. 25.

² Ibid, p. 304.

ся к правлению верховного жреца, но что означает «год I в Повторении рождений»? Что это за Ренессанс?

Иногда высказывалось мнение, что Херигор возвестил о новой эпохе Возрождения для Египта своим восшествием на пост первосвященника или на трон (время от времени, но не всегда, его имя помещалось в овале, или в картуше, что было отличительным знаком царей). Но с чего бы это время Херигора восславлялось как начало некоего Ренессанса? Из истории Венамона и его поездки, совершенной по поручению Херигора, нельзя извлечь впечатления, что Херигор готов был возвестить о заре новой эры или хотя бы о царском титуле.

Кроме того, «Повторение рождений» и датирование в связи с этой таинственной эрой известны уже со времен Рамзеса XI, т. е. задолго до Херигора. Например, дата «год 7 Повторения рождений» обнаружена в документе эпохи Менмаре-сетпенптаха Рамессе (Рамзеса XI), повествующего о том, как по воле оракула состоялось назначение некоего Незамуна на должность писца на складе в Карнаке¹.

После некоторых раздумий «год 5» в начале папируса Венамона интерпретировали как указание на эру «Повторения рождений», начатую Херигором.

Но нам кажется, что «год 5» относится к году царствования персидского властителя — или Дария II Нотуса (424—404 г. до н. э.), в связи с чем поездка Венамона должна была совершиться в 419 г., или Артаксеркса II, который начал свое царствование в 404 г. (в этом случае поездка состоялась в 399 г. до н. э.).

Наша догадка относительно значения этой даты и «Повторения рождений» в целом подтверждается обычаем, введенным в период царствования персидских царей. Нам стоит лишь открыть книгу по истории древней персидской империи, например «Мидийцы и персы» У.Кьюликена², чтобы прочесть на первой же странице:

¹ Фраза «Повторение рождений», по-видимому, должна была встречаться и в эпоху Аменемхета I и в эпоху Сети Великого. См.: Gardiner, *Egypt of the Pharaohs*, pp. 1217 and 249.

² W. Culican, *The Medes and Persians* (London, 1965).

«Персеполис... строительство которого начал Дарий в 518 г. до н. э., был достроен Ксерксом. ... Здесь в каждый день Нового года царство Ахеменидов обновлялось, и люди со всех концов империи приходили, чтобы продемонстрировать свое повиновение».

Венамон строит святилище

Венамон, что известно абсолютно точно, добрался до Египта и, прибыв домой, после успешного завершения своего рискованного предприятия, написал историю своей миссии в Библос.

В качестве эмиссара верховного жреца Херигора Венамон должен был как-то выделяться на фоне жреческой иерархии, и, возможно, полезно было бы поискать его следы в Карнаке или даже в оазисах эль-Харгех и Сива — в тех местах, где в персидский период египетской истории продолжалось почитание Амона. И такой поиск, как мы вскоре убедимся, не будет бесплодным.

Храм оракула Зевса-Амона в Сиве ныне известен как храм Агурни и находится в разрушенном состоянии. Еще меньше осталось от храма Умм-Эбейда в том же самом оазисе. Диодор, основываясь на Клитархе, биографе Александра, говорит о том, что неподалеку от акрополя с храмом оракула «в тени больших деревьев находился еще один храм Амона. По соседству с ним ручей, который называется «Ручей Солнца».

Как и во времена Александра, Умм-Эбейда окружен купами деревьев. Сегодня здесь остались лишь развалины единственной стены с выбитыми на ней барельефами и иероглифами. Вокруг каменные плиты, на некоторых имеются знаки. В конце девятнадцатого века стен было больше, и их даже накрывал потолок, но потом они были взорваны каким-то местным начальником, желавшим получить камень для строительства.

В 1900 году Г.Штейндорф посетил оазис Сива, исследовал оставшуюся стену и прочел имя ее строителя: Венамон. Текст на этой стене был переведен им следующим образом: «Истинный мастер, великий предводитель чужеземных земель, Венамон...» Барельеф изображает его коленопреклоненным перед богом Амоном: бог храма оракула почитался также и в святилище, воздвигнутом Венамоном.

Штейндорф не был готов связать Венамона, совершившего путешествие в Библос, с Венамоном, который возвел святилище богу Амону: ни одно из строений Сивы не датируется ранее, чем началом персидского владычества в Египте¹. Путешествие Венамона в Библос относят, однако, к одиннадцатому веку.

Знаменательно, что на стене храма, который он построил, Венамон представил себя как «властителя» или «хозяина» чужеземных земель. Простой гражданин или жрец не могли, естественно, считаться «предводителями чужеземных земель». Но в свете того, что мы знаем о поездке Венамона в чужеземные страны, он мог претендовать на особое отличие как персона, авторитетная для чужеземцев. Мы также узнаем из этой надписи, что отцом Венамона был Нахт-тит, а матерью — Нефер-ренпет. Папирус Венамона (в сохранившемся тексте) не называл имен родителей автора.

Можно ли более точно определить, когда именно Венамон построил святилище для своего бога Амона?

Более ста пятидесяти лет назад Минутולי посетил и описал этот оазис и его храмы². Он заметил на одной из обвалившихся плит в Умм-Эбейде два картуша и воспроизвел их на рисунке в своей книге. Эти картуши потом не были обнаружены среди уцелевших развалин, «несмотря на некоторую нечеткость букв, нет сомнения, что они принадлежат Нектанебу II», — писал Ахмед Фахри в своей книге «Оазис Сива»³. «Имя Нектанеба II было написано

¹ А.Фахри заявил, что храм оракула при Амазисе II был построен незадолго до завоевания Египта персами.

² Н.С.Minutoli, *Reise zum Tempel des Jupiter Ammon in der Libyschen Wüste* (Berlin, 1824).

³ Ibid, p. 100.

на фасаде, но во внутреннем помещении мы находим имя строителя этого храма (Венамона), повторенное несколько раз». Мы уже показали, что Нект-хор-хеб, картуши которого были найдены повсюду, был не Нектанебом II греческих авторов, а управляющим при царе Дарии II.

Теперь совершенно ясно, что «год 5», обозначенный в начале путевого дневника Венамона, относится к пятому году царствования Дария II, т.е. к 419 г. до н. э.

Поскольку в эту поездку отправил Венамона Херигор, а Нект-хор-хеб, по-видимому, был связан с Венамоном при строительстве святилища в Умм-Эбейде, отсюда следует, что Херигор также жил в эпоху Дария II. Ему был пожалован религиозный сан верховного жреца, но в оазисах — южном (эль-Харгех) и северном (Сива) он занимал также светскую должность главнокомандующего.

Мы можем с полным основанием утверждать, что тот, кто совершил «дурацкие поездки», чья рукопись дошла до нас, не имея конца, благополучно добрался до Египта и, что наиболее важно, он жил в персидскую эпоху египетской истории, а более точно — при Дарии II. Рукопись и храм было делом рук одного и того же человека, и таким образом воссоединились две жизни, разделенные семью столетиями.

Как мы скоро увидим, верховный жрец в храме Зевса-Аммона (Амона) в Сиве, который встретил и благословил Александра Великого, был потомком Херигора в третьем поколении. Эти поколения охватывают период от путешествия Венамона в 419 году до н. э. до прихода в Египет Александра (332 г. до н. э.), т.е. восемьдесят семь лет.

Царский тайник

Приимерно за десять лет до 1881 года к туристам и торговцам в Луксоре, Каире и Париже стали стекаться древности из какого-то таинственного источника. Эти антикварные вещи, очевидно, исходили из какого-то

тайника или из могил, не известных археологам. Когда нелегальная торговля достигла опасных масштабов, расспросы и детективное расследование вывели на одну арабскую семью из деревни Курнах на западном берегу Нила, напротив Луксора. Во время допроса представители этого клана решительно отрицали какую-либо причастность к незаконным раскопкам и заявляли, что даже не слышали о таких вещах. Египетский хедив проявил личный интерес к этому делу, получая информацию от Гастона Масперо, известного египтолога и эксперта древностей. Один из членов этой семьи был заключен в тюрьму просто по подозрению. Он провел там два месяца, ни в чем не признавшись. Но когда он был освобожден за недостаточностью улик, он поссорился со своими сообщниками, в числе их со своим старшим братом, требуя половину, а не пятую часть доходов от предстоящей продажи древних реликвий в компенсацию за время, проведенное в тюрьме. Получив отказ и оскорбленный этой несправедливостью, он был готов открыть тайну властям, когда его опередил старший брат.

Рядом с храмом Деир-эль-Бахри, построенным царицей Хатшепсут из восемнадцатой династии, под скалами, оказалась замаскированная яма метров в двенадцать глубиной, которая вела в проход более двухсот футов длиной. В конце его находилась комната площадью семь метров на четыре и в пять метров высотой. В середине этого коридора имелась еще одна, маленькая комната, или ниша. В большой комнате и в нише находились гробы и мумии многих великих фараонов прошлого, и имена некоторых из них Масперо и его ассистент Эмиль Бругш прочитали при свете свечи.

В этом тайнике были обнаружены мумии Аамеса I, который основал восемнадцатую династию после изгнания гиксосов из крепости Аварис, Аменхотепа I, самого почитаемого из всех царей и считавшегося святым, Тутмоса I и его сына Тутмоса III, великого завоевателя, Сети Великого из девятнадцатой династии и его сына Рамзеса II, а также Рамзеса III из двадцатой династии. Это было почти невероятно. Масперо допускал, что найдет тайное захоронение какого-нибудь неизвестного царя или принца, но он обнаружил царей, известных любому студенту-историку. И они

были найдены не поодиночке, но все вместе — настоящая Валгалла. Имена этих царей были написаны на повязках и сопровождалась заявлениями тех, кто, по-видимому, менял эти повязки. Эта смена повязок началась при верховном жреце Херигоре; некоторые мумии были заново обернуты под присмотром его сына Пайянха, другие — при Пенуземе I, сыне Пайянха, иные — при его сыновьях Мезахерте и Менхеперре и еще несколько — при Пенуземе II, сыне последнего. Вся эта работа была завершена Си-Амоном.

Этот тайник датируется эпохой двадцать первой династии наследственных жрецов, и сюда добавились многие мумии данной эпохи, даже мумии тех, кто совершал смену повязок, как, например, Пенузем II. Первоначально эта могила была построена для малоизвестной царицы Инхапи, и создается впечатление, что Си-Амон собрал здесь и в последний раз перепеленал те царские мумии, которые до этого были обновлены царствующими жрецами двадцать первой династии.

Но прежде чем всё это стало известно, содержимое могил было унесено.

Это было совершено в спешке. В своем отчете о находке¹ Масперо признался, что вынужден был даже допустить вооруженный налет каких-то бедуинов, которые, услышав, что найдены сокровища древних египетских царей, были не против их похитить, прежде всего золото и бриллианты. Но любой, кому известно, с какой решительностью обычно действовали египетские власти при хедивах, подумал бы, что истинным мотивом столь спешного перемещения мумий было волнение при известии о такой находке, вынудившее египтологов незамедлительно удовлетворить собственное любопытство и рассмотреть при дневном свете знаменитых царей древности.

«Две сотни арабов быстро собрались и приступили к работе. Принадлежащий музею корабль, в спешке снаряженный, еще не прибыл, но имелся «шеф», Мохаммед Абдессалем (который открыл эту тайну), и на него мы

¹ G. Maspero, *Les Momies royales de Dêr el-Bahari*, published as the first volume of *Mémoires de la Mission Archéologique Française au Caire* (Paris, 1889).

можем положиться. Он спустился в яму и занялся извлечением ее содержимого». Два его помощника из отдела древностей принимали предметы по мере их извлечения из-под земли и складывали их под горой, «нимало о них не заботясь». Масперо продолжает: «Сорок восемь часов энергичной работы в конце концов довели всех до изнурения, но задача была выполнена лишь наполовину». Потребовалось семь или восемь часов, чтобы перенести большие гробы с помощью нескольких человек от подножия гор до реки при июльской жаре и клубах пыли. Количество предметов оказалось столь значительным, что едва ли была возможность следить за их сохранностью, и некоторые исчезли, но были возвращены, за исключением примерно пятидесяти фигурок, покрытых голубой эмалью. «К одиннадцати часам вечера мумии, гробы, убранство достигли Луксора. Три дня спустя прибыл корабль музея, он был нагружен и отправлен в Баулак (место, где находится каирский музей) с этим царским грузом на всех парах».

Некоторые из мумий, которые сохранялись в течение тысяч лет, начали издавать запах тления и были открыты. Прочие открыл Эмиль Бругш, которому не терпелось узнать, что они скрывают, в отсутствие Масперо и не заручившись его разрешением. Но мумии Сети Великого, Рамзеса II и некоторых других царей были открыты только два года спустя в присутствии хедива.

Между повязками мумий не было найдено истинных сокровищ. Если рассказ Геродота верен, то вполне возможно, что, когда Камбиз приказал открыть некоторые древние могилы, их сокровища были конфискованы, и этим был подан пример. Многочисленные случаи ограбления могил и сообщения о судебных процессах по этому поводу заполняют большинство письменных текстов той эпохи, которая известна нам как вторая половина пятого века и начало четвертого — время Херигора и его последователей. Их часто называли благочестивыми жрецами за то, что они совершали перезахоронения. Но создается впечатление, что и сами жрецы с готовностью разыскивали и присваивали сокровища, которые они могли обнаружить в могилах. Когда все ценное убранство было уже унесено, разыскивали золотые украшения и драгоценные камни, вложенные меж-

ду повязок. И разве не жрецы так называемой двадцать первой династии, как мы выясним из описания других захоронений, присваивали для собственного погребения саркофаги, убранство и драгоценности, принадлежащие первоначально царским особам прежних времен?

Мумии древних царей и жреческой династии были собраны из различных тайников Си-Амоном, который опечатал свой тайник в «год десятый».

Через десять лет после того, как Масперо извлек царские и другие мумии из тайника в Деир-эль-Бахри и переправил их в Каир, тот же самый араб, который вывел археологов на эту находку, привлек внимание Э.Гребо, преемника Масперо на посту директора департамента древностей, к другому тайнику, расположенному неподалеку от того же самого места, на этот раз к северу от Деир-эль-Бахри. Шахта вела в длинный узкий проход (около ста метров на одном уровне и почти шестидесяти метров на уровне, расположенном ниже первого), заставленный гробами: это были настоящие катакомбы. Г.Даресси в процессе работ обнаружил здесь сто пятьдесят три гроба. Все они принадлежали членам жреческих семейств, обычно людям заметным, но не относящимся к высшей иерархии¹. Многие мумии оказались женскими — «наложницы Амона» и храмовые певички. Одна комната была приготовлена для семьи верховного жреца Менхеперре и его жен (вскоре мы встретимся с этим человеком как со жрецом, который принимал Александра Великого в храме Зевса-Амона в оазисе Сива).

Прежде чем был опустошен и этот тайник, Даресси провел несколько ночей в палатке у входа в шахту, чтобы защитить его от современных грабителей. Когда гробы были доставлены в Каир, выяснилось, что музей не может принять все эти гробы и мумии. После этого примерно шестнадцать коллекций, каждая из четырех-пяти мумий с гробами, были направлены в качестве подарков различным европейским правительствам, от Португалии до России, и Каирский музей не должен был контролировать их даль-

¹ G.Darassy, «Les Sépultures des prêtres d'Ammun à Deir El-Bahari» in *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*, I (1900); idem, «Les Cercueils des Prêtres d'Ammun», *ibid.*, VIII (1907).

нейшую судьбу. Как обнаружил Даресси, одна из мумий добралась до Иркутска в Сибири — путешествие, о котором и помыслить не мог хозяин этого тела при жизни.

Надписи на мумиях из обоих тайников предоставили богатый материал для уточнения династической преемственности царей и верховных жрецов двадцать первой династии. Но один «темный период» так и остался темным, и путаные и противоречащие друг другу факты стали предметом постоянных дискуссий¹.

Для наших целей важно знать, что Пенузем, сын Пайянха, сына Херигора, поменял повязки на мумии Рамзеса III, а может быть, и впервые наложил эти повязки. Это приводит нас к выводу, что Пайянх, а также Псусенн (которого Пенузем называл своим отцом, хотя тот в действительности был его тестем) были современниками Рамзеса III (Нектанеба I). Херигор, начав свою жреческую карьеру при Дарии II; в последней четверти пятого века, предшествовал Рамзесу III.

Царский тайник был закрыт и опечатан танитским князем-жрецом Си-Амоном, который считался последним из двадцать первой династии, в «год десятый». В нем не могла находиться, согласно общепринятой временной шкале, мумия человека, жившего при двадцать второй (ливийской) династии. Но среди прочих мумий в этом тайнике находилась и мумия жреца Амона Диетптаха-эфонха из двадцать второй династии². Вследствие этого было высказано предположение, что тайник был открыт при ливийских царях, чтобы поместить туда тело этого жреца³. Это, естественно, весьма шаткий вывод. Но, с точки зрения данной реконструкции, мы могли бы допустить, что в этом тайнике были погребены не только мумии семнадцатой,

¹ Cf. «Some Notes on the Chronology and Genealogy of the Twenty-First Dynasty», by Eric Young in *Journal of the American Research Center in Egypt*, II (1963), 99–111; Černý, *Cambridge Ancient History*, Vol. II, Chap. XXXV; «On the Chronology of the Twenty-first Dynasty», by E. F. Wente in *Journal of Near Eastern Studies*, XXVI, 3 (July 1967).

² Maspero, *Les Momies royales* (Paris, 1889), p. 572–573. B. Porter and R. Moss, *The Theban Necropolis* (Oxford, 1964), p. 666.

³ Gardiner, *Egypt of the Pharaohs*, p. 320. H. Gauthier, in *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*, Vol. 18 (1919), pp. 252ff.

восемнадцатой и девятнадцатой династий, но и мумия, датированная ливийской династией девятого-восьмого веков. Отсутствие мумии, отнесенной к ливийской династии, стало бы фактом, требующим объяснения, а ее присутствие противоречит общепринятой хронологии и ставит в тупик.

Теократические государства в Иудее и в Египте

При персах Иерусалим был зависимым городом, и на территории, находившейся в его юрисдикции, общественный порядок обеспечивали жрецы. Во главе с Неемией, а затем с Ездрой эта теократическая форма правления стала еще более выраженной.

Любопытно сравнить теократические режимы в Фивах, Танисе и в оазисах при так называемой двадцать первой династии с порядком правления в современном им Иерусалиме. Жрецы, верховные жрецы, пророки при храмах и оракулы, храмовые певцы, храмовая обслуга, потомственные рабы при храмах — все это совпадает в Иерусалиме и в Фивах, Танисе и оазисах. Во многих случаях мы лучше понимаем египетский текст или ситуацию, изучая библейские тексты, относящиеся ко времени после вавилонской ссылки, или к храмовой службе в Иерусалиме в персидский период. Например, когда «привратник» по имени Ахотинофер, обвиненный в краже из храма позолоченного сундука, свидетельствует перед египетским судом и говорит о смещении верховного жреца (каким-то неустановленным представителем власти), мы можем с помощью стиха 73 из 7-й главы Книги Неемии установить, что «привратник» был служащим храма в определенном ранге. Еврейский текст говорит о «священниках, и левитах, и привратниках, и певцах...» Само смещение верховного жреца Аменхотепа с его поста, о котором говорится в свидетельских показаниях, имеет соответствие в попытке сместить пер-

восвященника иерусалимского Ионатана сатрапом Багаосом: это событие было описано Иосифом Флавием¹.

На территории храма находились жилые помещения для жрецов: так было и в Иерусалиме и в Египте. Удиехаррасне просил Камбиза дать приказ о выселении незаконно проживающих лиц, в том числе солдат оккупационной армии, из жилых кварталов храма Нейт в Саисе, и был отдан приказ о выселении незаконных жильцов со всеми их пожитками. «Все эти лишние люди, которые находятся в храме, должны быть выброшены, все их вещи следует вынести за пределы стен храма. И Его Величество приказал, чтобы храм Нейт был очищен...». И подобная же процедура была совершена в Иерусалиме, когда Неемия «выбросил все домашние вещи Товиины вон из комнаты», поскольку первосвященник Елиашив выделил Товии комнату «на дворах дома Божия». Товия был врагом Неемии. «И сказал, чтоб очистили комнаты» (Книга Неемии 13:7—9).

На население Иерусалима и прилегающих городов были возложены налоги в деньгах и провизии для нужд Храма, его жрецов и левитов; эту провизию составляли крупный рогатый скот, птица, вино, хлеб и масло. Налогообложение населения в пользу казны храмов было гораздо более значимым в Египте в эпоху двадцать второй династии, и демотические и иероглифические тексты, связанные с налогообложением, весьма многочисленны. Скот, птица, вино, хлеб и масло были той данью, которую государство и его население обязано было выплачивать храмам и их жрецам.

В храме Иерусалима в персидскую эпоху были невольники, или потомственные рабы, которые закреплялись за этим храмом. Неемия (11:3) так говорит о них: «... священники, левиты, и нефиней...», и под последними имеются в виду потомственные рабы. Множество таких рабов было приписано и к храмам Египта; к тому же обширные земельные владения, или феодалы, храмов обрабатывались зависимыми крестьянами — фактически рабами.

Книги пророков Аггея, Захарии (который вещал при Дарии Великом) и Малахии, подобно Книгам Неемии и

¹ *Jewish Antiquities*, XI, VII.

Ездры, воплощают картину теократии, господствовавшей в храме и в стране. Главное различие между Иерусалимом и Египтом состоит в почитании Иерусалимом высшего божества, не имеющего никаких союзников или претендентов на его верховную власть, и почитанием в Египте верховного бога Амона, у которого в египетском пантеоне были и союзники и противники. Характер законов Моисея и этическое наследие пророков не имеют ничего общего с духом египетских храмов, где все богослужение окрашивал культ Аписа — наследие прошлых веков.

Пророчества оракулов были тем институтом, который главенствовал в деятельности жрецов и даже перевешивал другие доводы при решении в Египте государственных дел. В эпоху персидской гегемонии в Храме Иерусалима тоже был оракул — «священник с уримом и туммимом» (Книга Ездры 2:63).

Пост верховного жреца был наследственным как в Иудее, так и в Египте. Хотя мы не очень хорошо знакомы с генеалогией верховных жрецов при персах перед воцарением Херигора, человека ничем не выделявшегося в жреческих кругах, мы знакомы с порядком наследования, который начинается с него — Пусенн, Пенузем, Менхепере, Пенузем II.

В Иудее вся линия первосвященников от времен Кира до Александра известна из списка в Книге Неемии (12:10—11): Иисус, Иоаким, Елеашив, Ионад, Ионафан и Иаддуй. Эта линия известна также от Иосифа Флавия.

Книги с генеалогиями жрецов хранились в храмах, и к ним часто обращались как в Иерусалиме, так и в Египте. Ездра, хотя и был потомственным жрецом, не принадлежал к линии первосвященника. Тем не менее ему удалось отлить еврейскую религию в те формы, которые остались нерушимыми в течение персидской, греческой и римской эпох и девятнадцати веков Диаспоры. Египетские жрецы его времени заменили свой доход от налогов и подношений набегами на древние могилы с их сокровищами, грабя мумии своих предков в поисках чего-либо ценного. Соответственно и религии Египта и Израэля разными дорогами вступили в грядущие столетия.

Ездра

Роль Ездры в создании раввинского иудаизма нельзя переоценить. Он был издателем Пятикнижия и, возможно, автором тех его частей, которые известны как кодекс священнослужителей. Вполне вероятно, что он издал Книги Царей и Паралипоменон, как предполагают некоторые библеисты, приложил руку к составлению книг, которые носят имя Неемии и Ездры и могли первоначально составлять одну книгу. Его вдохновляло видение прошлого — туманная эпоха патриархов, дни и годы, когда народ, ведомый Моисеем, прошел через самый возвышенный период испытаний, через семь веков оседлой жизни при судьях, пророках и царях, которые закончились для Северного царства Израиль, разгромленного ассирийцами, а Иудея обречена была вести в течение ста тридцати пяти лет борьбу с несметными полчищами из Вавилона и Египта, пока в свою очередь не была разгромлена. Непосредственно перед временем Ездры проходила жизнь изгнанников в вавилонском пленении, из которого после падения Вавилона под натиском персов в 538 г. до н. э. вернулись лишь небольшие группы. И одну из них привел более ста лет спустя сам Ездра. Он также принес из этой ссылки видение о будущей роли Израиля, название которого приняла Иудея. Он ввел публичное чтение Торы (Пятикнижия); он установил праздник Кущей (Succoth), заимствуя некоторые из его языческих обрядов, как, например, несение пальмовых ветвей, из персидских празднеств. Но он был яростным защитником идеи неделимости священной миссии еврейского народа с неевреями и таким образом воздействовал на свой народ, чтобы он не искал новообращенных. Поэтому в грядущие века одной из еврейских сект, христианам, выпала роль «побеждать победителей», т. е. римлян, которые привели к концу Bait Shenі, или Второе сообщество — период, который продолжался от времени персидского завоевания через века эллинского господства до 70 г. н. э.

Ездра возвысил роль Моисея, который жил более чем за тысячу лет до него, и поднял его над всеми другими авторитетами и над тем, что представлял собой Моисей в эпоху Первого сообщества. Это чистый монотеизм, еще не заметный в такой степени даже у большинства пророков, предшествующих Иеремии, выкристаллизовавшийся в ссылке, и его толкователем стал ученый писец, не пророк, не человек царского происхождения и даже не имеющий знатных предков. Он наделил абсолютной святостью Субботу и стал таким образом великим социальным реформатором и защитником рабочего люда вплоть до наших дней. Более, чем любой другой пророк, жрец или писец, он несет ответственность за ту форму, которую принял и сохранил иудаизм на протяжении истории Второго сообщества — персидской, эллинистической и римской эпохи, а после разрушения своего государства римлянами — на протяжении девятнадцати веков разбросанности (Диапоры) среди других народов. В раввинской традиции Ездра уступает только Моисею. Он осуществлял свои цели не под раскаты грома и не с окутанной облаками горы, но на улицах Иерусалима, все еще лежащих в руинах после разгрома города Навуходоносором, — в обезлюдевшем городе, который еще не поднялся из пепла.

Историческая проблема, которая никогда не переставала волновать библеистов, состоит в следующем: был ли Ездра предшественником Неемии (каждый из них имеет в Библии собственную книгу¹) или следовал за ним? Согласно канону, Ездра предшествовал Неемии: Ездра пришел из Вавилона на седьмой год царствования Артаксеркса, а Неемия явился из Суз на двенадцатый год правления этого царя. Однако были представлены весомые аргументы в пользу того, что Ездра следовал за Неемией, а не предшествовал ему. Один из этих аргументов состоит в том, что во времена Ездры первосвященником в Иерусалиме должен был быть Ионатан, сын или внук Елиашива, в то время как в дни Неемии пост первосвященника принадлежал Елиашиву. Упоминание о том, что Ездра и Неемия

¹ В древние времена книги Неемии и Ездры составляли одну общую книгу.

действовали вместе (Книга Неемии 7:9), рассматривается как ошибка в тексте, а неверное грамматическое оформление этого стиха подтверждает такую догадку¹. Много было написано на тему их временной соотнесенности, но неоспоримым остается вывод о том, что Неемия приехал в Иерусалим в двадцатый год царствования Артаксеркса I (в 445 г. до н. э.) и оставался там в течение нескольких лет, возвратившись в Персию и приехав еще раз ненадолго в период царствования этого же царя (Книга Неемии 13:6). Ездра явился в Иерусалим не в седьмой год царствования Артаксеркса I (458 г. до н. э.), а в седьмой год царствования Артаксеркса II (398 г. до н. э.), т. е. на шестьдесят лет позже. Отсутствие всяких упоминаний об Ездre в Элефантинских папирусах, последний из которых был написан в 399 г. до н. э., по-видимому, является аргументом в пользу того, что он приехал в Иерусалим в следующем, 398 году.

Примирительную позицию заняла школа библиеведов, представители которой относят поездку Ездры ко времени между двумя этими датами, считая «год седьмой» искажением написания «год тридцать седьмой» Артаксеркса I, т. е. 328 г. до н. э. Такую точку зрения выдвинул У.Ф.Олбрайт. Это должно означать, что Ездра еще оставался в Иерусалиме, когда Дарий II Нотус поднялся на трон.

Можно высказать предположение, в соответствии с которым следует изменить не год, а имя царя, и читать данный текст «в седьмой год Дария», подразумевая при этом Дария II, сына Артаксеркса I и отца Артаксеркса II. Относя пребывание Ездры в Иерусалиме к эпохе Дария II, мы можем руководствоваться намеком, содержащимся в Книге Ездры 10:16 (это стих, грамматическая форма которого нуждается в исправлении). Когда Ездра дал повеление, чтобы евреи разводились с женами-нееврейками, «...собрались все жители... в девятом месяце, в двадцатый день месяца», чтобы обсудить это дело. Слово «l'drosh» («изучать» или «обсуждать») написано не так, как полагается, а с буквой «yod», что придает ему вид имени Дария на ев-

¹ Глагол «va'yomar» используется в единственном числе, в то время как говорится о Неемии, Ездre и левитах. См., однако, Книга Неемии 12:36.

рейском языке. В той же самой Книге Ездры (4:24, 6:16, 7:13) имя Дария (Великого) написано так, что его можно принять за слово «изучать». В свете многочисленных примеров, имеющих в этой же Книге и в Книге Неемии, где день, месяц и год царствования персидского царя даются как дата того или иного события, еще более усиливается впечатление, что в стихе, о котором идет речь, имеется в виду Дарий. Указан день и месяц, но год опущен в результате порчи текста, может быть, и по вине более позднего переписчика, который не смог понять, какое отношение Дарий Великий имеет к данному контексту, при этом и не ведая о существовании Дария II (424—404 гг. до н. э.). То, что переписчики внесли путаницу в порядок наследования персидских царей, очевидно из Книги Ездры 4:25, где Дарий II перепутан с Дарием I (см. также Книга Ездры 6:15).

Если Ездра явился в Иерусалим в год тридцать седьмой царствования Артаксеркса (428 г. до н. э.), он должен был быть современником Венамона, посланного Херигором в Библос за кедровым деревом для ладьи Амона. Однако если Ездра уехал из Вавилона в Иерусалим в седьмой год царствования Артаксеркса II, то поездка Венамона в эпоху Дария II предшествовала возвращению Ездры из Вавилона на двадцать два года (с пятого года царствования Дария II до седьмого года Артаксеркса II). Однако, что менее вероятно, если Венамон отправился в Библос на пятый год царствования Артаксеркса II, то Ездра и Венамон могли двинуться в путь с разницей всего в два года.

Князь-жрец Псусенн

Псусенн, сын Несбиндиди, который фигурировал в истории путешествий Венамона как военный князь, резиденция которого была в Танисе, унаследовал от своего отца эту резиденцию и титул и добавил к ним титул верховного жреца и первого пророка Амона, принадлежавшие его тестю Херигору, а во многих случаях поль-

зовался титулом «царь». В этой северной столице, на территории владений большого храма, Псусени выстроил собственную резиденцию, окруженную массивной кирпичной стеной. Территория храма была обследована Пьером Монте. Он сразу же установил личность строителя этой резиденции: в северо-восточном ее углу обнаружился фундамент, носящий имя Псусенна. Это имя было также обозначено на многих кирпичах наружной стены¹.

В углу между храмом и кирпичной стеной Монте нашел могилу этого князя-жреца. Но вместо того, чтобы укрепиться во мнении, что данная резиденция была воздвигнута Псусенном, Монте был вынужден заявить следующее:

«Точка зрения, заявленная в наших недавних публикациях, ошибочна. Теперь мы знаем, что большой храм в законченном виде датируется эпохой гораздо более поздней, так как в северо-восточном и юго-западном углах мы обнаружили слои, относящиеся к эпохе Осоркона II, а в юго-восточном углу — слой Нектанеба I (Нектанебефа)»².

Разумеется, фараон одиннадцатого века не мог построить здание на фундаменте, из-под которого извлечены слои, оставленные царем девятого или восьмого века. Он не мог продолжать строительства, начатого царем четвертого века, если только он сам не стал царем одиннадцатого века только по ошибке, а в действительности принадлежит самое позднее четвертому веку. Эта мысль не пришла в голову Монте, но проблема не была решена простым опровержением выводов, сделанных в его прежних публикациях: необходимо было показать, каким образом Псусени одиннадцатого века мог строить на фундаменте, относящемся к четвертому веку. Если нижеследующее можно считать объяснением, давайте примем это к сведению:

«Храмы Таниса перестраивались так много раз и так менялись в современную эпоху, что ни один камень Древ-

¹ P. Montet, *Tanis* (Paris, 1942), p. 43, 55—56.

² Montet, *Les Constructions et le tombeau de Psousennès à Tanis* (Paris, 1951), p. 10.

него, Среднего и Нового Царств не занимает сего первоначального места»¹.

Храмы были перестроены, старый материал использовался повторно, но то, что Монте продолжал перечислять в своих более поздних публикациях («Храм Псусенна»), не могло составить слой более поздних столетий под фундаментом этого храма.

Явно противоречащие друг другу факты — слои восьмого и четвертого веков под сооружением, предположительно относящимся к одиннадцатому веку, не составляют никакого противоречия, если мы осознаем, что Псусенн был в расцвете своей деятельности всего через одно поколение после Нект-небефа: это была первая половина четвертого века.

На фрагменте плиты фундамента, найденной Монте, имя Псусенна стоит рядом с каким-то «варварским именем» — Шахедет — обведенным картушем. Монте воспроизвел этот фрагмент и недоумевал по поводу имени, стоящего в тексте рядом с именем Псусенна. Он пришел к выводу, что Шахедет могло быть именем малоизвестного женского божества, скорее всего ливийской богини². Это, как кажется, явная натяжка: с чего бы это Псусенн поставил рядом со своим собственным именем имя какой-то малоизвестной ливийской богини, обведенное картушем и нигде более в такой форме не встречающееся³. Оно, несомненно, звучало варварским для египетского уха.

С назначением картуша, который указывает на имя и титул царских особ, как кажется, больше согласуется то,

¹ «Les temples de Tanis ont été tant de fois reconstruits et si maltraités dans les temps modernes que pas une pierre de l'Ancien, du Moyen et du Nouvel Empire ne se trouve plus à place originale».

² Montet, *Psousennès* (Paris, 1951), p. 184.

³ Пытаясь объяснить появление слова или имени Шахдидит («d» во втором слове) в некоторых других текстах данного периода, Легрен предположил, что существовала ливийская богиня с таким именем («La Dèsse Shahdidit», *Annales du Service des Antiquités d'Égypte*, XV, 284–286). Однако Шахдидит по-персидски означает «царский наемник», или «царский чиновник». Но поскольку Дидит было египетским названием Мендеса в Дельте, Шах Дидит могло означать царя Мендеса.

что Шахедет не более чем титул, причем, в соответствии с уточненной нами хронологией, титул персидский, и первая его часть означает «царь»¹. На вопрос, может ли это слово означать «царь-жрец», «наследственный правитель», «вице-король» или что-нибудь в этом роде, профессор Джордж Г.Кэмерон из Мичиганского университета ответил, что это слово «могло иметь соответствующую (персидскую) этимологию»².

Осоркон II, который оставил свои слои под двумя углами внутреннего храма, также выстроил себе могилу внутри ограды. Из погребального убранства уцелело немного: могила уже была разграблена и пустовала с древности. Рабочие, расчищавшие для Монте эту могилу, «незаметно» дошли и до могилы Псусенна, совершив таким образом ее открытие. Из этой могилы сокровища не были вынесены: грабители не нашли ее. Монте писал: «Воры, которые ограбили могилу Осоркона II, прилаживались к могиле Псусенна, пытаясь совершить подкопы со всех сторон. Но, ничего не обнаружив, они прекратили поиски»³.

Как могло случиться, что после многих попыток древним грабителям могил не удалось добраться до этой могилы, в то время как феллахи, работавшие у Монте, даже не подозревая об этой находке, перешли из одной подземной могилы во вторую? Однако следы поисков и прорытые туннели вокруг могилы Осоркона все еще заметны.

Похоже, что могила Осоркона была разграблена до того, как Псусенн обрел вечный покой, а может быть, и самим Псусенном. Более того, как мы скоро узнаем, могила Псусенна также была первоначально построена для какого-то царя или принца из ливийской династии. Псусенн присвоил ее себе.

Когда эта могила была впервые открыта, возникла мысль, что она была построена для царя или принца, гроб которого — без саркофага — был обнаружен в комнате,

¹ Так, «шахзада» означает «сын царя, или шах; использовалось как титул (Webster's New International Dictionary of the English Language, Merriam Publication, 1948).

² Из письма, датированного 30 января 1967 года.

³ Montet, *Psousennès*, p. 8.

которая, как было позже установлено, была лишь вестибюлем. Монте описывает эту сцену. Это произошло в 1939 году. Как только в царском дворце в Каире стало известно, что открыта могила какого-то древнего царя, а в ней найден гроб, царь Фарук в сопровождении Канона Этьена Дриотона, директора египетского департамента древностей, прибыл, чтобы «своими руками вести археологические раскопки». Монте продолжает: «Я помог ему поставить (серебряную) крышку рядом с гробом, в котором находилась мумия и ее драгоценности в золотой оправе. В этот момент было выяснено, что данный гроб принадлежал какому-то неизвестному царю — Хека-кхепер-ре Шешанк (Шешонк), который не мог царствовать менее чем через век после Псусенна»¹.

Это, разумеется, так, но при условии, что Псусенн царствовал в одиннадцатом веке и что ливийская династия следовала за династией жрецов, ошибочно названной двадцать первой.

Из вестибюля вели заблокированные ходы в четыре погребальные комнаты². В них вошли не сразу. Было обнаружено, что огромные монолиты вделаны в проходы, опечатав их почти герметически. В сезон 1939 года до отъезда из Таниса Монте открыл только одну комнату. В ней оказался большой саркофаг. «Он был пустым. Имя и титулы персоны, которая его занимала, были уничтожены со стен (комнаты и саркофага). Мы были полностью заинтригованы. В могиле, построенной для Псусенна, лишенной всяких признаков взлома, мы (до этого) нашли (в вестибюле) гроб какого-то неизвестного царя гораздо более поздней эпохи; потом мы находим боковое помещение, которое оказалось вскрытым, а имя его первоначального владельца — уничтоженным».

В следующий сезон были открыты две хорошо защищенные комнаты, соединенные с вестибюлем, но запечатанные монолитными плитами (в действительности были

¹ Ibid., p. 20.

² И. Черни ошибся, говоря, что в могиле Псусенна были обнаружены только две погребальные комнаты (rev. ed., *Cambridge Ancient History*, Vol. II, Chap. XXXV, p. 654).

подняты плиты верхнего перекрытия). Одну из комнат занимал саркофаг Псусенна. Сделанный из розового гранита, он первоначально предназначался для Минепты-Хотефирма (или Хофра-Маата) из девятнадцатой династии. Это имя было уничтожено, но в одном-единственном месте оказалось нетронутым. «Все представители двадцать первой династии обычно вынуждены были менять картуши» (Монте). Внутри этого розового саркофага находился еще один, из черного гранита, «позаимствованный» у какого-то неизвестного владельца (его имя сделали неудобочитаемым). Внутри черного саркофага находился серебряный гроб. Лицо царя было покрыто золотой маской.

Псусенн был похоронен с роскошью. Но почти все убранство было заимствовано из захоронений более ранних царей, и даже сама могила оказалась «присвоенной».

Трудно понять психологию тех, которые устраивались так, чтобы их мумии уютно размещались в могилах, построенных для других, в чужих саркофагах и надеялись таким образом обрести блаженство в потусторонней жизни. Были, следовательно, особые причины, чтобы, занимая погребальную комнату, Псусенн не полностью изгнал первоначального владельца могилы, Сосенка (Монте называл его Шешанком или Шешонком), одного из наименее известных князей ливанской династии.

Среди множества золотых и серебряных изделий, погребенных вместе с Псусенном, были многочисленные ожерелья, а также бусина из ожерелья с выгравированными на ней клинописными знаками. Специалисты в области клинописи тщетно пытались прочесть эти три короткие строчки и в конце концов добрались до не слишком многозначительного текста. Если этот текст не персидский (клинописный), а аккадский (ассиро-вавилонский), то вполне вероятно, что эта бусина также явилась из более древней могилы — возможно, того же Сосенка: в его гробу был обнаружен фамильный цилиндр, тоже имеющий клинописные знаки.

В похоронном убранстве Псусенна имелось двадцать восемь браслетов. Один из них привлек особое внимание археологов. Золотой браслет с декоративными вставками имел иероглифическую надпись: «Царь, хозяин двух земель (Верхнего и Нижнего Египта), владелец меча, пер-

вый пророк Амен-ре-Сонтера (Псоусенн Миамон), дающий жизнь». Внимание Монте прежде всего привлекло то, как было написано слово «царь» (n-s-w): его написание было не привычным, а весьма своеобразным. Оно было воспроизведено рисунком бабуина, держащего глаз (oudja). «Слово «n-s-w», или «царь», написано здесь так, как оно писалось в эпоху Птолемеев...». Бабуин и глаз в его ладонях был иносказательной формой, в сущности игрой слов, для выражения слова «царь» и появился в египетских текстах очень поздно¹.

Монте обратил внимание еще на одну особенность в этом предложении: «n-t-r» (сопровождающее имя Амон-Ре) «написано с крючком, как часто писали в эпоху Птолемеев».

Такие открытия должны быть не только зафиксированы и описаны: из них следует извлекать выводы:

И еще одна находка: на стене комнаты, занятой Псу-сенном, одна надпись сообщает, что «Псу-сенн, говорящий правду», взывает в восторге к богине Мут, «небеснойладычице, правительнице Двух Земель, хозяйке эллинского побережья...»

По этому поводу Монте пишет: «Морем элинов (Helou-nebout) для египтян было Средиземное море от Александрии до Розетты. Морское побережье элинов частично было египетским побережьем к западу от Дамиата»².

Поскольку и в гораздо более ранних надписях встречалось упоминание о Helou-nebout, Монте предполагает, что это название сначала прилагалось к Эгейскому морю, а потом и к египетскому побережью, что является, по его мнению, доказательством того, что греки появились в Египте довольно рано и наверняка раньше общепринятых дат первого появления греков в Египте при Псамметихе, в седьмом веке³, и уже прочно обосновались на побережье от одного конца Дельты до другого⁴.

¹ Montet, *Psousennès*, p. 149. Cf. Emile Chassinat, «Le Mot selen Roi» in *Revue de l'Égypte Ancienne*, II (Paris, 1929), 5 f.

² Montet, *Psousennès*, p. 92.

³ Herodotus, II 152.

⁴ Montet, in *Revue archéologique*, 6 série, XXXIV, 138—140.

Но от Геродота мы узнаем, что «эллинское побережье» было территорией вдоль берегов Дельты, которой владело множество греческих городов — своего рода колониальный анклав, с эллинскими храмовыми службами, разрешенными Амазисом, долгое царствование которого предшествовало персидской оккупации страны. Геродот писал (II, 178):

«Амазис был участлив к грекам, и среди других милостей, которые он им жаловал, дал разрешение на основание в Египте города Навкратиса для их поселения. Тем, кто желал только торговать на побережье и не хотел обрести приют в этой стране, он предоставил земли, где они могли бы возводить алтари и храмы в честь своих богов. Из этих храмов величайший и самый знаменитый, который также больше всего посещали, — это тот, который назывался Элениумом. Он был построен совместно ионийцами, дорийцами и эолийцами, и следующие города принимали участие в этой работе: ионийские государства Хиос, Теос, Фокея и Клазомены; Родос, Книд, Галикарнас и Фазелис у дорийцев и Митилена у эолийцев. Вот этим государствам принадлежит храм, и они имеют право назначать правителей этого порта. Другие города, которые претендуют на участие в строительстве, заявляют права на то, что ни в каком смысле им не принадлежит. Три народа, однако, освятили для себя отдельные храмы: эгейцы — Зевсу, самниты — Гере, а миласийцы — Аполлону».

«Эллинское побережье», упомянутое в могиле Псусенна, ведет свое начало от эпохи Амазиса, а поскольку Псусенн жил в четвертом веке до нашей эры, то вполне естественно обнаружить в его могиле обращение к богине Мут как «властительнице Двух Земель, хозяйке Эллинского побережья». Если Псусенн вместе с так называемой двадцать первой династией будет отодвинут на пять веков раньше Амазиса, то анахронизм ссылки на Эллинское побережье в Египте остается неразрешимой проблемой.

Таким образом, в комнате, скрывающей мумию Псусенна, зятя Херигора, имеется несколько указаний, и каждое из них в отдельности свидетельствует о том, что этот член военного княжеского семейства принадлежал времени, гораздо более близкому эпохе Птолемеев, чем одиннадца-

тый век. Написание им титула «царь» в манере, характерной для эпохи Птолемеев, и то, что он назвал побережье к западу от Дамиата Эллинским, подтверждают то же самое, что и использование им персидского титула в картуше.

Комната, находящаяся рядом с комнатой Псусенна, была открыта в тот же самый сезон, в ней также находился саркофаг, и его занимал «царь» Аменемоп. Из этого был сделан вывод, что он был потомком Псусенна, возможно, его внуком. Археологи обратили внимание, что место его погребения и убранство совсем не были похожи на царские. Все устройство этого погребения не соответствовало уровню царских могил восемнадцатой династии в районе Фив, но нищенский вид комнаты Аменемопа не мог не удивить археологов. Саркофаг прежде был занят Маутнедиemi, то ли матерью, то ли женой Псусенна¹. Ее тело было унесено, чтобы освободить комнату для этого самого Аменемопа. Ее имя переделали в имя этого царя, но сделано это было без должной тщательности.

В четвертой комнате был погребен сын Псусенна. В той комнате, которая была открыта в первый сезон и которая, как оказалось, не была занята, прежде покоился, как впоследствии выяснилось, какой-то однополчанин, а может быть, и родственник Псусенна. Его тело было унесено, чтобы освободить помещение для кого-то из потомков, но план этот не был выполнен до конца.

Совершенно очевидно, что все позднейшие перестановки в этой могиле и ее комнатах были делом рук Си-Амона: в вестибюле был найден скарабей с его именем².

Эта могила с вестибюлем и четырьмя комнатами намного меньше, чем царские могилы Фив: Псусенн скорее всего искал незаметное, но хорошо защищенное место, чтобы спрятать свои бранные останки, зная по собственному опыту, что его тело в будущем может подвергнуться той же участи, на которую он сам обрекал других.

¹ Монте в разных местах своей книги, посвященной могиле Псусенна, говорит о Маутнедиemi то как о матери Псусенна, то как о его жене, никак не объясняя этих разночтений.

² Montet, *Psousennès*, p. 186.

Последняя персидская оккупация Египта

Артаксеркс III самым своим характером и стилем государственной деятельности тяготел к реставрации империи в ее прежних границах. Когда Тахус (Рамзес IV) бежал к нему, он еще не был готов к покорению Египта, который освободился от рабства сорок лет назад, в начале царствования его отца (Артаксеркса II). Нектанеб II (Рамзес IV) царствовал при поддержке греческих наемников более десяти лет. Он строил и поддерживал храмы и приготовил для себя большую могилу, но когда Артаксеркс III двинулся на Египет и сломил оборону в Пелусии, Нектанеб не смог удержаться у власти: этот последний местный фараон бросил все — свой дворец, свою страну и свой народ — и бежал в Судан. С тех пор о нем ничего не было слышно, если не считать так называемых романов об Александре, сочиненных гораздо позже: это он, в качестве земного воплощения бога Амона, посетил Олимпию, жену царя Филиппа, в ее спальне, чтобы произвести Александра. В соответствии с другой версией божественного происхождения Александра, к Олимпии явился Амон-Зевс в облике питона¹.

В течение этого короткого периода — менее десяти лет — последней персидской оккупации Египта некто Петосирис, сановник или хранитель храма Тота в Гермополисе, приобрел известность своими познаниями. Он, вероятно, был тем самым Петосирисом, который, согласно Сервию, римскому автору четвертого века нашей эры, был од-

¹ Находясь в Судане, Нектанеб II пытался восстановить свою власть в Южном Египте (Диодор, XVI, 51); поэтому вполне возможно, что с приходом Александра Нектанеб II в качестве частного лица вернулся в Египет и там умер. См. также: Hermann Bengtson, *The Greeks and the Persians from the Sixth to the Fourth Centures* (New York, 1965), p. 351. (Тахус, который еще раньше бежал в Персию, не мог находиться среди репатриантов после победы Александра.)

ним из важнейших источников древнего знания катастрофических событий, вызванных «огромным шаром» огня, «кровавым заревом», связанных с кометой Тифона, которая нарушила границы верха и низа¹.

Легенда о невероятных природных катаклизмах древних времен, о которой узнали Пифагор и Соломон во время их путешествий в Египет (Соломон получил информацию от Сонхиса, жреца в Саисе), не представлялась чем-то из ряда вон выходящим в эпоху, непосредственно предшествующую кризису персидской империи. В могиле Рамзеса VI в Долине Царей близ Фив имеется астрономический потолок в традиции более ранних могил Сенмута — архитектора эпохи царицы Хатшепсут² и Сети, величайшего из царей девятнадцатой династии (эту тему мы оставляем для промежуточного тома). Эти потолки дают богатый материал для исследования расположения небесных светил в течение тех столетий, о которых шла речь в книге «Столкновения миров».

Для целей предпринятой нами реконструкции истории Египта в период персидского владычества весьма значим один отрывок из эпитафии на могиле Петосириса:

«Я провел семь лет как управитель этого бога Тотта...чужеземцы правили Египтом... Никакие работы не проводились (в храме), с тех пор как чужеземцы пришли и завоевали Египет»³.

Фраза о том, что персы, названные «чужеземцами», «пришли и завоевали Египет», в точности повторяет слова и выражения из одного папируса эпохи двадцать первой династии, точнее из письма Урмая, в котором мы узнали современника Камбиза, а кроме того, судебные отчеты с показаниями Ахотинофера, служащего храма, который говорил о «чужеземцах», захвативших храм и сместивших верховного жреца.

Порой документы персидского периода упоминают о «P-g-s», или Персии. И в одном документе, датированном

¹ См.: «Столкновения миров», раздел «Комета Тифона».

² «Столкновения миров», раздел «Перевернутые полюса».

³ G.Lefebvre, *Le Tombeau de Petosiris* (1924), I, 3f. Olmstead, *History of Persia* (Chicago, 1948), p. 441.

третьим Птолемеем (Канопский декрет), персы называются Pereset (P-r-s-tt), о чем говорилось выше: это упоминание о Pereset как о народе, который унес статуи богов из Египта в Персию (они были возвращены Птолемеем III и вновь установлены в храмах после падения Персидской империи), имеет такие последствия для пересмотра древней истории, которые трудно переоценить.

Иногда говорилось, что к падению Персидскую империю привел не Александр, а евнух и доверенное лицо царя Богоаз, который отравил Артаксеркса III (в 338 г. до н. э.), чтобы посадить на трон его сына, но вскоре, заметив в юноше дух независимости, отравил и его, положив таким образом конец династии Ахеменидов. Евнух разыскал дальнего родственника последнего царя и посадил его на трон как Дария III (336 г. до н. э.). Чтобы защитить собственную жизнь, Дарий незамедлительно отравил человека, который сделал его царем. Но его трехлетнее царствование не хватило, чтобы сплотить империю, установить собственную власть и добиться повиновения сатрапов. От ионийского берега Малой Азии до Туркестана в Центральной Азии, от реки Инд до нильских водопадов начала шататься эта империя: вся ее конструкция всегда воплощалась в персоне Великого Царя, а волна дворцовых убийств разорвала эту цепочку.

Без малого десятилетний период последней оккупации Египта Персией считался эпохой тридцать первой династии, а ее фараонами были Артаксеркс III и Дарий III.

Эпопея войны Александра с Дарием III, со знаменитыми битвами при Гранике (334 г. до н. э.) и Иссе (333 г. до н. э.), хорошо известна, и данная реконструкция истории ничего не может к ней добавить и не имеет нужды что-то в ней менять. Но с приходом Александра в Египет взору является одна из самых ценных находок этой реконструкции. Читатель должен помнить, что князь-жрец Менхеперре, сын Пенузема, который вскоре встретит царственного гостя в храме оракула Амона, жил, согласно традиционной исторической шкале, в одиннадцатом веке до нашей эры

ГЛАВА III

Александр

Александр перед оракулом Амона в оазисе

Осенью 332 г. до н. э. Александр пересек пустыню и вошел в Египет. Персидский сатрап, который не мог рассчитывать на поддержку египетского народа, не оказал никакого сопротивления. Население встретило Александра с восторгом. «Египетский народ радостно приветствовал его как освободителя от персидского ига»¹. Он посвятил себя Апису и принес царские жертвоприношения. Это означало, что он был коронован царем Египта, где «фараоны считались воплощением верховного бога»². Он устроил атлетические и литературные состязания, а также проявил уважение к обычаям Египта: все его религиозные службы должны были отправляться достойно.

Во время пребывания Александра в Египте к нему была доставлена большая группа пленных мятежников с Эгейских островов, и он сослал мятежников из Хиоса — Апполонида и его последователей — в Йеб в Южном Египте. Сначала Александр продвинулся на юг, затем он достиг западного устья Нила и приказал своим топографам спланировать большой город — будущую Александрию. Отсюда он совершил визит к оракулу Амона в оазис Сива, где был провозглашен сыном Амона (Зевса) и воплощением самого божества. Вернувшись из пустыни, он организовал управление страной, а потом, не имея возможности задерживаться по военным соображениям (в Тире он отказался от мира, предложенного Дарием), покинул Египет ранней весной 331 г. до н. э.

¹ U. Wilcken, *Alexander the Great* (London, 1932), p. 113.

² Ibid, p. 115.

Самое примечательное событие — посещение оракула Амона — описано многими авторами. Некоторые из них воспользовались несохранившимся отчетом Каллисфена, который сопровождал Александра во многих походах и любил хвастаться, что Александр стал знаменитым не из-за того, что он совершил, но из-за того, что о нем написал Каллисфен. Птолемей и Аристобул, а также другие современники Александра — их сочинения не сохранились — и Клитарх, правитель Александрии, который собирал материал от свидетелей подвигов Александра, служили источниками для греческих и римских авторов последующих веков, которые писали об Александре в Египте¹.

Египетские источники, как считается, молчат относительно посещения Александром оракула Амона в пустыне. Но Александр не принадлежал к числу постоянных гостей Египта, а оракул Амона был главной святыней для египетского народа в четвертом веке. Поэтому молчание по поводу паломничества Александра представляется загадочным.

Один из наиболее важных документов периода тридцать первой династии — это так называемая стела Изгнанников, или стела Мауниера, обнаруженная в Луксоре и ныне хранящаяся в Лувре. Эта стела очень плохо сохранилась («чрезвычайно трудна для прочтения»²). Ее текст посвящен оракулу Амона и жизни оазиса. Он был составлен верховным жрецом Амона Менхеперре, сыном Пенузема. Пенузем был одним из тех князей-жрецов, которые меняли повязки на царских мумиях.

В начале этого текста имеется дата: «Год 25, третий месяц третьего сезона, день 29». После нескольких разрушенных строчек следует: «Величие этого царственного божества (снова разрушенные строчки)... Тогда он обратился к писцам, землемерам³, народу». Верховный жрец назван

¹ Artian, *Anabasis of Alexander*, III; Diodorus; Plutarch.

² Breasted, *Ancient Records*, Vol. IV, Sec. 650, note.

³ Брестед переводит это как «инспекторы». Бругш переводит это предложение так: «*Da legte er den Weg zurück zu den Schreibern, den Vermessern und zu den Leuten*». H. Brugsch, *Reise nach der Grossen Oase* (1878), p. 86.

также на этой стеле «главнокомандующим армией» и именуется так: «Менхеперре, побеждающий, сын царя Пенузема-Мериамона... идущий по стопам его».

Текст далее гласит:

Стела Мауниера: Их сердца возрадовались, потому что он пожелал прийти на Юг с могуществом и победой, чтобы ублажить сердце этой страны и изгнать ее врагов.

Победитель, который изгнал врагов; был принят с радостью. В первый месяц третьего сезона произошло следующее:

Стела Мауниера: Он вошел в город с сердечной радостью; юноша из Фив встретил его, отдавая ему почести вместе с посольством. Величие этого царственного бога... поставило его (верховного жреца Амона) на трон его отца, как Верховного жреца Амона-Ре, царя богов.

Победоносный бог — или божественный победитель — даровал ему почести и подарки и утвердил его на этом посту.

В четвертый месяц третьего сезона, на пятый день празднества «Рождение Исиды», было так:

Стела Мауниера: Его Величество, этот царственный бог, бог богов, Амон-Ре, царь богов, появился (в процессии), подошел к большим залам дома Амона и остановился перед стеной ограды Амона. Верховный жрец Амона-Ре, царя богов, главнокомандующий армией, Менхеперре, исполненный радости, подошел к нему и воздал ему хвалы, повторяя их долго, много раз, и принес (для него) жертвоприношения, очень (каждое) обильные.

Современные ученые полагают, что в этой истории два действующих лица: верховный жрец и его бог-оракул. Эти ученые недоумевают по поводу происходящего: «Создается впечатление, что он долго отсутствовал в Фивах и ему необходимо заслужить признание божества; это, без сомнения, диктуется положением главы жреческого клана»¹.

¹ Petrie, *History of Egypt from the XIXth to the XXXth Dynasties*, Vol. III, p. 211.

«Его Величество», который прибыл на юг как победитель — это явно не Менхеперре, потому что в нем в этом же тексте говорится как о человеке, которому его величество предоставил пост верховного жреца.

После того как верховный жрец Амона восславил своего божественного гостя и принес жертвоприношения «ради него», он начал вопрошать оракула.

Стела Мауниера: *Тогда Верховный жрец Амона, Менхеперре, преисполненный радости, обратился к нему, говоря:*

«О мой славный бог, (когда) рассказать ли об этом деле?» И великий бог кивнул очень охотно¹.

Верховный жрец задал вопросы:

Стела Мауниера: *... об этих рабах, на которых ты разгневался, которые находятся в оазисе, куда они изгнаны. Тогда великий бог кивнул охотно, когда этот главнокомандующий (верховный жрец), подняв к небу руки, возносил хвалы своему властителю, как отец говорит с собственным сыном².*

Конец последнего предложения в высшей степени неожиданный. Жрецу следовало бы говорить с богом Амоном как сыну с отцом, а не как отцу с сыном. Тем не менее текст стелы гласит, что жрец говорил с богом, как отец говорит с сыном. Озадаченный переводчик этого текста заметил: «Инверсия в конструкции сравнения присутствует в оригинале»³.

Повторяя и уточняя свой вопрос, жрец в конце концов получает ответ, что ссыльные, находившиеся в оазисе, должны быть выдворены и что в дальнейшем сюда не следует ссылать новых изгнанников. Жрецу, очевидно, было важно убедиться, что эта воля божества понята и всеми замечена.

Стела Мауниера: *«О мой славный бог, ты изречеши великий закон от твоего имени, чтобы ни один народ земли не был сослан в этот отдаленный оазис... с этого дня». И тогда великий бог кивнул с готовностью...*

¹ Breasted, *Records*, Vol. IV, Sec. 655.

² Ibid.

³ Ibid., note.

«Это должно быть записано как закон на стеле и установлено в твоих городах».

Создание декретов и запись их на стелах — все это было прерогативой царей.

Второй вопрос, заданный жрецом оракулу Амона, в определенной степени касался убийц. Следует ли предавать их казни?

Стела Мауннера: Тогда Верховный жрец Амона, Менхеперре, подошел к великому богу, говоря: «Что касается любого, о ком тебе расскажут, как об убийце живого... ты будешь уничтожать его, ты убьешь его». И великий бог кивнул с готовностью.

Словосочетание «убийца живых» в вопросе, заданном верховным жрецом оракулу Амона, кажется странным, и его значение признано неясным. Оно вызвало затруднения у первого (Бругш) и у последнего (Брэстед) переводчиков и в конце концов вошло в тот отрывок, который только что цитировался.

Перед этим последним вопросом и ответом на него оракула в тексте есть предложение, которое, кажется, не связано с общим контекстом: «Когда я был в утробе, когда ты формировал меня в яйце...», как будто бог Амона был причастен к физическому созданию божественного властителя, когда тот был еще в утробе.

Стела содержит также просьбу о благословении или о пророчестве удачи и щедрости со стороны богов: «Сделай, чтобы я мог прожить счастливую жизнь...». Она сопровождалась вопросом: «Будут ли все свершения моим делом?»¹. Эта просьба удовлетворена, и оракул провозглашает: «Чистота и здоровье повсюду, где ты пребываешь».

В целом эта стела считается загадочной. «Об удивительной миссии жреца намеренно говорится столь туманным языком, что невозможно точно определить, в чем она состояла»². Но мы покажем, что этот текст вполне ясен.

¹ Brugsch's translation: «Wird mir aller Lohn zu Theil?» Brugsch, *Recueil de monuments égyptiens* (Leipzig, 1862–1885), I, 39ff., and his *Reise nach der Grossen Oase*.

² Breasted, *Ancient Records*, Vol. IV, Sec. 650.

Нельзя не заметить следующего обстоятельства: данный текст свидетельствует о том, что жрец просил, чтобы декрет, основанный на ответах оракула, был обнародован в городах Египта, и стела, обнаруженная в Луксоре (Фивах), указывает на то, что эта просьба была выполнена. Следовательно, оракул необязательно должен был быть оракулом Амона того самого места, где была найдена эта стела. Проблемы, связанные с оазисом, создают впечатление, что эта стела имеет отношение к оракулу Амона из оазиса. Но мы узнаем больше, если последуем за Александром в его знаменитом путешествии к оракулу Амона.

Он явился с севера как победитель и освободитель страны от персидских врагов, которых он изгнал; он устроил празднества в городах Египта и был с восторгом встречен местной молодежью. Он утвердил в должностях светских и религиозных правителей страны и «позволил местным губернаторам управлять на своих территориях, как они это делали и раньше»¹. «Из Мемфиса, поднявшись по реке, царь проник в глубь Египта»², а потом «он поплыл вниз по реке к морю» и «сам начертил план расположения города (Александрии)»³. Он направил туда местных землемеров, которые измерили это место, и «приказал им заняться этой работой, пока сам он отправится в храм Амона»⁴. Он совершил свое путешествие в оазис в сезон дождей, так как было сказано, что дождь поможет ему в пустыне.

Замок в центре оазиса был окружен тройной стеной. Квинт Курций Руф писал по этому поводу:

«Первая стена замыкала древний дворец их царей; за второй — размещались жены, дети и наложницы князя, здесь же находился оракул божества. За внешним окружением бастионов располагались царские вооруженные слуги и гвардейцы»⁵.

¹ Arrian, *Anabasis of Alexander*, III, 1.

² Quintus Curtius Rufus, *The History of the Life and Reign of Alexander the Great*, trans. P. Pratt (London, 1809), IV, VII.

³ Arrian, *Anabasis of Alexander*, III, 1.

⁴ Plutarch, *Lives*, «Alexander», trans. B. Perrin (Loeb Classical Library, 1919), XXVI.

⁵ Curtius Rufus, *The History of the Life and Reign of Alexander the Great*, IV, VII.

Это дает нам понять, что верховные жрецы оракула в оазисе претендовали на царские титулы. Геродот (II, 32), который в середине пятого века писал о северном оазисе, описывая Ливию и Египет, говорил, что в оазисе правил царь «из святилища оракула Амона».

Диодор Сицилийский несколько более детально описывал эту дворцовую стражу:

«За третьей стеной селились лучники и метатели дротика, а также те, кто составлял охрану князя, когда он выходил за пределы укреплений»¹.

Из этих описаний мы видим, что жрец оракула Амона в оазисе был князем, у которого была собственная армия, и это объясняет титулы, встречающиеся на стеле: князь, жрец, главнокомандующий.

Когда Александр и его стража прибыли к внешней стене, окружавшей замок, верховный жрец вышел и приветствовал царя. По словам Плутарха, это было так:

«Когда Александр прошел через пустыню и подошел к месту оракула, пророк Амона приветствовал его от имени бога, как от имени отца»².

Страбон, который цитировал Каллисфена, писал:

«Жрец позволил только царю войти в храм в обычной одежде, но все остальные переоделись... все слушали пророчества снаружи, кроме Александра, который находился внутри»³.

Леетный прием, который оказал Александру жрец в момент встречи у стены, отмечен несколькими авторами: так, Курций Руф говорит о «полном низкопоклонстве» жреца перед Александром. Стела гласит:

Стела Мауннера: Его Величество, этот царственный бог, бог богов, Амон-Ре, царь богов, появился (в процессии), подошел к большим залам дома Амона и остановился перед стеной ограды Амона. Верховный жрец Амона-Ре, царя богов, главнокомандующий армией, Менхеперре, исполненный радости, подошел к нему и воздал

¹ Diodorus, *The Historical Library*, XVII, 5.

² Plutarch, *Lives*, «Alexander», XXVII.

³ Strabo, *The Geography*, XVII, I, 43.

ему хвалы, повторяя их долго, много раз, и принес (для него) жертвоприношения, очень (каждое) обильные¹.

О жертвоприношениях упоминается у Плутарха: «Александр принес великолепные жертвоприношения этому богу». Все авторы, которые описывали этот визит, говорили о том, как этот жрец обращался к Александру. Диодор говорит:

«Когда Александр был введен жрецами в храм и увидел божество, один из старых пророков обратился к нему и сказал: «Да хранит тебя бог, сын мой, и этот титул придет к тебе от самого бога».

Александр ответил: «Отныне я буду называться твоим сыном».

Теперь мы видим, что слова на стеле «как отец говорит со своим собственным сыном» не являются «инверсией сравнительного оборота».

Курций Руф также писал (IV, VII):

«Как только царь приблизился, главный жрец приветствовал его, назвав «сыном» и заявив, «что его отец, Юпитер (Амон), даровал ему этот титул».

Это употребление слова «сын» применительно к Александру жрецом Амона, что подчеркивалось Диодором, Плутархом и Курцием Руфом, имеет особое значение из-за своей непривычности, а также потому, что проясняет и уточняет в ином случае абсурдную фразу, написанную на стеле.

Способ, каким этот оракул отвечал на вопросы, имел свои особенности. На этой стеле постоянно повторяется: «Великий бог кивнул с большой готовностью». Диодор говорит то же самое об оракуле Амона, которого посетил Александр: «Этот бог направлял их кивком своей головы». Страбон тоже подчеркивал эту особенность:

«Ответы оракула давались не словами, как в Дельфах и у Бранхидов, но большей частью кивками и знаками, как у Гомера:

«Рек и во знаменье черными Зевс помавает бровями», причем прорицатель принимал на себя роль Зевса. Однако прорицатель в точных выражениях сказал царю, что Александр — сын Зевса».

¹ Breasted, *Ancient Records*, Vol. IV, Sec. 654.

Это еще одно объяснение того, почему жрец обращался к своему идолу и к Александру одинаково (называя обоих богом Амоном): Александр был провозглашен воплощением самого бога Амона (Зевса). Более того, ему назначили быть физическим сыном Амона. Слова на стеле, говорящие о божественном победителе, которого Амон сформировал в яйце, приобретают особый смысл.

Александр «не только позволил называть себя сыном Юпитера, но потребовал этого». «Когда удача заставляет людей полностью ей довериться, она обычно делает их более жаждущими славы, чем способными ей противостоять»¹.

Из большого папируса Харриса, который датируется царствованием Рамзеса III или IV, известно, что изгнанники обычно посылались в южный оазис, чтобы выполнять подневольную работу в садах, принадлежащих храму. С древности до христианских времен южный оазис был местом депортации нарушителей закона. Прежде чем Александр явился в оазис к оракулу Амона, он отослал некоторых своих врагов, доставленных к нему из Хиоса, в Хеб, ошибочно названный греками как Иеб, являвшийся на самом деле Элефантином на Ниле. А Хеб был названием южного оазиса².

Жрец оракула Амона очень хотел, чтобы царь приказал не посылать больше изгнанников в этот оазис.

Согласно Диодору, вопрос, который интересовал Александра, состоял в следующем:

«Совершу ли я правосудие по отношению ко всем убийцам моего отца или кто-то ускользнет?» На что оракул изрек: «Выражайся точнее, ибо не смертный мог убить твоего отца, но все убийцы Филиппа уже понесли наказание»³.

¹ Curtius Rufus, *The History of the Life and Reign of Alexander the Great*, IV, Chap. vii.

² «Der Name des Temples, oder vielmehr der Örtlichkeit, dessen Cultusmittelpunkt er bildete, wird unzählige Male in den Texten genannt: er lautele Heb oder Iib». Brugsch, *Reise nach der Grossen Oase*, pp. 19 and 25 ff. Cf. also the chapter «The Great Oasis as a Place of Exile in Antiquity», *ibid.*, p. 83.

³ Diodorus, *The Historical Library*, XVII, 5.

Курций Руф рассказывает об этом так:

«Царь продолжал спрашивать, все ли, замыслившие смерть его отца, были наказаны. Ответ был таков, что ничье преступление не могло нанести вред его отцу, но что все убийцы Филиппа понесли наказание».

Сходна с этим и версия Плутарха («Александр», XXVII):

«...Жрец Амона, обратившись к Александру, сказал ему, что бог Амон приветствует его как своего сына. Царь спросил, не избег ли наказания кто-либо из убийц его отца. Но жрец запретил Александру кощунствовать и сказал, что отец его не из числа смертных. Тогда царь изменил форму вопроса и осведомился, все ли убийцы Филиппа понесли наказание... Бог ответил... что Филипп отомщен полностью».

Так мы приходим к реальному значению неудачно переведенного предложения на стеле о наказании убийц. Вопрос о том, должны ли быть наказаны убийцы, не имеет смысла. Даже без оракула всякий знает, что должны. В действительности же вопрос состоит в том, были ли наказаны все убийцы отца Александра, и ответ был таков: никто из убийц (Филиппа) не избег наказания.

Иероглифы на стеле, где слова «убийца» и «живой» были обнаружены в одном предложении, говорили не об «убийце живого», но о том, находился ли еще кто-нибудь из убийц в живых. И ответ заключался не в том, что «ты уничтожишь его, ты убьешь его», а в том, что «тебе удалось уничтожить его, убить его».

Александр также спросил, будет ли ему сопутствовать удача и даст ли ему бог во владения весь мир (или, по словам Плутарха, «будет ли ему дано стать властителем и хозяином всего человечества?»). На это жрец ответил, что «бог непременно дарует ему то, что он желает», и что «его поразительные успехи и славные свершения являются свидетельствами его божественного происхождения» (Дюдор). Мы помним слова на стеле: «Сделай, чтобы я мог прожить счастливую жизнь...» и «Будут ли все свершения моим уделом?»

Александр «принес много богатых и пышных даров оракулу»¹ и дал жрецу «много денег»², или, говоря словами

¹ Ibid.

² Plutarch, Lives, «Alexander», XXVII, 4.

стелы, «его величество предоставил ему множество удивительных милостей».

Двадцать пятый год, царская дата стелы, — это дата, связанная с Александром. Он родился в 356 г. до н. э. Во время визита в Египет, длившегося с поздней осени 332 г. до весны 331 г., ему было двадцать пять лет. Царские годы Александра должны были начинаться с его рождения, так как он был провозглашен оракулом сыном бога, а не простым смертным.

Двадцать пятый год, обозначенный на стеле; появление победителя, который двинулся на юг и освободил страну, изгнав ее врагов; восторг местного населения; чествования и праздники; утверждение в ранге жрецов; осмотр страны (с целью основания нового города); визит царя к оракулу Амона со всеми деталями (появление царя перед неприступными стенами, выход жреца с благословением и хвалебными речами, тот факт, что этот жрец был наследственным князем и командующим стрелками и метателями; его обращение к «его величеству царю» как к Амону и титул «сына», который он дал своему царственному гостю, а также заявление, что тот телесно создан богом еще в «яйце»; необычный способ ответов оракула с помощью кивков, вопросы о ссыльных и просьба о царском декрете; вопрос об убийцах и о том, избег ли кто-нибудь из них наказания, все еще оставаясь живым; дары жрецу и жертвоприношения божеству) — все это описано греческими и латинскими авторами, освещавшими историю посещения Александром оракула Амона в оазисе, а также самим жрецом этого оракула. К тому же порядок вопросов и ответов полностью совпадает на стеле Изгнанников и в греческих и в латинских биографиях Александра.

Эта стела датируется четвертым веком, точнее — ранней весной 331 г. до н. э.

Вновь так называемая двадцать первая династия предстает как династия князей оазисов, где они были назначены персами командовать пограничными пунктами на ливийском фронте. Стела князя-жреца Менхеперре, служившего оракулу Амона в оазисе Сива, описывает посещение Александром этого самого места. Отчеты греческих авторов соответствуют рассказу князя-жреца в мельчайших деталях.

Часто говорилось, что не существует никаких египетских источников о посещении Александром оракула Зевса-Амона в этом оазисе¹. Но это не так: стела Изгнанников является именно таким источником.

Говорилось также, что мы никогда не узнаем, какой ответ получил Александр от оракула в оазисе, кроме того, что было сообщено теми, кто его сопровождал, но не находился в храме в момент явления оракула. Они сказали, что он обещал раскрыть тайну своей матери после возвращения в Македонию. Александр «в письме к своей матери говорит, что он получил некие тайные ответы, о которых он скажет ей и только ей одной» (Плутарх), но он так и не вернулся домой. «Какие вопросы он (Александр) задавал оракулу, какие ответы он получал — это проблемы, которые обсуждаются историками до сих пор и которые никогда не будут разрешены, потому что Александр держал это в тайне. Он написал своей матери, говоря ей, что сообщит свою тайну только ей после возвращения; но поскольку он не вернулся в Македонию, она умерла вместе с ним»². Это сожаление по поводу нашего неведения пророчеств, данных оракулом и отказ даже от попытки узнать о том, что произошло между жрецом и царем, совершенно неоправданны, поскольку теперь мы располагаем ответами на вопросы Александра, высеченными на камне стелы Изгнанников, воздвигнутой жрецом — еще одним человеком, принимавшим участие в этом знаменитом, но тайном сеансе.

Посетил ли Александр египетские Фивы?

Александр пробыл в Египте с осени 332 г. до н. э. до весны 331 г. О его деятельности в Египте, об основании им Александрии и о его поездке в оазис

¹ J. Grafton Milne, «Alexander at the Oasis of Ammon» in *Miscellanea Gregoriana* (Vatican, 1941), p. 148.

² Harold Idris Bell, *Egypt from Alexander the Great to the Arab Conquest* (Oxford, 1948), p. 30.

Сива известно лучше всего, потому что все это описано его более поздними греческими и латинскими биографами. Они, однако, черпали материал из несохранившихся текстов соратников Александра в его завоевательных походах в Азию и Африку, в Египет. Клитарх, правивший Александрией вскоре после ее основания, собрал письменную и устную информацию об Александре, чтобы составить его биографию. Его труд известен главным образом из цитат и ссылок в работах более поздних авторов.

Проблема, которую мы теперь собираемся поднять, не столь уж велика: посещал ли Александр Фивы, столицу Верхнего Египта? В описаниях его пребывания в Египте, имеющихся в его более поздних биографиях, такая информация отсутствует, и создается впечатление, что он ограничил свой маршрут Дельтой, или Нижним Египтом, поскольку упомянуты старая столица Мемфис, место будущей Александрии и дорога через пустыню в северный оазис. Что касается этого путешествия, свидетельства Птолемея и Каллисфена противоречат друг другу: в то время как один утверждает, что Александр вернулся тем же путем, каким пришел, то есть вдоль побережья, а потом на юг, другой сообщает, что обратный путь проходил по сухопутной дороге внутри страны. Курций Руф, один из более поздних авторов, обронил фразу, которую я уже цитировал на предшествующих страницах: «Из Мемфиса, спустившись по реке, царь направился в глубь Египта». Но ближе к концу своего повествования тот же автор заявляет: «Александр испытывал сильное желание... посетить внутренние районы Египта и даже Эфиопию. Знаменитый дворец Мемнона и Тифона привлекали его, жаждущего познать древности, почти так же, как Тропик Рака. Но приближавшаяся война ... не оставляла времени».

Под дворцом Мемнона Курций Руф скорее всего имел в виду храм Луксора, построенный Аменхотепом III, поскольку его колоссальные сидящие статуи на западной равнине Фив, на противоположном от Луксора берегу Нила, были известны в греческом мире как воплощение легендарного Мемнона¹. Таким образом, Курций Руф, как кажется,

¹ См. мою книгу «Эдип и Эхнатон».

считал, что Александр проник в глубь Египта, поднявшись вверх по реке, но не далее Асвана, вблизи Тропика Рака, не до самих Фив.

Натура Александра, человека любознательного, пытливого, а также тщеславного, вряд ли удержала бы его от посещения храмов древней столицы, известной ему после чтения Гомера: Ахилл, любимый герой Александра, говорит о неисчислимых богатствах стовратных Фив, где у каждого ворот стояло по двести колесниц. Для греков это был самый великолепный город мира. Даже ныне Фивы ежегодно привлекают множество туристов. Как сын бога Амона, Александр должен был испытывать сильное желание посетить величественный храм Амона в Карнаке — восточных Фивах: он не пощадил себя, когда предпринял утомительную поездку по пустыне в Сиву, тяжелое многодневное путешествие, а удобная ладья могла доставить его в Фивы довольно быстро. Он провел полгода, странствуя по Египту, и стремление сэкономить время не могло бы удержать его от того, чтобы подняться вверх по реке до Фив. Разумно также предположить, что, дабы быть коронованным царем Верхнего и Нижнего Египта — титул, который он себе присвоил, — ему следовало бы появиться на церемонии не только в Мемфисе, но и в Фивах.

В храмах Амона в Луксоре и Карнаке Александр построил, в соответствии с обетом, специальные комнаты, и в них сохранились барельефы с изображением Александра, которые до сих пор показывают туристам. Эти комнаты являются весомым аргументом в пользу предположения, что Александр посетил Фивы и был посвящен здесь Амону — верховному божеству египетского пантеона.

Тот же самый вывод можно сделать на основании стелы Изгнанников (стелы Мауниера). «Их сердца возрадовались, потому что (его Величество) пожелал явиться на Юг с полной мощью и победой, чтобы успокоить сердце этой земли и изгнать ее врагов...» Слова о «Юге» вполне могут означать, что царь прибыл в Египет с севера: он шел из Македонии через Анатолию, Сирию и Палестину. Но в следующем фрагменте мы читаем: «Он прибыл в этот город с радостным сердцем; фиванский юноша встретил его с поздравлениями, во главе посольства». Следующая фраза

на этой поврежденной стеле говорит о назначении его величеством Менхеперре «на трон его отца как верховного жреца Амона-Ре, царя богов, командующего армиями Юга и Севера». Совершенно натянутым выглядело бы предположение о том, что все это «празднество» было устроено для верховного жреца, который прибыл в Фивы после своего назначения, а не для «его величества», который назначил его или утвердил его на наследственном посту.

Надпись, содержащая обет Александра, в храме Амона в Карнаке заслуживает особого непредвзятого внимания археологов. Тутмос III был известен своим царским прозвищем Менхеперре. Таким же, как мы выяснили, было имя князя-жреца, который принимал Александра в оазисе. Следовательно, было бы полезно повторно исследовать сохранившиеся части надписи, чтобы решить, правильным ли является прочтение: «Александр по обету построил комнату для Тутмоса III». Так быть могло, поскольку Тутмос III был величайшим полководцем египетской истории, жившим и воевавшим за шесть веков до Александра¹. Но не могло ли случиться так, что имя Менхеперре относится к верховному жрецу и что сам Менхеперре был одним из тех, кто позаботился, чтобы имя или изображение Александра было высечено в Карнаке в определенной связи с его собственным именем? Сын Менхеперре, как мы увидим, составил длинную надпись по самому ничтожному поводу и запечатлел ее на стенах Карнака. Разве могло бы гораздо более важное событие остаться никак не обозначенным его отцом? Стела Изгнанников была найдена именно в Луксоре — еще одном храмовом комплексе Фив. И остаются сильные сомнения в том, что часовня, построенная Александром, посвящалась, как обычно считали, знаменитому древнему фараону.

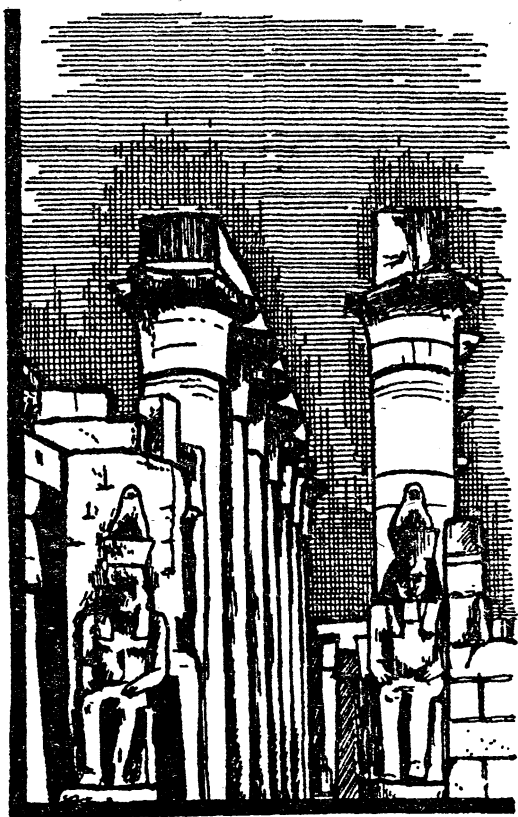
«Оракул Амона в Сиве был «филиалом» оракула Фив»². Это также объясняет, почему Менхеперре вынужден был действовать и в том и в другом месте. Или до своего паломничества в оазис или после возвращения из него Александр посетил Фивы.

¹ «Века в хаосе», I.

² Fakhri, Siwa Oasis, p. 42.

ГЛАВА IV

Си-Амон

8. Народы моря

Пенузем II

Когда Александр после своих походов в Центральную Азию и в долину Инда лежал на смертном одре в Вавилоне, его спросили, каковы его последние желания. Он попросил только об одном — быть погребенным в оазисе Сива, где восемь лет назад он услышал, как оракул провозгласил его сыном бога. Кортёж доставил тело Александра в Египет, но Птолемей был против того, чтобы отдавать тело жрецам оазиса, и выбрал для него могилу в Александрии. Она так никогда и не была найдена. В Сидоне был найден мраморный саркофаг невероятной красоты. Он был украшен изображениями войны и охоты. Теперь он находится в музее Стамбула и известен как саркофаг Александра, но, кроме его великолепия, ни надпись, ни какое-либо другое свидетельство не подтверждают этого вывода.

Когда империя, созданная Александром, после его смерти развалилась, Птолемей, сын Лага, который сопровождал Александра в его победоносных походах вплоть до Индии, приберег Египет для себя и сражался на суше и на море за расширение своих наследственных владений. Некоторые формальные знаки лояльности были оказаны Филиппу Арридею, полоумному сводному брату Александра, а после его смерти — мальчику Александру, сыну царя от Роксаны, родившемуся после его смерти, пока и она и ее сын не были убиты (в 310 г. до н. э.). Только после этого Птолемей объявил себя царем Египта и Палестины и стал основателем династии, которая просуществовала (в Египте) почти триста лет и угасла с Клеопатрой в 30 г. до н. э.

Менхеперре, сын Пенузема, который принимал Александра в оазисе, был смнен на своем посту верховного

жреца сыном, Пенуземом, названным в честь деда. От него осталось несколько надписей (одна из них довольно пространная), выбитых на стене храма Амона в Карнаке. Пенузем II изображается как верховный жрец, или как пророк, но не как царь. И он никогда не говорил о своем покойном отце, Менхеперре, как о царе или как о последнем царе. Пенузем датирует свои надписи 2, 3, 5 и 6 годами царствования какого-то царя, который не назван. «Хотелось бы установить личность этого неназванного царя», — писал Невилл¹. В качестве сына и преемника Менхеперре, Пенузем должен был жить и действовать в эпоху Птолемея I. Годы 2, 3, 5 и 6 тогда следует считать годами царствования Птолемея I, хотя они могли относиться к тому времени, когда Птолемей, после смерти Александра, осуществляя фактически верховную власть в Египте, еще не провозгласил себя царем². Мы считаем, что Пенузем II исполнял обязанности пророка Амона в последние два десятилетия перед 300 г.

В пространной надписи Карнака Пенузем обращается к «великому богу», который, как заметил Невилл, выполняет роль «царя». Как и на стеле Изгнанников, «великий бог» назначает писцов, инспекторов и надсмотрщиков. Некоторые из них совершили мошеннические поступки. Пенузем спрашивает оракула Амона, виновен ли некий Тутмос, сын Сау-Амона и храмовый служащий, в присвоении части имущества храма. Оракул отвечает яростным движением бровей, как на стеле Изгнанников. Длинный текст просит о реабилитации подозреваемого. Насколько верным был приговор оракула, мы не знаем, но то, что на древних стенах храма Карнака было высечено такое пространное изложение столь ничтожного дела, само по себе свидетельствует об упадке.

Было установлено, что у Пенузема II был сын Псусенн. Этот Псусенн II иногда считается последним «ца-

¹ E. Naville, *Inscription historique de Pinodjem III* (Paris, 1883). In more recent publications, this Peinuzem is referred to as II.

² H. Gauthier, *Le Livre des rois d'Égypte*, V (1917), 213: «*La chronologie de Ptolémée I-er nous offre, du reste, une curieuse particularité, en ce qu'elle fait usage d'un double mode de datation*».

рем» двадцать первой династии. Не существует надписи, которая со всей определенностью была бы приписана ему или касалась его. Кроме того, установлено, что у Псусенна была дочь, по имени Макаре. На каком основании сделаны такие выводы? Чтобы установить связь между династией, которая проходит под названием двадцать первой, и ливийской династией, считающейся двадцать второй, которая правила в восьмом-девятом веках.

Статуэтка нильского бога, дар во имя обета какого-то паломника, не смогла бы привлечь особого внимания археологов. Но была обнаружена одна из таких статуэток с надписью. И когда эта надпись была прочтена, выяснилось, что она является посвящением верховного жреца Мериамуна-Сосенка, который называет себя сыном царя Осоркона, и его жены Макаре, дочери царя Песибкенно (Псусенна). Было высказано предположение, что обнаружена связь между двумя династиями — угасающей и поднимающейся¹. Был также сделан вывод, что верховный жрец Сосенк позже взшел на престол как царь Сосенк, хотя в монументальных надписях этот Сосенк считается предшественником, а не следующим за Осорконом.

Не имеется никаких точных сведений о том, что у Пенузема II был сын Псусенн (II), нет и никаких доказательств того, что, даже если таковой отпрыск в династии жрецов и существовал, он имел дочь Макаре. Но предположение о том, что Псусенн II следовал за Пенуземом II, что он имел дочь Макаре и что, наконец, она вышла замуж за Осоркона I и родила сына Сосенка, ведет к путанице, в которой потомки меняются ролями и эпохами с предками. Считалось, что таким образом удалось установить порядок династий. В действительности же это единственная цепочка, связывающая ливийскую и последовавшую за ней эфиопскую династии с династией князей-жрецов, которая, как мы знаем, достигла расцвета при персах и существовала еще при первых Птолемах. Поскольку Пенузем II исполнял обязанности при Птолемеи I, его сын не мог быть тестем монарха, который царствовал более шестисот лет назад.

¹ Breasted, *Ancient Records*, Vol. IV, Secs. 738—740.

Си-Амон

Мы подошли к последней фигуре в этом исследовании, посвященном реконструкции древней истории. В наше время в ходе многообразных попыток установить порядок царей и жрецов двадцать первой династии в конце перечня царей неизменно оказывался царь Си-Амон¹.

Это Си-Амон закрыл и опечатал царский тайник в Деир-эль-Бахри, но лишь после того, как разместил среди мумий древних фараонов останки Пенузема II, который сам перебинтовывал некоторые мумии древних царей. Это, вероятно, Си-Амон заменил останки жены Пусенна мумией «царя» Аменемопы в могиле при храме Таниса. Скарабей из зеленого камня с именем Си-Амона был найден в вестибюле этой могилы, а «это равняется подписи» (Монте).

Пенузем II, сын Менхеперре, царствовал при Птолемеи I (Сотере), и Си-Амон, должно быть, жил при том же самом царе или, что более вероятно, при его преемнике Птолемеи II Филадельфе (285—246 гг. до н. э.). В то время как Птолемей I был царем-воином, его младший сын, которому он завещал трон за два года до своей смерти, был любителем роскоши и поклонником эллинской культуры. Филадельф женился на собственной сестре, следуя в этом отношении обычаю египетских царей, но при этом его отталкивала мистическая атмосфера национальных религиозных культов, и жизнерадостный культ Сераписа во многом сменил древние культы Амона, Птаха и других божеств. Библиотека Александрии, основанная Птолемеи I, стала при Птолемеи II огромным просветительским центром. Александрия, ставшая теперь столицей Египта, затмила Саис, Мемфис и другие города Дельты. Птолемей II был покровителем искусств.

¹ J. Černý, *Cambridge Ancient History*, Vol. II, Chap. XXXV. E. F. Wente, *Journal of Near Eastern Studies*, XXVI, 3 (July 1967). Eric Young, *Journal of the American Research Center in Egypt*, II (1963), 99 ff.

Живя при Птолемах, Си-Амон должен был засвидетельствовать смену декораций. Египетская культура, хотя и самобытная, испытала влияние вторжения гиксосов, ливийского, эфиопского, ассирийского и персидского владычества, а теперь восприняла дух и стиль, который даже не являлся восточным. Если в прежние времена в Египте селились греческие наемники, сюда приезжали купцы, а философы, начиная с Солона, Пифагора, Геродота и Платона, ехали туда за знаниями, то теперь новый поток двинулся из Эллады в Египет, вызвав перемены не только в стиле жизни, но и в самой системе знаний. Особенно это коснулось Александрии, которой суждено было скоро стать культурной столицей мира, заменив собой Афины. Это была не чисто греческая культура на землях, завоеванных Александром. Македонское завоевание обусловило распространение так называемой эллинистической культуры, совершенно отличной от эллинской: это была амальгама эллинизма и восточных культур. Если же, однако, существовало место на всей территории, заведенной Александром своим соратникам, унаследовавшее сам дух Афин, то это была Александрия.

Египетские жрецы продолжали пребывать под покровительством царей. Были построены храмы в Ком Омбо, в Эснехе и в других местах, в архитектурном отношении не отличающиеся от храмов двадцатой династии. Эти храмы и их жречество получали большие доходы от своих феодалов, от царских щедрот и от подношений мвярян. Но древние ритуалы были подвержены влиянию духа эллинизма, и новое божество, Серапис, скоро стало верховным.

Хотя в оазисах существовало больше возможностей для сохранения освященных временем верований и предрассудков, эллинизм пронесся очистительной бурей и над пустыней. Культурные перемены в Дельте в определенной степени можно было бы сравнить с теми переменами, которые принес век Просвещения в Европу восемнадцатого века. Но при Птолемах ощущался также и дух Версаля семнадцатого века, определенная индифферентность к религии, несмотря на преобладание представителей духовенства в политической и культурной жизни. Придворный мир был «величествен и распутен, интеллектуален и искусственен».

Чтобы украсить Александрию, Птолеми заказали несколько обелисков, которые должны были быть переве-

зены и установлены в общественных местах. Два из них стоят и в наши дни: один на набережной Темзы в Лондоне, другой в Центральном парке в Нью-Йорке. Они были воздвигнуты Октавианом Августом перед приходом Цезаря в Александрию. Но неизвестно, когда они были привезены в Александрию из Гелиополиса, к северу от Мемфиса, где они первоначально были установлены Тутмосом III из восемнадцатой династии. Предполагалось, что перевез их Октавиан Август, но это ничем не подтверждено.

Вполне вероятно, что перевозка обелисков из Гелиополиса (у египтян — Он) требовала разрешения жрецов. Тексты на них датируются временем Тутмоса III, но ближе к основанию имеются иероглифы с именем Си-Амона, дописанные в более позднее время¹. Если эти строчки, не очень хорошо сохранившиеся, были добавлены во время перевозки, тогда они, вероятно, свидетельствуют, что именно он, Си-Амон, дал разрешение на эту акцию.

Известно и множество других примеров, когда Си-Амон оставлял свое имя или подпись на предметах, найденных в Мемфисе, Танисе и некоторых других местах Верхнего Египта. Он был чрезвычайно активен в своих усилиях сохранять и реставрировать храмы и памятники прошлых столетий. Он также считал своим долгом сохранять жалкие остатки пышных царских погребений великих фараонов, а также погребения членов своего собственного клана.

Превратив могилы двух древних и малоизвестных царей в хранилище мумий великих царей, верховных жрецов и представителей не столь высокой иерархии, Си-Амон придал этим местам вид столь неприметный, что на протяжении всего периода греческого, римского, византийского, арабского, мамелюкского и турецкого владычества, вплоть до конца девятнадцатого века, эти могилы оставались неизвестными. Он не выдал этих хранилищ возведением монументов. Скорее всего погребальные приготовления, доставка и перенос гробов совершались под покровом темноты.

После шестого века ни одна могила, в особенности принадлежащая известному представителю военной или жреческой касты, не была защищена от ограбления. Даже

¹ Maspero, *Les Momies royales*, p. 674; K.A. Wiedeman, *Aegyptische Geschichte* (1884—1888), p. 532.

если при Птолемах стало больше порядка, надзора и безопасности, чем раньше, для Си-Амона, наследника династии военных князей и жрецов, вполне естественным было желание построить для самого себя могилу по собственному плану, выбрать место в оазисе Сива, под сенью храма оракула Зевса-Амона, в святой земле, и мы последуем за ним туда. Александр мечтал быть похороненным здесь, но так и не смог это осуществить.

В этом оазисе, в стороне от холма, который называется Габал-эль-Мота, имеется несколько могил, которые ныне остаются открытыми. Одна из них была построена для Нипер-па-Тота, представленного в кратком тексте на стене как «пророк Осириса, писец божественных книг, жрец». Его также восхваляли как «величайшего человека города», «последователя своего бога» и «превосходного человека». Бог Амон не упоминался, и создается впечатление, что Нипер-па-Тот, пророк Осириса, благочестивый человек, избрал оазис как святую и чистую землю в противовес Абидосу или Серапиуму в Мемфисе, который издавна был связан с культом Осириса, а теперь стал культурным центром Сераписа.

«Дэресси датировал ее (могилу Нипер-па-Тота) эпохой двадцатой династии, когда он впервые исследовал ее план, но потом предпочел более позднюю дату, считая, что она относится ко времени Александра Великого»¹. Это, очевидно, перенос на восемьсот лет по отношению к дате, основанной на общепринятой хронологии.

На северо-западной стороне холма находится могила Си-Амона, которая была найдена в ноябре 1940 года. «Эта могила, бесспорно, лучшая из тех, которые когда-либо находили в Западной пустыне, и может соперничать с любой из могил этого периода в Нильской долине»².

«Когда эта могила была найдена, это чрезвычайно взволновало жителей Сивы, все отправились взглянуть на нее, и были предложены самые фантастические объяснения сцен (изображенных на стенах)... Некоторые жители даже заявили, что в иероглифических текстах можно прочесть предсказания катастрофы, которая на них обрушилась (т. е. о второй мировой войне). Один из магов утверждал,

¹ Fakhri, Siwa Oasis, p. 127.

² Ibid., p. 132.

что по числу звезд на потолке он может вычислить, когда наступит Судный День для человечества».

Вскоре после того, как она была найдена, эта могила стала жилищем одной большой семьи с домашним скотом, овцами и курами. Они готовили там пищу и выпекали хлеб, и поэтому «многие участки расписанных стен покрылись сажей или утратили свою яркость...» Но еще страшнее было то, что «многие фрагменты росписей были разбиты солдатами, находившимися в Сиве (во время второй мировой войны), которые приходили взглянуть на вновь открытые памятники». Могила, которая сохранялась с начала христианской эры, подверглась быстрому разрушению. «Человек, который жил в этой могиле, позволял каждому посетителю входить в нее и делать что ему заблагорассудится, рассчитывая на вознаграждение»¹.

Это погребение состоит из вестибюля примерно в тридцать футов длиной и восемь футов шириной и из недостроенного могильного помещения около десяти футов длиной и пяти футов шириной. Как постоянно повторялось в иероглифических текстах, расположенных рядом с раскрашенным изображением владельца могилы, она была построена Си-Амоном и именно для него. Стены и потолок вестибюля украшены цветными росписями, причем некоторые из них были весьма изысканными, например, фреска, изображающая богиню Нут рядом с цветущим деревом: она сама предлагает пищу, воду и благовония владельцу могилы. На другой фреске Си-Амон поклоняется Исис, которую сопровождает птица Бену. Есть еще изображение грифа, распростершего свои крылья над Си-Амоном.

Ни на одном из сохранившихся изображений у Си-Амона над бровью нет урея, или кобры — знака царской власти, но гриф с распростертыми над ним крыльями — это царский знак. В надписях, которые еще сохранились, — многие из них неудобочитаемы — его имя не окружено картушем. Но фриз вдоль стен сделан из незаполненных картушей — украшение, довольно необычное для могилы частного лица. Человек, даже богатый или прославившийся общественной деятельностью, не стал бы украшать свою погребальную комнату множеством карту-

¹ Ibid.

шей — знаками царского достоинства. Эти картуши расположены группами, по два голубых и два желтых.

Потолок вестибюля украшен царскими символами: ястребы и грифы с распростертыми крыльями и царскими эмблемами, которые они держат в когтях. Будучи настолько склонен заявлять о своем царском статусе, почему же тогда Си-Амон не обрамлял свое имя картушами и не изобразил над своей бровью урея ни на одном из портретов?

Ответ найти нетрудно. При Птолемах, и особенно при Птолемеях II, для любого, кроме самих Птолемеях, было бы тяжким государственным преступлением претендовать на царские титулы. Си-Амон сделал максимально возможное: он украсил царскими символами стены и потолок, но не стал приказывать художнику добавить к этому компрометирующие претензии на царский титул, а таким образом и на трон. Уже Пенузем, сын Менхеперре, не осмеливался добавлять к имени своего отца и к своему собственному титул «царь»¹.

Не имея возможности писать рядом со своим именем и изображением «царь», Си-Амон предпочел не писать ничего. В то время как в другой могиле — Ни-пер-патота — на стенах были написаны должности, которые занимал покойный («пророк Осириса», «писец божественных текстов», «великий человек своего города», «жрец»), имя Си-Амона и его изображение остаются без всяких обозначений должностей, которые он занимал при жизни. Могила не была закончена и, возможно, должны были быть изображены овалы картушей, в которые позже было бы вписано имя покойного, в зависимости от изменения политической ситуации, но даже при этом внешне эта могила во многих отношениях похожа на царские могилы Долины царей близ Фив.

Говоря об этих деталях, мы еще ничего не сказали о двух манерах, в соответствии с которыми Си-Амон желал быть изображенным. В большинстве сцен он представлен в традиционном египетском облике, его лицо и голова выбриты. Но на некоторых росписях он изображен с копной черных волос и черной кудрявой бородой. Более того, на картине, где он представлен со своим младшим сыном, — он сидит, а мальчик стоит перед ним, на мальчике «короткий

¹ Cf. Černý, Gardiner.

плащ в греческом стиле». «У него черные кудрявые волосы, а на плечи накинут плащ в чисто греческом стиле» (Фахри).

Это не вызывает вопросов: могила Си-Амона датируется эллинистическим периодом египетской истории. Си-Амон, живший в эллинистическую эпоху, не мог избежать влияния преобладающего духа и моды.

В то время, когда умер Си-Амон, его погребальная комната еще не была достроена. Вскоре после его смерти в стенах вестибюля было вырублено несколько ниш и мумии размещались в них. Эти мумии были найдены Фахри и отнесены им к эпохе Птолемеев. Эта эпоха продолжалась до смерти Клеопатры в 30 г. до н. э.

Поскольку тридцать первая династия была ошибочно перенесена в одиннадцатый-десятый века и, по некоторым оценкам, годы правления Си-Амона располагаются между 969 и 950 гг. до н. э.¹, он был превращен в современника царя Соломона. Один известный египтолог, который написал главу «От смерти Рамзеса III до конца двадцать первой династии» для нового пересмотренного издания «Кембриджской древней истории», признал, что «неизвестно, какой именно царь из двадцать первой династии был настолько дружен с Соломоном, что послал в Иерусалим свою дочь, чтобы она стала одной из жен Соломона»². Отсюда следует предположение, что тестем Соломона мог оказаться Си-Амон, поскольку Соломон царствовал в первой половине десятого века.

Си-Амон жил и умер при Птолемах, семьсот лет спустя после Соломона. Он похоронил Пенузема II, сына Менхеперре. Менхеперре, как мы доказали, принимал Александра в храме оракула в оазисе в 331 г. до н. э. Таким образом, мы пришли к выводу, что Си-Амон жил при Птолемах.

Мы имеем также дополнительные и убедительные свидетельства в пользу того, что Си-Амон, хозяин могилы в оазисе, и Си-Амон, который опечатал в «году десятом» царский тайник в Деир-эль-Бахри, — это одно и то же лицо.

¹ Young, *Journal of the American Research Center in Egypt*, II (1963), 109.

² J. Černý, *Cambridge Ancient History*, Chap. XXXV, p. 656. G. Maspero hypothesized that Si-Amon could have been Solomon's father-in-law.

Войдя впервые в этот тайник, Э.Бругш поднял у входа в длинный коридор какой-то толстый свиток свернутой кожи¹. Должно быть, он был оставлен в могиле египетским жрецом, прежде чем тот ее опечатал. Когда его развернули, он оказался кожаным пологом для покрытия гроба во время погребальной церемонии Пенузема II. Украшенный цветными рисунками, он имел орнамент из розеток, попеременно желтых и красных, по восемь лепестков в каждой, окруженных четырехугольниками с вписанными в них грифами с раскинутыми крыльями и держащими в когтях пышные страусовые перья. Две боковые полосы полога украшены каймой, состоящей из ряда копий (концы копий обведены кругами), а под каймой — изображения животных (утки и антилопы, приготовленные для жертвоприношений). Каждая из антилоп размещена на клетчатой доске из маленьких зеленых и красных клеток, создающих ковер или мозаичный пол. Между изображениями животных вписаны картуши с именем Пенузема II.

Потолок в могиле Си-Амона в оазисе имеет весьма сходный рисунок: вновь изображены грифы с головами, увенчанными царским головным убором и с распростертыми крыльями (впережку с соколами в тех же самых позах): в своих клювах, как и на кожаном пологе, они держат плоские пластинки с раскинувшимися на них страусовыми перьями: эти перья, как и на пологе, изображены чередующимися темными и тремя яркими полосками. Головной убор, когти, перья, края крыльев (полуовальные снизу и выпрямляющиеся к верхнему краю) — все это представляет собой весьма сходные и своеобразные орнаменты, которые имеются также на пологе, использованном Си-Амоном при погребении Пенузема II. Как и на пологе, царские птицы изображены в цвете, одна над другой, в продолговатых четырехугольниках, также обрамленных розетками. Кайма из наконечников копий, обведенных кругами, и клетки в

¹ Maspero, *Les Momies royales de Dér el-Bahari*, pp. 584 ff.; Maspero and Brugsch, *La Trouvaille de Dér-el-Bahari* (Cairo, 1881), plate 17 (photograph); H.W.Villiers Stuart, *The Funeral Tent of an Egyptian Queen* (1882) (the canopy is reproduced as a large spread in colors); E.Brugsch, *La Tente funéraire de la Princesse Ismikheb*; Maspero, in *L'Archéologie égyptienne* (1887), fig. 264; idem. (1907), fig. 287.

стиле ковра дополняют необычное сходство дизайна и мотивов между пологом в тайнике, где Си-Амон оставил свою подпись на многих царских мумиях, и могилой, которую Си-Амон выстроил для самого себя.

Ахмед Фахри, который описал могилу Си-Амона в оазисе Сива, не связывал ее с князем Си-Амоном из двадцать первой династии, которую относят к первой половине десятого века. В данной могиле египтолог увидел бесспорное влияние греческого стиля — даже «элементы чисто греческого стиля». Не найдя в могиле рядом с именем Си-Амона никаких сведений о постах, которые тот занимал при жизни, Фахри решил, что Си-Амон не мог быть жрецом или государственным служащим. Поэтому им была предложена гипотеза, в соответствии с которой Си-Амон должен был быть греческим иммигрантом, который женился в Египте, принял египетскую веру, но не расстался с греческим стилем жизни и, разбогатев в качестве купца или землевладельца, построил себе величественную усыпальницу, равной которой нет в Западной пустыне.

С одной стороны, могила Си-Амона была построена и оформлена в эллинистический период египетской истории: греческий хитон на юном сыне Си-Амона и некоторые из его собственных портретов не допускают другой датировки. С другой стороны, полог, использовавшийся при погребении Пенузема II, был помещен в царский тайник в Деир-эль-Бахри Си-Амоном из так называемой двадцать первой династии. К тому же он оставил свою подпись на повязках мумии Пенузема II и опечатал этот тайник.

Росписи в могиле, находящейся в оазисе, и полог, найденный в тайнике, были изготовлены в одно и то же время и, возможно, одним и тем же художником, работавшим для Си-Амона. Если у нас нет других оснований для того, чтобы сдвинуть двадцать первую династию как можно ближе к нашему времени, то одно это доказательство перевесило бы любые другие аргументы, если бы таковые существовали, в пользу общепринятой датировки Си-Амона, Пенузема, Менхеперре и всей династии князей-жрецов в целом. Но это только последнее малое свидетельство в долгой цепи бесспорных фактов, которые поступают от каждого из поколения династии жрецов.

Выводы

В начале этой второй части нашей книги читателю были предложены две версии периода, известного как двадцать первая династия, обе из которых претендуют на истинность. Одна из них относит эту династию к одиннадцатому-десятому векам, но при этом не может установить ни одного синхронного пересечения между Египтом при этой династии и чужеземными странами той же эпохи, и это вопреки тому факту, что соседняя Палестина, как свидетельствует Библия, в это самое время, при Сауле и Давиде, была весьма активна в военном отношении, а при Соломоне — в торговом и культурном. Во времена Соломона Египет стал центром заговора против Израиля. Сторонники этой гипотезы молчат, когда их просят привести свидетельства или доказательства, однако продолжают на ней настаивать.

Другая версия предложила доказательства — и насколько они весомы, может судить любой читатель этой книги — что вся эта династия относится к персидской эпохе и к началу греческого периода в Египте. Были пересмотрены, заново проверены и перепроверены все свидетельства.

Из письма Урмая мы узнаем, что Египет был со всех сторон окружен чужеземными войсками и что оккупационная армия угнетала население; дети продавались в рабство, священные места осквернялись, открывались могилы. Повествователь, представитель бывшей аристократии страны, бродил пешком и выпрашивал хлеб у солдат армии захватчиков — все это присутствует в истории завоевания Египта персами при Камбизе у Геродота. Согласно общепринятой истории, эти события, о которых стало известно после

опубликования в 1960 году* письма Урмая, не согласуются с ее планом.. Считалось, что двадцать первая династия держала в руках управление страной без всякого чужеземного вмешательства.

Однако предполагалось, что какие-то политические волнения имели место в период двадцать первой династии, и отсюда мог быть сделан вывод о том, что вмешалась какая-то посторонняя сила. Служащий храма Ахотинофер на судебном заседании по поводу ограбления храма показал, что верховный жрец Аменхотеп был смещен с должности и что он сам, обвиняемый, был арестован чужеземцами и бежал. Из этого свидетельства и из отчетов о других судебных процессах выясняется, что состоялась какая-то оккупация страны чужеземными войсками под командованием капитанов. Многие личности имели не египетские, а зачастую персидские имена.

«Загадочный» отсчет времени по эпохам «обновления», или «повторного рождения», на документах верховного жреца Херигора имел, как мы обнаружили, параллели в обычае, установившемся в Персидской империи, — церемонии «обновления царства» в дни маздаистского нового года: послы всех покоренных государств обычно прибывали в Персеполь для празднования «обновления», или «возрождения».

Венамон, который при Херигоре поплыл в Библос за кедровой древесиной, упоминает о судоходной компании Биркат-эль, которая осуществляла торговый обмен между Танисом и сирийскими городами. Та же самая судоходная компания, теперь уже под названием Беракель-сын, была известна автору Завещания Нафтали — письменного памятника, созданного в персидскую или эллинистическую эпоху. Тот же самый Венамон, «хозяин чужеземных стран», выстроил святилище в оазисе Сива. Это святилище относится к пятому или четвертому веку. В действительности оно было построено, когда управителем Египта при Дарии II был Нект-хор-хеб.

Князь-жрец Псусенн, который последовал за Херигором, писал свое имя с картушами и рядом с первым титу-

---

* Здесь — разночтение: ранее автор сообщал, что папирус с письмом Урмая впервые опубликован в 1961 г. (см. стр. 168, 191) — *Прим. ред.*

лом второй, персидский — Шахедет. В одной из надписей в своей могиле Псусенн говорит о Средиземноморском побережье Египта от Дамиата до Розетты как об Эллинском побережье, хотя греки не селились в Египте раньше 663 г. до н. э. Титул «царь» написан им в том стиле, какой известен со времен Птолемеев.

Внук Псусенна, Менхеперре, принимал Александра в храме оракула Амона в оазисе, и все детали этого визита имеют соответствия у биографов Александра и на стеле Изгнанников, как выяснили мы, сравнивая эти тексты построчно.

Пенузем, сын Менхеперре, менял повязки на мумиях, вывезенных из разоренных могил древних царей, и сам похоронил их в царском тайнике⁴¹ в Деир-эль-Бахри, прежде чем он был опечатан Си-Амоном. Погребальный полог Пенузема, оставленный в опечатанном тайнике, сравнивался нами с настенными и потолочными росписями могилы Си-Амона в оазисе Сива, и не остается сомнения, что речь идет об одном и том же Си-Амоне, который опечатал тайник и который выстроил для себя могилу. На росписях, имеющих в ней, его сын изображен одетым в греческую одежду, а сам он имеет греческую прическу.

Таким образом, не остается даже малейших оснований для того, чтобы двадцать первая династия была отодвинута во времени от персидского периода и эпохи ранних Птолемеев. И если мы вспомним о находках, сделанных нами, и о выводах, к которым мы пришли в отношении двадцатой династии, о которой шла речь в первой части этой книги, возможности удержать обе эти династии, двадцатую и двадцать первую, в рамках двенадцатого-десятого веков следует признать равными нулю.

И этот вывод появился независимо от того факта, что, как было показано в «Веках в хаосе», период двенадцатого-десятого веков в Египте исключал возможность внедрения какой-либо случайной династии: власть гиксосов в Египте продолжалась до середины одиннадцатого века, а после них, в течение двух столетий, Египтом в одну из самых блестящих его эпох правила восемнадцатая династия и трон последовательно занимали Аамес, Аменхотеп I, Тутмос I, Хатшепсут, Тутмос III, Аменхотеп II, Тутмос IV, Аменхотеп III, Эхнатон, Саанехт и Тутанхамон.

Итоги и перспективы

Не было случайностью, что этот том «Веков в хаосе», посвященный персидскому периоду и таким образом последним двум векам того периода истории, которая подвергается реконструкции, следует за первым томом. В первом томе, заключающем попытку заново написать древнюю историю, повествование охватывало эпоху от падения Среднего Царства в Египте до периода эль-Амарны на закате восемнадцатой династии (последние годы этой династии освещены в моей книге «Эдип и Эхнатон»). Но, как было показано, в еврейской истории изучаемый период включает время от Исхода из Египта до царей Иосафата в Иерусалиме и Ахава в Самарии: еретический фараон был их современником, и они обменивались с ним письмами, которые еще сохранились.

По общепринятой исторической версии, конец восемнадцатой династии относят ко второй половине четырнадцатого века, т. е. приблизительно к 1340 г. до н. э. Однако синхронистическая версия относит завершающие годы этой династии примерно к 830 г. до н. э. Определяется разница более чем в пять веков.

Персидское завоевание Египта произошло в 525 г. до н. э. По общепринятой схеме, конец восемнадцатой династии отделен от персидского завоевания более чем восемью столетиями, а в синхронизированной истории — всего тремя веками.

Возникает, однако, вопрос: как могут восемь столетий сложившейся истории уместиться в промежутке времени, настолько менее продолжительном? В нашем распоряжении только три столетия, которые должны вобрать эту историю. Этот промежуток времени кажется совершенно

недостаточным, чтобы охватить собой девятнадцатую династию (династию Сети, Рамзеса II и Минепты), двадцатую (династию Рамзеса III и последующих Рамессидов), двадцать первую (династию князей-жрецов), династии с двадцать второй по двадцать пятую (ливийскую и эфиопскую) и двадцать шестую, так называемую сайтскую династию Псамметиха, Нехо, Априя и Амазиса, которая пришла к концу после персидского завоевания. Все эти династии должны быть расположены на временном промежутке, который кажется совершенно недостаточным, чтобы все их объять. Критические замечания, выраженные специалистами по древней истории после публикации первого тома «Веков в хаосе», касались не самого специфического предмета исследования, но того, что представлялось им препятствием для завершения предпринятой реконструкции. И те, которые внимательно читали первую часть данной работы и были готовы принять основанную на документах синхронистическую версию древней истории от пятнадцатого до девятого века, спрашивали: но как можно исключить целые исторические столетия? где эти призрачные годы или династии-фантомы?

В данной книге показано, что две из этих династий, двадцатая и двадцать первая, не относились к эпохе, предшествующей персидскому завоеванию. Они представлены «самозванцами»: цари двадцатой династии — это всего лишь *alter egos* царей двадцать девятой—тридцатой династий четвертого века, и цари, которые считались принадлежащими двадцать первой династии, — это князья-жрецы оазисов, назначенные Дарием II и его преемниками. И двадцать первая династия не только не относится к отведенному ей в истории времени — к одиннадцатому и первой половине десятого века, — но предшествует двадцатой династии, существует одновременно с ней и даже продолжается после нее. В действительности последние «цари» двадцать первой династии продолжали выполнять по совместительству свои обязанности командующих пограничными постами и жрецов оракулов еще во времена Птолемеев.

После того, как мы исключили «призрачные» династии, двадцатую и двадцать первую, из перечня претендентов на историческое место в эпохе, предшествующей поко-

рению Египта Персией, вышеупомянутая проблема временного разрыва в пять столетий между двумя историческими версиями может быть разделена на две: в соответствии с общепринятой временной шкалой, эти две династии охватывают период от 1200 до 945 г. до н. э., или более двухсот пятидесяти лет. Таким образом, эта проблема уже наполовину решена.

Могли ли династии, о которых мы еще не говорили — девятнадцатая и двадцать вторая — двадцать шестая, — разместиться на временном пространстве в три столетия?

Мы коснемся последней проблемы в нескольких томах, охватывающих темные века Греции, ассирийское завоевание и эпоху Рамзеса II. В этой книге я намерен показать, что темные века в Греции и Малой Азии — это фантом, что империя «хеттов» в действительности была халдейским царством. И мы сможем уложить весь этот период в промежуток от 830 до 525 г. до н. э.

С позиций завершенной реконструкции, «Народы моря» следует считать шестым томом серии, потому что он повествует о событиях от персидского завоевания до эллинистической эпохи (эпохи Птолемеев).

Как уже было сказано во Введении, после того как восемнадцатая династия переместилась на временной шкале более чем на пять столетий («Века в хаосе: От исхода до царя Эхнатона»), мы переместили одну пограничную веку общепринятой истории и возвели другую. С передвижением двадцатой и двадцать первой династий в эпоху персидского завоевания Египта, что отодвигает их на целые столетия с отведенного им места, мы возводим еще одну границу. На этих двух пограничных веках покоится ныне весь ход древней истории.

Древняя история, которая, как было показано, сдвинута и смещена с этих границ, не может рассчитывать на неприкосновенность временного пространства, располагающегося между ними.

Читатель, не следивший с должным вниманием за развитием предложенной реконструкции древней истории, на-

¹ Темные века Греции и ассирийское завоевание можно рассмотреть в одной книге — «Во времена Исайи и Гомера».

верняка придет в полное недоумение: за восемнадцатой (фиванской династией, по Манефону) следует не девятнадцатая (танитская), а двадцать вторая и двадцать третья (ливийские) династии; после эфиопской, или двадцать пятой, династии приходит девятнадцатая, которая одновременно является двадцать шестой; за ней следует двадцать седьмая (персидская), а двадцатая династия местных царей, которая добилась определенной независимости, — это то же самое, что двадцать девятая и тридцатая династии; двадцать первая существует в основном параллельно с двадцатой, но начинается раньше (при Дарии II) и продолжается вплоть до эпохи Птолемеев. При тридцать первой династии происходит реставрация персидского правления в Египте перед завоеванием Александра, за которым последовала эпоха Птолемеев.

Чтобы внести ясность в этот ход истории и избавить ее от перечня династий, предложенного Манефоном, который ведет только к хаосу, я ввожу другие обозначения египетских династий.

Среднее Царство в Египте (разделение его на одиннадцатую и двенадцатую династии не является необходимым) пришло к концу в результате какой-то природной катастрофы, происшедшей в середине пятнадцатого века до нашей эры. Страна была завоевана арабами (амаликитянами, известными как аму египтянам и как гиксосы греческим авторам). **Арабская династия** правила более четырехсот лет, примерно до 1020 г. до н. э. Уже перед этой датой появились вассальные князья в Фивах. Арабское владичество над Египтом закончилось благодаря объединенным усилиям Саула из Израиля и Камеса и Аамеса из Фив. В течение следующих без малого двух столетий (1020—830 гг. до н. э.) страна управлялась **фиванской династией** (известной как восемнадцатая) Тутмосов и Аменхотепов. Незадолго до конца этого периода Эхнатон перенес свою столицу в Ахет-Атон (эль-Амарну), но Фивы вскоре вновь стали столицей при Саанехте и Аи.

За фиванским периодом последовало **ливийское правление** Сосенков и Осорконов, которое длилось примерно сто лет (830—720 гг. до н. э.). Затем наступает **эфиопское правление**, продолжавшееся примерно пятьдесят—

шестьдесят лет. Однако в это время с севера наступали ассирийцы, и страна была завоевана сначала Сеннахеримом (который короновал Хоремхеба), затем Эсархаддоном и Ассурбанипалом (который сделал своим вассальным царем Нехо I — Рамзеса I). Когда Нехо был убит вторгшимися в страну эфиопами, Ассурбанипал еще раз оккупировал Фивы (663 г. до н. э.).

Период **танитской династии** представлен следующим образом: Сети (Псамметих у греческих авторов), сын Рамзеса I (Нехо I) получил независимость от Ассурбанипала и действовал как его союзник в войнах против халдеев и мидийцев. Столица Сети находилась в Танисе в Дельте. Танитская династия продолжалась с 663 по 525 г. до н. э. После Сети царствовал Рамзес II (Нехо II), его сын, который в течение продолжительного периода времени был соправителем Сети. Он вел долгую войну с Навуходоносором, халдеем. Наследник Рамзеса Минепта (Вафрий у Иеремии и Априй у Геродота) лишился трона в пользу мятежника — генерала Амазиса. Последний мирно царствовал более сорока лет и умер, когда Камбиз персидский уже отправился на завоевание Египта.

С 525 по 332 г. до н. э., почти двести лет, Египет был под властью **персидских царей** (Камбиза, Дария, Ксеркса, Артаксеркса I, Дария II, Артаксеркса II и III). Некоторые из них были также коронованы как египетские фараоны. Они сохраняли в Египте местных правителей, подобных Псамхеку или Нект-хору.

В четвертом веке, в период царствования Артаксеркса II и Артаксеркса III, Египет достиг относительной независимости, подобной независимости греческих государств в эпоху великих персидских царей. Неферит, Акорис, Нектанеб I (Рамзес III), Тахус и Нектанеб II были местными царями в эту эпоху, и ими можно завершить династию **местных царей**, или **себеннитскую**, в соответствии с местом рождения наиболее известных из этих царей. В это же самое время уже при Дарии II (около 420 г. до н. э.) была учрежденная **династия жрецов**, которая управляла военными пограничными постами в оазисах ливийской пустыни. Она продолжалась примерно до 300 г. до н. э.

В 343 г. до н. э. персам удалось отвоевать Египет, Нектанеб II бежал в Судан, но десять лет спустя Египет обрел своего освободителя в лице Александра (332 г. до н. э.). **Македонская династия** продолжалась три столетия, на троне находились Птолеми вплоть до самоубийства Клеопатры в 30 г. до н. э. После этого Египтом правили римские цезари.

Этот порядок династической последовательности, не перегруженный бесчисленными династиями, достаточно прост для восприятия: арабская, фиванская, ливийская, эфиопская (прерываемая периодически ассирийскими завоеваниями), танитская, персидская (частично Себеннитская) и македонская династии составляют этот ряд. Как легко можно убедиться, более четырнадцати веков (примерно с 1450 до 30 г. до н. э.) Египет управлялся чужеземцами: тремя эпохами, когда им правили местные цари, были фиванская (1020—830 до н. э.), танитская (663—525 до н. э.) и Себеннитская (391—341 до н. э.) династии, что в сумме составляет примерно 380 лет из 1420.

Хронологические таблицы

ПЕРСИЯ

ПАЛЕСТИНА
и СИРИЯ

550		
545	Кир завоевывает Лидию, берет в плен Креза.	
540		
535	Кир завоевывает Вавилон, где правил Набонид или его соправитель-сын. Появление Валтасара. Конец неовавилонской (халдейской) империи	Указ Кира, касающийся возвращения еврейских ссыльных
530		
525	Камбиз (529—521) завоевывает Египет	
520	Дарий I (521—485) Великий	Зоровавель, Аггей, Захария, пророки. Начало периода, известного как «Второе сообщество», завершившегося в 70 г. н. э.
515	Дарий посещает Египет (517).	
510		
505		
500		
495		
490		
485	Ксеркс (485—465)	
480	Роман с Есфирь	
475	Войны, основание Персеполья	
470		
465	Артаксеркс I (465—424)	
460		
455		
450		
445		Несмия приезжает в Иерусалим (445). Конфликт: Елешив, первосвященник; Малахия, пророк
440		
435		
430		Второй визит Неемии (433)
425		

- 420 Дарий II Нотус (424—404) с помощью Арзамеса вступает на трон
- 415 Ездра, писец, приезжает в Иерусалим (417)
- 410
- 405
- 400 Артаксеркс II (404—358). Анабазис; Кир Младший
- 395
- 390
- 385
- 380
- 375
- 370
- 365
- 360
- 355 Артаксеркс II (355—338)
- 350
- 345
- 340 Артаксеркс III нанес поражение Нектанебу II
- 335 Дарий III (336—330)
- 330 Конец Персидской империи (331 до н. э.)
- 325 Александр в Центральной Азии и долине Инда
- 320 Александр умирает в Вавилоне (323 до н. э.)
- 315
- 310 Бероз составляет историю Ассирии-Вавилонии
- 305
- 300
- 295
- 290
- 285
- 280
- 275
- 270
- 265
- 260
- 255
- 250
- 245

ГРЕЧЕСКИЙ МИР

ЕГИПЕТ

550	Соломон (640—558)	
545		
540		
535		
530		Смерть Амазиса (525); наследование трона Псамметихом; Камбиз завоевывает Египет.
525		Жалобы в письме Урмая
520		
515		
510		Дарий I строит канал к Суэцкому заливу, утверждает египетские законы, строит военно-религиозные пограничные посты в западных оазисах и еврейскую военную крепость в Элефантине.
505	Смерть Пифагора (прибл. 507 г. до н. э.)	
500		
495	Битва при Марафоне	
490		
485		Ксеркс правит Египтом и Суданом; верховный жрец Аменхотеп.
480		Судебные процессы в связи с ограблениями могил; учреждено правительство западных Фив.
475		
470		
465	Афиняне посылают войска на помощь Инаросу	Восстание Инароса против Персии (460 г.). Амиртеос I.
460	Век Перикла (460—429) начинается	Арзамес назначает сатрапа для управления Египтом. Верховный жрец Аменхотеп за поддержку Инароса смещен Пинехасом, военным комендантом.
455	Смерть Эсхила (456)	Арзамес назначает А-хапи своим управляющим

- 450 Арзамес назначает Псамтеха управлять Южным Египтом, а Нект-небефа — Северным. Псамтех посылает зерно в Афины. Греческие и карийские купцы в Абу Симбеле
- 445 Священная война (449—448). Афины против Спарты; подписание тридцатилетнего мира (445).
- 440 Нект-небеф — правитель Северного Египта; Херигор назначен верховным жрецом (438)
- 435
- 430 Пелопоннесская война (431—404)
- 425 Несбиндиди назначен правителем в Танисе
- 420 Нект-хор-хеб назначен Арзамесом правителем Египта (424)
- 415 Херигор посылает Венамона в Библос (419)
- 410 Разрушен еврейский храм в Элефантине
- 405 Софокл (род. 496), Еврипид (род. 489)
- 400 Венамон строит храм в оазисе Сива; Нект-хор-хеб скорбит об Арзамесе
- 395 Ксенофонт участвует в походе Кира Младшего; Фукидид (460—400)
- 395 Амиртеос II захватывает власть
- 390 Суд над Сократом и его смерть (399)
- 390 Верховный жрец Пенузем I
- 390 Коринфская война (394—387)
- 390 Неферит устанавливает правление местной династии
- 385 Акорис (393—380); Верховный жрец Пусенн.
- 380
- 375 Нектанеб I (Рамзес III = Нект-а-неб) на троне (379)
- 370 Фарнабаз приводит свои войска из Малой Азии; ему противостоит Хабрий, а затем помогает Ификрат
- 365

Хронологические таблицы

360	Агесилай отправляется в Египет (361)	Тахус (Рамзес IV)
355		Нектанеб II (Рамзес VI) начинает свое шестнадцатилетнее правление
350	Демосфен против Филиппа (351)	Верховный жрец Пенузем меняет повязки на мумии Нектанеба I (Рамзеса III)
345		
340	Аристотель в Македонии (342—332)	Нектанеб бежит от одержавшего победу Артаксеркса III
335	Александр наследует трон Филиппа (336)	Второе персидское завоевание Египта (342—332); Петоси-рис;
330		Александр в Египте, основал Александрию, был принят верховным жрецом Менхеперре в оазисе Сива
325	Филипп Арридей	Птолемей, сын Лага, правитель Египта
320	Начало эллинистического периода греческой истории	Птолемей I (Сотер) коронован как царь (308—285)
315		Птолемей I вступает в войну с Селевком
310	Селевк I строит Антиохию	
305		Эвклид
300		Пенузем II, верховный жрец
295		
290		
285		Птолемей II Филадельф (285—246)
280		Манефон составляет историю Египта
275		Верховный жрец Си-Амон ведет строительство в Мемфисе, печатывает тайник с царскими мумиями, осуществляет доставку обелисков Тутмоса I из Гелиополиса в Александрию, строит себе могилу в оазисе Сива.
270	Аристарх Самосский	
265		

260		
255		Эратосфен, библиотекарь библиотеки в Александрии
250		
245	Архимед из Сиракуз	Архимед в Александрии; перевод Библии «Септуагинта»
240		
235	Первая Пуническая война	Птолемей III (Эвергет) (246—221). Канопский декрет (238).

ПРИЛОЖЕНИЕ

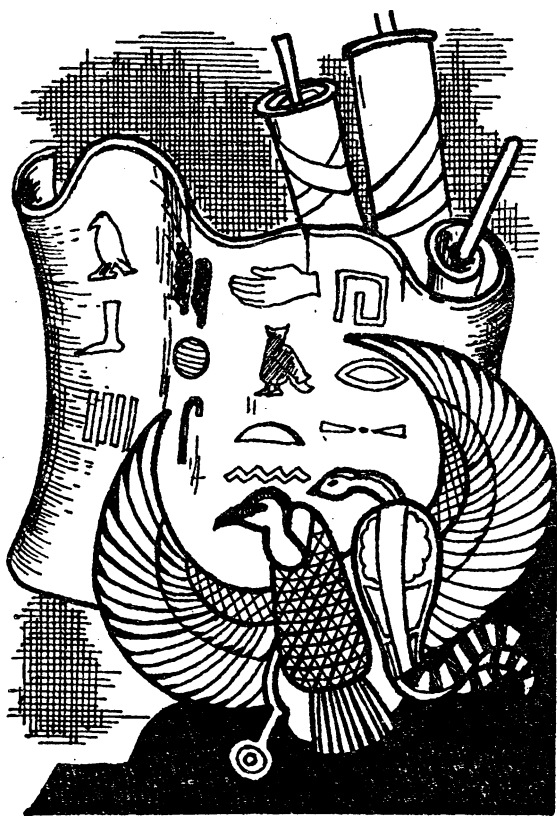
Астрономия
и
хронология

ГЛАВА I

Основы египетской хронологии

Мощное древо

Исследователь древней истории, в особенности второго тысячелетия до нашей эры, привык соотносить хронологию всего Древнего Востока с египетской временной шкалой. «Система относительной хронологии может быть установлена путем раскопок в любой стране, которая в течение долгого времени была заселена, но она повисает в воздухе, пока не будет прямо или опосредованно, через какой-то промежуточный регион, связана с египетской»¹. Цари и династии, законодательная и строительная деятельность, войны и мирные договоры империй и царств располагаются по столетиям в соответствии с правилами египетской хронологии. Когда на свет извлекается документ, в котором есть сведения об отношениях какого-то царя с фараоном определенной династии, то время правления этого царя устанавливается в зависимости от известной датировки правления фараона. Династическая последовательность ассирийских и вавилонских царей с датами их правлений изучалась с помощью так называемых царских листов, но она постоянно сверялась с египетскими датами, когда предполагалась возможность синхронизации. Так, царь-законодатель Хаммурапи из первой вавилонской династии, которого в течение долгого времени относили примерно к 2100 г. до н. э., в последние десятилетия был сдвинут к 1700 г. до н. э., чтобы синхронизировать египетское Среднее царство с первой вавилонской династией на основе того, что материал из обоих регионов был обнаружен в общем слое на Крите. Прошлое минойской культуры на Крите и микенской на материке Элады также распределялось по векам с соблюдением решающей роли Египта.

¹ O.G.S. Crawford, *Man and His Past* (London, 1921), p. 72.

Египетская хронология должна быть мощным деревом, чтобы поддерживать ветви истории многих царств и культур прошлого. Но основана ли сама египетская хронология на точных данных? Может показаться, что уже слишком поздно поднимать этот вопрос: не только вся научная литература по египтологии, но и все труды, имеющие дело с прошлым человечества, составлены в соответствии со схемой, предложенной египтологами для всех других ветвей древней истории.

Каждый согласен с тем, что египетская хронология настолько хорошо обозначена, столетие за столетием, десятилетие за десятилетием, и часто год за годом, что никакие новые факты не могут сокрушить эту массивную глыбу. В чем же тогда основа этой системы, которую египтологи сочли абсолютно нерушимой и из которой ученые других областей знания доверчиво черпают даты и стандарты?

Египтянам неизвестна была какая-то устойчивая система отсчета времени по эпохам. События датировались согласно годам правления ныне царствующего монарха. Визит Хатшепсут в Божественную Землю произошел на девятый год царствования этой царицы; битва при Кадеше случилась на пятый год царствования Рамзеса II. Иногда, однако, царь и его сын правили вместе; в этом случае хронология династии не могла быть выстроена путем простого прибавления лет царствования монархов, поскольку не всегда было ясно, сколько именно лет составлял период соправления. Тогда продолжительность обоих царствований устанавливалась только приблизительно, на основании документов: последняя из названных на монументальных надписях дат принималась в качестве возможной, завершающей, но это не обязательно был последний год правления. Во многих случаях невозможно установить по дате на монументальных надписях последовательность царей данной династии. Но что гораздо важнее и что мне хотелось бы подчеркнуть — также невозможно с достаточной точностью определить и последовательность самих династий. Лишь в немногих случаях существуют исторические свидетельства, которые указывают на порядок двух династий, правивших друг за другом.

Было признано, что монументальные памятники не дают материал, сам по себе достаточный для создания некоей

хронологической системы. Если такая система может быть выстроена с помощью других средств, то монументальные надписи могут здесь оказать помощь в более точной фиксации дат событий в периоды царствования отдельных царей.

Немногие документы, подобно Туринскому папирусу, разорванному на бесчисленные клочки и с большим трудом, хотя и не напрасным, восстановленному, и камню Палермо, начиная генеалогию царей с древнейших времен, в действительности не доводят ее до эпохи Нового Царства, которое вместе с Поздним Царством входит в период, подвергшийся реконструкции. Однако в рамках тех периодов, которые охвачены этими документами, обозначено начало этих династий, например более ста царей тринадцатой династии, последней в эпоху Среднего Царства. Напряженные попытки по возможности продлить эту древнейшую историю Египта выявили очень ограниченную ценность подобных документов.

«Скелет, облеченный плотью»

«Можно без преувеличения сказать, что мы продолжаем выстраивать историю Египта и располагать факты этой истории в том самом порядке, который был выработан Юлием Африканским, писавшим в третьем веке нашей эры»¹. Юлий Африканский, один из отцов церкви, сохранил порядок, установленный Манефоном в третьем веке до нашей эры. Манефон был египетским писателем, историком, полемистом и антисемитом, создателем беспочвенной выдумки о том, что Моисей был Тифоном, злым духом, а израильтяне — гиксосами. При этом, противореча сам себе, он отождествил Моисея с мятежным жрецом Осарсифом из гораздо более поздней эпохи, который призвал прокаженных Иерусалима помочь ему в войне с собственной страной.

¹ R. Weill, *Bases, méthodes et résultats de la chronologie égyptienne* (Paris, 1926), p. 1.

Составляя историю Египта и собирая список его династий, Манефон руководствовался желанием доказать грекам, хозяевам его земли, что египетский народ и его культура намного древнее их или даже вавилонского народа и его цивилизации. Бероз, халдейский жрец и современник Манефона, пытался доказать грекам, которыми правили Селевкиды, древность ассиро-вавилонской истории и потому растягивал эту историю на десятки тысячелетий. Подобным же образом Эратосфен, ученый грек из Киренаики, главный библиотекарь Александрии при Птолемах II и III и младший современник Манефона и Бероза, пытался доказать исключительность греческой нации, заявляя о ее древности, уходящей в мифические времена. Это из его расчетов мы имеем все еще многими признаваемую дату — 1183 г. до н. э. как время падения Трои (или 871 год до начала эпохи Селевкидов в 312 г. до н. э.).

Такую тенденцию, которая поддерживалась этими тремя людьми, следует иметь в виду, когда мы имеем дело с хронологией древнего мира.

Перечень династий Манефона представлен в двух версиях. Версии Евсевия и Юлия Африканского отличаются главным образом продолжительностью этих династий: они обе варьируют последовательность царей, которую воспроизвел Иосиф Флавий на основании Манефона¹. Помимо этих расхождений, главная путаница связана с тем обстоятельством, что нелегко определить, какой из царей, известных по монументальным надписям, подразумевается у Манефона. Этот список «так безжалостно искажен переписчиками, что было бы в высшей степени небезопасно доверять этим датам», если они не подтверждены какими-то другими данными².

Цепь царей со странными именами, которые никогда не встречаются на монументах, заполняет различные версии списка Манефона. Есть основания считать, что переписчики исказили этот список, который уже из рук автора

¹ Compiled in *Manetho*, trans. Waddell (Loeb Classical Library).

² H.R.Hall, «Egyptian Chronology», *Cambridge Ancient History*, I, 167.

появился в хаотическом и не заслуживающем доверия состоянии.

«Хронология Манефона» — это «поздняя, недобросовестная и некритичная компиляция, которая в большинстве случаев опровергается современными памятниками, если таковые сохранились»¹.

Все, что до нас дошло от Манефона, — это «все лишь искаженные конспекты в сочинениях христианских хронографов (Юлия Африканского, Евсевия и Синселла)... Несмотря на все очевидные дефекты, разделение на династии пустило прочные корни... так что очень невелик шанс с ним окончательно расстаться. Если судить по тому, в каком виде дошла до нас эта книга, в ней есть поразительные неточности... Юлий Африканский и Евсевий часто с ней не соглашались... Царские имена порой искажены до неузнаваемости... Продолжительность правления постоянно отличается в двух версиях, а также сильно отклоняется от точно установленных дат. Какие бы результаты ни дала текстологическая и прочая работа, даже восстановленный текст Манефона остается крайне несовершенным... Тем не менее его книга по-прежнему главенствует в наших исследованиях...»²

Несмотря на тот факт, что списки Манефона были дискредитированы документальными свидетельствами эпохи восемнадцатой и девятнадцатой династий, наиболее известных и наиболее богатых документами, династии, не имеющие документальных подтверждений, все еще рассматриваются в соответствии со схемой Манефона, поскольку не сохранилось памятников, способных опровергнуть соответствующие части списков. Тот факт, что во многих случаях существование таких династий не подтверждается обнаруженными документами, не всегда воспринимался как достаточное препятствие. Не имелось никаких конкретных сведений даже о существовании династий с седьмой по десятую, в соответствии с Манефоном, и о некоторых других, более поздних.

¹ Breasted, *A History of Egypt* (2nd ed.), p. 23.

² Gardiner, *Egypt of the Pharaohs*, p. 46—47.

Общее количество лет, охватывающих династии Манефона, серьезно обсуждалось; это время вытягивалось или сжималось, в зависимости от историографов. Все это можно было делать без всяких опасений, потому что в современную эпоху никто не доверяет точности подсчетов Манефона.

Попытки отождествить царей, известных по современным им надписям, с царями из списков Манефона часто заканчивались простым произволом. Чтобы иллюстрировать это, рассмотрим простой пример. Когда был обнаружен обширный документальный материал, касающийся царствования фараона, для которого историографы избрали имя Рамзес III, он не был отождествлен ни с одним из царей из списка Манефона. Не будучи обнаружен в этих списках, он был отнесен к двадцатой династии, возможно, потому, что цари из этой династии не были названы по имени в династических списках Юлия Африканского и Евсевия, хотя Георгий Синселл, византийский монах и переписчик, представил перечень царей этой династии, но среди них нет ни одного с царским именем Рамзес III. Двенадцать (непоименованных) царей Диосполиса из двенадцатой династии царствовали 135 лет (Африканский) или 178 лет (Евсевий), и показалось удобным поместить Рамзеса III и последующих Рамессидов в эту династию. В действительности, как я попытался показать в этой книге, Рамзес III был Нектанебом в списках Манефона, и он принадлежал к последней династии египетских царей — тридцатой. Расположить вслед за ним десять династий — с двадцать первой по тридцатую — значит, создать неразбериху, за которую Манефон не может нести ни малейшей ответственности, так как он не относил Рамзеса III к двадцатой династии. Следовательно, этот царь предстает как фиктивный Рамзес III в двенадцатом веке и как Нектанеб I в четвертом веке.

Переход от двадцать первой к двадцать второй династии обычно представляется, с точки зрения хронологии, весьма неясным. Как показывает данная реконструкция, двадцать первая династия правила в оазисах до, во время и после двадцатой династии (точно так же, как двадцать девятая и тридцатая), царствовавшей в долине Нила. Двад-

цать вторая, или ливийская, династия правила, однако, после восемнадцатой династии, как нам предстоит показать в одном из промежуточных томов данной серии.

О двадцать четвертой династии Синселл, переписывая версию списка Манефона у Юлия Африканского, писал: «Двадцать четвертая династия. Бохорис из Саиса, 6 лет: во время его царствования ягенок говорил (далее в рукописи небольшой пробел) 990 лет». Евсевий писал примерно так же, но он намного расходится в определении длительности этой династии: «Бохорис из Саиса 44 года: в его царствование говорил ягенок. Всего 44 года». Подобная информация как источник исторического материала о двадцать четвертой династии абсолютно бесполезна. Мы можем только гадать, какая цифра верна: 6 лет, 44 или 990.

Несмотря на то, что хронологию Манефона заклеямили как «недостовверную и некритичную компиляцию», которая в большинстве случаев опровергнута свидетельствами памятников, она остается основной рамкой истории Египта. Разделение на династии, сделанное Манефоном, продолжает использоваться до наших дней. Его работа считается обобщением исторических преданий Египта, в то время как последовательность событий в прошлом тех народов, которым недоставало такой традиции, остается умозрительной, пока не существует общей рамки для упорядочения археологических данных.

«Абсолютная определенность в этих вопросах возможна только тогда, когда существует непрерывная письменная традиция. Современное изучение, к примеру, европейской и американской доисторической археологии, которая не имела параллельной письменной традиции, обречено всегда оставаться на уровне догадок. Главная схема истории древнего Египта теперь вполне определена, а не является простой гипотезой. Но весьма сомнительно, что она стала бы таковой, если бы ее конструкция зависела только от археологов. Законченный скелет этой схемы был составлен с помощью непрерывной письменной традиции, сохраненной египетским жрецом Манефоном; этот скелет облекли в плоть археологи»¹.

¹ H.R.Hall, *The Oldest Civilization of Greece* (1901), p. 18—19.

Все это было написано тем самым автором (Х.Р.Холлом), которого мы цитировали на предшествующих страницах в связи с искажениями и недостоверностью сохранившихся текстов Манефона.

Но в действительности вовсе не археологи изначально заполнили схему Манефона фактами, почерпнутыми из иероглифических текстов, выбитых на монументах или написанных на папирусах. Вся загадка состоит в том, что задолго до того, как впервые были прочитаны эти иероглифы, цари Египта были размещены по столетиям, в которых их, как узников, до сих пор держит общепринятая хронология.

Кто первый поместил Рамзеса III в двенадцатый век?

В 1799 году, в четырех милях от Розетты, в западном устье Дельты, господин Буссар, французский офицер из армии генерала Бонапарта, нашел камень, исписанный тремя типами надписей: по-гречески, иероглифами и незнакомым курсивным письмом, обычно применявшимся на папирусах, которое позже получило название демотического. Томас Юнг, английский врач и физик, который первый объяснил, что цветовые ощущения происходят от присутствия специфических нервных окончаний для красного, зеленого и фиолетового цвета в радужной оболочке глаза, первый постиг и определил астигматизм и феномен световой интерференции, что явилось решающим аргументом в защиту волновой теории света, за которую его так высмеивали, был также первым, кто прочел несколько слов, написанных иероглифами, и имя Птолемея на камне из Розетты — имя, обведенное овалом (картушем), — стало первым ключом к разгадке. История его борений и успехов, а также трагических отношений с Шампольоном поистине захватывающая. Создается впечатление, что Юнг достиг гораздо большего, читая иероглифы, чем обычно ему приписывается.

Жан Франсуа Шампольон (1790—1832) в возрасте одиннадцати лет услышал о камне из Розетты и решил посвятить себя задаче расшифровки иероглифов. Одаренный мальчик изучил коптский язык и приобрел известность в области филологии восточных языков. Только двадцать лет спустя, 21 декабря 1821 года, ему пришла в голову простая мысль, что поскольку на камне из Розетты иероглифов было примерно в три раза больше, чем греческих слов в параллельном тексте, то иероглифы, или изображения людей в различных позах, частей человеческого тела, цветов и птиц, не служат для обозначения понятий — как считали в течение веков — и не являются в этом смысле символами, а представляют собой фонетические значки, или буквы (почти исключительно согласные, напоминая в этом отношении еврейское письмо). 22 сентября 1822 года он объявил о своем успехе в Академии в Париже. В 1825 году он смог перевести надпись Аменхотепа III. Однако «в течение более чем трех десятилетий даже ученые не желали признать ничего, кроме того факта, что в лучшем случае можно было расшифровать несколько царских имен, но они настаивали, что все прочее было чистой фантазией»¹. Не ранее 1866 года произошла находка еще одного трехязычного текста — Канопского декрета, о котором читатель узнает больше на последующих страницах, полностью подтвердившего прочтение Шампольона. Но к тому времени он уже был мертв тридцать четыре года.

Как скоро после первого прочтения Шампольоном иероглифов расшифровка монументальных надписей или папирусных текстов дала ключ к решению проблемы, которая нас интересует, т. е. к датировке царствования Рамзеса III? Можно начать гадать, что это было во времена Лепсия (1810—1884), или Шаба (1817—1882), или Г. Бругша (1827—1894), людей, которые подняли египтологию на уровень точной науки. Но это было не так. Дело в том, что Рамзес III был отнесен к двенадцатому веку до того, как Шампольон прочел иероглифы и, таким образом, до того, как какие-нибудь монументальные надписи могли обосновать такую датировку.

¹ Johannes Friedrich, *Extinct Languages* (1957), p. 25.

В одной книге шотландского психиатра Дж.С.Причарда, опубликованной в 1819 году, т. е. за два года до памятного дня в жизни Шампольона, на странице 61 написано, что Рамзес III начал свое царствование в 1147 году до н. э. Очевидно, что эта дата не могла основываться на каком-нибудь иероглифическом тексте. Скорее всего Причард заимствовал свою датировку у какого-то более раннего хрониста. Может быть, к такому заключению привело упоминание о Рамзесе III у классических авторов? Но ни Геродот, ни Фукидид, ни один из других классических авторов-историков не упоминают о Рамзесе III — по крайней мере, ни об одном из таких упоминаний не известно.

Барельефы в Мединет-Абу, весьма впечатляющая группа батальных сцен, не остались, разумеется, незамеченными: со времен древности каждый любознательный путешественник в Фивы, который пересекал Нил, чтобы взглянуть на колоссов Мемнона (статуи Аменхотепа III), или на надгробный храм царицы Хатшепсут в Деир-эль-Бахри, или на Рамессиум, надгробный храм Рамзеса II, и на поваленную колоссальную статую этого царя, лежащую в пыли, посещал также храм в Мединет-Абу. Царь, который построил этот надгробный храм, получил у современных историков имя Рамзеса III.

Похоже, что французский хронолог Жозеф Жюст Скалигер (1540—1609) предпринял самую раннюю попытку датировать египетские династии Манефона в своей книге «Thesaurus temporum» (1606). Расчеты по «сотическому периоду» — астрономический ключ к египетской хронологии — казалось, вселяли надежду. В семнадцатом и восемнадцатом веках никаких новых попыток датировки египетских царей предпринято не было. Дата восхождения на трон Рамзеса III, названная Причардом, была изменена Розеллини (1841) на 1477 г. до н. э. без каких-либо объяснений. Шампольон-Фижак (1778—1867), брат упомянутого дешифратора, в 1839 году отнес Рамзеса III к 1279 г. до н. э., но вновь не сослался на какие-либо аргументы или данные.

Когда были прочитаны тексты рядом с барельефами в Мединет-Абу, выяснилось, что этот царь сражался с фи-

листымлянами, и это хорошо согласуется с датировкой его правления двенадцатым веком — эпохой библейских Судей: в Книге Судей филистимляне играют важную роль. Тогда есть ли какие-то основания для пересмотра датировки, сложившейся во времена, предшествующие Шампольону?

Но сражался ли Рамзес III с филистимлянами?

ГЛАВА II

Сириус

Династии Манефона стали основной схемой египетской истории. Только его цифры не вызывали доверия, потому что считались «непомерно завышенными»¹. Историки, однако, считают, что у них есть астрономические основания для уточнения главных цифровых данных.

В Египте, в отличие от Вавилонии, не сохранилось никаких сведений о солнечных и лунных затмениях². Сотический период, основанный на расчете восхождения звезды Сотис (Sptd в Египте), или Сириуса, стал альфой и омегой числовых конструкций египетской хронологии.

Египетский год в течение довольно продолжительного периода истории состоял из 360 дней; в какой-то момент, при проведении реформы календаря, к нему было добавлено еще пять дней. При Птолемах была проведена еще одна реформа — введение каждые четыре года високосного года. В 238 г. до н. э., на девятый год царствования Птолемея III Эвергета, в Дельте был обнародован жреческий декрет. В прошлом веке он был найден в Танисе и получил известность как Канопский декрет, по названию того места, где заседал конклав, готовивший реформу календаря. Подобно камню из Розетты, он был трехязычным, включая греческий текст, иероглифы и демотическое египетское письмо. Если бы этот декрет был найден раньше камня из Розетты, он стал бы ключом к расшифровке иероглифов.

Чтобы праздник звезды Исиды и другие празднества «не бродили по всем временам года», в Канопе было решено, что каждые четыре года должен добавляться один день

---

¹ Breasted, *A History of Egypt* (2nd ed.), p. 23.

² «Небо не (?) поглотило луну» — так писалось во времена одного из ливийских царей (Такемота II), и это обычно трактуется как упоминание о лунном затмении.

и что календарь должен стать независимым от наблюдений за звездой Исида.

Эта реформа не состоялась из-за противодействия наиболее мощной группировки жрецов, не согласных с тем, чтобы праздник Икиды стал постоянным, вне зависимости от времен года. Введение високосного года связано с именем Юлия Цезаря. Октавиан Август сделал календарь с високосными годами официальным в пределах Рима, а в 26 г. до н. э. или, по другим расчетам, в 29 г., он был введен и в Александрии.

Египтяне эллинистической и римской эпох знали, что продолжительность года составляет $365 \frac{1}{4}$ дня: это доказывают Канопский декрет и сочинения Диодора Сицилийского¹. Возможно, что и Цезарь почерпнул эти представления у египтян, но они сами воздерживались от того, чтобы приравнять свой религиозный год к астрономическому.

Римские авторы первого века до н. э. и последующих столетий, которые ощущали, что имеют право на более совершенный календарь, были знакомы с простым расчетом, который состоял в том, что четверть дня, добавляемая каждый год, составляет полный год за каждые 1461 год (при годе в 365 дней).

В 238 г., или через четыреста семьдесят пять лет после Канопского декрета (238 г. до н. э.), Цензорин, один из римских авторов, писал: «Египтяне, формируя свой большой год, не берут в расчет луну; греки называют его (этот большой год) киническим, а латиняне — каникулярным, потому что он начинается с восхождением созвездия Пса в первый день месяца, называемого египтянами Тотом... И продолжительность их четырех лет короче, чем продолжительность четырех природных лет примерно на один день; это соответствие заново восстанавливается каждые тысячу

¹ «Они добавляют пять с четвертью дней к двенадцати месяцам и таким путем завершают годовой цикл. Но они не прибавляют месяцев и не вычитают дней, как делают греки. Похоже, что они более тщательно наблюдают за затмениями солнца и луны и предсказывают их, безошибочно предугадывая все события, которые действительно происходят». Книга I, 50.

четыреста шестьдесят один год. Этот (большой год) называется также некоторыми солнечным, а некоторыми — «годом Бога»¹. Затем Цензорин объяснил «последний год» в толковании Аристотеля, продолжающийся, пока солнце, луна и планеты не возвращаются к позиции, с которой они начали свое движение, и год катаклизмов, охватывающий период между двумя следующими друг за другом мировыми катастрофами, будь то потоп или пожар; согласно Аристарху Самосскому, этот год длится 2484 солнечных года.

Цензорин объяснил, что Сотис является египетским названием Сириуса — Собачьей звезды в южном созвездии Пса. В течение определенного периода года эта звезда невидима в северном полушарии; где находится Египет, и каждый солнечный год, в одно и то же летнее время, она возвращается на свое первоначальное положение в небе Египта.

Кроме $365 \frac{1}{4}$ вращений земли в течение года, ее обращение вокруг солнца производит еще одно дополнительное вращение по отношению к звездам. Из-за этого звезды каждую ночь проходят через горизонт на четыре минуты раньше.

Начиная с весеннего равноденствия северное полушарие склоняется своей освещенной частью к югу (так что освещена Арктика), а своей затененной частью — к северу. После летнего солнцестояния ночная сторона северного полушария медленно поворачивается к югу и начинают появляться южные звезды. И во второй половине лета Сириус всплывает в небе Египта в сверкании рассвета, незадолго до восхода солнца.

Сначала эта звезда только слегка поднимается над горизонтом, пока восходящее солнце не заглушает ее свет и сверкание других звезд. В каждую последующую ночь она восходит на несколько минут раньше и поднимается на рассветном небе все выше. Гелиокальное восхождение звезды происходит по утрам, и впервые его можно наблюдать перед восходом солнца.

Гелиокальное утреннее появление Сириуса возвещает о разливе Нила, который переполняется, когда тропичес-

¹ Liber de Die Natali, XVIII.

кие ливни обрушиваются на Эфиопию и начинается таяние снега в горах. Дни собаки (от названия Собачьей звезды) в древнем Египте охватывали конец июля и большую часть августа — самый жаркий сезон года.

По календарю, имеющему только 365 дней в году и укорачивающемуся на один день каждые четыре года, гелиокальное восхождение любой звезды, включая Сириус, происходило бы на один день позже каждые четыре года¹.

Как объяснил Цензорин, «большой год» начинается тогда, когда гелиокальное (утреннее) восхождение Сириуса происходит в первый день месяца Тота. Через четыре года он поднимался бы на второй день. Через 1461 год из 365 дней, или через 1460 лет из 365 1/4 дня, Сириус снова совершил бы утреннее восхождение в первый день Тота. Этот промежуток времени охватывает один сотический период. Это означает, что первый день Тота, или Нового года, и все остальные дни совершают в продолжение сотического периода движение через четыре времени года. Сириус совершает утреннее восхождение каждое лето, но только раз за 1460 лет (в течение четырех лет подряд) в первый день месяца Тота. Тем не менее, как полагают современные ученые, эта дата отмечалась ежегодно как день символического восхождения Сириуса, или день начала Нового года.

¹ Такое исчисление далеко от точности, так как юлианский год из 365 1/4 дней не является истинным (звездным) годом; 1460 юлианских лет из 365 1/4 дня (или 1461 год из 365 дней) отличаются от 1460 звездных лет примерно на девять дней, составляя разницу примерно в тридцать шесть лет за время сотического периода. Как же тогда египтяне могли приобрести знание сотического периода с помощью непосредственных наблюдений? В поисках ответа на этот вопрос было высказано предположение, что, находясь в исключительно редком положении по отношению к Сириусу, Египет имел естественный природный, а не звездный год по двум основным причинам: прецессия точек солнцестояния, или вращения земной оси, с периодом примерно в 26 000 лет, и ориентация Сириуса по отношению к другим звездам действовали одновременно в период с первого по четвертое тысячелетие до нашей эры и обусловили на широте Египта, в соответствии с положением Сириуса, преимущество юлианского, а не звездного года.

Цензорин заметил, что за сто лет до того, как он написал свою книгу (*Liber de Die Natali*), начался новый сотический период. Он написал эту книгу в 238 г. и указал, что новый сотический период начался в 139 году. Как легко подсчитать, предшествующий период начался в 1322 г. до н. э.¹ Эта дата — 1322 (или 1321) г. до н. э. — составляет основу египетской хронологии.

Теон Александрийский из Египта, автор четвертого века нашей эры, писал, что апокастазис египетского года — период, в течение которого пренебрежение юлианской реформой календаря, введенной в Александрии Августом, приводит к накоплению погрешности в объеме целого года, — пришел к завершению в пятый год царствования Августа, или в 26 г. до н. э., в тот самый год, когда согласно некоторым источникам, была введена реформа календаря в Александрии. Как уже говорилось выше, Цензорин отнес начало нового сотического периода к 139 г.

На рукописи Теона обнаружили аннотацию, написанную на «варварском греческом»², в которой говорится, что «со времен Менофра и до эпохи Августа, или до начала эпохи Диолектиана, прошло 1605 лет». Последним годом царствования Августа был 283—284. Уменьшив эту дату на 1605 лет, мы приходим к 1321 г. до н. э., к тому самому году, когда начался сотический период, согласно Цензорину.

Чтобы создать хронологическую таблицу, первым делом следовало бы идентифицировать Менофра. Обычно считалось, что Менофром у Теона был Рамзес I, основа-

¹ Следует заметить, что между первым днем Тота первого года нашей эры и первым днем Тота первого года до нашей эры проходят не два года, а только один. Между определенной датой 139 г. до н. э. и соответствующей датой 1322 г. до н. э. пролегал не 1460 лет, а 1461 год. Следовательно, 1322 г. до н. э. — это на самом деле 1321 г. до н. э., согласно астрономическим расчетам (за исключением особо оговоренных случаев, все даты, названные в этой книге, являются «историческими», а не «астрономическими»). Разница состоит в том, что астрономическая датировка исходит из года 0, в то время как «историческая» датировка не подразумевает существования года 0).

² Т.Н.Мартин, «*Mémoire sur la date historique d'un renouvellement de la période sothiaque*», in *Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Série I, Vol.8, Pt.1* (Paris, 1869).

тель девятнадцатой династии¹. Таким образом, год 1321 до н. э. был определен как год вступления Рамзеса I на трон, а так как на его царствование отводился всего один год, то 1321 год должен был считаться годом его царствования.

Было бы легко выстроить хронологию на основе этой фиксированной даты, чтобы египтяне отсчитывали годы правлений своих царей или даты других событий годами сотических периодов, но они этого не сделали: нет ни одного известного примера, чтобы какое-то событие отмечалось годами сотического периода. Нет ни одного известного египетского документа, который упоминал бы о сотическом периоде или содержал указание: «В такой или такой-то год сотической эры...» Согласно господствующей ныне точке зрения, сотический период не считается эрой, лежавшей в основе летоисчисления древних. Он используется в наше время только как указатель для отсчета хронологических дат. Но для таких целей вполне приемлемы и скудные сведения античных текстов, соответствующие временным пределам. Все наследие древнего Египта было перерыто в поисках каких-либо упоминаний о восхождении Сириуса, даже если это происходило не в первый день месяца Тота, но результаты оказались ничтожными.

В одном папирусе, найденном в окрестностях храма Иллахун в Фауме, сказано, что Сотис взошел в первый день месяца Фармути, в седьмой год правления неназванного царя, скорее всего из Среднего царства. После раздумий Л.Боркхардт ограничил выбор Сенвосретом III и Аменхетом III, а после дальнейших размышлений сделал вывод, что предпочтение следует отдать Сенвосрету. Месяц Фармути считался четвертым месяцем второго, или зимнего сезона, поэтому его перемещение в летний сезон, когда происходит гелиокальное восхождение Сириуса, указывает на то, что седьмой год царствования Сенвосрета приходится на время более 900 лет после начала сотического периода или за 555 лет до окончания сотического периода в 1321¹ году до н. э. (четыре года составляют в

¹ Л.Боркхардт предпочитает видеть в царе Менотре Сети Великого, сына Рамзеса I и отца Рамзеса II.

совокупности дни, когда происходит смещение гелиокального восхождения Собачьей звезды с первого дня месяца Тота). Таким образом, седьмым годом Сенвосрета должен быть 1876 г. до н. э.

Установив время царствования одного царя двенадцатой династии, можно также вычислить даты правления других царей той же самой династии, если и не с точностью, то по крайней мере приблизительно. Таким образом, двенадцатая династия угасла примерно в 1788 г. до н. э.

На одном камне, найденном в Элефантине, есть сообщение о восхождении Сотиса в дни Тутмоса III из восемнадцатой династии, и оно трактуется как гелиокальное восхождение¹, месяц и день названы, но год царствования Тутмоса, в который произошло это событие, не обозначен. Это придает всем расчетам приблизительный характер, если учитывать, что и о гелиокальном восхождении не говорится со всей определенностью.

Так называемый папирус Эберса известен своим календарем, состоящим из двенадцати месяцев по тридцать дней в каждом, без всяких дополнительных дней в конце или в начале года. Таким образом, год составляет 360 дней. В этом папирусе есть одна точная дата, которая после тщательной проверки и многочисленных сопоставлений с другими текстами связана с праздником Нового года в период царствования Аменхотепа I из восемнадцатой династии. Тот факт, что календарь Эберса состоит не из 365, а из 360 дней, спутывает все расчеты, при которых разница в четверть дня за год становится основой для хронологического использования времени восхождения Сотиса (Сириуса).

Следовательно, только сведения из папируса Иллахуна эпохи Среднего царства и упоминание в рукописи Теона об эпохе Менофра могут быть приняты в расчет при разработке хронологии, основанной на астрономии, или на гелиокальном восхождении Сириуса, или на сотическом периоде длительностью в 1460 лет.

Между концом двенадцатой династии и началом девятнадцатой династии Рамзеса I должен быть оставлен

¹ L. Borchardt, *Quellen und Forschungen zur Zeitbestimmung der Aegyptischen Geschichte*, 2 (Cairo, 1935), 18—19.

промежуток времени для тринадцатой династии — последней династии Среднего царства, для трех или четырех династий гиксосов, которые правили в течение длительного переходного периода от Среднего к Новому царству, и для величественной восемнадцатой династии, которая началась с Новым царством. Сюда же следует вместить и пока темный период, последовавший за окончанием восемнадцатой династии и предшествующий началу девятнадцатой династии между 1788 и 1321 г. до н. э.

Время восемнадцатой династии также исчислялось с помощью астрономии. «Даты празднования определенных новолуний, которые отмечались в определенные дни месяца в определенные годы царствования царей Тутмоса III и Аменхотепа I (из восемнадцатой династии), можно, отсчитывая их от эпохи Менофра, определить как годы 1474 и 1550»¹. Все это не так просто: расчеты позиций луны осуществлялись с помощью расчетов гелиокальных восхождений Сириуса. Празднование одного новолуния при Аменхотепе I зафиксировано 1550 годом, а другого, при Тутмосе III — 1474 годом. Аменхотеп I был преемником Аамеса, основателя восемнадцатой династии, и таким образом устанавливается также и дата начала Нового царства — 1580 г. до н. э.

Последний шаг — установить даты отдельных событий, упомянутых в надписях, — кажется весьма простым делом после того, как установлена датировка этих праздников. Итак, мы читаем, что Тутмос III выехал из Египта в свой первый военный поход против Палестины 19 апреля 1483 г. до н. э.²

¹ Hall, «Egyptian Chronology», *Cambridge Ancient History* (1st ed.), I, 170.

² A. T. Olmstead, *History of Palestine and Syria* (1931), p. 132. Breasted places the event at April 19, — 1479.

Двести лет — это слишком мало, а 1660 — слишком много

Первая трудность возникает в связи с количеством лет, которые приходится на период между двенадцатой и восемнадцатой династиями, который по историческим соображениям кажется совершенно неадекватным для охвата тринадцатой династии и всех династий гиксосов. Несколько царей из тринадцатой династии так же, как и из династий гиксосов, имели долгие царствования. «Все, кто изучал исторический материал той эпохи, согласятся с тем, что выделить всего два столетия на период между двенадцатой и восемнадцатой династиями чрезвычайно проблематично»¹. Как могли эти два века (1788—1580 г. до н. э.) охватить целую историческую цепь династий и в особенности широкий размах культурного развития?

Здесь, по-видимому, возможны два выхода, которые были намечены в книге «Века в хаосе». Можно попробовать доказать, что если отвести для тринадцатой династии сто лет, то еще одного столетия будет достаточно для времени гиксосов, хотя Иосиф Флавий, который опирался на Манефона, писал, что гиксосы правили 511 лет. Такой путь избрал Эдуард Мейер, который обнаружил, что для эпохи гиксосов достаточно одного столетия. Несмотря на возражения, высказанные выше, точка зрения о «столетнем правлении гиксосов» преобладала.

Другой метод соединения истории с хронологией, выработанный с помощью астрономии, демонстрирует еще большие крайности. Чтобы выявить соответствие между упоминанием о Сириусе в папирусе Иллахуна эпохи Среднего Царства и датой (1580 г. до н. э.), установленной для начала Нового Царства, должен быть введен еще один сотический период продолжительностью в 1460 юлианских

¹ Hall, «Egyptian Chronology», *Cambridge Ancient History* (1st ed.), I, 168.

лет. Таким образом вместо двухсот лет на этот период должно быть выделено 1660 лет. С введением добавочного сотического периода должна быть отодвинута назад история Среднего и Нового Царства, и история Египта должна удлиниться на соответствующее количество лет. Эту точку зрения выдвинул и отстаивал Флиндерс Петри, но ее сторонники остались в явном меньшинстве.

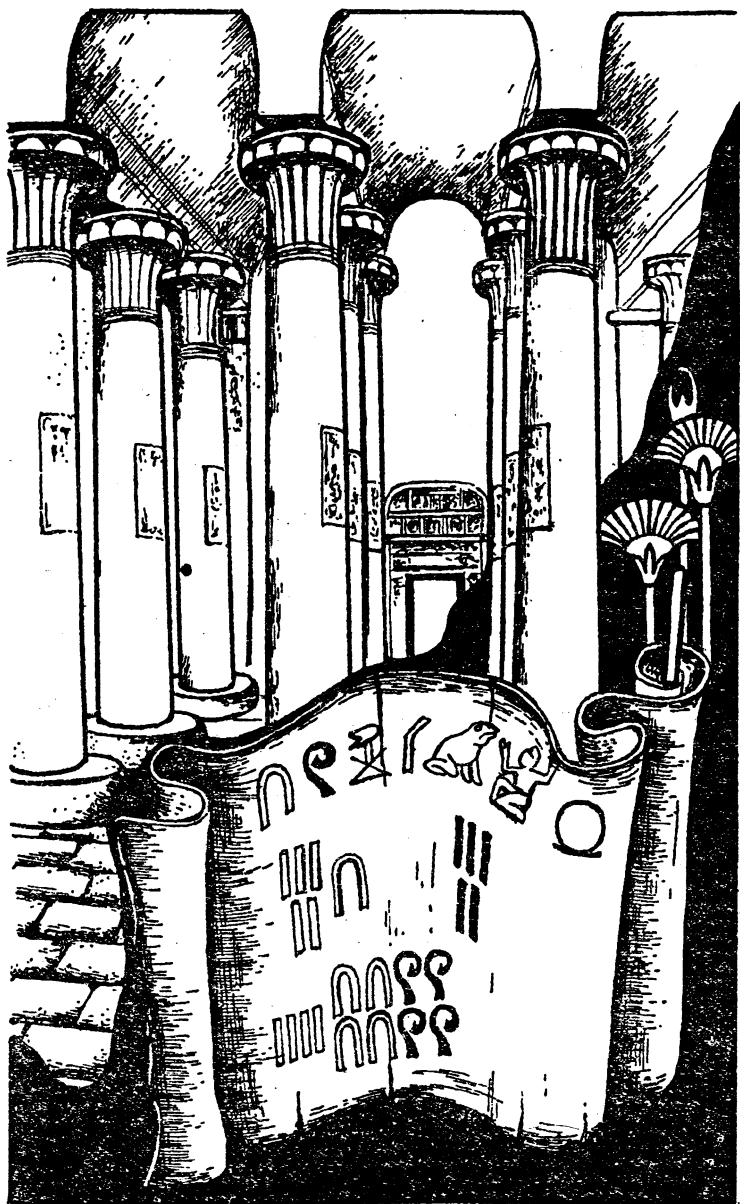
С точки зрения исторического материала, двести лет кажутся недостаточными, чтобы вместить правление царей тринадцатой и четырнадцатой-семнадцатой (связанных с гиксосами) династий и чтобы охватить культурные перемены, пережитые Египтом. С другой стороны, 1660 лет для того же самого периода — это явно слишком много.

«Независимо от сотического периода, по нашим данным требуется не более 400, в крайнем случае 500 лет между двумя (с конца двенадцатой до начала восемнадцатой) династиями»¹. И именно такой отрезок времени отводится на указанный период в книге «Века в хаосе» («Продолжительность эпохи гиксосов»).

Никто не предлагал сдвинуть начало Нового Царства на более поздний срок. Если датировка Древнего и Среднего Царства является постоянным предметом дискуссий, все соглашается с тем, что Новое Царство четко фиксировано во времени, почти так же, как структура звездного неба. По этой причине точная и устоявшаяся хронология мировой истории начинается с 1580 г. до н. э. — года изгнания гиксосов и начала восемнадцатой династии. Как говорят, это «самая ранняя из дат», «в которой мы можем быть абсолютно уверены с погрешностью в несколько лет в ту или другую сторону»².

¹ Ibid., p. 169. Масперо, фон Бриссинг и многие другие ученые отказались принять какую-либо иную точку зрения и отвергли расчеты по сотическому периоду. «*Les périodes sothiaques, au lieu de simplifier les calculs chronologiques, n'ont d'autre résultat pour nous que d'y introduire une nouvelle inconnue et peut-être une nouvelle chance d'erreur.*» G. Jéquier, *Histoire de la civilisation égyptienne des origines à la conquête d'Alexandre* (Paris, 1913), p. 26—27.

² Hall, «*Egyptian Chronology*», op. cit., p. 170. See also Albright, *From the Stone Age to Christianity*, p. 166; Breasted, *A History of Egypt*, p. 22. Also, T. Säve-Söderbergh, «*C-14 Dating and Egyptian Chronology*».

Историография разделяет прошлое мира на две большие части: период до начала Нового Царства в Египте, для которого не запретны любые хронологические гипотезы, и период от начала Нового Царства до наших дней, в котором историки не предвидят каких-либо изменений, разве что уточнение датировок отдельных событий в пределах нескольких лет. Все истории различных народов тесно связаны начиная с 1580 г. до н. э.

Совокупность выводов Цензорина и Теона

Сложившаяся хронологическая система полностью зависит от точности выводов Цензорина и Теона и от правильной интерпретации этих выводов. Первый из них сообщил, когда закончился сотический период, и путем простого вычитания 1460 юлианских лет мы можем определить, когда он начался. Второй, комментатор первого, сообщил имя предполагаемого царя, который жил в начале этого периода. Узнав от Теона имя царя, который открыл эту эпоху, и поместив этого царя в то время, которое Цензорин определил как начало сотического периода, историки получили тот отправной пункт, от которого они начали строить египетскую хронологию и историю древнего мира в целом.

Цензорин и Теон, подобно многим другим авторам третьего и четвертого веков нашей эры, были эпигонами великой эпохи науки и литературы, компиляторами и комментаторами, имевшими малый доступ к подлинным источникам древней мудрости.

---

gy» in *Radiocarbon Variations and Absolute Chronology*, ed. I.U.Olsson (Stockholm, 1970), p. 38: «Начало XVIII династии датируется с отклонением не более чем в двадцать лет», остальные царствования «между 16 и 11 веками» имеют отклонения «всего в пределах нескольких лет».

Труд Цензорина «*Liber de Die Natali*» обычно рассматривался как произведение автора, который не смешивал приобретенные знания с собственными фантазиями. Источниками его информации были, однако, довольно часто труды его предшественников, которые далеко не все признавали важность отдельного факта и предположения.

Теон Александрийский был преимущественно составителем учебников и комментариев, но по мнению некоторых современных ученых, его труды не блещут ни глубиной мысли, ни точностью. То и дело его труды дополнялись писцами; «варварский» язык, на котором написано сообщение о египетском календаре, которое приписывается ему, позволяет заподозрить, что это было всего лишь добавление¹.

Весьма дерзкой является попытка выстроить историю древнего мира на хронологической основе, представляющей собой комбинацию выводов двух авторов третьего и четвертого веков, даже если эти выводы совпадают друг с другом. Мы знаем, как много ошибочных утверждений, даже явных выдумок и величайших нелепостей, было собрано латинскими авторами, которые писали о Египте. Вот, например, некоторые из заявлений Тацита: «В период консулата Паулуса Фабия и Луция Вителлия (34 г., во времена правления Тиберия), впервые после многих веков, птица, известная как феникс, посетила Египет и дала мудрецам этой страны, а также Греции, повод долго изучать это чудо... Что касается продолжительности времени (между двумя визитами этой птицы), то предания существуют разные. Обычно принимается число пятьсот; но есть те, которые утверждают, что ее посещения происходят каждый 1461 год и что при царствовании сначала Сезостриса, потом Амазиса и наконец Птолемея (третьего из Македонской династии), три прежних феникса взлетели в небо, названное Гелиополисом, сопровождаемые множеством обычных птиц...»². Указывая на то, что между Птолемеем III и Тиберием прошло менее двухсот пятидесяти лет, Тацит пред-

¹ Martin, *Mémoires Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, Série 1, Vol. 8, Pt. 1, pp. 232 ff.

² Tacitus, *The Annals*, trans. J. Jackson, VI, 28.

полагает, что один из фениксов был поддельным, «но то, что эта птица время от времени появляется в Египте, не вызывает никакого сомнения». Не слишком отличаются от этого и писания Плиния, который ссылался на Манилия в связи с тем, что «продолжительность Большого года совпадает с жизнью этой птицы и что те же самые обозначения времен года и звезд возвращаются вновь»¹. Перечисляя свои источники, Плиний указывает на год консулата Квинта Плация и Секста Папиния (36 г.) как время, когда феникс прилетел в Египет.

Цензорин и Теон принадлежали к тем авторам поздней античности, которым казалось вполне оправданным проецировать период в 1460 лет на прошлое Египта. Но о таком сотическом периоде ни разу не упоминали сами египтяне. Сотические теории поздних авторов, подобных Цензорину и Теону (или его комментатора), в действительности не являются тем надежным основанием, на котором следует возводить всю историю древнего мира. В самом деле, если мы сможем установить личность Менофра, названного Теоном, сообщения Цензорина не будут представлять никакой ценности для датировки Нового царства.

Кем был Менофр?

Кем был Менофр, чье имя, согласно Теону, было дано целой египетской эре? Теон не написал, что Менофр был царем. Он мог быть мудрецом или астрономом, который высчитал этот период, или его имя могло быть дано эпохе за какие-то иные заслуги. Все эти варианты не исключены, пока мы доверяем точности сообщений Теона. Если мы не имеем такого доверия, то в существовании Менофра следовало бы усомниться с самого начала. Ни в одном египетском источнике ни при каких обстоятельствах не встречалось упоминаний об эре Менофра.

¹ Pliny, *Natural History*, X, 2.

Один исследователь прошлого века выразил мнение, что Менофр — это Мен-Нофр, египетское название Мемфиса¹. Такое объяснение было в свое время отвергнуто², но оно, несомненно, привлекает, потому что наблюдение за Сириусом, которое вели жрецы Мемфиса, имело значение для всего Египта, по крайней мере в эллинистическую эпоху. Гелиокальное восхождение Сириуса наступает в Фивах (Луксоре, Карнаке) на четыре дня раньше, чем в Мемфисе (близ Каира), так как каждый градус северной широты означает появление южной звезды примерно на один день позже. От устья Нила в Александрии до Сины (Асван) разница составляет в 7°1 минуту. Когда Сириус поднимается в первый день Тота в Мемфисе, его еще не видно в Саисе или Танисе в Дельте, в Фивах он виден уже на пятую ночь, а на седьмую ночь — в Сине. Какой же из этих дней считался днем гелиокального восхождения для календаря? Олимпиодор³, греческий ученый, который жил в Египте в пятом веке нашей эры, решил эту проблему, не решенную основателем «берлинской школы» египтологов⁴, объяснив, что дата восхождения этой звезды в Мемфисе была принята также и в Александрии. Эдуард Мейер, не знакомый с утверждением Олимпиодора, пытался выяснить, что явилось основой датировки по Сириусу, если эта звезда на разных широтах Египта восходит в разное время. Из этого он сделал вывод, что основой софистических дат были не прямые наблюдения и что они помещались в календари в заранее вычисленные дни. Л. Боркхардт, еще один из крупнейших специалистов в области египетской астро-

¹ J. B. Biot, *Etudes sur l'astronomie indienne et sur l'astronomie chinoise* (Paris, 1862), pp. XXXVI—XXXIX.

² Cf. Martin, *Mémoires Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, I (1869), *History and Chronology of the Eighteenth Dynasty of Egypt: Seven Studies* (Toronto, 1967), p. 214—215. В последнее время Д. Б. Редфорд и другие авторы, на которых он ссылается, вернулись к мнению, что Менофр означает Мемфис.

³ A. J. Letronne, «Nouvelles recherches sur le calendrier des anciens égyptiens», *Mémoires Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, XXIV, Pt. 2 (Paris, 1864); J. L. Ideler, *Meteorologia veterum Graecorum et Romanorum* (Berlin, 1832).

⁴ See E. Meyer, *Aegyptische Chronologie* (Berlin, 1904), p. 17—18.

номической хронологии, также обнаружил незнание фрагмента из Олимпиодора: он предположил, что датировка Гелиополиса принималась во всем Египте¹. Объяснение Олимпиодора создает полную вероятность того, что Менофр означает Мен-Нофр, или Мемфис.

Но если Менофр — это город, а не человек, тогда не существует той единственной точки, на которой возводится хронологическая система. Как уже подчеркивалось, во все те периоды египетской истории, о которых шла речь в данной работе, — в эпоху гиксосов, Нового царства, Позднего царства и вплоть до Александра Великого — нет ни одного отмеченного египетского упоминания о летоисчислении по годам сотического периода.

Даже если Менофр был царем, который жил в начале некоей эры и этой эрой был сотический период, трудность идентификации его личности еще более возрастает. В династических списках Манефона, представленных у Евсевия и Юлия Африканского, есть множество царей со сходно звучащими именами, но ни один из них не назван именем Менофр. Царь Мернере из шестой династии, Меннофирре из династии гиксосов², Аменофтах из восемнадцатой династии, Аменептас и Минепта из девятнадцатой династии (из списков Юлия Африканского и Евсевия) или вновь Аменофес и Меррхес из восемнадцатой династии Манефона, указанные у Иосифа Флавия, — все они могут рассматриваться как возможные претенденты на имя Менофр, хотя далеко не все из них были историческими личностями или, по крайней мере, не все из них известны из памятников Египта. Наиболее подходящим кандидатом является скорее всего Минепта, преемник Рамзеса II, и именно его часто называли как Менофра у Теона. Но по соображениям «*petitio principii*» берлинская школа египтологов заявила, что совершенно невозможно отнести Минепту к 1321 г. до н. э., т. е. к началу сотического периода, «так как самой ранней датой, когда Рамзес II (отец Минепты) мог всту-

¹ Borchardt, *Quellen*, II, 13.

² «*Beaucoup plus convenable serait Mennofirre de quelques scarabées "hyksos"*». Weill, *Bases, méthodes et résultats de la chronologie égyptienne*, p. 11.

пить на трон, является приблизительно 1300 г. до н. э.» (Мейер)¹. Следовательно, Сети, отец Рамзеса II, был идентифицирован Боркхардтом и его учениками как Менофр, о котором идет речь у Теона².

Метод подобных конструкций ни на чем не основан. Хронология Египта должна быть выстроена после датировки царствования Менофра с помощью сотического периода. Но если точно известно, что «самой ранней датой, когда Рамзес II мог вступить на трон, является приблизительно 1300 г. до н. э.» и, следовательно, его преемник не мог начать какую-то новую эру в 1321 г. до н. э., тогда к чему же весь этот обходной метод расчета замедления звезды Сириус по календарю, который укорачивал каждый год на четверть дня, и попытки идентифицировать личность Менофра? Хронология уточнена без Менофра и без сотического периода.

Поскольку восхождение Рамзеса II на трон относят к 1300 г. до н. э., год 1321 должен относиться или к царствованию его отца Сетоса (Сети), вторым именем которого было Менмаатр, или к деду Рамзеса II — Рамзесу I-Менпехтире. Совершенно ясно, что выбор может быть только произвольным³. И однако Рамзес I-Менпехтире часто выбирается на роль царя Менофра по той единственной причине, что его царствование, длившееся один год, рас-

¹ «*Wonach diese Periode bei Theon benannt ist, wissen wir nicht. Der Name Menophris oder Menophreus könnte ägyptisch Merenre sein, mit eingeschobenem Artikel (ρ) vor dem Gottesnamen. Könige dieses Namens kennen wir nur in der 6. Dynastie, an die hier nicht gedacht werden kann; dagegen gibt es im 14. Jahrhundert und überhaupt im Neuen Reich keinen Herrscher dieses Namens. Wenn man also einen Königsnamen und nicht etwa einen Privatmann, z. B. einen Astronomen, darin suchen will, bleibt nichts übrig, als den Namen zu korrigieren — man hat sehr oft Me (r) neptah, den Sohn Ramses' II darin gesucht. Aber es ist gänzlich unmöglich, diesen ins Jahr 1321 zu setzen, da Ramses II. frühestens erst gegen 1300 auf den Thron gekommen sein kann*» // Meyer, *Aegyptische Chronologie*, p. 29—30.

² Borchardt, *Quellen*, II, 17.

³ «*Man könnte auch etwa an Menpehtire, den Vornamen Ramses' I, oder selbst an Menmaatre, den Vornamen Sethos' I, denken. Damit wird aber der Willkür das Thor geöffnet*». Meyer, *Aegyptische Chronologie*, p. 30.

смачивается как начало девятнадцатой династии¹. Но не лишним будет обратить внимание на то, что в списках царей девятнадцатой династии у Манефона, а также у Евсевия и Юлия Африканского, нет упоминаний о Рамзесе I — Менпехтире; эта династия начинается с Сетоса (Сети). Если Теон воспользовался какой-то версией Манефона, а не египетскими памятниками, а по-видимому, это так и было, тогда отождествление Менофра с отсутствующим Рамзесом-Менпехтире — это еще одна явная натяжка.

Датировка царствования Рамзеса I 1321 годом до н. э., при отсутствии какой-либо опоры в выводах Цензурина и Теона, была совершенно неоправданной. После того как Рамзес I был таким образом идентифицирован как Менофр, годы царствования царей девятнадцатой династии стали отсчитываться от 1321 г. до н. э. С другой стороны, были высчитаны празднования новолуний в эпоху восемнадцатой династии, и годы правления царей этой династии определялись путем арифметического прибавления. После восемнадцатой и девятнадцатой династий великие династии Нового царства были распределены по соответствующим векам с помощью такого же метода, а истории других народов выверены по этим датам.

Вся историческая структура была построена на следующих посылах: 1) существовала какая-то эра Менофра; 2) эта эра совпадала с сотическим периодом; 3) этот сотический период начался в 1321 г. до н. э.; 4) Менофр был царем, который жил в начале этой эпохи. Вдобавок ко всем этим посылам и предположениям было установлено, 5) что этим Менофром являлся Рамзес I, поскольку начало царствования Рамзеса II было аргюи (и без всяких достаточных на то оснований) отнесено к 1300 г. до н. э.

Хронология мировой истории, выстроенная на подобных гипотезах, не кажется столь стабильной и надежной, как принято было думать; она похожа скорее на скопление многих несвязных фактов, каждый из которых сам по себе является весьма шатким, произвольно нагроможденных друг на друга.

¹ See Hall, «Egyptian Chronology», *Cambridge Ancient History* (1st ed.), I, 170.

Астрономическая неопределенность астрономической хронологии

Цепь логических аргументов нисколько не крепче ее слабых звеньев. В этой цепи аргументов, на которую подвешена хронологическая система Египта, полностью отсутствуют несколько звеньев. Нет нужды выдвигать дополнительные аргументы, выявляющие шаткость хронологии, основанной на расчете эры Менофра и сотического периода. Поэтому мы можем закрыть этот вопрос. Поставленная нами задача показать, почему «астрономические основы» историографии произвольны и неточны, уже выполнена, и нет необходимости демонстрировать дальше допущенные ошибки.

Мы еще немного задержимся на этой теме только для того, чтобы объективно представить особенности египетского календаря. Однако в ходе обсуждения в еще большей мере выявится полная необоснованность этого астрономического летоисчисления. Астрономические основы сотического летоисчисления также весьма ненадежны.

Во-первых, необходимо отметить несколько противоречивых положений. Мы с доверием приняли сообщение Цензорина о дате гелиокального восхождения Сотиса в первый день месяца Тота в 139 году («в год второго консула императора Антония Пия и Брутия Презенса»); определенное подтверждение этой даты было обнаружено в календарной дате восхождения Сириуса в год Канопского декрета¹.

Но если один Большой год закончился, а второй начался в 139 г., то это событие должно было случиться во времена Клавдия Птолемея, точнее в период расцвета творчества (127—151) этого выдающегося астронома древности. Клавдий Птолемей был жителем Александрии. В его сочинениях нигде не упомянуто об этом событии; он к тому же никак не проявил своих познаний в области сотического летоисчисления, хотя детально занимался астрономическими и календарными проблемами своего времени и пред-

¹ Cf. Säve-Söderbergh, op. cit., p. 37.

шествующих столетий, даже изучал вавилонские сведения о затмениях восьмисотлетней давности. Живя в Александрии и занимаясь всеми этими вопросами, разве мог он оставить без внимания или обойти молчанием наступление очередного Большого года в Египте, совершившееся при нем?

В этой связи полезно также знать о последующих астрономических расчетах гелиокальных восхождений Сириуса в небе Египта. В начале нынешнего века такие расчеты были предприняты Перси Дэвисом. Согласно его исследованиям, в 139 году, в первый день месяца Тота, в Египте не было гелиокального восхождения Сириуса, несмотря на утверждения Цензорина: в это время Сириус восходил примерно за час до рассвета и, следовательно, перед восходом солнца находился высоко в южном небе. Соответственно и в отношении трех предшествующих дат, которые считались началом новых сотических периодов, Дэвис обнаружил, что Сириус восходил за час до рассвета. Если эти расчеты верны, то данные четыре даты не обозначают дни гелиокального восхождения Сириуса в небе Египта.

Следовательно, празднование Сотиса «не должно быть связано с каким-то небесным явлением или с гелиокальным восхождением». «Может быть, оно просто связано с появлением (не гелиокальным) Сириуса в ночном небе? Если это так, то понадобится серия новых расчетов, и сомнительно, что из них можно будет извлечь достаточно точные данные для обоснования такой хронологической системы»¹.

Египетская хронология не пересматривалась. Египтологи чувствовали, что с того времени никакие изменения не могут быть сделаны: конструкция исторического здания уже была абсолютно несокрушимой или, как выразился Брэдстед, «математически точной»².

¹ G. Legge, in *Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptiennes et assyriennes*, XXXI, La Mission Française du Caire (Paris, 1909), 106—112. Выводы Легга основывались на расчетах, сделанных Перси Дэвисом. Следует, однако, заметить, что расчеты Дэвиса могут оказаться ошибочными. Возможно, он пользовался 1 днем месяца Тота по александрийскому календарю (30 августа 139 г.) вместо 1 дня месяца Тота по египетскому календарю (20 июля 139 г.).

² Breasted, *A History of Egypt* (2nd ed.), p. 22.

Сама интерпретация Spdt (Сотиса) как название Сириуса тоже спорна. Дункан Макнаугтон в своей пространной работе попытался доказать, что Spdt — это звезда Слика из южного созвездия Девы, а не Сириус¹. Однако шансы определить звезду Spdt весьма незначительны по причине вполне однозначного заявления Цензорина, которое нашло поддержку в научном мире. Поэтому вопрос, который мы задаем, прозвучит с некоторым коварством: возможно ли, что под звездой Spdt имеется в виду звезда Канопус? Сириус — это самая яркая из фиксированных звезд, Канопус — это вторая ярчайшая звезда, ярче любой другой, за исключением Сириуса². Канопус расположен к югу от Сириуса, почти по прямой линии от него к Южному полюсу и ближе к нему. Он никогда не бывает виден в северном полушарии севернее широты Норфолка (штат Вирджиния). Он никогда не виден в Палермо, Сицилии, хотя, возможно, в течение нескольких ночей за год его можно увидеть с вулкана Этна. В Египте каждое его ежегодное появление на очень ограниченный срок очень эффектно. Тот факт, что декрет, фиксирующий Новый год (первый день Тота) в связи с гелиокальным восхождением Spdt, был провозглашен конклавом жрецов, заседавшим в городе Каноп (греческое название египетского Пер-гута), как кажется, дает основания для подобного вывода. Канопус был легендарным кормчим Менелая, брата Агамемнона, предводителя греков в Трое. Согласно этой легенде, Каноп умер в Египте, и город, в котором он умер, находящийся на самом западном (канопском) рукаве Дельты (теперь засыпанном песком), был назван в честь него, как и эта звезда. Разве не более вероятно, что греки назвали этот город в честь звезды? Не могло ли это место быть названо Канопом из-за декрета, составленного здесь и связанного со звездой Канопус? Однако Геродот еще раньше называл один из рукавов Дельты Канопским.

Я высказал это предположение, независимо от того, соответствует ли оно истине. Я, однако, воздержусь от но-

¹ D. Macnaughton, *A Scheme of Egyptian Chronology* (London, 1932).

² В действительности, Канопус гораздо больше и гораздо ярче, чем Сириус, но он отдален более чем на 300 световых лет, в то время как Сириус находится на расстоянии 8,8 световых лет от земли.

вой интерпретации Канопского декрета: как мы вскоре увидим, в этом декрете говорится не только о звезде Spdt, предположительно Сириусе, но также и о звезде Исиды. И ученый мир безнадежно заблуждается, если считает, что оба эти названия относятся к одной и той же звезде.

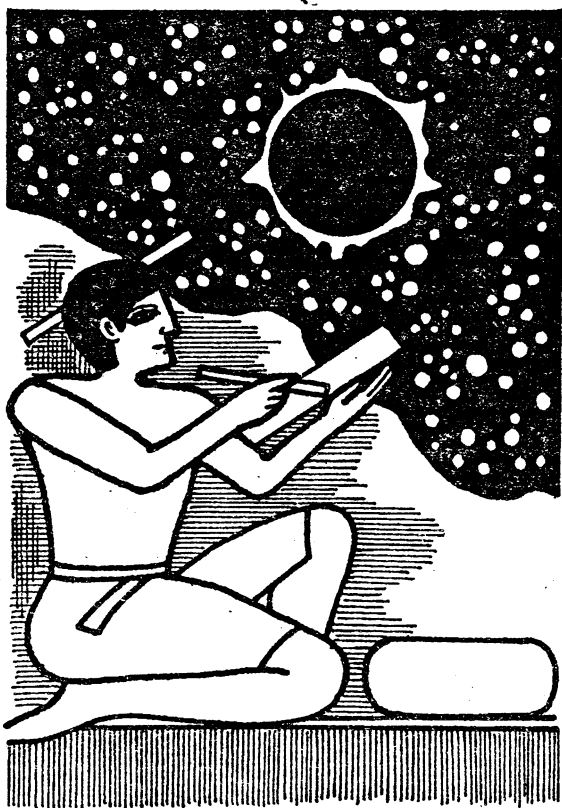
Канопский декрет был составлен группой льстивых жрецов и предлагал введение нового праздника в честь царя Птолемея III Эвергета и его царицы Береники, «благословенных богом». Пять лунных дней в конце года уже были праздниками в честь фараонов из династии Птолемеев. Конклав установил, чтобы в каждый четвертый год во все времена добавлялся один високосный день для чествования Птолемея III Эвергета и его царицы.

Греческий, демотический и иероглифический тексты декрета довольно сильно отличаются друг от друга. Считалось, что греческий текст был первоначальным, а потом первоначальным сочли демотический текст. Из-за несогласованности этих версий создается впечатление, что писцы, переводившие текст с оригинала, каким бы он ни был, не слишком хорошо понимали значение декрета, в котором шла речь об астрономических проблемах, и потому допускали много вольностей.

Другая точка зрения, на которую необходимо обратить внимание, состоит в том, что хотя в данном тексте говорится об изменении календаря за счет введения дополнительного дня каждые четыре года, ни в одной из трех версий не обнаружено никаких упоминаний о 1460 (или 1461) годе или о каком-либо сотическом периоде. В декрете говорится о временах, когда год состоял только из 360 дней, и о реформе, когда к году было добавлено пять дней. Как я уже отмечал, это само по себе разрушает основу каких-либо расчетов начала сотического периода во втором или предшествующих тысячелетиях до нашей эры — расчетов, основанных на Цензорине, а не на Канопском декрете, который появился раньше сочинений латинского автора почти на пять столетий. Но даже Цензорин, освещая дискуссию по поводу сотического периода, писал о календарном летоисчислении, основанном на цифре 2484 года, которая отделяет один катаклизм от другого.

ГЛАВА III

Венера

Венера

Продолжительность года была точно известна во втором и третьем тысячелетии, сознательное пренебрежение четвертью дня каждый год, что составляло потерю двадцати пяти дней за столетие, было скорее всего намеренным отклонением от точности, достигнутой египетскими жрецами. Почему же египтяне допускали такую ошибку в течение столетий и тысячелетий, если они о ней знали?

Ученый, который задал этот вопрос (М.Кнапп)¹, предположил, что сотический период скорее связан с Венерой, чем с Сириусом. Сириус — самая яркая звезда, Венера — еще более великолепная планета.

Венера, подобно Сириусу, остается невидимой в течение определенного периода года. Но это не является результатом сезонного перемещения северного полушария, когда из поля видимости уходят южные звезды, как в ситуации с Сириусом или Канопусом. Это происходит потому, что Венера, вращаясь лишь под небольшим углом по отношению к плоскости земли, исчезает за солнцем примерно на два месяца и шесть дней, будучи заслоненной солнцем в этот период.

Находясь к востоку от солнца, Венера является вечерней звездой; когда она располагается к западу от солнца, она становится утренней звездой. Венера совершает оборот вокруг солнца за 224,7 земных дня. Однако при наблюдении с земли, которая вращается по более широкой орбите и

---

¹ М.Кнапп, *Pentagramma Veneris* (Basel, 1934), p. 22. В момент опубликования этой книги Кнапп работал на кафедре астрономии Базельского университета.

на меньшей скорости, но в том же направлении, Венера возвращается, чтобы пересечь линию, идущую от солнца к земле, один раз в 584 дня¹. Это называется синодическим годом Венеры.

Восемь земных лет составляют примерно пять синодических лет Венеры, отклонение составляет приблизительно один день за четыре года. Пять синодических обращений Венеры равны 2919,6 дням²; восемь лет из 365 дней составляют 2920 дней, а восемь лет из 365 1/4 дня — 2922 дня.

Клавдий Птолемей в своем «Альмагесте» показал, что такое исчисление было известно в его время, за столетие до Цензурина и за два столетия до Теона. Он писал, что «восемь египетских лет без каких-либо значимых отклонений равны пяти обращениям Венеры»³. Согласно Кнаппу, для упрощения египтяне пренебрегали небольшим различием между пятью синодическими годами Венеры и восемью годами по 365 дней.

В работе Гемина «Isagoge» ясно сказано, что фестиваль Исис проходит через все времена года в течение 1460 лет⁴.

Мы можем развить этот тезис дальше и доказать, что Венера играла решающую роль в египетском календаре в период, следующий за седьмым веком.

Источником Гемина был Эратосфен, который жил в третьем веке до нашей эры и служил у царя Птолемея III Эвергета в его библиотеке в Александрии. В Канопском декрете, обнародованном при этом же царе, сказано, что праздник звезды Исиды и другие праздники являются сезонными: чтобы календарь мог соответствовать порядку природы, год должен следовать за звездой Сотис. Различие между календарем Исиды и календарем Сотиса снима-

¹ Хотя в целом синодический год Венеры составляет 584 дня, продолжительность отдельных синодических годов может варьироваться на несколько дней, в зависимости от соотношения позиций земли и Венеры.

² До недавнего времени он считался равным 2919,6097 дням. В последнее время с помощью радарных измерений обнаружено, что он равен 2919,57 дням.

³ Claudius Ptolemy, *Almagest*, Tenth Book, Fourth Chapter.

⁴ Geminus, *Isagoge*, Chap. 8.

ется, если к каждому четверем годам Исиды добавляется один день. Календарь и праздники стали регулироваться годами фиксированных звезд.

Толкования этого декрета и сотического периода в целом привели к большой путанице, потому что звезда Исиды и звезда Сотис были сочтены одной и той же звездой — Сириусом. Но звезда Исиды — это Венера — Плиний говорит, что Исиды — это планета Венера¹ — и Канопский декрет может говорить о двух разных звездах. Греческий текст этого декрета² гласит, что «... всеобщее празднество и процессия будут проводиться каждый год... в день, когда восходит звезда Исиды, что согласно священным книгам, считается Новым годом... но если случится, что восход этой звезды раз в четыре года изменится на один день, празднества и процессии не будут перенесены» и будут проводиться в тот же самый день, что и в год подписания декрета. Этот календарь должен был следовать «нынешнему положению (или структуре) Вселенной», так чтобы «не могло случиться, что какой-то из народных праздников, который отмечается зимой, стал отмечаться летом (из-за) Звезды... отклоняющейся на один день каждые четыре года, а праздники, которые отмечаются летом, стали бы в будущем праздноваться зимой, как это прежде случалось». Было установлено, чтобы каждые четыре года добавлялся бы дополнительный первый день к первоначальным тремстам шестидесяти дням и к пяти дням, которые уже были добавлены раньше.

Общепринятое толкование этого декрета подразумевает, что и звезда Исиды и звезда Сотис означают Сириус. Даже не поднимался вопрос о том, могут ли Сотис и Исиды, упомянутые в декрете, оказаться двумя звездами. Однако сам Бадж, переведя греческий текст, понял, что речь должна идти о двух разных небесных телах, и потому предположил, что должно иметься в виду солнце.

¹ Pliny, *Natural History*, II, 37.

² Quoted from the translation by Budge, *The Decrees of Memphis and Canopus*, Vol. III, *The Decree of Canopus* (London, 1904). Cf. W. Spiegelberg, *Der demotische Text der Priesterdekrete von Kanopus und Memphis (Rosettana)* (Heidelberg, 1922), p. 70—76, 89.

Кроме того, немного поразмыслив, мы можем догадаться, что дата утреннего восхождения фиксированной звезды Сириус могла бы постепенно сдвигаться по календарю из 365 дней, продвигаясь на один день каждые четыре года, но не по временам года, поскольку это восхождение всегда происходит летом. Гелиокальное восхождение планеты Венера совершается во все времена года, повторяя естественный годовой цикл весны, лета, осени и зимы, и по календарю из $365 \frac{1}{4}$ дня, задерживаясь почти на два дня каждые восемь лет или на один день каждые четыре года. Таким образом, название звезды Исида, которую Плиний толковал как планету Венера, и утверждение, что ее гелиокальное восхождение совершается «во все времена года» не оставляют никаких сомнений в том, что греческая версия декрета говорит о Венере и о ее соотношении со звездой Сотис.

Однако демотический текст говорит о Сотисе, а потом о звезде, которая «отстает на целый день каждые четыре года», вследствие чего «празднества, которые проводились в Египте и должны были проводиться зимой, стали отмечаться летом, поскольку данное светило (т. е. звезда) меняло свое положение на один день каждые четыре года...»¹.

Этот декрет имел целью освободить календарь от наблюдений за восхождением Венеры, утвердив раз в четыре года год високосный. Новый год (первый день месяца Тота) был связан с Венерой, а «Открытие года» — с Сотисом, и для этого использовались два различных слова — *trp npt* и *wp npt*.

Празднование Открытия года смещалось по календарю, а празднование Нового года — по временам года. В намерения конклава входило соединение празднования Нового года с празднованием Открытия года. Какой смысл был в том, чтобы отмечать утреннее восхождение звезды Сириус 1457 раз за 1461 год в дни, когда его восхождение не совершалось, и только раз, четыре года подряд, на протяжении этого огромного отрезка времени в нужный день? Стали бы мы называть какой-то августовский или декабрьский день днем весеннего равноденствия?

¹ Quoted from the translation by S. Sharpe, *The Decree of Canopus in Hieroglyphics and Greek* (London, 1904). Cf. Spiegelberg, *op. cit.*, p. 71.

Эта реформа Птолемея Эвергета и жрецов из Канопы не пустила корней. Объяснение этого содержится в одной из схолий Германика¹. Этот комментатор говорил, что египетский царь (во времена династии Птолемеев) обычно приносил клятву в храме Исиды сохранять год продолжительностью в 365 дней и не вводить промежуточные месяцы или дни, которые могли бы нарушить ход празднеств. Это тоже легче понять, если обещания царей имели целью подчинить календарь чествованию планеты в храме, воздвигнутом в ее честь. Почему интересы Сириуса были бы задеты реформой, которая установила, чтобы праздник восхождения звезды совпадал с ее действительным восхождением?

Как уже было сказано раньше, эта реформа, задуманная Птолемеем Эвергетом, была осуществлена Юлием Цезарем, который два столетия спустя установил календарь с дополнительным днем раз в четыре года. Этот календарь был введен в Александрии Августом и, вероятно, заставил Цензорина, через более чем два столетия после Августа, написать, что ошибка в четверть дня за год накапливается целый год в течение 1461 года (из 365 дней), и отметить, что в его время этот временной отрезок, связанный с Сириусом, наблюдался в Египте. Египтяне за пределами Александрии продолжали праздновать утреннее восхождение Венеры, справлять в этот день Новый год, иметь в году 365 дней и позволять праздникам не спеша двигаться по временам года. Клавдий Птолемей написал весьма многозначительную фразу, которую мы цитировали выше, о том, что восемь египетских лет «без заметных погрешностей» равны пяти обращениям (синодическим годам) Венеры. Однако поскольку между этими двумя периодами имеется небольшое расхождение около 0,4 дня, можно поставить вопрос: почему в течение достаточно длительного времени это расхождение не стало явным и не обусловило отклонений года Венеры и года из 365 дней сначала на один, а через некоторое время еще на один день? Вполне могло быть так, что синодический год Венеры в более

¹ Germanicus' translation of Aratus' *Phaenomena*, ed. Buhle, p. 71.

ранние времена отличался от нынешних оценок и составлял менее 0,1 дня, если Венера все еще находилась в процессе сокращения эклиптики своей орбиты примерно на одно обращение. Суть состоит в том, что приравнивание синодического периода Венеры к восьмикратным 365 дням или к 2920 дням существовало только в египетском летоисчислении.

Синодический период Венеры и празднества

В течение столетий наблюдения за утренним восхождением Венеры, или Иштар, велись вавилонянами¹, майя² и инками³ в полушариях, разделенных океанами; велись и хранились записи, некоторые из них не дошли до наших дней. Хорошо известно, что майя также соблюдали календарь Венеры, и весьма странно, что египтологи не обратили внимания на тот факт, что «майя отсчитывали годы Венеры группами по пять, делая 2920 дней равными 8 годам из 365 дней»⁴. И исследователи календаря майя не извлекли никаких выводов из египетского календаря.

¹ Библиографические данные об этих табличках см.: K.Fotheringham, *The Venus Tablets of Ammizadug* (London, 1928).

² «Они хранили сообщения о днях, когда появлялась Утренняя Звезда (гелиокальное восхождение), и исполняли это так тщательно, что никогда не допускали ошибки», — писал Рамон-и-Замора, который в шестнадцатом веке изучал верования и традиции майя. E.Seler, *Gesammelte Abhandlungen zur amerikanischen Sprach- und Altertumskunde* (Berlin, 1902), I, 624.

³ E.Nordenskiöld, *The Secret of the Peruvian Quipus* (Göteborg, 1925), Pt.II, p.35.

⁴ J.E.Thompson, *A Correlation of the Mayan and European Calendars*, publications of the Field Museum of Natural History, Anthropological Series, Vol.XVII (Chicago, 1927); G.Ricci, *Las Pictografías de las Grutas Cordobesas y su interpretación astronómico-religiosa* (Buenos Aires, 1930), p. 22.

Майя более чем за тысячу лет до открытия Америки уже знали точную продолжительность солнечного, или тропического, года¹. Тем не менее они не отказались от календаря Венеры и продолжали соблюдать его и после открытия Америки. Этот факт соответствует обнаруженной нами двойной календарной системе египтян в эпоху династии Птолемеев.

Календарь Венеры демонстрирует близкое совпадение с годом из 365 дней с интервалами в восемь лет. Восьмилетний период может быть легко разделен пополам, и каждая половина состоит из двух с половиной синодических периодов Венеры, имея в качестве разделительных точек нижнюю конъюнкцию и центр высшей конъюнкции. Соответственно год Венеры в Египте был равен четырем годам из 365 дней.

Вот почему Гораполло говорил, что египетский год равен четырем годам². Это утверждение всегда казалось комментаторам, привыкшим утверждать, что такого природного цикла не существует, очень странным. Но перед нами объяснение.

И древние, и современные авторы, которые с недоумением воспринимали утверждение Гораполло, слишком легко забыли, что в Греции большой год, или год Олимпиад, тоже был равен четырем годам. Олимпийское празднество проводилось с восьмого века до нашей эры. Сначала, как считалось, его проводили раз в восемь лет³, а потом

¹ См. примечания У.Гейта к его переводу *Yucatan before and after the Conquest* by Diego de Landa (Baltimore, 1937), p.59, and Gates, *The Dresden Codex*, Maya Society Publications, No 2 (1932).

² «Год у египтян состоит из четырех лет». *Horapollo*, II, LXXXIX. See J.G.Wilkinson in G.Rawlinson, *The History of Herodotus* (London, 1858—1860), II, 285.

³ «Интервал в восемь лет был слишком долгим. Поэтому мы можем предположить, что обычай вырос из празднования не только начала, но и середины указанного периода, подобно тому, как начало и середина месяца имели специальные ритуалы.... Это изменение коснулось олимпийских игр, по крайней мере, уже в 776 г. до н. э.», E.N.Gardiner, *Olympia* (Oxford, 1925), p. 71. See also L.R.Farnell, *The Gods of the Greek States* (Oxford, 1896—1909), IV, 293, and J.G.Frazer, *The Dying God* (London, 1911), p. 78.

каждые четыре года. Три древних праздника в Дельфах — Стептерия, Героис и Харила — продолжали проводиться раз в восемь лет до поздних времен. Дафнофория — фестиваль в греческих Фивах — также праздновался каждые восемь лет. Пифийские празднества, проводившиеся каждые восемь лет, в шестом столетии стали отмечаться каждые четыре года. Панафинейские процессии в афинском Парфеноне проводились каждые четыре года*.

Историки, изучавшие проблему этих праздников с циклом в восемь лет и в четыре года, не могли найти объяснения таким периодам и задавали вопрос: почему праздник повторялся раз в восемь лет или раз в четыре года, если ничто в сельскохозяйственном цикле народов не было связано с подобными периодами?

Согласно одному из ранних исследователей, Бернардино де Сахагану, в Мексике тоже «туземцы справляли каждые восемь лет торжество, которое они называли Атамальквалицтли»¹. У американских индейцев праздники, связанные с утренним восхождением Венеры, справляются до настоящего времени, и их описания свидетельствуют о том, что многие обычаи, которые отмечались у майя, чествовавших утреннее восхождение Венеры, остались неизменными².

Восьмилетний, а позже четырехлетний цикл этих праздников имел одно и то же происхождение в Мексике, Греции и в Египте. Они были связаны с синодическим годом Венеры, называвшейся также «царицей небес»³.

Египетский календарь из 365 дней был связан с Венерой, так что каждый восьмой год утреннее восхождение

* Здесь следует иметь в виду, что традиционные процессии в Парфеноне проводились в ходе великих Панафинейских празднеств, то есть один раз в четыре года, тогда как ежегодно организовывались малые Панафинейские. — Прим. ред.

¹ Fray Bernardino de Sahagun, *A History of Ancient Mexico*, I, trans. F.R. Bandelier (Nashville, 1932), Appendix to Book II, «Account of the Festival Celebrated Every Eight Years».

² R. Linton. *The Sacrifice to the Morning Star by the Skidi Pawnee*, from unpublished notes by G.A. Dorsey, Field Museum of Natural History Department of Anthropology (Chicago, 1922).

³ Книга Иеремии 44:18

этой планеты приходилось на первый день месяца Тот: это и был Новый год. Смещение гелиокального восхождения Венеры приблизительно на два дня по отношению к временам года могло наблюдаться при одновременных восходах и закатах этой планеты и любой из фиксированных южных звезд. Чтобы сравнить гелиокальный восход и заход Венеры с восходом или заходом фиксированных звезд, была выбрана самая яркая из них — Сириус. В египетских рисунках есть символические намеки на то, что этим звездам отведена подсобная роль¹, и Канопиский декрет прямо говорит о соотношении движения звезды Исиды со звездой Сотис.

Путаница между Венерой и Сириусом обесценивает расчеты, сделанные в связи с египетской хронологией. Если этого недостаточно — хотя на самом деле вполне достаточно, то календарная реформа, проведенная в середине второго тысячелетия и с восьмого по седьмой век первого тысячелетия до нашей эры, решительно препятствует любой попытке использовать сотическое летоисчисление или что-нибудь вроде этого как хронологический путеводитель.

Но если читатель обратится к книге «Столкновение миров», он найдет множество сведений о внезапных и бурных переменах в природном порядке. Солнечные часы египетской древности не показывали точного времени на тех широтах, где их находили; водяные часы вообще не работали, хотя оставались неповрежденными. И вавилонские и египетские надписи говорят о времени, когда наблюдался в году день, который был в три раза длиннее самого короткого — коэффициент, который менялся в различные периоды. Северный небесный полюс однажды оказался в созвездии Малой Медведицы, и это смещение было внезапным. Весеннее и осеннее равноденствия как-то сместились на 30,4 дня, а в другом случае на 9 дней. Была изменена ориентация храмов в Греции, в Палестине (Шехеме), в

¹ W. Max Müller, *Egyptian Mythology* (Boston, 1918), p. 56: «Сотис-Сириус раньше отождествляли с Хатор, или Исидой... На одном весьма примечательном изображении она представлена вместе (или скорее напротив) с Гором как утренняя звезда, и при этом в таком странном положении... которое мы не можем объяснить, исходя из текстов».

Египте и Судане. Продолжительность месяца постоянно менялась, как и количество дней в году (камень из Палермо содержит сведения о годе из 320 дней в эпоху Древнего царства)¹, а также продолжительность суток. Календари подвергались вновь и вновь изменениям, и начало года было смещено в большинстве древних цивилизаций, что всегда следует за глобальными катаклизмами.

Перед лицом всего этого и собранных воедино данных о внезапных природных изменениях, представленных в книге «Земля в перевороте», насколько прочным может быть здание астрономической хронологии, фундаментом которого стало убеждение в неизменности, по крайней мере с древнейших времен, ни одного элемента природной структуры? Но я сознательно предпринял проверку хронологии сотического периода, не возвращаясь к аргументам, имеющимся в других моих книгах.

«Три столпа» древней истории

«Астрономическая хронология» представляет собой каркас научной концепции египетской истории и, следовательно, истории всего древнего мира. Внутри этого каркаса размещены по столетиям династии Манефона. Исторических фараонов пытались угадать в схеме Манефона. Рамзес I, из девятнадцатой династии, о котором Манефон не упоминает, был принят за Менофра, названного Теоном. Эра Менофра, заявленная Теоном, была определена как сотический период из трудов Цензорина. Дата 139 г. была принята как дата окончания этого периода, и 1321 г. до н. э. был установлен как год правления Рамзеса I. Время царей восемнадцатой и девятнадцатой династий определялось с помощью весьма приблизительных расчетов лунных празднеств.

---

¹ L.Borchardt, Quellen, II, 33 note.

Специалисты в области астрономической хронологии произвели расчеты и объявили о результатах своих ученых изысканий. Специалисты в области керамики воспользовались результатами специалистов по сотическим расчетам как прочной базой, на которой следует все выстраивать. Специалисты в области истории искусств, истории религии, филологии и общей истории последовали за ними. Все трудности были сметены с дороги, и открытия этих специалистов подкрепляли друг друга. Таким образом, они приобрели доказательство, что системы выстроены с достаточной точностью и со всех сторон защищены. Читатели клинописи черпают свои датировки у читателей иероглифов, библейские толкователи — у археологов, историки — у них у всех одновременно. Так рождается на свет тщательно отработанная нерушимая система, которая имеет весьма мало сходства с реальным прошлым.

Сотическая схема древней истории выстроена на заблуждении; Менофр неизвестен, если он вообще существовал, список династий Манефона — это сбивающий с толку лабиринт. Однако египетская хронология выстроена на этих трех «столпах», а история всего мира воздвигнута на этой хронологии.

Моим внукам Меиру, Наоми, Ривке, Рафаэлю, Кармелу

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В АМНЕЗИИ

Предисловие

Линн Э. Роуза,

профессора философии Государственного
Нью-Йоркского университета в Буффало

Иммануил Великовский охарактеризовал свое исследование, посвященное коллективной амнезии, следующим образом: «Книга “Человечество в амнезии” обращена не только к прошлому, как мои остальные книги — но главным образом к будущему, не к тому будущему, отстоящему от нас на тысячи или десятки тысяч лет, а к непосредственному будущему, у порога которого мы ныне стоим».

Проблема, избранная Иммануилом Великовским, — это психологическое состояние и история болезни человеческого рода. Действительно, каждый штрих человеческого поведения, каждый сюжет человеческой истории и каждый догмат человеческих верований, будучи исследованы и истолкованы в свете основных положений этой книги, позволяют нам увидеть, каким образом человеческие мысли и поступки очерчены и сформированы подавленными коллективными воспоминаниями о космических катастрофах, потрясших наших предков сто поколений назад.

В разделе «Коллективная амнезия», включенном в опубликованную в 1950 году книгу «Столкновения миров», Великовский представил основные положения своей психологической концепции. Его теория коллективной амнезии объясняет неспособность людей воспринимать очевидный масштаб глобальных катастроф, охватывающих весь мир и вполне наглядных, и их нежелание видеть последствия этих фактов. Великовский в «Столкновении миров» представляет эту мысль следующим образом: «Память о катастрофе

была стерта не из-за недостатка письменных источников, но в результате определенного психологического процесса, который позже заставил целые нации, вместе с их образованными представителями, видеть в этих преданиях аллегории и метафоры, в то время как в них точно описаны подлиннные космические перевороты».

Чтобы детально познакомиться со свидетельствами нашего катастрофического прошлого, следует прочесть книги Великовского «Столкновение миров» и «Земля в перево-роте».

Великовский писал книгу «Человечество в амнезии» в течение многих лет. Большая ее часть была написана в 1950-е годы и в начале 1960-х, но он добавил несколько разделов уже в 1979 году, в последний год своей жизни.

Проблема коллективной амнезии была настолько важ-на для Великовского, что на протяжении этих долгих лет он включал ее в свои лекции в колледжах и университетах, а иногда посвящал данной теме и целую лекцию. Он неиз-менно подчеркивал жизненную важность этой проблемы, которая может быть обозначена его собственными словами из главы II данной книги: «Катастрофа может произойти не из-за столкновения иных планет, но от рук самого человека, жертвы амнезии, завладевшей термоядерным оружием».

Иммануил Великовский умер 17 ноября 1979 года в возрасте восьмидесяти четырех лет. По причинам, обозна-ченным в том его суждении, которое мы только что цити-ровали, он считал, что книга «Человечество в амнезии» должна выйти в свет незамедлительно. «В течение многих лет, — писал он, — работа над книгами забирала все мое время, однако свою клятву Гиппократу — служить челове-честву — я исполню только книгой «Человечество в амне-зии», требующей первостепенного внимания». Поэтому из всех книг, еще ожидающих издания и внимания прессы, первой посмертно была издана эта книга.

Большая часть работы, связанной с подготовкой книги «Человечество в амнезии» к печати, была выполнена Эли-шевой Великовской и ее ассистентом Яном Н. Сэммером.

ΠΡΟΛΟΓ

Благословенная земля

Человеческому разуму было чрезвычайно трудно расстаться с убеждением в том, что Земля неподвижна и находится в центре мироздания, в центре той системы, к которой принадлежат Солнце, Луна и другие планеты и где звезды не имеют ясной цели или назначения. Возможно, догматическая оппозиция гелиоцентрической системе не была бы столь категоричной и упрямой, если бы было известно, что Земля, хотя и не расположена в центре вселенной, но занимает привилегированную позицию и имеет оптимальные условия для жизни и ее прогресса.

Солнце — это сверкающее пламя. Меркурий находится ближе всего к солнцу, и так раскалена его освещенная сторона, что некоторые металлы здесь могли бы расплавиться; его поверхность буквально вылизана солнечной плазмой и сохраняет лишь остатки или признаки атмосферы. Венера окутана густыми облаками пыли и газов, и температура ее поверхности как на освещенной, так и на затененной стороне, — свыше 800 градусов по Фаренгейту. День там равен пятидесяти восьми земным дням, и столько же составляет ночь. Древние называли ее Люцифером, и это в самом деле ад, потому что никакая жизнь не может существовать на поверхности под темным покровом пыли. Эти две планеты, Меркурий и Венера, расположены на своих орбитах между Солнцем и Землей.

Более отдаленный в космическом пространстве Марс движется по орбите, составляющей 687 земных суток; его собственный день имеет примерно такую же продолжительность, как наш, но эта планета получает только половину тепла на единицу своей поверхности в сравнении с Землей. Если бы на Марсе была вода, то она оказалась бы

в основном замерзшей, но, по-видимому, ее нет вообще или чрезвычайно мало. Поверхность Марса вся покрыта кратерами, и это совсем не похоже на буколический пейзаж, как кажется некоторым: здесь только впадины, скалы и пустыни.

Между Марсом и Юпитером по орбитам движутся фрагменты какого-то рассыпавшегося небесного тела, их тысячи, некоторые из них пересекают дорогу Марсу и даже Земле. Иные обломки достигают веса в миллиарды тонн, но ни один из них не может стать жизненным приютом.

Юпитер и Сатурн, расположенные соответственно в пять и девять раз дальше от Солнца, чем Земля, получают соответственно на одну единицу площади одну двадцать пятую и одну восьмидесятую часть того тепла, которое достается Земле. Их атмосфера содержит аммоний и метан, особенности внутреннего строения неизвестны. Эти планеты недавно стали считаться потухшими звездами. Юпитер является мощным источником радиосигналов, его атмосферные процессы отличаются бурной активностью.

О двух других гигантских планетах, Уране и Нептуне, мы знаем мало, но даже то, что мы знаем, не позволяет считать их пригодными для возникновения и развития жизни, настолько далеки эти планеты от Солнца — источника света и тепла.

Наш собственный спутник, Луна, представляет весьма унылую картину: застывшие океаны лавы и бесчисленные кратеры, отсутствие атмосферы и воды. В течение половины месяца она открыта для сжигающих лучей Солнца, вторую половину месяца продолжается ночь, не защищенная атмосферой или облаками от космического холода. В отличие от этих негостеприимных соседей, Земля — благословенный приют. Мы обеспечены водой. Четыре пятых планеты покрыты океанами. Испаряясь, эта вода возвращается дождем. Реки и озера распределены по всем пяти континентам; эти континенты представляют собой пространство, безопасное для человека, для наземных животных, для прогулок пешком.

Земля окружена атмосферой из кислорода, разбавленного азотом в соотношении один к четырем, так что окислительные процессы — при дыхании живых организмов — не обжигают ткани.

Растения живут в симбиозе с животными, последние вдыхают кислород и выдыхают углекислый газ, а первые поглощают углекислый газ и выделяют кислород. Из минеральных веществ земной почвы, из воды, воздуха и солнечного света растения извлекают себе пищу и производят плоды (каждое — по своей собственной формуле), а животные ими питаются.

Вода на этой планете, кроме океанов, является частично замерзшей, или твердой, частично жидкой, или текучей, а частично пребывает в парообразном состоянии, увлажняя атмосферу. Океаны — это богатейшая кладовая жизни (ведь считается, что она началась в них, с течением времени вышла за их пределы и населила землю, уже готовую принять эту жизнь и создать условия для ее приумножения).

Земля полностью окружена магнитосферой, которая защищает ее и ее обитателей от вредного воздействия космических лучей, частичек энергии, извергаемой Солнцем и другими звездами, заряженными энергией в миллионы и миллиарды электровольт. Находящийся под покровом магнитосферы озоновый слой защищает Землю и ее жителей от ультрафиолетового излучения, вызывающего мутации спектра невидимых лучей, сопровождающих видимый свет, исходящий от Солнца. Рентгеновские лучи из космоса также фильтруются, а метеоритная пыль большей частью сгорает во время полета через атмосферу.

Земля, с ее атмосферой и океанами, обращается вокруг своей оси примерно один раз в двадцать четыре часа, таким образом, смена дня и ночи происходит с периодичностью; удобной для чередования активности и отдыха, т. е. ночного сна. Эта размеренная смена дней и ночей, столь для нас приятная, происходит гораздо быстрее на гигантском Юпитере, где день занимает менее пяти часов, и столько же длится ночь. Насколько изменились бы наш рабочий день и наша общественная деятельность, если бы весь промежуток от утреннего подъема до сна равнялся только пяти часам, или пятидесяти восьми земным дням, как на Венере, или еще дольше, как на Меркурии.

На Земле, движущейся по орбите с периодом вращения 365 дней, растения завершают свой природный цикл.

Наклон оси вращения к плоскости поверхности задает смену времен года.

Такая ситуация и все эти условия определили развитие жизни на этой планете и ее прогресс до существующих ныне форм, включая человека. Со всей его изобретательностью человек, однако, еще не смог создать жизнь из неорганической материи. Но природа (свет, тепло и другие формы энергии, призванные, в заданных пропорциях, создавать материю, содержащую углерод) дала начало жизни и обусловила ее развитие, отбрасывая одни формы, но взамен выбирая другие, пока после многих чередований не возник homo sapiens, который обеспечил стремительное развитие искусства и ремесел, преумножил свои интересы и способы получения наслаждения, стал прислушиваться к звуковым вибрациям и сочинил симфонии, стал различать цвета и сотворил изобразительное искусство — еще один мир собственного воображения. Чтобы жить в комфорте, он изобрел тысячи вещей, а для безопасности он создал законы и систему принуждения.

Человеку хочется знать об окружающей его природе, и он изучает хромосомы и гены, микрокосм молекул, атомов и атомных частиц и макрокосм звезд и галактик. Он обнаруживает, что существуют миллиарды галактик. В любой галактике, вроде Млечного Пути, миллиарды звезд и, возможно, вокруг некоторых из этих звезд вращаются планеты. Но существует ли вероятность того, что условия на них благоприятны для жизни и ее развития?

Пока никакие сигналы из внешнего космоса, которые можно было бы связать с разумными существами, до нас не дошли. Познав, насколько безотрадны Венера и Марс, мы уверились, что являемся единственными разумными обитателями солнечной системы, независимо от того, существовали или нет когда-то другие планеты, с иными орбитами, на которых были развитые формы жизни.

Уже ушли в прошлое маленькие зеленые человечки — обитатели Венеры. Рассказы, что их видели, принимались доверчивой публикой как факт. Затем наступила очередь марсиан — странного племени, которое существовало в воображении многих, но никем не было засвидетельствовано. Мы находимся на расстоянии почти семи с половиной

биллионов миль от орбиты самой дальней планеты и на расстоянии более двадцати пяти триллионов миль до самой ближней звезды, владения которой, подобно нашему Солнцу, охватывают пространство примерно с таким же диаметром. Наша солнечная система значима именно тем, что она стала приютом человека. Природа великодушно и щедро позволила космосу роскошь создать человека, но реальное место, которое он занимает, неизмеримо ничтожно на всем пространстве, охваченном властью Солнца, ведь Земля имеет всего восемь тысяч миль в диаметре. В наш век человек облетел этот скалистый шарик, с его океанами и атмосферой, за девяносто минут. Свет, совершая круговое движение, обогнул бы Землю восемь раз за одну секунду, и это и есть выделенная нам порция вселенной.

Так ничтожен этот мирок в бескрайнем космосе, но в предельно малой части пространства разве нам не повезло? Ответ сам собой ясен, потому что нас бы здесь попросту не было, не произошли столь счастливого стечения обстоятельств. Может показаться, что за всем этим планом скрывается Провидение и условия, созданные на Земле, должны были быть предуготованы и существовать с начала времен, по крайней мере с первой стадии развития солнечной системы. Ностораживает тот факт, что условия, в которых мы живем и развиваемся, с самого начала не всегда были одними и теми же.

Изучение катастрофических событий, происходивших в исторические времена, т. е. в начале седьмого века до нашей эры, и с еще большей долей вероятности за восемьсот лет до этого, в пятнадцатом веке до нашей эры, событий, ставших последними в цепи подобных (результаты такого изучения были представлены в книге «Столкновения миров»), делает совершенно очевидным тот факт, что не раз наша планета лишь чудом избегала гибели. Более того, в прошлом размер, форма земной орбиты, продолжительность года и смена времен, направление земной оси, скорость вращения, а следовательно, и продолжительность дня, были совершенно иными, чем ныне. Судьбе захотелось, чтобы Земля уцелела, но была ли она слепа или же явилась спасительным Провидением, мы, как я утверждал в конце своей книги «Земля в перевороте», потомки уце-

левших, которые в свою очередь являются потомками уцелевших.

Столь близко столкнувшись с роковой судьбой, далеко не все виды выжили: бесчисленное множество жизненных форм было уничтожено бесследно. Особенно глобальными оказались последствия всемирных катастроф для мамонтов, а также для птиц, амфибий и рыб.

Урок, извлеченный из истории Земли, состоит в том, что она переходила из одних условий в другие: меняла свое положение в космическом пространстве, меняла климат и порядок времен года, соотношение воды и суши. На всем протяжении ее развития до появления человека и в доисторические времена происходили даже еще более разрушительные катаклизмы, которые присутствуют в памяти человека, как свидетельствуют геологические и палеонтологические данные. Однако некоторые жизненные формы, например мельчайшие фораминиферы в океане, сумели выжить, по крайней мере частично, не претерпев полной метаморфозы.

Из того факта, что за какие-то десять тысяч лет человек сумел придти от каменного века (палеолита) к так называемой западной цивилизации наших дней (а десять тысяч лет составляют половину одной миллионной доли возраста Земли, как утверждают современные геофизики), необходимо сделать вывод, что Природа, разрушая многое, пожелала создать еще лучшие условия по крайней мере для части тех видов, которым предназначено было выжить.

Изучая гибельный путь человека и его спутников-животных, пройденный за многие эры прошлого ради достижения благоприятных условий процветания и развития, можно только вновь и вновь задавать себе вопрос: задумано ли все это по воле Провидения или за нашим спасением стоит слепая судьба, раз так много жизненных форм исчезло и раз другим планетам выпал менее счастливый путь.

И теперь человек — это венец Творения, Земля — самая везучая планета солнечной системы, а главная задача Солнца — заботиться о нас, обитателях Земли. Если и существовали цивилизации на каких-то других планетах, то их ныне нет. Есть только одна цивилизация, которой служит Солнце, — человеческая.

ГЛАВА I

О родовой памяти

Жертва амнезии

Жертва амнезии живет бок о бок с людьми, которые абсолютно не ведают о ее плачевном состоянии. Такой человек работает, женится, внешне ведет себя, как любой другой. Но он забыл все, что предшествовало какой-то определенной дате. Он не знает своего имени и принимает новое, чтобы скрыть собственную потерянность, не помнит своего детства, юности или взрослой жизни до этой даты. Он не знает города или деревни, из которых приехал, и не представляет, как он очутился в новом месте. Не помнит, был ли женат прежде и были ли у него дети. Если он входит в конфликт с законом, например, в связи с двоеженством, то может закончить психиатрической клиникой. В большинстве случаев жертвы амнезии добровольно обращаются за психиатрической помощью.

Амнезия не обязательно повреждает всю память; она может захватывать лишь определенные пласты прошлого. Такие случаи весьма многочисленны, и редко встречается невротическая личность, которая не страдала бы в определенной мере выключением памяти. Характерно, что подобная забывчивость стирает наиболее тягостные или пугающие обстоятельства. Психоанализ, в понимании Фрейда, — это средство для перенесения в сознание и разум воспоминаний, которые погребены в пластах подсознания. Преодоление частичной амнезии, если оно проходит успешно, имеет целью освобождение человека от иррационального поведения: иррациональные или патологические реакции и импульсы являются симптомами невроза. Сначала психоанализ был назван Фрейдом катарсисом, поскольку, возвращая пациента к жизни средствами мучительных переживаний, Фрейд умел восстанавливать психическое здоровье

больного и избавлять его или ее от патологических реакций. Первой пациенткой Фрейда была молодая женщина, ставшая жертвой парализующего невроза в результате в высшей степени мучительного воспоминания об обстоятельствах смерти своего отца, за которым она ухаживала.

Еще одним патологическим состоянием, к которому может привести амнезия, является то, что называют ментальной скотомой (scotoma). В офтальмологии скотома (scotoma) — это частичная, или ограниченная, слепота: определенный сегмент поля зрения не регистрируется на сетчатке из-за какого-то дефекта, вроде отслойки сетчатки или кровоизлияния под ней. Психологическая скотома (scotoma) — это неспособность воспринимать определенные явления или узнавать определенные ситуации, хотя для окружающих они очевидны. Человек может не воспринимать ясного факта или не осознавать очевидной ситуации, хотя его разум и способность суждения демонстрируют мгновенное осознание и адекватность реакций. Пресловутый муж легкомысленной жены — это единственный человек, который ни о чем не подозревает. Наиболее вероятно, что в психологическом смысле неосознание мужем такой ситуации обусловлено подавленной гомосексуальностью, вызывающей слепоту в подобного рода делах.

В то время как феномен полной амнезии довольно редок, частичная амнезия, или психологическая скотома, — это обычное дело в психиатрии и психоанализе, и читатель сам скорее всего преуспел, стирая из сознательной памяти некоторые тягостные ситуации, с которыми его это не в силах очутиться лицом к лицу. Дискомфорт в отношениях с окружающими, неудачи и трудности, чувство вины и самобичевание, ненависть и враждебность, патологические наклонности и сексуальные извращения, криминальные побуждения и действия, самоубийство и убийство, или уход от реальности и бегство в безумие — все это можно выявить, если провести квалифицированные аналитические сеансы, связанные с впечатлениями, вытесненными из памяти, вычеркнутыми травматическими ситуациями — словом, с подсознанием. Из темных глубин разума они выводят личность к пониманию ее странного поведения, а нередко и к повторению травматического опыта. Оно возни-

кает в форме возвращения к первоначальной ситуации или в фиксировании аномальных сексуальных объектов, или в выборе занятия, фактически заменяющего действие, вытесненное из рациональной памяти.

В своей книге «По ту сторону принципа удовольствия», опубликованной в 1920 году, а также в некоторых других своих работах, Фрейд развил основную идею, суть которой в том, что «пациент не может вспомнить всего, что он в себе подавил... и вполне возможно, что самая важная часть этих воспоминаний остается стертой. ...Однако его тянет к тому, чтобы повторять вытесненное из памяти, вместо того чтобы о нем вспоминать».

Фрейд говорил об этом влечении к повторению как о демонической способности (*triebhafter, damonischer Charakter*); человек, ею одержимый, живет в смутном беспокойстве (*dunkle Angst*), боясь пробудить нечто такое, что лучше было бы не тревожить.

Границы разума

Человеческий разум — это наименее изученная область, хотя посредством его человек получил весь свой опыт и знания. Проводились тесты, выверялись IQ, были изложены психологические теории, осуществлялась психотерапия, изучалось воздействие наркотиков на ощущения и поведение, исследовались половые гормоны, внутренняя секреция гипофиза, вскрывался мозг, делались эксперименты на животных. В результате было зарегистрировано немало открытий. Но после всех усилий некоторые кардинальные проблемы все еще покрыты мраком, как и тысячи лет назад.

Все ли возможности мозга подвержены тестированию и оценке? Что такое мыслительный процесс? Есть ли у человека наравне с разумом душа? Где она размещается? Несомненно, не в сердце, хотя привычные в языке выражения превратили его во вместилище эмоций. Поврежде-

ние определенного участка мозга, например, при атеросклерозе или от сильного удара, может привести к необратимой потере памяти — гибнет ли при этом душа и умирает ли она полностью вместе с человеком? Общается ли душа с неведомыми силами, остается ли она жить после телесной смерти? Теология и спиритуализм занимаются этой проблемой, не предлагая никаких фактов и приходя к бездоказательным выводам.

Зонд, касающийся какой-то клетки в мозгу, оживляет утраченную память, настолько, что человеку кажется, будто он реально переживает ситуацию, которая была много лет назад.

Мы видели одного человека, восприимчивого к гипнозу, получившего устный приказ ничего не видеть, не слышать и даже не шевелить рукой — и он выполнил его. Может быть, это просто обман? Но тот же самый человек получает приказ стать негнушимся стержнем и, будучи помещен между двумя стульями, опираясь на один конец головой, а на другой — пятками, может выдерживать в этом состоянии катаlepsии вес нескольких человек. Откуда приходят такие физические возможности, недоступные в сознательной жизни, к пребывающему в катаlepsии? И как может приказ — всего-навсего звук — мобилизовать такие резервы?

Человеку в состоянии гипноза предлагается совершить какое-то действие в назначенное время, возможно даже через несколько дней после гипнотического сеанса, и при этом забыть об этой команде до момента ее исполнения. Не восприняв сознательно приказа и не имея часов, человек выполняет команду точно в назначенный час. Значит, в человеческом мозгу имплантирован какой-то индикатор времени? Что заставляет забывать и вспоминать?

Гипнотизер, будь он профессиональным психологом или необразованным фокусником, менее всего сознает, в чем состоит механизм его гипнотического воздействия. Какие физические и психические резервы можно привести в действие простейшими средствами — человеческим словом или жестом? Здесь границы настолько расширяются, что возможности, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, представляются лишь одной октавой на всей клавиатуре.

На аспирантских курсах по медицине, которые я посещал в начале двадцатых годов в Берлине, нам предоставили возможность обследовать десятилетнего умственно отсталого мальчика, который почти со скоростью компьютера (тогда еще не существовавшего), называл день недели, соответствующий любой дате, в частности дням рождения всех присутствующих на этих курсах. Если такая способность есть у одного человека, почему она недоступна другим?

Дервиши в состоянии самогипноза ступают по раскаленным углям и не испытывают никакой боли; у них может быть срезана кожа, но кровь, повинаясь приказу, не течет. Человек в состоянии транса отвечает на языке, которого он никогда не знал и даже не слышал. Все это было известно и практиковалось с древних времен — «говорить на иных языках» (Деяния апостолов 2:4), быть временно ослепленным (Бытие 19:11; Четвертая Книга Царств 6:18), и слово «*sanvegin*» в еврейской Библии означает, как я считаю, гипноз.

Экстрасенсорное восприятие — это предмет изучения и дискуссий как верующих, так и скептиков, но для тех и для других это скорее проблема убеждений, а не знания. Эксперименты в университете Дьюк в Северной Каролине грешат недостаточным вниманием к эмоциональному состоянию как проводника, так и реципиента, как будто это состояние не оказывает никакого влияния на передачу мыслей или посланий от одного индивидуума к другому. Столько обмана, сознательного и невольного, вторглось в сферу спиритизма через всякого рода материализации (эктоплазм), автоматическое письмо, телекинез и т.п., что хотя некромантия так же стара, как история волшебницы из Аэндора (Первая Книга Царств 28:7), в этом гроссбухе ни дебет, ни кредит не могут претендовать на достоверность. Это бесспорно, несмотря на то, что такой рациональный мыслитель, как физик Оливер Лодж, или такой виртуоз детективных сюжетов, как Артур Конан Дойл, верили в чудеса.

Какое-то чувство упорно нам подсказывает, что хотя психические процессы являются физиологическими — и потому в конечном счете физическими и химическими — в человеке имеются некие заслоны, скрывающие от него

большую часть здания, называемого им душой — этогоместилища всей совокупности его деятельности, прошлого и настоящего, всех полученных или унаследованных мыслей, которые или могут или не могут проникать через временные барьеры — словом, некоей метафизической сущности.

Коллективное бессознательное

В 1930 году я провел лето в «рабочем отпуске» в Цюрихе. В течение предшествующей зимы написал статью «О физическом существовании мысленного мира». В Кюснахте, близ Цюриха, посетил профессора Эжена Блейлера, в течение десятилетий бессменно возглавлявшего кафедру психиатрии. Именно Блейлер открыл двери академии Зигмунду Фрейдю, когда назначил своего ассистента Карла Юнга в психиатрическую лечебницу Бургхельцли для изучения фрейдистской теории с целью ее применения при лечении больных. И Блейлер и Фрейд родились в 1856 году, но в то время как Фрейд был одиночкой, отвергаемым и, по существу, даже не упоминаемым в медицинской периодике, если не считать оскорбительных выпадов, Блейлер уже был в этой области главной фигурой. В той своей статье я обратился к проблемам, которые стояли на границе узаконенной психиатрии: заявил, что за психическими процессами скрываются процессы физические; утверждал, что можно было бы заставить слепого видеть, а глухого слышать, воздействуя на определенные мозговые центры электроимпульсами и обманывая таким образом периферические сенсорные органы. Я выдвинул теорию, согласно которой в мозговых клетках имеются энграммы — носители памяти. Отсюда следовало, что эти энграммы можно пробудить с помощью соответствующих механических импульсов. Я утверждал, что энцефалограммы людей, страдающих эпилепсией, должны представлять собой беспорядочные и бурные волны, будто вызванные

резкими толчками. В то время существовала только одна работа, посвященная энцефалограммам людей — причем людей здоровых — которая была опубликована Гансом Бергером из Иены¹. Я писал: «При возбуждении периферического сенсорного органа, например глаза, с помощью сильного света, возникает вибрация токов в противоположном оптическом поле... Считаю, что было бы полезно провести опыты Бергера на эпилептиках. Резкое начало эпилептической судороги напоминает мне действие короткого импульса... Было бы целесообразно использовать и возможности снятия слишком сильных вибраций тока в мозгу эпилептиков. Это могло бы стать своего рода предваряющей передачей информации».

Я также заявил о существовании коллективного разума на ранних стадиях развития видов. Индивидуализация сопутствует эволюции от более низших к высшим формам, однако коллективный разум никогда окончательно не разрушается в человеке: он выступает на первый план в состоянии умственного возбуждения, а также в выплеске эмоций толпы. По этому поводу я писал: «Становится все более очевидным, что автономия психики отдельных индивидуумов должна развиваться, достигая все более усложненных и высоких форм в процессе становления видов. Согласно нашей теории, телепатия — это одна из архаических форм передачи мыслей. Чем более развиты виды, тем больше единичная особь отделяется как мыслящее эго от окружающего ее мира.

Миграция молодых птиц, которые летят на родину своих родителей, коллективный труд муравьев и пчел, понимающих, как выполнять огромную работу, следуя общему плану, и другие подобные примеры свидетельствуют о не слишком резком различии между психическими процессами отдельных животных... Эта архаическая форма обобщенного влияния проявляется в животном стаде, а также и в стаде человеческом — толпе».

Блейлер обсудил со мной эту работу и охотно откликнулся на мое предложение написать к ней предисловие.

¹ *Elektrencephalogramm des Menschen*, Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten (1929), pp. 527 f.f.

В этом предисловии он сказал следующее: «Из массы пред-
 рассудков, иллюзий и фантазий были извлечены факты,
 которые никак невозможно объяснить так называемыми
 естественными причинами; эти факты достаточно много-
 численны, чтобы наука могла превратить их в объект само-
 го тщательного исследования. Поэтому попытка привести
 их в соответствие с известными естественными законами
 очень плодотворна, она способна не только стимулировать
 научную мысль, но также способствовать преодолению стра-
 ха, не совместимого с наукой, перед проникновением в но-
 вую и очень необычную область.

Идеи автора представляются мне заслуживающими
 внимания. Я сам пришел к очень сходным, в некоторых
 случаях даже идентичным, положениям, хотя не могу под-
 писаться под каждой строчкой данной работы. Если бы это
 исследование помогло нам говорить о подобных вещах без
 страха, что нас объявят сумасшедшими или, по крайней
 мере, невеждами, оно уже тем самым послужило бы на-
 уке, независимо от меры, стимулирующей дальнейшие ис-
 следования.

После возвращения в Кармел близ Хайфы, где я тог-
 да жил и практиковал, я послал свою работу в Европу для
 публикации в каком-нибудь журнале, посвященном иссле-
 дованиям в области психиатрии. После одного отказа имя
 Блейлера все-таки взяло верх, и она была опубликована в
 1931 году в престижном журнале «*Zeitschrift für die gesamt-
 e Neurologie und Psychiatrie*»¹. Я послал копию опубли-
 кованной статьи Фрейду, который ответил, как обычно,
 письмом. Вот оно:

24 июня 1931 г.

«Дорогой коллега!

Я полностью согласен с Блейлером по поводу содер-
 жания вашей работы. У меня также сложились собствен-
 ные воззрения на эту проблему, которые весьма близки к

¹ *Ueber die Energetik der Psyche und die physikalische Existenz der
 Gedankenwelt. Ein Beitrag zur Psychologie des gesunden und somnambu-
 len Zustandes, Zeitschrift für die gesammte Neurologie und Psychiatrie,*
 133 (1931), pp. 422—437.

вашим, а в ряде случаев полностью с ними совпадают. Именно психоаналитик может иметь решающие возражения против энергетической интерпретации мыслительного процесса. Собственный опыт привел меня к предположению, что телепатия является реальной почвой так называемых парапсихологических явлений и, может быть, даже единственной. Но в этой области я сам не проводил каких-либо эффектных экспериментов, и нигде более с ними не сталкивался, даже в вашей работе¹. Следовательно, нам не остается ничего другого, как ждать разъяснений этой в основе своей физической проблемы в обнадеживающем и не столь дальнем будущем.

С дружескими пожеланиями

ваш Фрейд»

Постижение коллективного бессознательного разума может объяснить многие явления, наблюдаемые у социальных животных, подобных муравьям и пчелам, выполняющим некий общий план. Любой, кто наблюдал за поведением больших косяков рыб, насчитывающих тысячи особей, бесконечно и одновременно меняющих направление своего плавания, с трудом может объяснить эти действия как результат мимикрии; кажется более вероятным, что рыбы действуют таким образом благодаря импульсам коллективного разума — разума толпы, все члены которой реагируют идентично на поступающий импульс.

Тогда возникает вопрос, является ли коллективный разум просто результатом некоего процесса вроде телепатии или он может связывать следующие друг за другом поколения. Это в высшей степени важная проблема, таящая в себе по меньшей мере судьбу человеческого рода, а с ней и всех остальных обитателей планеты.

---

¹ Я не стремился в своей работе представить обширный иллюстративный материал. См. мою работу *Very Similar, Almost Identical in Psychoanalysis and the Future: A Centenary Commemoration of the Birth of Sigmund Freud* (New York, 1957), pp. 14–17, 152–153.

Архетипы Юнга

После десяти лет «величественной изоляции» Фрейда (1895—1905) вокруг него собрался кружок учеников. Несколько лет спустя некоторые из них, прежде всего Вильгельм Штекель, Альфред Адлер и Карл Юнг создали свои собственные теории и школы, а также продемонстрировали успехи в терапии.

В то время, как Адлер подчеркивал социологические аспекты, стремление к признанию и волю к власти как главные пружины поведения, Юнг увлекся мифами и изучал мировую литературу по алхимии, каббале и мистическим видениям, чтобы найти свой собственный путь. В изучении бессознательного он начал как ученик Фрейда, но после совершившегося раскола изменил своему долгу. В 1916 году, вскоре после того, как он расстался со своим учителем, он пришел к ранней версии своей концепции родовой памяти. При этом он мог развивать, хотя никогда бы в этом не признался, некоторые идеи Фрейда, изложенные в его книге «Тотем и табу» (1912). В этой своей работе Фрейд утверждал, что, по крайней мере, отдельные реакции в ходе семейных отношений отражают некоторые родовые бессознательные механизмы действий, и в числе прочих отцеубийство, совершаемое пещерным человеком Каменного Века.

Летом 1930 года я посетил Юнга в его доме близ Цюриха и, не сознавая степени его антагонизма по отношению к Фрейду, обратился к нему как к ученику Фрейда, чему он резко воспротивился.

В 1934 году выступил с идеей коллективного бессознательного разума и в последующие годы ее развивал. Он писал в своей книге «Архетипы коллективного бессознательного» (1934): «Сначала идея бессознательного ограничивалась указанием на вытесненные или забытые содержания. Даже у Фрейда... оно в сущности являетсяместилищем забытых и вытесненных содержаний... Соответственно для Фрейда бессознательное имеет исключительно лич-

ностную природу, хотя он признавал его архаические и мифологические мыслительные формы».

В одной сноске Юнг признал, что «в своих поздних работах» Фрейд дифференцировал «инстинктивную душу» человеческого существа, которую он называл «id» и его «супер эго», что «обозначает коллективное бессознательное, частично сознаваемое и частично несознаваемое индивидуумом (поскольку оно вытеснено)».

Юнг продолжал: «Более или менее поверхностный слой бессознательного, несомненно, является личностным. Я называю его *личностным бессознательным*. Но он покоится над более глубинным пластом, не приобретенным личным опытом, а врожденным. Этот более глубинный слой я называю *коллективным бессознательным*. Избрал слово коллективное, потому что эта часть бессознательного имеет не индивидуальный, а универсальный характер. В отличие от личностной души, оно имеет содержание и модели поведения, до определенной степени одинаковые везде и у всех индивидуумов. Другими словами, оно идентично у всех людей и, таким образом, составляет общий психический субстрат, имеющий сверхличную природу и присутствующий у каждого из нас».

Содержанием личностного бессознательного, по Юнгу, являются эмоционально окрашенные комплексы; содержанием коллективного бессознательного становятся «архетипы». Этот термин уже встречался в первом веке у александрийского философа Филона Иудея, который обозначал им образ Бога в человеке. У Юнга «архетипы» — архаические и изначальные: это «образы, которые существовали с древнейших времен». Но они обнаруживаются в мифе, в «эзотерическом знании», в снах, видениях и волшебных сказках: «Архетип — это главным образом бессознательная сущность, меняющаяся, если она осознается или воспринимается». Юнг понимал, что в мифе осуществляется «бессознательный психический процесс», и, следовательно, работа мифологов, которые «всегда обращались за помощью к солярным, лунарным, метеорологическим, растительным и прочим подобным же теориям», абсолютно отказываясь признать, что мифологические образы и сюжеты отражают глубинные, укоренившиеся психические явления, бесполез-

на. «И то, что истинно в народных преданиях, еще в большей степени подкрепляется основными мировыми религиями. В них содержится открытое знание того, что первоначально было скрыто» (я бы скорее сказал «скрытое знание того, что первоначально было открыто»). Символы, используемые в религиях, воплощают скрытые сущности. «Догма занимает место коллективного бессознательного, формализуя его содержание», однако «практика католицизма полностью не осознает проблем такого рода». Почти вся сфера коллективного бессознательного вылилась в русло догматических архетипических идей и потекла в строго обозначенных берегах к символизму веры и ритуала... До христианской церкви существовали античные мистерии, они уводят в туманные дали доисторического неолита». Церковь возвела защитную стену сакральных образов. «С тех пор люди забыли, что они собой представляют. Но действительно ли забыли? Могло ли случиться так, что люди никогда и не знали, что они собой представляют?... действительно, у нас нет даже самого отдаленного понимания того, что означает непорочное зачатие, божественная природа Христа и единство Троицы... Суть состоит в том, что архетипические образы настолько слились с собственным смыслом, что люди никогда и не задают себе вопрос об их истинном значении... И когда (человек) начинает о них размышлять, он делает это с помощью того, что мы называем «разумом», а на самом деле является ни чем иным, как совокупностью всех его предрассудков и приблизительных знаний»¹.

Я пытался извлечь у Юнга четкую линию рассуждений. Однако, в действительности, он едва ли способен развивать одну тему: когда пишет, то следует полету собственных мыслей или «свободных ассоциаций», все время отвлекаясь по касательной. Он говорит о скандальной хронике Олимпа, о разделении протестантизма «примерно на четверта разновидностей», об «удручающей бедности символов», которая им присуща, и о томлении современного че-

¹ Carl G. Jung, *The Archetypes and the Collective Unconscious* (Princeton University Press), pp. 3-7, 12-13.

ловека в их поисках. Юнг сам с тоской возносится к восточным религиям, содержащим незамутненную мудрость и непонятый символизм, к «обольщениям благоуханного Востока», эзотерическим учениям. С всепоглощающим любопытством погружается в учения некоторых мистиков и отшельников прошлых столетий, почти отождествляя себя с ними. Читатели, однако, желают знать больше об архетипах и, более того, о применении этих знаний для лечения отдельных людей или, если это возможно, всего человеческого рода. Сквозь мчащиеся тучи виден просвет, и мы читаем: «Человечество ничего не может поделать с самим собой, и боги, как и прежде, определяют его судьбы... В нашем сознании мы господа над самими собой... Но стоит только шагнуть через дверь Тени, и мы с ужасом обнаруживаем, что мы сами есть объект влияния каких-то «факторов». Знать об этом в высшей степени малопривно: ничто так не разочаровывает, как обнаружение собственной недостаточности. Возникает даже повод для примитивной паники, поскольку пробуждается опасное сомнение относительно тревожно сберегавшейся веры в превосходство сознания. Действительно, сознание было тайной для всех человеческих свершений. Но незнание не укрепляет безопасности, оно, напротив, увеличивает опасность — так что уж лучше знать, несмотря на все страхи, о том, что нам угрожает».

Юнг задал этот вопрос и продолжал обдумывать его с очевидной заинтересованностью, не давая на него ответа: «Правильная постановка вопроса означает наполовину решенную проблему. Самая большая опасность для нас проистекает из непредсказуемости психических реакций. С древнейших времен наиболее рассудительные люди понимали, что любого рода внешние исторические условия — лишь повод для действительно грозных опасностей, а именно социально-политических безумий, которые не представляют каузально необходимых следствий внешних условий, но в главном были порождены коллективным бессознательным»¹.

¹ Ibid., pp. 13–15, 23.

Создается впечатление, что Юнг имел в виду мировой коммунизм. Как выяснили некоторые исследователи, Юнг симпатизировал национал-социализму и не говорил о нем как о политическом безумии. Потребность расстаться с иудейско-христианским учением объяснялась тем, что боги Валгаллы были ему ближе, чем Бог Синая или Голгофы. Подобно Бардесану, который увидел ручей, но не смог в него войти. Поведав о своем открытии, Юнг так сформулировал свою теорию: «Мой основной тезис состоит в следующем: вдобавок к нашему непосредственному сознанию, которое имеет законченно личностную природу и которое мы считаем единственной эмпирической душой (даже если нащупываем личностное бессознательное, как аппендикс), существует вторая психическая система коллективного, всеобщего и безличного, которая одинакова для всех индивидуумов. Это коллективное бессознательное не формируется в каждом индивидууме, а передается по наследству. Оно состоит из предсуществующих форм — архетипов...»¹. «Предсуществующее» означает возникшее с момента существования человеческого рода. Юнг так и не смог объяснить, почему данные формы заполняют человеческий разум. Он не пытался постичь это явление с помощью изучения животных инстинктов. Во многих психоаналитических случаях обнаруживался архетип. Так, распространенный мотив двух матерей был истолкован им как архетип (проще было бы объяснить его связями, существующими с матерью и кормилицей). Все более увеличивая количество архетипов путем добавления всевозможных расхожих представлений, некоторые из которых были весьма спорными, Юнг направлял психоаналитические исследования своей группы к отысканию архетипов в снах и фантазиях пациентов, а также в их поведении, и таким образом, вдохновляя своих последователей на еще более широкое применение архетипов к самым тривиальным фантазиям или поведенческим схемам.

Самый главный, почти мучительный вопрос — каким образом могли истинные архетипы войти в человеческий разум и обосноваться там, чтобы терзать его, переходя от поколения к поколению? — даже не был поставлен.

¹ Ibid., p. 43.

Сошествие Фрейда в ад

К 1913 году Фрейд расстался с Юнгом, тяготевшим к мистицизму, и с Адлером, которого влекло к социализму. В этот год Фрейд опубликовал «Тотем и табу» — аналитическое исследование древнего, а отчасти и современного фольклора, заимствованное, в основном, из «Золотой ветви» Фрезера. Фрейд попытался на основе различных ритуалов и сохранившихся следов обряда отцеубийства в пещере доисторического человека доказать, что факт убийства выросшими сыновьями отцов для овладения своими матерями — насильственный акт, определяющий сущность эдипова комплекса, т. е. сексуального влечения сына к собственной матери. Фрейд «чувствовал, что религиозные церемонии и индивидуальные психологические реакции все еще свидетельствуют о существовании бессознательной памяти об архаических ситуациях, чувствах страха, вины и о различных типах реагирования, которые находятся за пределами современного опыта»¹. В ходе своих психоаналитических изысканий Фрейд пришел к такому пониманию довольно поздно. Почти в течение двух десятилетий он приписывал происхождение неврозов исключительно травматическим ситуациям раннего возраста, обычно от двух до пяти лет. Фрейд медленно двигался к новым ориентирам. То, что он обычно называл бессознательным, было личностным, или, если это предпочтительнее, подсознанием; в более глубоких пластах разума хранятся родовые воспоминания, инстинкты также являются родовым наследством.

Чем дольше сидел Фрейд у кушетки больного, чем больше он слушал и размышлял, тем более убедительной становилась для него идея вины за поступки, совершенные предками. Архетипы, связанные с предсуществованием человека, остались Фрейду чужды: предок *приобретал* чувство

¹ Racial Memory, *Encyclopedia of Psychoanalysis* (1968), p. 361

вины, когда происходило отцеубийство. Более того, он совершал свое деяние, нередко с намерениями инцеста, чтобы вызвать в последующих поколениях потребность повторять его вновь и страдать от чувства вины, или по крайней мере имитировать эту бессознательную потребность и все равно мучиться угрызениями совести. Фрейд неведома была более значимая травма, которая могла бы стать источником всеобщего чувства вины.

В работе «Из истории одного детского невроза» (1918) Фрейд объяснил универсальный смысл некоторых символических выражений и различных фантазий, обычно связанных с родительским коитусом и соответствующим кастрационным комплексом, коренящихся в настойчивых бессознательных воспоминаниях об архаических ситуациях. «Мы должны наконец подготовить себя к принятию гипотезы о том, что психические следы первобытного периода стали унаследованным достоянием, которое в каждом новом поколении вызывает не к усвоению нового, а только к пробуждению... Мы обнаруживаем, что в большинстве значимых ситуаций наши дети реагируют не в соответствии с их собственным опытом, а инстинктивно, как животные, в той манере, которая может быть объяснена только как филогенетическое наследие»¹. Невротическое состояние возникает в результате резкого выброса травматических воспоминаний, унаследованных от предшествующих поколений. «Ранняя травма — защита — вытеснение — выброс невротической патологии — частичное возвращение вытесненного. Такова формула, которую мы вывели для трактовки развития невроза. Теперь читателю предлагается сделать следующий шаг и предположить, что в жизни человеческого рода было нечто подобное происходящему в жизни индивидуумов: к примеру, ситуации сексуальной агрессии, которые оставляют после себя неизгладимые последствия, но в то же время большей частью вытесненные и забытые. После продолжительного скрытого периода они приходят в действие и вызывают явления, подобные по своей структуре и значению симптомам болезни»².

¹ Freud, *Moses and Monotheism in Works*, Edited by James Strachey (1955), vol. 23, pp. 132—133.

² *Ibid.*, p. 80.

Здесь Фрейд отвел равные по значению роли личностной и наследственной травме: «Как правило, возникает сочетание обоих факторов: конституционального и случайного. Чем сильнее первый, тем увереннее травма приведет к фиксации и оставит позади нарушения развития; чем сильнее травма, тем более определенными будут ее разрушительные последствия, даже если сфера инстинктов в состоянии нормы»¹.

Но может ли сфера инстинктов быть в состоянии нормы, если каждый представитель человеческого рода несет в себе травматический опыт предшествующих поколений? Фрейд еще не пришел к ясности. Избегая пользоваться какими-либо терминами и идеями Юнга, он определил понятием «id» бессознательную сферу личности, вместилище филогенетического и инстинктивного наследственного, а также и личностного опытов и всякого рода реакций, которые вытеснены и забыты в связи с присущим им травмирующим характером. «Оно («id») содержит все унаследованное, имеющееся к моменту рождения и лежащее в основе конституции — следовательно, прежде всего инстинкты, которые берут свое начало в соматической организации и получающие свое первоначальное психическое выражение здесь (в «id») в неизвестных нам формах»². Этот фрагмент был включен Фрейдом в 1938 году в его «Очерк психоанализа». Подобным же образом следующий отрывок был использован им как обобщение его аналитического опыта между 1913 и 1938 гг.: «Какая-то часть культурных достижений, несомненно, оставила свой след в «id»; многое из того, что накоплено суперэго, отзовется эхом в этой сфере, но немногие из новых впечатлений ребенка будут от этого усилены, потому что они в сущности являются повторениями некоего первоначального филогенетического опыта»³.

¹ Freud, *Analysis Terminable and Interminable*, in *Works*, edited by Strachey, vol. 23, p. 220.

² Freud, *An Outline of Psychoanalysis*, Part I, ch. I in *Works*, edited by Strachey, vol. 23, p. 145.

³ *Ibid.*, pp. 206–207.

Поскольку многие инстинктивные реакции и механизмы служат сохранению вида и даже стимулируют его выживание, должна быть проведена демаркационная линия между унаследованными защитными инстинктами и глубоко запрятанными филогенетическими воспоминаниями о травмирующем опыте насилия. Например, эдипов комплекс и отцеубийство не принадлежат к той же категории, что инстинкты, способствующие выживанию. Личные травмы, вытесненные из сознания, не принадлежат той же самой категории и не составляют тот же уровень бессознательно-го, как событие, что «...происходило в жизни всего человеческого рода», имеющего, в соответствии с выводом Фрейда, «сексуально агрессивную природу». Таковы наиболее важные постулаты психоаналитической теории, созданной Зигмундом Фрейдом: они охватывают разного рода травматический опыт, его постоянное вытеснение и подавление сознательной памятью, потребность повторять и потому наносить аналогичную травму другому с соответствующей сменой ролей.

В своей книге «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд говорит: «До этого он (ребенок) был пассивен, был поражен переживанием; но повторяя его, несмотря на причиняемое неудовольствие, в качестве игры, он брал на себя активную роль... В то время как ребенок переходит от пассивности переживания к активности игры, он переносит то неприятное, что ему пришлось пережить, на товарища по игре и мстит таким образом тому, кого этот последний замещает»¹. При травматическом опыте ужас и мучение играют решающую роль. Иногда воспоминание о травматическом опыте не стирается, тем не менее может постоянно присутствовать потребность его вытеснить. Но она значительно выше, когда сам этот опыт исключен и принадлежит подсознанию. У жертвы амнезии, вызванной травматическим опытом, возникает необходимость повторения его со сменой ролей: жертва становится агрессором и переносит наказание на новую жертву.

¹ Freud, *Beyond the Pleasure Principle*, sect. II, pp. 16–17, in *Works*, edited by Strachey, vol. XVIII.

О родовой памяти

Наследуются ли приобретенные черты — вопрос, который породил научные споры и изыскания еще со времен Ламарка. Он был сторонником идеи такого наследования, и обычно считалось, что Дарвин спустя два поколения стал его оппонентом. Суть состоит в том, что Дарвин в своей теории (1868) стоял на той позиции, что каждая клетка организма посылает свой отпечаток репродуктивным клеткам (семенам или плазме) и что таким образом происходит наследование родительских черт. При таком подходе приобретенные качества, естественно, станут наследственными. Новые особенности пшеницы или ржи, выращенных в измененной среде, могли передаваться по наследству: например, формируется шершавый стебель, если растение год за годом произрастало на широтах с коротким летом, ветреной осенью и поздней весной. Насколько долго может сохраняться такая наследственность, если растение вернуть к прежней почве и климату — основной предмет современных споров о наследовании приобретенных черт. Изменение в репродуктивных клетках (сперма, яйцеклетка) вызвало бы наследование новых черт; но установлено, что только соматические клетки подвержены вариациям. Однако нельзя отрицать, что химические процессы или эндокринные нарушения в организме могут решающим образом повлиять на клетки плазмы, и в этом случае потомство может приобрести наследственный дефект, который время от времени передается последующим поколениям. Вопрос, таким образом, упирается в проблему: могут ли внешние влияния — или через соматические клетки или непосредственно — воздействовать на репродуктивные клетки. Соматические клетки, из которых состоит тело живого организма, живут в течение определенного отрезка времени и возвращаются к метаболическому природному процессу, т. е. к праху. Однако репродуктивные клетки несут жизнь неведомым поколениям, используя конкретный организм как свое хранилище. Эти клетки потенциально бессмертны, хотя огромная их часть растрочи-

ваается впустую, как может засвидетельствовать это каждый, кто видел разбросанные семена деревьев или пыльцу, или думал о миллиардах сперматозоидов, которые извергаются при каждом половом сношении, при том, что лишь один из них имеет шанс на оплодотворение. Поразительно, что эта бесконечная репродуктивная способность заключена в единичном микроскопическом сперматозоиде или яйцеклетке с наследственными характеристиками для бесконечной цепи будущих поколений. И дело не в том, что сперматозоиды наследуются и размножаются вновь, но в том, что новый организм имеет репродуктивные клетки, которые производят новую сперму и новые яйцеклетки. Если эти репродуктивные клетки подвергнутся какому-то сильному химическому, термическому или радиоактивному воздействию, некоторые новые особенности вполне могут стать наследственными, и это открывает путь огромным возможностям генетики.

Природные катастрофы, сопровождающиеся такими воздействиями, могли повлиять на репродуктивные клетки животного и растительного мира. Если, как уже не раз случалось, областью, вовлеченной в такую катастрофу, становится весь мир, тогда возникают великолепные возможности для мутаций многих видов и родов. Репродуктивные клетки могут подвергаться воздействию не только через сому (тело), но также непосредственно, с последующим возникновением и передачей новых характеристик. И поскольку одни и те же причины могут вызывать сходные изменения, особенно для тех организмов, которые производят более одного потомка одновременно, результатом будет сохранение новых форм, если только они жизнеспособны.

Вопрос о том, являются ли сильные впечатления, полученные органами чувств животных, основой инстинктов, потребовал бы гораздо большей обстоятельности, чем позволяет объем данной книги, а также некоторых сложных экспериментов. Существование родовой памяти не означает, что впечатление, усвоенное одним поколением, может перейти в память последующих; оно означает, что впечатления, особенно травмирующие и повторяющиеся, испытанные большинством предков, могут стать устойчивыми, хотя и бессознательными, воспоминаниями или комплексом

воспоминаний, вызывающими адекватные реакции в соответствующих ситуациях.

Родовая память — это не странствия души, она представляет собой наследственную бессознательную память. И через родовую память мы можем считать себя как бы присутствующими при сценах какой-то ужасной катастрофы посреди разбушевавшейся стихии, опустошения, от которого не было защищено ни одно существо ни на суше, ни в море. Таким образом, аккумуляция генетической памяти может охватить каждого представителя видов и в наши дни, через генетические линии, которые он продолжает: все потомство восходит к тому самому поколению, которое стало жертвой травмы.

При приближении землетрясений животные, наделенные обостренной чувствительностью, убегают до того, как сейсмографы зафиксируют малейший толчок. Во время лесных пожаров животные, которые обычно живут в страхе перед другими животными, будут бежать вместе с опасными для них хищниками, захваченные еще большим страхом, в поисках убежища. Совершенно очевидно, что какая-то информация — называемая инстинктом — пробуждается и активизируется вместе с никогда не исчезающим страхом.

Родовая память видов — это реальный факт: она подсказывает дикому животному, как строить свое гнездо, как добывать пищу, как находить партнера для продолжения рода, как выживать в открытых пространствах или во время долгой зимы; но самый трагический опыт запрятан глубже всего, поэтому воспоминание о нем сопровождается чувством ужаса.

Иллюзии человечества

Восьмидесятилетний создатель психоанализа не исчерпал еще своих открытий и провидений. Вытесненная мысль требовала словесного выражения. «Если мы будем рассматривать человечество в целом как единичного индивидуума, мы обнаружим, что оно тоже слишком

привержено иллюзиям, которые неподвластны логической критике и противоречат реальности. Если, несмотря на это, они (иллюзии) способны с такой силой захватывать людей, то исследование приводит нас к тому же объяснению, как и в случае с единичным индивидуумом. Они обязаны своей властью определенному элементу исторической истины, который выносят из забытого доисторического прошлого»¹.

Фрейд говорит здесь об иллюзиях человечества, следовательно о тех иллюзиях, к которым мы все причастны и которые глухи к логическим доводам; в глубине своей, однако, они являются исторической истиной.

В чем же тогда состоит эта истина, событие, которое когда-то потрясло человеческий род, травмировало его, отравило и обожгло разум всех последующих поколений? Что это за вечерняя сказка? Является ли она младенческим озарением каждого ребенка? И происходит ли эта драма столь уж обязательно, как об этом говорил Фрейд? Следует ли признать естественный процесс воспроизводства, хотя и не вполне свободный от травматических элементов, сплошным отклонением? Разве пресловутое убийство отца сыном это и есть «историческая истина»? А если это так, то какая историческая истина воскрешает невроз у самок? Или только самцы поражаются иллюзиями человеческого рода?

Фрейд у не хватило последнего озарения. В те годы, когда от бича самых преступных людей сжимались от страха сердца и бледнели лица, еврей Фрейд в некогда счастливой Вене, обреченный теперь в течение пяти лет (1933—1938) каждый день видеть на улицах знамена со свастикой и отряды штурмовиков, стучащие в двери, был призван своим «id», а также своим суперэго вслушаться в едва слышный голос из еще более дальних глубин. В те страшные ночи, когда болела его челюсть, пораженная раком, забытый даже своими пациентами (из письма Фрейда А. Цвейгу), он был ближе, чем когда-нибудь, к «исторической истине», ощущая, по крайней мере что он еще до нее не добрался, как считал прежде.

---

¹ Freud, *Construction in Analysis*, in *Works*, edited by Strachey, vol. 23, p. 269.

Мы следовали за ранними наблюдениями Фрейда о том, что травматический опыт психического или физического характера часто вызывает амнезию. Далее мы последовали за теорией Фрейда, в соответствии с которой жертва амнезии или отвергает эту травму или пытается ее заново пережить.

Когда Фрейду позднее удалось глубже проникнуть в человеческую душу, где рассеяны запрятанные родовые воспоминания о травматическом опыте наших предков, мы еще раз, теперь уже затаив дыхание, пошли за ним. Но на этот раз мы знали, что он потерпит неудачу. Великая травма человечества — это не то, что он воображал: убийство отца и овладение матерью, совершаемые взрослыми сыновьями, уже способными победить отца-тирана в пещере. И симптоматично, что, следуя собственному поведенческому диагнозу, Фрейд в своей последней книге вернулся к дням Исхода, чтобы продемонстрировать феномен скотомы: никаких казней, никаких природных потрясений, никаких ужасных испытаний на горе Синай, только побитие в пустыне камнями Моисея, символа отца, детьми Израиля¹.

Фрейд почти не ошибся в своем диагнозе, когда написал, что человечество живет в состоянии иллюзии, но он оказался неспособен определить его этиологию, т.е. сущность травматического опыта. В сравнении со структурой коллективной амнезии, синдром которой я впервые осветил в книге «Столкновения миров», амнезия, случающаяся у единичной жертвы, непосредственно следуя за травмой, не составляет точной ей параллели: коллективный разум не сразу забывает то, через что он прошел. Нас особенно интересуют два способа передачи наследия: сознательные устные, а позже и письменные свидетельства и бессознательная родовая память, унаследованная и время от времени пробуждающаяся при соответствующих обстоятельствах.

---

¹ Freud, *Der Mann Moses und die monotheistische Religion* (Amsterdam, 1939).

Психоанализ, в том виде, как он сейчас практикуется, игнорирует более глубокие озарения Фрейда. Но не желая вчитываться в показания свидетелей того, как небесный и земной порядок превратился в хаос — ужас, леденящий до мозга костей — психоанализ благоразумно не последовал за Фрейдом и остановился перед гораздо более решительным шагом, не признав важности роли биологического наследования приобретенных характеристик в коллективных ментальных сферах. Однако располагая некоторыми представлениями о том, что же произошло с человечеством в далеком прошлом, мы могли бы прийти к новым возможностям и понять внешние проявления множества неврозов.

Архаическая травма

Значительное число неврозов страха и неврозов принуждения, хотя они могут быть связаны с переживаниями раннего детства, имеют свои корни в архаических ситуациях. По природе своей они являются реакциями на угрожающие жизни обстоятельства. Люди, которые боятся закрытых пространств или испытывают панику, попадая в открытые пространства, или боятся высоты, полета в самолете, могут быть подвержены атавистическим страхам, связанным с катастрофическим опытом их предков. Подобно тому, как в биологии возникновение шести пальцев порой можно проследить как деформацию, восходящую и к непосредственным и к самым отдаленным предкам, так и психические аномалии могут, вероятно, перескакивать через несколько поколений, чтобы вновь появиться как бы невзначай.

Одно из наиболее травматичных коллективных переживаний человечества возникло тогда, когда приблизившееся вплотную небесное тело вызвало смещение земных слоев, сопровождавшееся пугающими и резкими звуками. Ранний греческий поэт и космолог Гесиод писал об этом не-

описуемом грохоте: «Огромная земля стонала; земля ужасно гремела, и над ней широко открылось небо»¹.

Агония людей усиливалась от того, что они ощущали шаткость земли под ногами; присутствие постороннего небесного тела и, возможно, сопутствующий электрический разряд вызвали ощущение, близкое к невесомости. Разве не может случиться так, что люди, которые боятся отрываться от земли, садясь в самолет, являются жертвами этих пробудившихся атавистических воспоминаний? Люди, которые патологически не переносят грома или боятся слегка намочить ноги в море, и прочие со всякого рода нелепыми невротами страха могут также нести свой анамнез через столетия или тысячелетия до своего рождения. Подобным же образом среди невротоз принуждения должно быть много случаев, связь которых можно проследить с коллективными родовыми травмами.

Читателю не следует делать ошибочный вывод о том, что человеческая душа есть не что иное, как вместительница впечатлений, полученных при катастрофических обстоятельствах. Такие естественные потребности, как удовлетворение голода и жажды, сексуальная, родительская — в особенности материнская — забота о потомстве, необходимость самовыражения, или самоутверждения и признания, социальные связи, стремление к накоплению материальных благ и другие импульсы — все это, разумеется, имеет врожденный характер, и без некоторых из них не могла бы поддерживаться сама жизнь. Но природные катастрофы, высвобождавшие разбушевавшиеся стихии, потрясали умы выживших и оставляли в них неизгладимый наследственных отпечаток.

---

¹ *Theogony* (Loeb Classical Library, 1914). 11. 820 ff., 852 ff/
Freud, *Moses and Monotheism* (New York, 1967), pp. 94—95.

ГЛАВА II

Знать и не знать

Я был призван логикой и фактами проникнуть во многие владения храма науки. Я не препятствовал постоянному возникновению пожаров, хотя нес в руке свечу только для освещения.

Реконструкция событий

Постоянные мировые катастрофы, которые происходили на памяти человека, и в особенности последние, отпечатались в воспоминаниях многих народов по всему миру так, что их невозможно стереть.

В опубликованных мною книгах я предложил реконструкцию части этих событий исторического прошлого, построенную на свидетельствах людей, сохранившихся в наследии древних цивилизаций. Все они, в текстах, завещанных потомкам от тех времен, когда человек научился писать, в различных формах излагают истории, в которых опытный глаз психоаналитика сразу может распознать многочисленные вариации одной и той же темы. В гимнах, в молитвах, в исторических текстах, в философских трактатах, в данных астрономических наблюдений, а также в легендах и религиозных мифах древние отчаянно пытались донести до своих потомков, включая нас, сведения о событиях, которые оставили неизгладимые воспоминания у свидетелей.

Я рассказал эту историю с жестокой откровенностью, в том смысле, что рассчитывал на полную неосведомленность читателей, живущих в состоянии почти полного подавления наиболее значительного из всех родовых воспоминаний, в почти полном забвении тех потрясений, которые волновали их предков.

В своей аналитической практике я бы никогда не озадачил пациента внезапным обнажением скрытых мотивов, лежащих в основе его болезни, не осуществив постепенной подготовки, в ходе которой я бы осторожно вел его к собственному прозрению. Только после такой предварительной работы можно рискнуть сделать шокирующее открытие, но даже в этом случае эффект порою может оказаться почти сокрушительным. Но к этому моменту все дороги к отступлению в незнание уже перекрыты. Кроме того, к этому времени пациент уже понял бы добрые намерения аналитика, и линия передачи установилась. Но представляя анамнез, или историю развития болезни, коллективу, страдающему от амнезии, я не следовал такой процедуре и не мог этого делать. Должен ли я сначала кратко рассказать историю великих катастроф прошлого — ее приглашенную версию — или подавать ее малыми дозами, по чайной ложке после завтрака? Должен ли я представлять эту историю как только возможную, но не обязательно истинную? Должен ли я напечатать ее точно по пунктам или лучше расчленить ее для всякого рода журналов?

Я сделал то, что сделал, понимая, что это может вызвать сильную реакцию у каждого, кто соприкоснется с этим открытием непосредственно или по слухам. У некоторых эта реакция примет форму громогласного отторжения, протеста, обвинений и создания оппозиции. У других — ошеломленных таким открытием — появится столь же сильная реакция принятия, одобрения и миссионерского порыва обращать в эту веру всех прочих. Демаркационная линия, разделяющая эти два лагеря, вряд ли будет отклоняться от той, которая разделила людей, не читавших обращение, опубликованное в 1950 году в книге «Столкновения миров», и читавших его. Те, кто не читали, имели однако весьма четкие мнения: они знали «все» из журналов, дискуссий и сплетен, в то время как спонтанная реакция помешала им прочесть саму книгу.

История, рассказанная в упомянутой книге, — это не просто гипотеза и не пустая теория: это реконструкция событий, которые происходили в историческом прошлом, за двадцать четыре и двадцать семь столетий до нас, — короче, примерно за сто поколений назад.

Каждая страница текста содержит ссылки на источники, и следовательно все данные доступны для проверки. Это повествование ужасающее и в то же время двойственное. С одной стороны, это мучительная, вызывающая ужас картина страданий наших предков — жертв природного катаклизма. С другой стороны, это демонстрация разочарования, испытанного нами по отношению к прошлому, которое оказывается лишь обманом, притупляющим нашу любознательность, усыпляющим любопытство, приучающим вместе с нашими государственными деятелями, философами и учеными к апатии, как к нашему истинному состоянию, и в то же время наделяющим нас ощущением безопасности, словно ни одно землетрясение случиться не может.

Но наша планета действительно была вовлечена на своем пути в различные дорожные аварии. Продолжительность года, месяца и дня не оставалась неизменной с самого начала: они последовательно менялись в исторические эпохи, когда человек был уже вполне грамотен и мог оставить письменные свидетельства об этих изменениях. Это зафиксировано различными письменами, в особенности клинописью. Данные клинописи можно сравнить с данными иероглифов, а их в свою очередь — с древними календарями всего мира и с солнечными и водяными часами прошлого, ныне почившими не из-за пороков своей конструкции, а из-за изменений того, что они предназначены были отмерять. Эти данные могут и должны быть рассмотрены в свете исторических летописей, а потом изучены с соблюдением должного уважения к священным текстам каждой древней религии, текстам, изобилующим упоминаниями о космических катастрофах и легендарной сокровищнице древности.

Письменный памятник разворачивает перед нашим взором четкую картину. Затем мы приступаем к исследованию области естественной истории: если происходили события такого масштаба, они должны были неизбежно оставить следы на поверхности земли и на дне морей. Внимательное чтение моей книги «Земля в перевороте» убедит даже наиболее скептических читателей в том, что нет на земле места, которое не имело бы этих приметных следов. В прошлом в арктических районах формировались залежи угля и росли кораллы; носороги, мамонты и бизоны остави-

ли свои кости на огромной глубине за полярным кругом. В Африке, в Китае, в Бразилии и повсюду существовал конгломерат животных из тропических и полярных районов: полярные медведи, арктические лисы, тропические змеи и крокодилы. Обнаружилось, что бурый уголь (лигнит) хранит отпечатки насекомых и растений, собранных вместе из таких регионов, как Норвегия, Мадагаскар и Бразилия. Горные хребты вознеслись на свою нынешнюю высоту при жизни человека, даже весьма развитого человека, и каждая исследовательская группа, которая возвращается с одного из этих главных горных хребтов — Гималаев, Кавказа, Альп, Анд — с удивлением подтверждает открытие их чрезвычайной относительной молодости.

Как я уже говорил, данная история была рассказана с жестокой откровенностью, и этот психоаналитический промах мог вызвать только одну реакцию, которая имела место в действительности. Однако освобождение от вытесненных родовых воспоминаний намного важнее, чем риск негативного психологического воздействия. Лекарством должно стать изучение моей исторической реконструкции в школах, прежде всего в младших классах. Тогда не возникнет противоречия с воззрениями, глубоко укоренившимися в нынешних школьных учебниках; процесс восстановления воспоминаний о древних травматических событиях станет более плавным, и потрясение, если даже оно возникнет, будет иметь благие последствия. Эти жизненные факты должны быть сообщены достаточно рано, для освобождения их от элемента повторного шока, поскольку первоначальный шок был пережит нашими предками в экстремальных обстоятельствах.

Знать и не знать

Фрейд писал о двух психологических реакциях на травму. «Последствия травмы носят двойственный характер, позитивный и негативный. В первом случае наблюдаются попытки оживить травму, вспомнить о забытых переживаниях или, более того, сделать их реальными,

чтобы пройти еще раз через их повторение... Эти попытки обобщаются в терминах «фиксация на травме» и «вынужденное повторение». По поводу другой реакции Фрейд писал: «Негативные реакции преследуют противоположную цель; здесь ничто, касающееся забытой травмы, не должно вспоминаться или повторяться. Они (негативные реакции) могут быть сгруппированы вместе как реакции защитные. Для них характерно избегание соответствующих тем — тенденция, которая в своем высшем проявлении может привести к подавлению или фобии. Эти негативные реакции значительно влияют на формирование характера. Они не в меньшей мере представляют собой фиксацию на травме, чем реакции позитивные, но следуют противоположной тенденции. Симптомы указанного¹ невроза составляют компромисс, объединяющий и позитивные и негативные воздействия травмы. Иногда может преобладать один из компонентов. Эти противоположные реакции создают конфликты, которые, как правило, не могут быть разрешены самим субъектом».

Исайя

В литературе классического периода и первых христианских столетий, а также и более поздней, мы можем наблюдать, как предаются забвению события, происходившие в предшествующие века. Сначала существовали те, кто знал об этих событиях и был свидетелем их, а затем описал то, что видел.

Пророк Исайя начал передавать свои сообщения в 747 г. до н. э., во времена царя Озии, в тот самый день, когда произошла природная катастрофа. Он продолжал свои пророчества, когда стал государственным деятелем, адресуясь к народу и его совести, к отдельному человеку и его душе. Как мастер письменного слова Исайя не имеет рав-

¹ Freud, *Moses and Monotheism* (New York, 1967), pp. 94–95.

ных в мировой литературе. Ни один перевод не передает даже приблизительно еврейский язык Исаяи — его точность, силу, словесное богатство и структуру. Исаяя жил в эпоху последней серии катастроф и не смог бы описать их с большей точностью: «Вот, Господь опустошает Землю и делает ее бесплодной; изменяет вид ее и рассеивает живущих на ней... за то сожжены обитатели Земли, и немного осталось людей»¹. «Ужас и яма и петля для тебя, житель Земли!... ибо окна с небесной высоты растворятся, и основания Земли потрясутся. Земля сокрушается, Земля распадается, Земля сильно потрясена»².

Исаяя описывает все это: изменения в небе, потрясения на земле и на море, качание гор, бегство людей, миграции целых народов.

Книга Исаяи вместе с писаниями других пророков Ветхого Завета со времени ее создания была прочитана миллионами людей всех поколений. Ни одна книга не читалась настолько активно и не комментировалась столь подробно. Тем не менее тот факт, что происходили некие природные катастрофы во времена Исхода и затем вновь в восьмом—начале седьмого века до нашей эры, во времена пророков Исаяи, Иоила, Михея, Наума, Осии, Амоса и Аввакума, каждый из которых настойчиво говорил об этих катастрофах, остался незамеченным. Тексты были прочитаны и воспринимались просто как метафоры или аллегории политических событий. Великий страх выразился в этом нежелании заметить истинную боль и обеспокоенность пророков.

Ранние попытки рационализации

С появлением Аристотеля (384—322 гг. до н. э.) настало время для законного забвения всех природных потрясений, происходивших в историческом прошлом: отрицание таких событий стало нормой не только

¹ Книга Пророка Исаяи 24:1, 6.

² Книга Пророка Исаяи 24: 17—19.

для философии, но и для религии и естествознания, а для политических учений — своего рода догмой. Но даже до создания такого кодекса наблюдалась более ранняя тенденция последовательного вытеснения. Одним из его механизмов является то, что мы называем рационализацией, или заменой необычного менее необычным. За сто лет до того, как Аристотель создал свой свод законов (который никогда или почти никогда не оспаривался наукой), Геродот посетил Египет и записал то, что услышал от египетских жрецов и от гидов, обслуживающих гостей из чужеземных стран.

Насколько мне удалось выяснить из бесчисленных источников, рассеянных в разных частях света, последняя крупная катастрофа произошла 23 марта 687 года до н. э. по юлианскому календарю¹. Это была ночь уничтожения армии Сеннахерима «ударом», согласно Библии и древнему Мидрашиму. Но Геродот услышал от египетских жрецов, что когда их царь Сетос отправился со слабой армией в Палестину, чтобы сразиться с ассирийцами и их царем Сеннахеримом, множество полевых мышей набросилось на лагерь ассирийцев ночью и перегрызло крепления их луков, так что армия, фактически обезоруженная, бежала. При этом Геродот добавил: «И доныне в храме Гефеста стоит каменная статуя царя (Сетоса) с мышью в руках, и по этому случаю имеется надпись: «Взгляни на меня и страшись богов».

В действительности это событие было вызвано приближением планеты Марс, смещенной со своей прежней орбиты Венерой во время последней встречи планетарного семейства. Если китайские записи по поводу ночи 23 марта 687 г. до н. э. говорят о звезде, упавшей с дождем сверкающих звезд², то Библия и более детализированные тексты Мидраша говорят о сокрушительном ударе, от которого остановилось дыхание воинов, хотя одежда на них осталась неповрежденной³. Само это событие сопровождалось оглушительным грохотом. В книге «Столкновения миров»

¹ Столкновения миров, часть II Марс, раздел «687 год до н. э.».

² E. Biot, *Catalogue general des etoiles filantes et des autres meteores observes en Chine apres le VII-e siecle avant J.C.* (Paris, 1846)

³ Столкновения миров, раздел «Ignis e Coelo».

я высказал предположение, что «если по каким-то причинам заряд ионосферы электрически заряженного верхнего слоя атмосферы до определенной степени возрастет, разряд возникнет между верхней атмосферой и землей, и громовой удар раздастся с безоблачного неба»¹.

Подобное событие не совсем «законно» с точки зрения аристотелевской, или метафизической, системы мышления, следовательно, оно не только не могло произойти, но о нем не стоило бы и упоминать. Однако, его замена, или рационализация, историей о нашествии полчищ полевых мышей, которые за одну ночь перегрызли тетиву у всех луков и обрекли ассирийскую армию на поражение, представляет собой всего лишь издержки воображения.

Очевидная нерациональность подобной рационализации заставила хроникеров искать более приемлемого объяснения. Поскольку было известно, что бубонная чума переносится крысами, мышей заменили крысами, и армия Сеннахерима, как объяснялось и в исторических и в теологических сочинениях, погибла от бубонной чумы. В поддержку такой точки зрения отмечалось, что Аполлон *Smithheus* (Аполлон Мыши) насылает и насаждает чуму в «Илиаде». «Это рассказанная Геродотом версия еврейской истории о чуме, которая уничтожила ассирийскую армию перед Иерусалимом», — писал один из переводчиков Геродота². Но ни один из древних еврейских источников (Библия и Мидрашим) не содержал подобных утверждений, даже если чума свирепствовала и связывалась именно с этими природными катастрофами. В библейских текстах это событие скорее представлено как внезапное³. Однако для бубонной, как и для любой другой чумы, потребовалось бы более одной ночи, чтобы умертвить армию в 185 000 человек (такая цифра дается в Библии). Междисциплинарный синтез, т. е. подход к проблеме с позиций разных наук, поможет понять, каким образом явление, непосредственно связанное с планетарной катастрофой, могло быть скорее представлено как чудо, чем просто проявление нарушения в незыблемом порядке солнечной системы.

¹ Там же, раздел «Время мечей, время волков».

² A.D. Godley, note to Book II. 141 (Loeb Classical Library, 1921).

³ 4-я Книга Царств 19:35; 2-я Книга Паралипоменон 32:21.

Так, в «Столкновениях миров», в одной из глав, я поведал историю, рассказанную индейцами меномин алгонкинского племени: «Маленький мальчик сделал лассо и протянул его через дорогу. Когда Солнце подошло к этому месту, лассо обхватило его за шею и затягивалось, пока Солнце почти не лишилось дыхания. Потемнело». Солнце взмолилось о помощи. Но ни один из пытавшихся не смог помочь — «шнур так врезался в плоть шеи Солнца, что они не могли перерезать его». Солнце попросило Мышь попробовать перегрызть веревку. Мышь подошла и вгрызлась в веревку, но это была тяжелая работа, потому что веревка была горячей и глубоко врезалась в шею Солнца. Однако после долгих усилий Мыши удалось ее перегрызть, и тогда Солнце снова задышало и рассеялась тьма. Если бы Мыши не удалось это сделать, Солнце бы погибло»¹. Теперь перед нами две истории, в каждой из которых спаситель — это мышь, перегрызающая веревку. Но в индейской легенде веревка препятствовала движению Солнца. Не имеют ли эти две истории какого-то отношения друг к другу?

Знаменитая фраза Геродота, сообщающая о великой тайне, услышанной им от египетских жрецов, согласно которой до того, как Египет стал царством, Солнце несколько раз меняло назначенный ему путь, расположена в его «Истории» буквально следом за событием разгрома армии Сеннахерима. Та же самая последовательность наблюдается в 4-й Книге Царств: за историей Сеннахерима в главе 19 идет рассказ о нарушении движения Солнца в главе 20 — по солнечным часам Солнце задержалось на 10°.

Из этих трех вариантов — рассказа Геродота от имени египетских жрецов и легенды индейцев из алгонкинского племени, сопоставленных с третьим, сохраненным в библейском повествовании (Книга Исаии 36—38, 4-я Книга Царств 18—20 и 2-я Книга Паралипоменон 32) мы можем узнать, как человек искажает прошлое, чтобы очистить его от всего, что нарушает потребность человека в гармонии и стабильности, чтобы «...и сами небеса, и планеты, и этот центр соблюдали порядок, старшинство и свое место»².

¹ Столкновения миров, раздел «Субъективная интерпретация событий и их подлинность».

² Шекспир. Троил и Крессида, Акт 1.

Геродот, посетив Египет примерно в 450 году до н. э., менее чем 250 лет спустя после события, происшедшего 23 марта 687 г. до н. э., не знал о летописях своей собственной страны, где сообщалось бы о нарушении движения Солнца, либо отбрасывал их как выдумки, недостойные включения в его историческое исследование.

Египетские жрецы, зная о постоянных сбоях солнечного движения, изобрели, однако, историю о полевых мышках, которые перегрызли тетиву луков, разрушив тем самым связь разгрома Сеннахерима с каким-либо нарушением движения Солнца.

Американские индейцы сохранили воспоминание о том, что происходило, когда разреженная атмосфера какого-то небесного тела приняла форму четвероногого, освобождая Солнце, которое выглядело так, словно оно попало в ловушку на длинной веревке, но они сделали пойманного маленьким мальчиком, лишив таким образом эту историю ее истинных драматических деталей.

Другие племена, в особенности на юге и севере Тихого океана, приписывали «захват» Солнца некоему полубожеству. Все эти сведения представлены в книге «Столкновения миров».

Сопоставляя эти источники, мы сможем также понять, почему Аполлон у греков имел эпитет *Smintheus*, т. е. «связанный с мышью», и приблизиться к пониманию самого Аполлона.

Но главное, что мы можем выяснить, это то, что процесс рационализации устанавливается только поколение спустя после событий, которые потрясли то, что никогда не должно было потрясаться.

Платон

Из предыдущего раздела мы увидели, что вытеснение в процессе обработки информации происходит не на слишком большом временном отдалении от природной катастрофы. Но одновременно с феноменом начальной, почти добровольной, амнезии, можно наблю-

дать противоположное стремление — сознательную попытку удержать воспоминание о событиях, потрясших Землю, событиях, в которых участвовала вся природа: море и земля, Солнце и Луна и все небесные тела.

Через пятьдесят лет после посещения Египта Геродотом туда приехал Платон, едва достигший тридцатилетнего возраста; незадолго перед этим он расстался с Сократом, выпившим предназначенную ему чашу с ядом. Когда Платону было около десяти лет, он услышал, что Солон, живший многие поколения назад, узнал от жрецов Саиса в Египте о катастрофах, происходивших в прошлом, одна из которых стала причиной гибели и погружения в море Атлантиды.

Платон жил приблизительно с 427 по 347 г. до н. э., а последний глобальный катаклизм произошел не менее, чем триста лет назад. Нарушения движения Солнца должны были быть знакомой темой для каждого, кто читал историческую драму Софокла «Атрей», от которой до наших дней дошел всего лишь небольшой фрагмент. Солнце поднялось на востоке только после того, как его движение пошло в обратную сторону: «Зевс... изменил путь Солнца, заставив его подниматься с востока, а не с запада». Кроме того, читатели Еврипида или театральная публика знали следующий отрывок из «Электры»: «Тогда в гневе своем поднялся Зевс; заставив звезды повернуть вспять на огненном пути... Солнце... повернуло назад..., в ярости своего гнева заставив смертных страдать».

Философы-стоики говорили о постоянно случающихся мировых пожарах; пифагорейцы погружались в размышления о космическом порядке и беспорядке; а еще до них, в гомеровской «Илиаде», встречались многочисленные сцены теомехии, или войны планетарных богов. Весь греческий Пантеон — это в сущности адский хаос на Олимпе. А сама гора Олимп, которую в более поздние времена размещали вблизи греческих земель, это всего лишь небесный свод. Поэтому неудивительно, что у Платона встречается множество фрагментов, где речь идет о земных и даже космических катастрофах. Я приводил некоторые из них в книге «Столкновения миров». Из «Политика» цитировал рассуждение Платона о смещении полюсов: «Я говорю об

изменении восхода и захода Солнца и других небесных тел, когда в те давние времена они заходили там, где теперь восходят, и восходили там, где теперь заходят». Вместе со смещением земных полюсов сместился и весь небесный свод. Платон продолжает: «В определенные периоды Земля имеет свое нынешнее круговое движение, а в иные периоды она вращается в обратном направлении... Из всех изменений, которые происходят в небесах, это обратное движение является самым значительным и самым полным». Подобные изменения сопровождались опустошениями, а также уничтожением видов и родов. «В то время произошло полное уничтожение животных, и только небольшая часть людей уцелела».

В «Тимее» Платон описывает последствия столкновения Земли, «охваченной бурными ветрами», с «чужеродным огнем отовсюду и с огромной глыбой» или с водами «бесконечного пенистого потока». Земной шар, сбитый со своей орбиты, двигался «вперед и назад, и вновь вправо и влево, и вверх и вниз, блуждая по всем шести направлениям». Земная ось «...один раз перевернулась, затем склонилась и вновь вернулась в прежнее положение». Платон говорил также о космических и геофизических нарушениях, сопровождающихся «яростным сотрясением» и «полной остановкой движения», и «сошествием с орбиты», которое «вызывало беспорядочное верчение и всевозможные разрывы и разрушения...».

Платон знал о процессе вытеснения, который стирает воспоминание о подобных природных катаклизмах. В том же самом «Тимее» он рассказывает о посещении афинянином Солонем Египта за два века до времени Платона: «Ах, Солон, Солон! — сказал один из жрецов, совсем старик. — Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца! — Почему ты так говоришь? — спросил Солон. — Вы все юны умом, — ответил тот, — ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, посевшего от времени. Причина же тому вот какая. Уже были и еще будут многократные и различные случаи гибели людей, и притом, самые страшные — из-за огня и воды, а другие, менее значительные, из-за тысяч других бедствий».

Отсюда распространенное у вас сказание о Фаэтоне, сыне Гелиоса, который будто бы некогда запряг отцовскую колесницу, но не смог направить ее по отцовскому пути, а потому спалил все на Земле и сам погиб, испепеленный молнией. Положим, у этого сказания облик мифа, но в нем содержится и правда: в самом деле, тела, вращающиеся по небосводу вокруг Земли, отклоняются от своих путей, и потому через известные промежутки времени все на Земле гибнет от великого пожара. ...Какое бы славное или великое деяние или вообще замечательное событие ни произошло, будь то в нашем краю или в любой стране, о которой мы получаем известия, все это с древних времен запечатлевается в записях, которые мы храним в наших храмах; между тем у вас и прочих народов всякий раз, как только успеет выработаться письменность и все остальное, что необходимо для городской жизни, вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки, словно мор, оставляя из всех вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих... Так, вы храните память только об одном потоке, а ведь их было много до этого; более того, вы даже не знаете, что прекраснейший и благороднейший род людей жил некогда в вашей стране. Ты сам и весь твой город происходите от тех немногих, кто остался из этого рода; но вы ничего о нем не ведаете, ибо их потомки на протяжении многих поколений умирали, не оставляя никаких записей.

...Ведь по свидетельству наших записей... еще существовал остров, лежавший перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами. Этот остров превышал своими размерами Ливию и Азию (Малую) вместе взятые. ...На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возникло удивительное по величине и могуществу царство, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того, по эту сторону пролива они овладели Ливией, вплоть до Египта, и Европой — вплоть до Тиррении. ...Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлан-

тида исчезла, погрузившись в пучину. После этого море в тех местах стало до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, оставшегося после осевшего острова»¹.

Слова Платона об «отклонении тел, которые вращаются в небе вокруг Земли», как о причине разрушений, происходящих время от времени, нужно подчеркнуть особо, потому что их обычно оставляют без внимания. Были выдвинуты бесчисленные гипотезы относительно «размещения» Атлантиды во всех концах света, но никто не придал значения этим, только что процитированным, словам.

Аристотель считался одним из учеников Платона. Но если смотреть объективно, то его теория — это антитеза Платона, умевшего ощущать наследие веков. Аристотель должен был знать то, что написал и проповедовал Платон. Однако у него была странная склонность воспринимать слова своего учителя как нечто противоположное исторической истине. Он не спорил с Платоном; он просто игнорировал то, что говорил его учитель столь пространно в разнообразных сочинениях.

Аристотелевское отрицание травм прошлого, сложившееся в философскую систему, которая охватывает многие сферы человеческого знания, стало фундаментом, на котором были выстроены александрийские школы физики, геометрии, астрономия Архимеда, Евклида и Клавдия Птолемея. Учение Лайэля и Дарвина — это версия Аристотеля, принадлежащая XIX веку. Так как «научная церковь» (выражение Томаса Хаксли) все еще идет по стопам Дарвина, она остается аристотелевской. И, следуя Исааку Ньютону при изучении космического пространства и населяющих его небесных тел, «научная церковь» вновь остается аристотелевской. А поскольку данное выражение выступает как эквивалент схоластики, то средневековье еще не закончилось.

---

¹ Платон. *Тимей*. /Собр. соч. В 4-х т.т., Т. 3, С. 426—427, 429—430 (Пер. с древнегреч. С.С.Аверинцева).

Аристотель и амнезия

Нижеследующий раздел был подготовлен профессором Линн Э. Роузом по моей просьбе. Здесь Роуз суммировал некоторые главные темы своей будущей книги об Аристотеле.

Почти на каждой странице сочинений Аристотеля поднимаются два навязчивых вопроса (1) «Почему кто-либо сказал это?» и (2) «Почему все в течение веков восхищались человеком, который говорил такие вещи?». На эти вопросы легче всего ответить, опираясь на сделанную Великовским реконструкцию межпланетарных столкновений и его концепцию коллективной культурной амнезии.

Основа и костяк системы Аристотеля — его космология, которая стала не только одной из самых влиятельных, но также и одной из самых последовательных в своем астрономическом единообразии космологических теорий. Его позиции в высшей степени отличны от позиций Великовского: в сущности вся система Аристотеля создана для того, чтобы исключить самую возможность столкновения миров. В этом также состояла причина ее долгой популярности и привлекательности.

Космологические и прочие идеи Аристотеля чрезвычайно редко основывались на данных непосредственного наблюдения и опыта. Создается впечатление, что эти идеи происходили главным образом из его собственного воображения и формировались в его собственной душе. С какой целью? Чтобы удовлетворить собственные потребности? Чтобы служить политическим целям его македонских хозяев — Филиппа и Александра? Чтобы исключить самую возможность межпланетных столкновений? Кажется весьма вероятным, что он часто преследует все эти цели одновременно. В любом случае факты и аргументы всего не объясняют, и нам необходимо обратиться к психологическим проблемам, если хотим понять способ мышления Аристотеля.

Случай Аристотеля — это блестящее воплощение и иллюстрация теории Великовской о подавленных коллективных воспоминаниях, связанных с глобальными катастрофами и межпланетными столкновениями, и о формах проявления этих воспоминаний. В этом смысле ситуация Аристотеля гораздо важнее любой другой. Можно доказать, что все главные и отличительные особенности системы Аристотеля имеют в той или иной мере целью смягчить его глубоко запрятанный страх перед планетарными катастрофами. Его неприятие того, что происходило в прошлом, доходило до таких крайностей, что он создал систему, в которой межпланетные сближения не только не происходят, но не могут произойти. Аристотель и его философия стали главным теоретическим препятствием для теории катастроф. Ни один мыслитель на всем протяжении развития памятников письменности не сделал больше Аристотеля в стремлении поставить вне закона теорию катастроф. Это видно не только из его работ, посвященных проблемам физики и космологии, но из всех его сочинений в целом.

Земля у Аристотеля находится в центре сферической вселенной и является неподвижной. В пределах земного, или подлунного, мира совершаются постоянные перемены (сюда входит движение от прошлого к будущему, а также изменения в качестве, количестве и пространственном расположении), но все эти процессы в конце концов оказываются просто *циклическими*. Не существует истинного движения, эволюции или обновления земного мира. В небесах вокруг Земли имеются пятьдесят пять однородных концентрических сфер. Эти невидимые и математически совершенные сферы неизменны и непроницаемы: единственная «активность», которая им позволена, — это вращение (никакие другие изменения не допускаются в небесном мире).

Аристотель наделяет каждую из пятидесяти пяти небесных сфер «разумом», или ангелом-хранителем, поддерживающим их движение в абсолютно неизменном ритме на всем протяжении вечности. Полюса каждой сферы прикреплены к наружной сфере и вращаются с ее помощью таким образом, что достаточно сложные схемы их движения могли быть сведены к комбинации единообразных круговых движений. Каждая из семи «планет» (Сатурн, Юпи-

тер, Марс, Меркурий, Венера, Солнце и Луна) расположена, подобно ювелирному украшению, на экваторе одной из сфер. Каждая из этих сфер-носительниц планет замкнута слоями других, «непланетарных», сфер. Таким образом, планеты не могут близко подойти друг к другу, их несут сферы, а поскольку эти сферы не движутся по собственному произволу, а направляются «разумами», Аристотель не только отодвинул планеты на две ступени от какого-либо первоначального источника движения, но заявил, что сам этот источник движения скорее разумен, чем слепо иррационален.

«Поэтика» Аристотеля — это, на первый взгляд, не совсем подходящее произведение для иллюстрации реакций Аристотеля на космические катастрофы. Но мы заметим, особенно в аристотелевской концепции идеальной трагедии, что «Поэтика» во многих отношениях даже более богатый клад информации, чем его строго космологические сочинения. Дело в том, что космология — это просто последовательное отрицание или подавление прошлых катастроф; с другой стороны, его философия трагедии предоставляет ему возможность заново пережить эти катастрофы, на этот раз без всякого риска и сохраняя полный контроль над ситуацией. (И отрицание, или подавление, и повторное переживание должны происходить на подсознательном уровне).

Аристотель подчеркивает, что трагедия представляет «события, возбуждающие жалость и страх, чтобы достичь катарсиса при переживании таких эмоций»¹. Но замечания Аристотеля о катарсисе, или очищении, никогда не вносили уточнения, идет ли речь о самих эмоциях или от соответствующих эмоций очищается зритель. Скорее всего Аристотель подразумевал последнее, но можно также предполагать, что он говорил об «очищении» и в том и в другом смысле. Мы, зрители, очищаемся от эмоций жалости и страха, а эмоции жалости и страха, которые мы ощущаем, сами очищаются от того содержания, которое они имели бы, если мы были свидетелями реальных событий, а не искусственного сценического подражания этим событиям.

¹ *Poetics* 1449b.

Аристотель определил различные компоненты трагедии, включая фабулу и характер. Но только фабула, или расположение событий, является решающей: «Но важнее всего структура событий. ...Характер определяет достоинства человека, но только благодаря своим поступкам люди бывают счастливы или, наоборот, несчастливы. Следовательно, драматическое действие не подразумевает изображения характера; характер является дополнением поступков. ... И без действия не может быть трагедии, но она может существовать без характера» (1450а 15–25).

Аристотель уделяет особое внимание трем особенностям фабулы. Существуют перипетии, или повороты событий; узнавание; и пафос, или сцены страдания. Аристотель предпочитает, чтобы повороты событий и узнавание совпадали (как это происходит в «Царе Эдипе» Софокла). Часто повторялось, что «характер — это судьба». Но судьба трагической жертвы, как это видится Аристотелю, — это результат цепи событий, а вовсе не обязательно характера. Более поздние теории трагедии подчеркивают «трагическую вину» жертвы. Эта трагическая вина обычно является следствием характера и часто связана с аморальностью или пороком: трагическая развязка представляется следствием этой вины, или безумия, или других черт личности главного героя. Фабула, разумеется, сохраняет свое значение, но трудно заметить, чтобы сторонники интерпретаций, построенных на тезисах «характер — это судьба» и «трагическая вина», когда-либо соглашались с Аристотелем в том, что только фабула — т. е. действие и последовательность событий — существенна для трагедии и что трагедия может существовать, даже вообще не обращаясь к характерам. Аристотель со всей определенностью говорит, что гибель «незаслуженна» (1453а 4–5) и что жертва, «подобно каждому из нас» (1453а 5–6), — это тот человек, который не является «безупречно добродетельным и справедливым, но несчастье которого вызвано не пороком или испорченностью, а какой-то ошибкой или моральной неустойчивостью» (1553а 8–10). Греческое слово, переведенное Батчером как «моральная неустойчивость», — это *hamartia*. Аристотель пространно рассуждает о добродетелях и недостатках жертв трагедии, но следует подчеркнуть, что он не считает нравственные качества жертвы *причиной*

ее гибели: он лишь говорит, что если жертвы или слишком добродетельны или слишком порочны, мы не ощущаем трагического страха или жалости. Что мы, став публикой, почувствовали жалость и страх и должны воспринимать жертву как «подобную каждому из нас», т. е. не слишком добродетельную и не слишком порочную. Это единственные соображения, которые заставляют Аристотеля говорить о нравственном состоянии трагических жертв.

В «Поэтике» Аристотель бессознательно моделирует собственный идеал трагедии в соответствии с особенностями космических катастроф. Жертвы таких космических катастроф (подобно жертвам в трагедии) избираются независимо от каких-либо их проступков. Их гибель «незаслуженна» и происходит «случайно». Рок настигает их извне, и их характеры не имеют к нему никакого отношения. Гибель происходит чаще всего «в момент одного обращения солнца или только слегка переходит за эту границу» (1449b 13) — такова, по словам Аристотеля, продолжительность драматического действия в трагедии. (Очень примечательно, что Аристотель связывает ее с Солнцем: он мог сказать просто «примерно в течение дня», вообще не упоминая о небесном теле). Аристотелевская концепция идеальной трагедии воплощает эти и — как мы далее увидим — другие черты космического катаклизма. Он выводит за пределы трагедии такие понятия, как вина или наказание. «Таковы правила, которым должен следовать поэт» (1454b 15), — говорит Аристотель. Интересно знать, не подвергся ли сам Аристотель тем обвинениям, которые Главкон выдвинул против некоторых критиков и которые Аристотель решительно поддерживал: «Противоположно поступают люди, которые, по словам Главкона, заранее делают некоторые безосновательные распоряжения и, сами постановив приговор, выводят заключения, и если это противоречит их мнению, порицают поэта, как будто он сказал то, что им кажется» (1461b 1–3).

Аристотель сам указывает на то, как богата и разнообразна была греческая трагедия и как много несоответствий между тем, что он хотел, и тем, что в действительности происходило на театральной сцене. В большинстве своем трагедия просто не вмещалась в ту форму, которую он стремился ей навязать. «Поэтика» полна намеков на авторов,

творивших за век или два до Аристотеля и не писавших так, как ему бы хотелось. Аристотель сам время от времени «ставит в вину, если это не совпадает с его собственными фантазиями». («Царь Эдип» Софокла был, кажется, любимой трагедией Аристотеля, одной из немногих, которую он не критиковал). Аристотель очень узок в своих правилах, и он исключает многое из того, что было сделано до его эпохи, а также и в последующее время. Например, Антигона была слишком добродетельна, чтобы получить одобрение Аристотеля. С другой стороны, Клитемнестра, которая была реальным «протагонистом» «Агамемнона» Эсхила и которая также появлялась и в других пьесах, была, вероятно, не слишком добродетельной для целей Аристотеля. И часто отмечалось, что критерии Аристотеля исключили бы такие более поздние трагедии, как «Ричард III» или «Макбет», в которых центральные герои являются злодеями. Возможно, существует значительное количество людей, которые в своих воззрениях на трагедию ближе к Аристотелю, чем это было бы, если бы он вообще не жил на свете. Но очень немногие в целом принимают его доводы, поскольку это означало бы, что многие великолепные трагедии следовало бы признать недостойными.

Все отличительные особенности аристотелевской теории трагедии были ему близки по причинам, которые он не признавал, т. е. потому, что все они так или иначе имели отношение к межпланетным столкновениям. Жертвы планетарных катастроф обычны, «подобны каждому из нас», не являются воплощением добродетели или порока. И по этой причине они не могут быть все достойными или все недостойными такой участи, потому что в планетарных катастрофах гибнут и достойные и недостойные; все они равно беззащитны¹. Более того, судьба жертв никак не связана с какой-нибудь трагической виной, проистекающей из их характеров: их судьба «незаслуженна» и настигает их «внезапно». Для большинства людей весть о приближении планетарного божества и гибельное столкновение миров во времени совпадали, и их трагические судьбы завершались в

¹ Velikovsky, *Earth in Upheaval*, page 228: «Fit and unfit, and mostly fit...».

период «одного оборота солнца». Весть и гибель приходили вместе в момент космического катаклизма: за исключением таких редких личностей, как Исайя (который, вероятно, только догадывался), люди узнавали о приближении другой планеты только тогда, когда она находилась у них над головой. И мы действительно можем испытывать «жальность» к жертвам катастроф и ощущать «страх» перед тем, что то же самое может постигнуть нас: их уязвимость и незащищенность подобны нашим.

Аристотель родился всего через три столетия после последнего межпланетного столкновения, и человеческие виды в целом еще не успели преодолеть воспоминания об этих катастрофах, таящиеся в глубинах коллективного бессознательного. Платон, в частности, представил и подтвердил сообщения о таких катастрофах, их Аристотель и его почитатели вскоре стали считать «мифическими», «ненаучными» и «неисторичными». Одной из функций мифа у Платона была передача истины, которая не может быть передана другим путем: «миф» не был для Платона бранным словом. Еще одной функцией мифа было сохранение сведений о прошлых исторических событиях: такие сведения обычно подлинны, а не выдуманы. Но для Аристотеля миф становится просто частью литературы: это фантазия, а не факт, и он больше не является частью истории. Аристотель использует мифы как средство ослабить напряжение, возникающее из его неприятия исторической истины; возвышенные мифы становятся просто средством для достижения эмоционального катарсиса.

Римские философы

В последнем веке до нашей эры Лукреций знал о катастрофах и писал о них в своей поэме «О природе вещей». Его современник Цицерон, государственный деятель и философ республиканского Рима, отрицал возможность изменений в движении планет и объяв-

лял их богами. Божественную природу планет он объяснял тем, что они занимают возвышенное положение и безошибочно следуют своим орбитам. «Поэтому существование богов настолько явно, что я вряд ли заподозрил бы здравый смысл в том, кто это отрицает»¹.

Такое догматическое мышление, меняющее статус веры, но не сам способ мышления, существовало во все века: в Риме Цицерона и Цезаря, в Риме католической церкви, в обсерваториях нашего времени. Категорическая манера, с которой диссиденты обвиняются в отсутствии здравого смысла и порочности ума, может быть прослежена и в истории сожжения Джордано Бруно, и в призыве к Галилею отречься стоя на коленях — и даже в требованиях к издателю «Столкновения миров» отказаться от публикации этой книги.

Вывод Цицерона о том, что планеты — это божественные тела, наделенные божественным разумом, не был извлечен из того факта, что они располагаются в эфирных высотах и движутся без всяких отклонений; об этих признаках упомянуто только для того, чтобы доказать уже существующее представление о планетах и звездах как о богах. А источник такого верования, глубоко укоренившегося и широко распространенного, был связан с воспоминаниями о природных явлениях и необычайных событиях прошлого, которые тускнели с каждым поколением.

Плиний, римский натуралист первого века, смог поведать о межпланетных электрических разрядах: «Небесный огонь извергается прямо из планеты, подобно тому как потрескивающий уголь вылетает из горящего очага»². Согласно Плинию, межпланетные грозовые разряды были вызваны в прошлом каждой из трех планет — Марсом, Юпитером и Сатурном.

Сенека, современник Плиния, философ и наставник Нерона, писал, что «пять видимых планет — это не единственные светила с меняющимся движением, но лишь немногие из этого разряда, которые были замечены. Но бес-

¹ Cicero, *De Natura Deorum* (Loeb Classical Library, 1933), II. 1.

² *Natural History* (Loeb Classical Library, 1938, II. 18).

численные прочие вращаются тайно, будучи нам неизвестны или из-за слабости своего свечения, или из-за расположения своих орбит, которое делает их видимыми только, когда они достигают апогея». «Еще наступит день, — писал Сенека в своем трактате «De Cometis», — когда через века прогресс науки бросит свет на тайны природы, которые теперь скрыты. Времени одной человеческой жизни, хотя бы она и была полностью посвящена изучению неба, не хватает для познания столь сложных вопросов. ...Должны, следовательно, потребоваться века, чтобы их все решить. Придет день, когда потомки изумятся, что мы не ведали о таких вещах, которые покажутся им самыми обычными. Эти пять планет постоянно сталкиваются на наших глазах; они встречаются нам в самых разных частях неба, взывая к нашему любопытству. ...Множество открытий приготовлено для тех веков, которые наступят, когда память о нас окончательно исчезнет. Мир жалок, если в нем нечего исследовать всему человечеству в каждое время. ...Природа не открывает всех своих тайн сразу. Нам кажется, что мы проникли в ее тайны. Но мы всего лишь приникли к ее внешним оградкам»¹.

Расцвет учения Аристотеля

Темные Века в Европе — это название периода от завоевания Рима готами и вандалами в пятом веке до начала Ренессанса и Реформации в пятнадцатом. В науке это была эпоха схоластики, или порабощения всех умов философией Аристотеля. Однако в мусульманских странах Ренессанс наступил на несколько веков раньше.

Три силы препятствовали прогрессу науки в период Темных Веков: вторжение кочевых орд с востока и севера; влияние церкви, которая насаждала догмы и сковывала человеческий разум; и научный догматизм, заостеневший в

¹ Seneca, *Quaestiones Naturales* (London, 1910), pp. 298 ff.

тысячелетнем почитании Аристотеля в течение всего средневековья с его крестовыми походами, схоластикой и чумой. Странный сплав христианской догмы и учения Аристотеля стал основой церковного исповедания, которое рассматривало мир как нечто завершенное, а Землю — как неподвижный центр вселенной. Установление законов в астрономической науке было осуществлено отдаленным во времени учеником Аристотеля Клавдием Птоломеем, александрийским астрономом и математиком, в свое время самой авторитетной фигурой в области этих наук. На протяжении всех последующих столетий, вплоть до Тихо Браге и Иоганна Кеплера, живших пятнадцать веков спустя, это оставалось неоспоримой догмой.

Ислам распространился в Испанию на Западе и в Бухару и Кашмир на Востоке. Католическая церковь господствовала над Западной Европой. Америка еще не была открыта. И на западе и на востоке евреи, маленький рассыпавшийся народ, хранили свою древнюю веру, из которой изначально вышли и христианство и ислам. В двенадцатом веке Аверроэс (1126—1198), образованный мусульманин и испанский ученый, написал «Комментарии» к Аристотелю и соединил ислам с его учением. С тех пор они стали неразделимы. Моше бен Маймон, известный как Маймонид (1135—1204), который родился в Испании, но жил и занимался медицинской практикой в Каире, написал «Наставник колеблющимся» и соединил раввинский иудаизм с учением Аристотеля. За этими двумя современниками, которых разделяли всего девять лет, последовал Фома Аквинский (1224—1274), доминиканский монах, написавший «Сумму теологии» и соединивший католицизм с аристотелевским наследием.

Эти три мыслителя считались величайшими авторитетами в области теологии, и к началу их эпохи космические события, происходившие в исторические времена, стали ошибочно интерпретироваться как метафоры: Библия подверглась цензуре¹. Истинные чудеса разбушевавшихся стихий, восставший хаос, страх были отвергнуты рассудочным разумом.

¹ Великовский, «Столкновения миров», раздел «Маймонид и Спиноза, экзегеты».

Коперник

Восемнадцать веков прошло со времени Аристотеля и тринадцать с половиной со времени Клавдия Птолемея, а их учение о сферах, вращающихся вокруг Земли, пребывающей в центре вселенной, осталось неизменным и не только продолжало жить, но претендовало на неоспоримость. Средневековые университеты и церковь, с их философами и теологами, сохраняли догматическую верность этой доктрине. В 1492 году, когда Колумб открыл американскую Вест-Индию, Николай Коперник был восемнадцатилетним юношей, внесенным в список студентов Краковского университета. Далее он продолжил свое обучение в Италии, потом вернулся в свою родную Польшу, чтобы занять должность каноника в городе Фрауенбурге.

В 1506 или 1507 г. Коперник начал работать над своей книгой «De Revolutionibus Orbium Celestium» («Об обращении небесных сфер»). Он показал, что Солнце, а не Земля занимает центр вселенной, и доказал, что Земля вращается по суточной и годовой орбите. Однако он не расстался с концепцией единообразного кругового движения, не понял он и природы фиксированных звезд — больших солнц, расположенных бесконечно далеко, — считая их светилами, прикрепленными к огромной сфере, образующей границы вселенной.

В 1530-е годы Мартин Лютер, который в 1517 году впервые порвал с папством, выступил против Коперника, атакуя «этого нового астролога, который пожелал доказать, что Земля, а не небо или весь небосвод вместе с Луною и Солнцем движется и вращается... этот невежда желает перевернуть всю астрономическую науку вверх ногами. Но как свидетельствует Священное Писание, Иисус Навин приказал остановиться Солнцу, а не Земле!». Восстав против римской церкви, он с презрением отверг революционера звездного неба.

В предисловии к своей книге «De Revolutionibus» Коперник писал: «Я легко могу понять... что когда некото-

рые люди узнают, что в этой книге, которую я посвятил обращениям небесных тел, я приписал некоторые движения Земле, они сразу закричат, что я и моя теория должны быть отвергнуты. Когда я сам подумал, насколько абсурдным может показаться тем, кому известно, что в течение многих столетий Земля, как доказывали, неподвижно стоит в центре вселенной, если я стану, наоборот, утверждать, что Земля движется, когда я все это старательно обдумал, опасение, внушаемое мне новизной и абсурдностью моей теории, почти вынудило меня бросить труд, который я начал. Как я осмелился дерзнуть, вопреки общепринятым мнениям математиков и в противовес здравому смыслу, прийти к теории какого-либо земного движения?».

Коперник все откладывал публикацию своей книги, пока не понял, что дни его клонятся к концу и приближается вечная ночь. Тогда он побоялся предстать перед Богом, не передав людям на Земле открывшуюся ему истину. После целых десятилетий ожидания его единственный ученик Ретик убедил ученого позволить ему опубликовать книгу «De Revolutionibus». 24 мая 1543 года за несколько часов до смерти Копернику в руки дали первый экземпляр этой книги.

Что было до такой степени неприемлемым в гелиоцентрической системе? Дело в том, что человек нуждается в ощущении безопасности, и эта потребность скорее всего основана на скрытом ощущении ненадежности. Движущаяся земля — место куда менее надежное, чем неподвижная. Более того, эта система лишает человека его центрального положения во вселенной, а это оскорбительно для его «эго». Это также противоречит догматам христианской церкви. Разве Иисус явился просто на какую-то второстепенную планету, одну из многих подобных?

Но среди всех этих соображений в основе мучительного неприятия, с каким было встречено запоздалое обнаружение теории Коперника, лежало все-таки чувство ненадежности. Великое крушение этой планеты во время ее странствий поселило глубоко запрятанный страх в человеческую душу. И подобно тому как глубочайшие травмы предаются забвению в душе отдельного человека, так же точно происходит и со всем человечеством.

Галилей и Джордано

Когда Галилей усвоил доктрину Коперника, в соответствии с которой Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, он порвал не с Библией, а с Аристотелем. Инквизиция допрашивала его в связи с отрицанием им догмы о Земле как о центре вселенной, вокруг которого вращается Солнце вместе с остальными планетами. А это вовсе не библейская истина, а учение Аристотеля. Ставшие почти апокрифическими слова Галилея, поднявшегося с колен после отречения, — «*Errig si muove!*» (И все-таки она вертится!) — отражают смысл и содержание этого преступления. Уже в первой главе Ветхого Завета Солнцу предписано освещать Землю ради блага человека. В дальнейшем Ветхий Завет постоянно упоминает о перемещениях и даже перевертывании Земли, что абсолютно не узаконено, в соответствии с теорией Аристотеля. Церковь, равно преданная как Библии, так и Аристотелю, принимала учение последнего почти буквально, а что касается Библии, то здесь додумались до метаморфозы грандиозных природных чудес, превратив их в индивидуальные видения святых.

Галилей, будучи правоверным католиком, единственный раз отклонился от учения Аристотеля: то же самое отклонение совершил каноник Коперник, работа которого была опубликована за девяносто лет до того, как Галилей предстал перед судом инквизиции (1633). Галилей не решился на столь решительный разрыв, как его современник, протестант Иоганн Кеплер, который отказался от идеи круговых орбит и предложил теорию эллиптических орбит, или на столь полный, как младший современник их обоих, пантеист Джордано Бруно, который лишил привилегированных позиций и Землю и Солнце, объявив фиксированные звезды теми же солнцами, в свою очередь окруженными планетами.

Галилей и Джордано были наказаны в соответствии с их преступлениями: Галилей был осужден инквизицией на

восемнадцать лет тюремного заключения и затем пожизненный домашний арест, а Бруно — на семь лет тюремного заключения и смерть на костре. Бруно, однако, отверг не только идею Аристотеля о неподвижной Земле в центре вселенной, но и догмат о непорочном зачатии. Все это он совершил на заре своей жизни, когда покинул свою келью в доминиканском монастыре Нола на склонах Везувия — ту самую, которую три столетия назад занимал Фома Аквинский. Ересь Бруно была направлена одновременно против обеих доктрин, объединенных Фомой Аквинским, и 17 февраля 1600 года из груды хвороста, зажженной на Кампо деи Фьори в Риме, он был послан инквизицией прямо в ад¹.

Никола-Антуан Буланже

Имени Никола-Антуана Буланже вы не найдете в большинстве энциклопедий, и оно известно только немногим специалистам. Он был современником Жан-Жака Руссо, Вольтера и Дидро, блестящих французских писателей. Он прожил всего тридцать семь лет, с 1722 по 1759 год. В ходе моих исследований я вышел на это имя очень поздно, в 1963 году², а несколько лет спустя прочитал его работы. Я обнаружил, что в некоторых отношениях он был предшественником Фрейда и Юнга, а также и моим, в сущности, решая те самые проблемы, которые Фрейд и Юнг оставили нерешенными. В частности, он понял, что поведение человеческих видов, в совокупности со всем наследием религиозных верований и политических структур данного и предшествующих веков, в значительной степени определяется катастрофическим опытом прошлого — Потопом (или потопами, поскольку их могло быть больше одного).

¹ Antoinette Mann Paterson, *The Infinite Worlds of Giordano Bruno* (C.C. Thomas, 1970).

² Сначала в работе Ливио Стеккини «Изменчивые небеса». In: *American Behavioral Scientist*, September 1963, p. 30.

После безвременной смерти Буланже его работы были опубликованы Дидро, но его геологические наблюдения не были включены в напечатанные тома. Отрывки из этих исследований и отдельные размышления появились в недавно изданной книге о Буланже¹ и не производят впечатления новаторских. Но следует помнить о том, что век геологии как науки начался только после смерти Буланже.

В эпоху Буланже геология как наука находилась в зачаточном состоянии. Но в качестве горного инженера он обследовал долину Марны, и это дало ему возможность прийти к выводам, которые, как он счел, подтверждались существующими книгами по фольклору и священными книгами классических авторов, доступными ему или в оригинале или в переводе. Он убедился, что Потоп был глобальным событием, хотя это было не его открытием, а скорее соответствовало общепринятой в его время точке зрения. Буланже стал автором статьи «Потоп» в большой французской «Энциклопедии», изданной Дидро. В своих книгах он постоянно говорил о Потопе как об уникальном явлении, но при этом упоминал и о многочисленных потопах. Создается впечатление о том, что он не представлял, откуда могут явиться воды мирового океана, и не пришел к мысли, что такое бедствие могло быть вызвано какой-либо космической силой: в его работе ни одна из планет не вовлечена в эту катастрофу. Не связывал он и описание обстоятельств Исхода с какими-либо катастрофическими событиями, и о том, что речи еврейских пророков во времена ассирийского владычества (восьмой век до нашей эры) связаны со всемирными катастрофами, происходившими в то время, также не пришел к заключению. Тем не менее он был готов заявить, по крайней мере однажды, что прошло всего три тысячи лет с того момента, как в природе установился порядок. Таким образом, человеческие существа должны были быть свидетелями этих переворотов; род человеческий пережил не одно ужасающее испытание, последствия которых все еще с нами: «Мы еще и сегодня содрогаемся от последствий потопа, и общество, неведомо для нас, все еще передает нам страхи и апокалиптические идеи

¹ J. Hampton, *Nicolas-Antoine Boulanger et la science de son temps* (Geneva-Lille, 1955).

наших предков. Ужас передается от рода к роду, и опыт столетий может только ослабить его, но не способен заставить его полностью исчезнуть. Ребенок всегда будет бояться того, чего боялись его предки»¹.

Сделав обобщающий вывод о том, что наше общество, так же как и общество первобытное, все еще живет под впечатлением пережитого Потопа, Буланже предвосхитил Юнга и Фрейда и определил природу этого опыта, который влияет на поведение последующих поколений. Фрэнк Э. Мэньюэл утверждает, что в концепции Буланже «не существует физиологической передачи страха, вызванного потопом, нет и теоретического постулата греха, а есть лишь историческое предание, воплощенное в обычаях, мифах, ритуалах. Буланже не исследует биологического механизма или родовой памяти, которая наследуется, продолжая воздействие травмы, связанной с потопом. Достаточно простого подражания и общественных традиций — это теория, подразумевающая относительно легкое избавление от болезни и таким образом внушающая оптимизм, который отличает ее от идеи травмированного человечества, выдвинутой Фрейдом»².

Ни Фрейд, ни Юнг ничего не знали о Буланже, и его имя не встречается в психологической литературе. Главное не в том, что он заявил о катастрофических событиях, которые происходили в прошлом: оригинальность Буланже состоит в том, что он осмыслил последствия таких катастроф для человеческого рода. Мысль о катастрофических событиях в прошлом уже встречалась в сочинениях Уильяма Уистона, преемника Исаака Ньютона в Кембридже, в колледже Тринити: он заявил, что Потоп был вызван кометой, которая вернулась при его жизни, в 1680 году. И Жорж Луи де Бюффон, современник Буланже, считал, что какая-то мощная комета ударила в Солнце и стала причиной образования планетарного семейства. А после эпохи Буланже научная мысль восемнадцатого и первой половины девятнадцатого веков вновь и вновь искала причину подобных земных катастроф.

¹ Nicolas-Antoine Boulanger, *L'antiquite devoilee par ses usages* (Amsterdam, 1766), Bk. 6, ch. 2.

² Frank E. Manuel, *The Eighteenth Century Confronts the Gods* (Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1959), p. 223.

Дихотомия Лапласа

В своем «Трактате о небесной механике» (1779—1825) Пьер Симон де Лаплас доказывал, что солнечная система, управляемая силами гравитации, упорядочена и что планеты движутся по вечно неизменным орбитам. В своей книге «Изложение системы мира» (1796), обсуждая возможность столкновения Земли с кометой, он начал с того, что свел к минимуму такую возможность и ее последствия, но по ходу обсуждения этой проблемы заметно вдохновился и в конце концов признал возможность ужасающих последствий. Далее он заявил, что многие проблемы геологии и климатических условий древности должны получить объяснение именно посредством подобного события. Таким образом, Лаплас пришел к дихотомии: он отрицал возможность каких-либо пертурбаций подобной мощности в пределах солнечной системы и в то же время признавал, что верит в подлинность таких событий.

Его утверждение о том, что солнечная система не могла и не может подвергнуться каким-либо сбоям, хорошо известно, и это кредо современных астрономов так часто повторялось, что нет необходимости цитировать Лапласа на этот счет. Что же касается другого заявления, то поскольку ссылка на него периодически исключается из научной литературы, то я его здесь воспроизведу. «Если комета, имеющая массу Земли, пройдет на близком расстоянии, то «наклон и скорость вращения изменятся. Моря выйдут из своих прежних берегов, чтобы устремиться к новому экватору; огромное количество людей и животных будут поглощены этим всемирным потоком или уничтожены ужасным ударом, который обрушится на земной шар; все виды будут уничтожены, все плоды человеческого труда разрушены. Таковы бедствия, которые может вызвать удар кометы, если ее масса сравнима с массой земли.

И тогда мы действительно понимаем, почему океан отступил от высоких гор, на которых он оставил бесспорные свидетельства своего пребывания. Тогда мы понимаем,

каким образом животные и растения юга смогли существовать в северном климате, где были обнаружены их останки и отпечатки. Наконец, это объясняет молодость человеческой цивилизации, памятники которой не восходят далее чем к пяти тысячам лет. Человеческий род, сведенный к небольшому числу индивидуумов, находящихся в самом плачевном состоянии, в течение довольно долгого времени был занят только заботой о сохранении рода и должен был полностью утратить воспоминания о каких-либо науках и искусствах. И когда прогресс цивилизации позволил им ощутить обновление, возникла необходимость все начать сначала, как будто человек заново поселился на земле»¹.

Я цитирую этот фрагмент из работы Лапласа, чтобы проиллюстрировать состояние расщепления личности, разумеется, не этого ученого, который признан гением, сумевшим довести ньютонову систему до совершенства, но тех, кто ныне, в течение почти двухсот лет, предпочитают волшебную сказку о земле обетованной потрясающим свидетельствам о пережитой землей катастрофе.

На двухгодичной сессии Американского философского общества, проводившейся в университете Нотр-Дам в Индиане 2 ноября 1974 года, я говорил о стремлении науки знать и о столь же сильном желании не знать. Со времен Аристотеля в классическую эпоху и Лапласа в эпоху современную научная тактика диктует познание только до определенного предела — не более того.

Дарвин

До какой степени страх понять, что мы движемся на аварийном корабле, господствует над мышлением современных ученых, можно проиллюстрировать на нескольких примерах.

¹ *Oeuvres completes de Laplace*, 6th edition (Paris, 1835), pp. 234—235.

Чарлз Дарвин, будучи начинающим натуралистом, посетил Южную Америку. Это была его самая долгая остановка в ходе кругосветного путешествия на корабле «Бигль». Он записал в своем путевом дневнике (я уже цитировал этот фрагмент в своей книге «Земля в перевоороте»): «Невозможно осмыслить изменившееся состояние американского континента без глубочайшего изумления. Когда то он должен был быть населен огромными чудовищами: теперь же мы видим просто пигмеев в сравнении с предшествующими, родственными видами».

Он продолжал: «Большая часть этих исчезнувших четвероногих, если не все, жили в довольно позднем периоде и были современниками большинства существующих морских ракушек. С того времени, как они жили, не могло произойти значительных изменений в форме земли. Тогда почему исчезло столько видов и даже целых родов? Сначала разум тут же торопится уверовать в какую-нибудь грандиозную катастрофу. Но чтобы таким образом уничтожить животных, больших и малых, в Южной Патагонии, в Бразилии, в Перуанских Кордильерах, в Северной Америке вплоть до Берингова пролива, мы должны были бы встряхнуть весь земной каркас» (курсив наш).

Дарвин не знал ответа и писал: «Вряд ли могло бы произойти такое изменение температуры, которое бы примерно в одно и то же время уничтожило бы обитателей тропических, умеренных и арктических широт в обоих земных полушариях». Вовсе не человек выступил в роли этого разрушителя. И если бы даже он нападал на больших животных, то был ли он причиной, спрашивает Дарвин, исчезновения «множества ископаемых мышей и других мелких четвероногих..?» Дарвин сделал вывод: «Нет сомнений, что ни один факт в долгой истории мира не является столь поразительным, как повсеместное и повторяющееся уничтожение ее обитателей»¹.

¹ Charles Darwin, *Journal of Researches into the Natural History and Geology of the Countries Visited During the Voyage of H.M.S. Beagle Round the World*, under date of January 9, 1834 (New York, London: Appleton & Co.), pp. 169–170.

После того, что он увидел в Южной Америке, Дарвин не мог не прийти к идее катастрофизма. К этой информации он вышел не путем простого чтения: он увидел сами останки жертв катастроф, не в музеях, а *in situ*, в пампасах и на склонах Анд. Такой опыт впечатляет больше, чем книжная информация. Однако два десятилетия спустя Дарвин проявил непоследовательность, приписав все изменения в животном мире очень медленной эволюции в ходе борьбы за существование, и с помощью пространственных рассуждений он попытался доказать, что Земля подвергалась постоянной эволюции, сохраняя свое непрерывное вращение, поскольку идея сотрясения всего земного шара была за пределами его восприятия. Но он видел этих животных, их расколотые кости, сваленные в самом причудливом соседстве: гигантские ленивцы и мастодонты вместе с птицами и мышами. Он должен был позабыть эти картины бедствия, чтобы изобрести теорию мирной земли, несокрушимой в своей цельности, земли, населенной видами, ведущими борьбу за существование и использующими различные счастливые случайности — видами, каждый из которых произошел от немногих одноклеточных организмов, как будто простое соревнование («выживание сильнейших») могло произвести от одного и того же животного предка и крылатую птицу, и ползучую змею, и сороконожку, и человека. С нашими нынешними познаниями явлений трансмутации элементов и биологических мутаций, которые происходят при экстремальных условиях, термических или радиоактивных, нам уже нет нужды разделять теорию, согласно которой долгие эры борьбы за существование позволили наземным животным отрастить крылья и утверждающей происхождение всей земной популяции, населяющей землю, воздух и море от какого-то общего предка. Но какова бы ни была природа эволюции — в свое время Дарвин не мог знать о феномене мутаций — факт уничтожения множества родов и видов был ему известен, и он не мог обойти его молчанием в своей работе «Происхождение видов». Он писал: «Исчезновение видов облечено неразгаданной тайной... Никто больше меня не изумлялся этому исчезновению». Но потом он попробовал найти объяснение в «обширных временных интервалах между нашими последова-

тельными (геологическими) формациями; и в интервалы могло происходить постепенное уничтожение видов»¹.

Этот аргумент, подразумевающий некие лакуны в геологических эпохах, без которых нельзя было бы обнаружить феномен постепенного уничтожения «неприспособленных» видов, не помогает объяснить обнаруженные гекатомбы животных, и не только исчезнувших видов, но перемешанные с еще существующими формами, которые также погребены в момент одного и того же природного катаклизма. Эти останки оказались погребенными вместе только в результате физического воздействия, без участия каких-либо геологических процессов. О горах погибших животных в Южной Америке и по всему миру было хорошо известно во времена Дарвина: Альфред Рассел Уоллис, который одновременно с Дарвином обнаружил теорию естественного отбора, в полном недоумении обратил внимание научной общественности на холмы Сивалик у подножий Гималаев: на протяжении нескольких сот миль они были буквально усеяны костями животных.

Можно строить гипотезы относительно того, чего не видел, как, например, гипотеза геологических лагун, составляющая фундамент всей работы «О происхождении видов». Но в отношении того, что действительно увидено, т. е. свидетельств грандиозных катаклизмов, погрешности геологических сведений никак не могут стать объяснением.

Христианская церковь утверждает, что у животных нет души и что непроходимая пропасть существует между миром людей и животных. Когда Дарвин разрушил ощущение абсолютной границы между человеком и животным, он подорвал веру в то, что душа отделяется и живет после смерти. Таким образом, Дарвин сокрушил гордыню человека, убежденного в своем особом происхождении и уникальности. Но был и еще один аспект в дарвиновской теории, без которого оппозиция его учению была бы гораздо более резкой и продолжительной, — это чувство безопасности в связи с мирной историей нашей планеты, приюта человека: никаких катастрофических событий на всем протяжении прошлого и в будущем. Ради такой уверенности

¹ Charles Darwin, *On the Origin of Species*, sixth edition (New York, London: Appleton & Co.), vol. II, pp. 95–96, 99.

человек был готов расстаться с идеей собственной исключительности и согласиться считать себя одним из представителей животного мира. Это не требовало от него отказа от своего статуса как первостепенного, от возможности использовать и даже съесть любого из своих животных сородичей, независимо от того положения, которое он занимал на шкале эволюции. Ему не требовалось церемониться с лошадьми или приматами: даже его собственные самки не имели избирательных прав. Это было подобно тому, как генеалогический список, считавшийся подлинным, в действительности таковым не оказался, и предполагаемое знатное происхождение не подтвердилось высоким рангом предков: в жилах приматов явно не текла голубая кровь. Такое разочарование вызвало иронический вопрос епископа Сэмюэла Уйберфорса, адресованный Томасу Хаксли во время их известной встречи: «...при участии своего дедушки или своей бабушки вы произошли от обезьяны?»

Итак, человеку была предоставлена возможность отдать свое божественное происхождение в обмен на безопасность собственного приюта. Дарвин понимал, какой жертвы он требует и какую гарантию душевного спокойствия он предлагает. Кто заботится о прошлом, если в будущем его ждет костер? Дарвин пояснил все это на последней странице своей книги «Происхождение видов»: «Поскольку все существующие формы жизни являются прямыми потомками тех, что существовали задолго до кембрийской эры, мы можем четко ощущать, что прямая последовательность поколений никогда не нарушалась и что ни одна катастрофа не уничтожала всего живого. Поэтому мы можем смотреть вперед с некоторой верой в долгое и безопасное будущее».

Дарвин закончил книгу «Происхождение видов» следующими словами: «Есть определенное величие в таком взгляде на жизнь, с ее возможностями, которые Творец первоначально вдохнул в несколько жизненных форм или всего в одну. И пока эта планета вращалась, повинаясь точным законам гравитации, из простейших форм развились самые прекрасные и удивительные».

Итак, основной сюжет определился, драматическое столкновение каждого со всеми может продолжаться без

всякого опасения, что сама сцена будет разрушена. Для человека, стоящего на вершине лестницы, это своего рода разрешение пожирать или эксплуатировать менее развитых — одухотворенных или неодухотворенных. Для человека борьба за выживание в животном мире обычно не более как спорт. В любом случае это означало быструю и неоспоримую уже в течение века победу дарвинизма над глубоко запрятанными опасениями человека, являющегося потомком тех, кто пережил катастрофы, вызванные отнюдь не призрачными разрушительными силами.

Природная эволюция и революция

Книга Дарвина «О происхождении видов» путем естественного отбора появилась в ноябре 1859 года и имела огромный успех: в день ее выхода было продано 1250 экземпляров.

В работах, посвященных истории науки и, в особенности, Дарвину, мы постоянно встречаем упоминания о резкой оппозиции, которой была встречена эта книга. Такая информация нуждается в уточнении. На самом деле значительные ученые того времени, подобные Луи Агассису, ихтиологу, ботанику Аса Грею и другим, после осмысления этой книги с большой осторожностью отнеслись к воззрениям Дарвина, однако они спорили с ним уважительно, на чисто научной основе. Агассис указал, что скелетные остатки большого количества древних и исчезнувших видов рыб свидетельствовали о их более высоком развитии на путях эволюции и об их лучшей приспособленности к борьбе за существование в сравнении с более поздними видами рыб. Таким образом, принцип выживания наиболее приспособленных не прослеживался. Но академический хор в поддержку Дарвина звучал еще громче, и вскоре в интеллектуальных кругах был совершен рывок в сторону победившей команды. Томас Хаксли в Англии и

Эрнст Геккель в Германии возглавили это движение. Дарвин держался на заднем плане, но время от времени подстрекал свой авангард на уничтожение какого-нибудь научного оппонента, обычно из среды клерикалов, с помощью хитрых научных аргументов, а иногда и личных нападений на критика, как это было с французским ученым Сен-Жоржем Миваром, который выдвинул весомые возражения против теории эволюции путем естественного отбора. В своей переписке Дарвин говорил о Ламарке, одном из предшественников учения об эволюции, к тому времени умершем, как об авторе «той жалкой книжонки». Дарвин также полностью пренебрегал трудами основателей геологической науки — сэра Родерика Мурчисона, Уильяма Бакленда и Адама Седгвика — созданными в начале девятнадцатого века, где были даны названия, которыми мы до сих пор пользуемся, почти всем геологическим периодам: кембрийскому, пермскому, ордовикскому, меловому и т. д. Он также окружил полным молчанием основателя палеонтологии млекопитающих и ихтиологии Жоржа Кювье. Эти создатели науки о земле представили убедительные данные, показывающие, что на земном шаре катастрофические события постоянно прерывали ход естественного развития. Дарвин последовал за Чарлзом Лайелом, который был юристом по образованию и который выдвинул теории единообразия не как естествоиспытатель, но как адвокат. Это его книгу читал Дарвин во время путешествия на «Бигле», и она, по его собственному признанию, была его Библией.

Очевидно, Дарвин следовал какой-то психологической потребности, когда закрывал глаза на противоречащие факты, но к тому же и сходной потребности научного и гражданского сообщества избавиться от природных революций, заменив их природной эволюцией. Удивляет жадная готовность, с которой ученые приняли теорию Дарвина. Ни один из аргументов, которые можно было бы против нее выдвинуть, не был использован оппонентами. В опубликованных дневниках путешествия Дарвина в Южную Америку представлено, к примеру, множество фактов, которые указывают на катастрофический характер борьбы за существование между различными жизненными формами. Это не только

тот фрагмент, который мы цитировали раньше, о необходимости нарушить весь земной порядок, чтобы произвести такое массовое и внезапное уничтожение множества животных видов, это и данные о подъеме чилийского побережья более, чем на тысячу футов за период, который короче, чем время жизни морских раковин, и постоянная трансгрессия океана через Бразилию к подножию Анд. Но, не имея другого поля для наблюдений до момента написания книги «О происхождении видов», он выступил в последней против идеи катастрофических изменений Земли и контуров океанов и против любых континентальных, не говоря уж о глобальных, потрясений. Ни одно из этих противоречий между его дневниковыми записями и его основным трудом не было отмечено ни одним из его оппонентов. Ему не было поставлено в вину, что он не занимал никакой академической должности в университете, что единственной его научной степенью была степень бакалавра геологии, что он убрал ссылки на какие-либо источники, так что читателю не предоставлялось возможности проверить представленные им факты. Ни одна из этих погрешностей не была отмечена критиками. Вдобавок к тому, что он не учел серьезных открытий еще очень молодых наук — геологии и палеонтологии — Дарвин, вкупе со всей свитой, прошел мимо работы своего современника, Грегора Менделя, который определил основные законы наследственности и подготовил основу для современной генетики.

Дарвин соответствовал духу викторианской эпохи: эволюционная теория была объявлена революционной, хотя она таковой не являлась. Дарвин стал высшим авторитетом, символом решения любых вопросов, заменой самого Творца, который сам теперь стал фигурой подозрительной, раз он внушил Моисею все эти книги и историю сотворения мира, явно, как ныне доказано, фальсифицированную.

Успех Дарвина, незамедлительное принятие его теории академией и проникновение его теории в духовный и материальный мир последнего столетия связаны с его уверенностью в том, что каркас этого земного шара ни разу не пошатнулся.

Заблуждение Карла Маркса

Жак Барзун рассказывает, что Карл Маркс пожелал посвятить одну из книг своего «Капитала» создателю «Происхождения видов». Дарвин отклонил эту честь...»¹. Предлагая посвятить Дарвину часть своего «Капитала» — победного клича в честь освобождения «неприспособленных» от эксплуатации «приспособленными» — Маркс преследовал какой-то неясный расчет. Отказавшись от этого предложения, Дарвин из них двоих оказался более разумным.

Учение Дарвина в определенном смысле освящало эксплуатацию менее приспособленных более приспособленными, т. е. эксплуатацию тех, кто менее способен адаптироваться к обстоятельствам и возможностям своего времени. Промышленная революция, которая обозначилась в викторианскую эпоху, породила предприимчивость и вместе с тем беспринципность, она извлекала выгоду из непривилегированных, неимущих, невежественных и незащищенных — словом, из неприспособленных. Эксплуатация обнаруживалась в рабочем дне, длившемся от рассвета до ночи, в детском труде, нищенски оплачиваемом, в грязных фабриках и грозящих гибелью шахтах. Эксплуататор меньше заботился о физическом выживании человеческого животного, чем о выживании домашних животных: последние были собственностью владельца, а человеческое животное можно было заменить без всякого убытка для эксплуататора.

Маркс наблюдал и изучал производственные отношения и выступил против приспособленных. Британские острова, потеряв в конце предшествующего века свои американские колонии, теперь, при королеве Виктории, распространили свое могущество, чтобы стать ведущей колониальной державой мира. Чернокожие африканцы, темнокожие

¹ Jacques Barzun, *Darwin, Marx, Wagner: Critique of a Heritage* (Boston, 1941), p. 10.

народы земель, граничащих с Индийским океаном, и люди всех прочих цветов кожи были захвачены в рабство как колониальные народы (и хотя колониальная экспансия Британии восходит к шестнадцатому веку, она никогда не достигала такого размаха, такого великолепия и таких грабительских масштабов, как во времена Виктории). Ни Палата Общин, ни Палата Лордов, ни премьер-министр и его кабинет не торопились с созданием законов, защищающих эксплуатируемых как у себя дома, так и за пределами страны. Великобритания правила морями; королева вскоре должна была быть провозглашена императрицей.

Маркс был то, что немцы называют «Luftmensch», человек никчемный. У него не было постоянного занятия, никакого постоянного источника дохода. Рожденный в Германии, переехавший во Францию, а затем в Англию, этот человек с широким лбом и львиной гривой волос ежедневно поднимался по ступенькам Британского Музея на площади Рассела. Дети, рождавшиеся у него в Лондоне, один за другим умирали от плохого питания и отсутствия медицинской помощи. Однажды его мебель выставили на тротуар, потому что он не заплатил за проживание. Но он упрямо продолжал свою борьбу за угнетенных, неприспособленных. Он мог выбрать себе девиз из многочисленных изречений еврейских пророков, потому что, не ведая о защите труда и финансовой статистике, они провозглашали тот же самый социальный императив. «Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле» (Книга Исайи 5:8). Пророки были противниками трона, богатых, эксплуататоров.

Маркс даже выглядел так, как мы себе воображаем ветхозаветного пророка, независимо от завязанного галстука и лацканов обычного сюртука. Но он отвергал какие-либо связи с древними пророками. Он даже отказался от своего еврейского происхождения. В возрасте шести лет он был крещен, и одна из его ранних работ после того, как он обратился к коммунизму, была направлена против евреев.

Современным зачинателем идеи коммунизма был Моисей Гесс, урожденный немец, живший и писавший во Франции. Это к нему в 1840 году пришел молодой Фрид-

рих Энгельс, а год спустя Энгельс приобщил к идеям Гесса Маркса. Через несколько лет они составили «Манифест Коммунистической партии», и началось дальнейшее движение. Гесс, однако, скоро почувствовал, что в будущем это движение приведет к ненависти и насилию, и, как будто пророчески предвосхищая сталинские сибирские лагеря и покорение стран Восточной Европы, он писал Александру Герцену, русскому эмигранту и анархисту: «Как вы знаете, я не отрицаю возможность такой смерти без воскресения, такой решительной победы варварства и жестокости; только утверждаю, что завоевания, варварство и реакция так нераздельно между собою связаны, что одно неизбежно влечет за собой другое. Чтобы спасти ваши славянские завоевания [речь в данном случае идет об идее], вам остается превратить социализм, из которого вы сделали негативную идею — т. е. анархию в политической сфере и атеизм в сфере религиозной — в идею позитивную»¹.

В 1862 году Гесс написал «Рим и Иерусалим» — исследование пробудившегося национального сознания. Он предвидел огромную волну антисемитизма, которая захлестнет Францию в связи с делом Дрейфуса, и понимал проблему евреев внутри различных наций более глубоко, чем Теодор Херцл поколение спустя. Херцл впервые задумался о спасении народа через ассимиляцию, но тогда, в дни суда над Дрейфусом, написал свою книгу «Еврейское государство», еще не уточняя, где должно находиться это государство.

Карл Маркс, продолжая основываться на Дарвине, как Дарвин основывался на Ньютоне, изменил человеческую историю. Однако ни он, ни те, кто за ним последовал, не понимали, что в свете исторического материализма и в беспорядках политических революций они будут соперничать с природной революцией, а не с естественной эволюцией. Последствия революции, а затем сталинские репрессии обездолили людей, лишили их естественного права на

¹ Moses Hess, *Briefwechsel*, edited by E. Silberman (Mouton, 1959), p. 253.

свободу мыслей, самовыражения и выбора местожительства и превратили в зависимых рабов. За семьюстами, обезглавленными на площади Согласия в Париже в дни французской революции, последовали через полтора столетия миллионы, преданные смехотворным судам, заключенные в тюрьмы. Замученные и убитые, и за ними наблюдал Маркс со своего вездесущего портрета.

Фундамент выстроенного Марксом здания был размещен таким образом, что не достигал скальной породы, поэтому ему угрожали сотрясения и возможные сжатия.

Доктрина приспособленных, которых закон природы вынуждает, почти обязывает вытеснить неприспособленных в своей следующей фазе оформилась в учение Ницше о Сверхчеловеке, которому все позволено. Этим готовилась основа и для гитлеровской философии следующего поколения: из «приспособленных», а затем и «Сверхчеловека» выростала концепция высшей расы. Вагнеровские трубы взывали к воспоминаниям о нордической Валгалле, а военная муштра Бисмарка с помощью огня и меча воплотилась в лозунге «Drang nach Osten» («поход на Восток»). И в конце концов армии, гусиным шагом двинувшись на Восток, нашли там свою судьбу, так как они столкнулись еще с одним конечным продуктом идеологии девятнадцатого века.

Две формы страха

За несколько недель до начала второй мировой войны, когда в Москве были поставлены подписи на документе, освобождающем нацистской армии дорогу на Восток и на Запад, я находился вместе с семьей на пути к берегам Нового Света. В течение этих лет войны, бессильный что-нибудь изменить на мировой сцене, я проводил время за чтением, изысканиями, раздумьями и написанием своих трудов.

Я словно сидел у ног мудрецов многих древних цивилизаций: сегодня — ученых египетских писцов, завтра — еврейских раввинов, затем — индусов, китайцев или пифагорейцев. Затем я как будто поднимался, чтобы обратиться к современной науке. Иногда я понимал, что напутали древние, а временами находил ответы на то, что озадачивало моих современников. Это движение вперед и назад было моим обычным занятием в течение примерно десяти лет и превратилось в способ постижения определенного явления: послушать тех, кто жил рядом с этими событиями прошлого, даже их свидетелей, и попытаться понять их в свете теоретического и экспериментального знания последних нескольких столетий, столкнув таким образом свидетелей и экспертов.

Очень скоро я понял, что древние мудрецы жили, охваченные тревогой, что оправдывалось событиями, которыми они или их предки были свидетелями. Мои современники, однако, к невыгоде для себя, приобрели догматическую веру в единообразие — гипотезу, претендующую на статус фундаментального закона, основанную на том предположении, что никакие катастрофические события никогда не меняли очертаний вселенной и характера жизни в ней. Я должен был принять в расчет оба исходных момента: страх, который часто перерождался в почитание планетарных богов, религиозные войны и предрассудки; и страх, который сделал из современного человека убежденного сторонника доктрины единообразия. В прошлом не происходило ничего такого, что не происходит на наших глазах, в наши дни, или, точнее сказать, в эпоху, последовавшую за Исааком Ньютоном.

Эти две формы страха имеют общую основу, но потомуки отрицали мудрость своих предков — и даже их честность — считая древние сообщения всего лишь отчаянной попыткой выразить страх при виде природы с ее разбушевавшимися стихиями. Приверженность догме единообразия — это симптом всеобъемлющего страха перед прошлым, даже исторически документированным опытом наших предков, живших лишь сорок поколений назад.

Выбор

Содержание книги «Столкновения миров» стало известно из краткого обзора писателя Эрика Ларраби, опубликованного в Harper's Magazine в январе 1950 года. Затем 6 марта 1950 года в New Republic появилась статья под заголовком «Четкий выбор». Автором был Гарольд Икес — секретарь Департамента внутренних дел при Франклине Рузвельте. Он писал:

«Мы впадали буквально в истерику при мысли о том, что Россия может бросить бомбу на Вашингтон или Нью-Йорк. Теперь мы можем обратить свои мысли совсем к иному.

Доктор Иммануил Великовский, один из основателей Иерусалимского университета, посеял такой немислимый страх, что мы теперь можем отбросить столь банальные страхи перед атомной или водородной бомбой. ...Он привел данные из древних летописей и легенд, чтобы доказать, что в период войн между Венерой и Землей последняя почти расплавилась от возникшего сильного нагревания. ...Самого названия книги доктора Великовского, которая скоро будет опубликована, — «Столкновения миров» — достаточно, чтобы лишить нас тех страхов, которые мы до этого лелеяли. [Если произойдет еще одна подобная встреча], и Земля и Венера станут игрушкой в руках космических сил, не поддающихся контролю.

При таких обстоятельствах можно счесть более чем ребячеством со стороны России и Соединенных Штатов продолжение гонки вооружений, ибо любое оружие превратится в жидкий металл перед яростью воинственной Венеры. Случалось, что враги вдруг становились друзьями, когда им обоим угрожала непосредственная опасность. ...Возможно, не сознавая того, что он делает, доктор Великовский оказал нам всем большую услугу. Он предоставил нам возможность задуматься, даже помолиться... Возможно, у нас окажется достаточно здравого смысла, чтобы обхватить головы руками и реально задуматься об универсальном и вечном мире.

...Новый путь, свободный от опыта предшествующих поколений, может, вероятно, привести к осуществлению того, что под силу мыслящим и смелым людям, — к жизни в мире и добром товариществе со своими соседями».

Эта статья была написана в форме фельетона, и в ней «Старый скряга», как называли Икеса, смешал серьезные размышления с фривольным описанием того, что греки называли теомахией. Но серьезная сторона статьи Икеса была слишком мрачной, чтобы можно было оценить ее чрезвычайную своевременность. Поэтому ее восприняли скорее как причуду, чем как данный нам совет и в самом деле «обхватить головы руками».

Иррациональная эмоциональная реакция, которую вызвала книга «Столкновения миров» у столь многих людей, в особенности ученых, как мне определенно кажется, в большей мере вызвана скрытым страхом перед познанием событий прошлого, а не отвращением к любому сокрушению общепринятых научных теорий¹.

Деградация науки и религии

Реакция на попытки вывести вытесненное содержание, стремящееся остаться подавленным, на поверхность сознания, может быть очень бурной и вызвать взрыв ненависти; человек, пытающийся помочь другому всколыхнуть потаенное, может сам быть обвинен в подстрекательстве к ненависти и разладу. Враждебность по отношению к терапевтическому воздействию может приписать дурные намерения, в действительности существующие в самом субъекте под слоем разумного осознания, те-

¹ Я отсылаю читателей к статье Ливии Стеккини «Неустойчивые небеса», написанной для American behavioral scientist, сентябрь 1963, перепечатанной в книге «Дело Великовского» А. де Грация (Нью-Йорк, 1966), С. 80—126. Она бросает некоторый свет на мотивы, скрытые за слаженной кампанией по запрету моей книги даже до ее опубликования.

рапевту. Иллюстрацией может служить недавняя реакция Дж. Б. С. Хелдейна после прочтения им книги «Столкновения миров».

Хелдейн был британским генетиком, который надел на себя мантию пророка. Когда «Столкновения миров» были опубликованы в Англии, он написал рецензию на книгу в газете «The New Statesman and Nation» (11 ноября 1950). Усилия, которые он приложил к тому, чтобы уничтожить «Столкновения миров», можно оценить с нескольких точек зрения. Нет необходимости обсуждать здесь его научные аргументы, ответ на них дан научным прогрессом, который совершился после 1950 года.

Хелдейн в числе прочего воспользовался ассоциацией этой книги с беспредельным ужасом, живущим в британской нации после внезапной бомбежки во время второй мировой войны. Он писал: «Я считаю тот факт, что эта книга так хорошо продавалась в Америке, одним из самых тревожных симптомов нашего времени. Газеты (см. список этих пропылившихся изданий), в которых ее восхваляли, — это те газеты, которые могут настаивать на использовании Британии как плацдарма для атомной войны. Значительная часть американского народа мыслит категориями мировых катастроф, и Великовский, несомненно, будет их в этом поощрять уже только потому, что, по его мнению, наш мир вполне может быть уничтожен в результате космического столкновения в грядущие несколько тысячелетий, как это и произойдет, если рассказанная им история верна. В действительности же эта книга воплощает в равной степени деградацию науки и религии».

Газетами, которые упомянуты в связи с книгой «Столкновения миров», были «New York Herald Tribune» и отдел журнала «This Week», но ни одна из них не поощряла атомную войну или идею превращения Великобритании в плацдарм для нее. «Столкновения миров» описывают ужасающие природные события, которые происходили в прошлом, но соблюдена была величайшая осторожность, чтобы не спровоцировать какие-либо опасения насчет повторения таких событий в будущем.

Я рассматривал публикацию книги «Столкновения миров» как предупреждение против атомной войны. Катаст-

трофа может произойти, но не от нового планетарного столкновения, а от рук самого человека, жертвы амнезии, завладевшей термоядерным оружием. Следующий фрагмент из предисловия к «Столкновению миров» гласит: «Те годы, когда были написаны «Века в хаосе» и «Столкновения миров», были временем мировой катастрофы, устроенной самими людьми, — войны, которая велась на земле, на море и в воздухе. В этот период человек научился отделять несколько кирпичиков, из которых создана Вселенная, — атомы урана. Если когда-нибудь он решит проблему расщепления и соединения атомов, из которых состоит земная кора или земные воды и атмосфера, он может случайно, спровоцировав цепную реакцию, вывести эту планету из борьбы за выживание, которая идет между небесными сферами».

Хелдейн также подчеркнул в своей рецензии, что автор «Столкновения миров» сознательно оставил несколько подсказок, так как эта книга задумывалась как мистификация, и что это может привести к мировой катастрофе. За этой рецензией, заполненной домыслами, которые может породить только неадекватная реакция, последовал ответ на мои возражения, опубликованные в «The New Statesman and Nation» 3 февраля 1951 года, полностью вводящий в заблуждение.

Хелдейн, биолог и философ, пожелал обеспечить себе славу воплощенной совести научной и философской общности. Англия, его родина, безнадежно опустилась, как он считал, ниже каких-либо нравственных стандартов, и в конце жизни, бессознательно потянувшись к сфере эзотерического, он уехал в Индию, чтобы там и умереть.

Ярость Хелдейна исходила из его собственного беспокойства, вызванного в значительной мере импульсами, связанными с наследственными родовыми воспоминаниями, хотя он сам был уверен в правоте своего дела. Он чувствовал необходимость изгнать духа, которым был одержим, но вместо этого изгнал мою книгу. И он делал бесчестные заявления, которые можно истолковать как иррациональные и потому извинительные; в конце концов он отправился на поиски нирваны и не нашел ничего.

Не слишком отличается от этого и случай Евгения Рабиновича, бывшего редактора «Bulletin of the Atomic Scientists» — журнала, созданного, чтобы искупить грех ученых, вкусивших от древа познания добра и зла, а потом создавших атомные бомбы. Доктор Рабинович взял на себя миссию быть совестью научного сообщества; перед ним бесконечно маячило видение судного дня. Он тоже проецировал страх перед атомной катастрофой на книгу «Столкновения миров». В 1964 году, когда серия «неожиданных» подтверждений возобновила интерес к этой книге, он возглавил кампанию против нее, в то время как накопившиеся факты требовали противоположного — внимательного пересмотра учеными собственных доктрин. Он привлек Г. Марголиса, журналиста, для того, чтобы писать на темы, в которых они оба были совершенными профанами (например, еврейская и египетская филология), чтобы опровергнуть мое толкование одного текста, найденного в эль-Арише, где он был выбит на «паос», или каменном надгробии¹.

Эти примеры, а их может быть значительно больше, подтверждают проецирование страха перед атомной катастрофой не на источник, скрытый в нашей ментальной наследственности, а на выявление этого источника. В соответствии с классификацией Фрейда, это — отрицательная реакция: комбинация нежелания осознать скрытые импульсы и эмоциональной реакции против того, что может привести к осознанию причины умственного расстройства.

Небесный свод

Пример Дарвина, жертвы амнезии по отношению к опытным данным в своей области знания, вовсе не уникален. Скорее это в природе вещей. Отрицание пугающего опыта или подавление внушающих страх

¹ H. Margolis, *Velikovsky Rides Again*, in *Bulletin of the Atomic Scientists* (April 1964).

мыслей, которые вызваны наблюдениями, повторяются вновь и вновь. Любой из нас, кому случалось сталкиваться с переходящим рамки того, с чем он может смириться в своей сознательной памяти, так же отвергает этот опыт или дает ему превратное толкование. Из многих примеров, которыми я располагаю, я выберу случай Лорена Эйсли, антрополога и историка науки, а в то время, как он написал книгу, которую я цитирую, ректора университета в Пенсильвании.

В 1960 году он опубликовал «Небесный свод времени». На первой же странице можно прочесть следующее: «...едва ли два века прошли с того времени, как несколько отважных пионеров стали догадываться, что Земля может оказаться старше, чем 4004 г. до Рождества Христова, как считали теологи. Из всех событий успех книги Великовского «Столкновения миров» за последние годы оказался блестящим подтверждением того, что по прошествии двух столетий научных исследований человек в массе своей все еще испытывает особую тягу к катастрофическим событиям, воздерживаясь, однако, от какого-либо научного к ним подхода. Нашему современному поколению, ничтожно мало озабоченному приращением научной истины, преподносятся насильственный характер и катастрофичность мировых событий, которые так поразили наших предков».

Книга Эйсли была написана с целью противостоять возрождению отброшенной идеи исторических катастроф, составлявшей смысл учения основателей геологии и палеонтологии в начале девятнадцатого века. Но эти ученые, Мурчисон, Седгвик и Бакленд, были не из тех, кто разделял идею сотворения мира в 4004 году до нашей эры: они определили силурийский, девонский и пермский слой земной коры, дали им название и на основании их создали классификацию геологических периодов, предшествовавших появлению человека.

В книге «Земля в перевороте» я цитировал нескольких авторов, которые описывали загадочную и необъяснимую гибель множества видов животных в период Плейстоцена, или в ледниковый период, в начале неолита. Я ссылался на работу, опубликованную Эйсли в 1943 году, когда он работал в университете Канзаса, и в которой цитировал одного очевидца ужасного зрелища, наблюдавшегося

по всей Аляске: «...в некоторых районах Аляски кости этих исчезнувших животных лежали таким толстым слоем, что не могло быть и речи о том, что это дело человеческих рук. Хотя человек уже присутствовал при сцене этого окончательного уничтожения, у него тогда не было ни потребности, ни возможности для такого масштаба убийств».

Имея в виду столь полное и быстрое исчезновение всей фауны, Эйсли сделал следующий вывод: «...представляется невозможным связать это явление только с деятельностью человека без какой-либо внешней помощи»¹. В этой громадной свалке — мириады животных, разорванные на части, сваленные кучами на протяжении десятков миль вместе с поломанными деревьями. Это был не мираж и не фантазмагория: другие ученые тоже подтвердили это явление. Все животные представляли самые разнообразные виды, еще существующие и окончательно исчезнувшие. Такое же явление повторялось и в других районах северного и южного американского континента. Эйсли писал: «Мы имеем дело не с единичными реликтовыми видами, а с чрезвычайно разнообразными формами Плейстоцена, каждая из которых, в свете очевидных данных, исчезла примерно в одно и то же время»².

В книге «Земля в перевороте» я также цитировал других авторов того же самого склада мышления, что и Эйсли, и их четкие выводы о том, что катастрофические события континентального, даже глобального масштаба имели место. «Приблизительно в это же время мы констатируем подобное же исчезновение фауны млекопитающих Африки и Азии»³. Вот как я представил итог суждений в отношении подобной массовой гибели животных: «Считалось, что все эти виды погибли «вплоть до последней особи» в конце ледникового периода. Животные, сильные и упитанные, внезапно умерли все до единого. Этот конец наступил не в результате борьбы за существование, когда выживает сильнейший. Сильные и слабые, даже самые сильные, старые и молодые, с острыми зубами и сильными мускулами, с быс-

¹ Eiseley, *American Antiquity*, 8, № 3 (1943), p. 217.

² *Ibid.*, p. 215.

³ G. E. Pilgrim, *Geological Magazine* (London), 81, № 1.

тремя ногами, имеющие в избытке пропитание — все они погибли»¹.

Эйсли заметил по этому поводу, что подобные факты «приводят биолога в отчаяние, когда он наблюдает исчезновение стольких видов и родов в конце Плейстоцена»². И еще: «Кажется странным, что фауна, пережив массовое движение льдов, должна была погибнуть, когда оно завершилось. Но так и произошло»³. Он признавался, что не знает причины этого исчезновения, но описывал его как результат какой-то катастрофы и смог всего лишь установить, что одновременно с тем, как погибли в самых разных местах животные, произошли геологические и климатические изменения.

«Отчаяние» ученого завершилось отрицанием катастроф — весьма интересная и уже известная психологическая проблема. Алексис Кэррол, биолог, который серьезно интересовался психологией, писал в своей работе «Неведомый человек», касающейся этой проблемы отрицания, о том, что она имеет отношение к ученым и к тем проблемам, которые они не могут решить: «Некоторые вопросы исключены из сферы научных исследований и лишаются права на обнародование. Важные факты могут полностью игнорироваться. Наш разум обладает естественным стремлением отбрасывать то, что не входит в рамки научных или философских представлений нашего времени. В конце концов ученые — это всего лишь люди... Они охотно верят в то, что факты, которые нельзя объяснить с помощью существующих теорий, попросту не существуют».

Возвращаясь к работе Эйсли «Небесный свод времени», мы читаем: «Можно сказать, что катастрофизм в сущности убивается здравым смыслом. Как писал один современный историк, Чарлз Гиллиспай, «представить Божественного мастера вечно вертящим в руках свои строительные материалы, вечно настолько недовольным получившимися горами или животными, что Он разбивает их, чтобы

¹ Velikovsky, *Earth in Upheaval*, p. 228.

² Easley, *American Anthropologist*, 48 (1946), p. 54.

³ Easley, *American Antiquity*, 8, № 3 (1943), p. 211.

попробовать кое-что новое, значило бы наделить Его человеческими свойствами вместо иных».

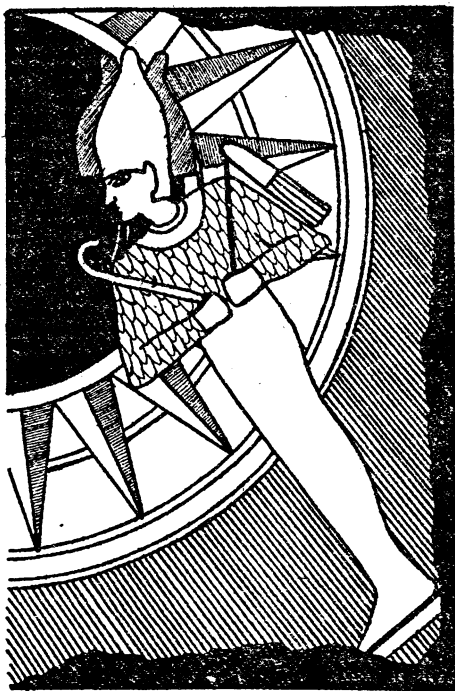
Такой аргумент против катастрофизма звучит не слишком убедительно и к тому же ничего общего с наукой не имеет; катастрофисты девятнадцатого века оперировали геологическими и палеонтологическими данными, а не теологическими доводами. Эйсли сопровождал цитату из Гиллиспая следующим выводом: «Постепенно накопленная геологическая информация стала уводить с дороги, проложенной ранее Джеймсом Хаттоном...» А Чарлз Лайел, который родился в год смерти Хаттона, «не увидел признаков всемирных катастроф. Наоборот, он наблюдал локальные перемещения земной коры, подъем и спуск береговых линий и постепенное сдавливание горных систем».

Но если Лайел (который отвергал главным образом чужие наблюдения) не увидел таких явлений, то сам Эйсли их наблюдал. Почему тогда случилось так, что он не принял их в расчет, когда стал отрицать, что такие явления существуют? Все это существовало и во времена Лайела и было так же очевидно, как и для Эйсли, наблюдавшего и описавшего это сто лет спустя.

Как психоаналитик, я много раз возвращался к проблеме пробуждения в человеческом сознании забытого векового наследия. Травматический опыт, который люди хранят похороненным в подсознании, обладает огромной властью над судьбами народов. *Если человеческий род не сможет стать лицом к лицу со своим прошлым, травматический опыт, который является причиной культурной амнезии, потребует своего повторения. И с тех пор как началась атомная эра, люди все время жили под Дамокловым мечом.*

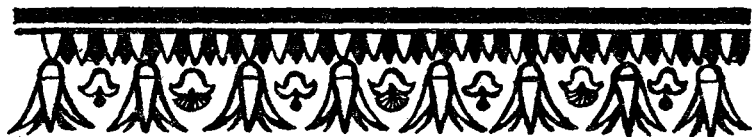
ГЛАВА III

Со страхом и содроганием

Планетарные боги

Волнение и страх, предшествующие глобальным потрясениям, бедствия и отчаяние, их сопровождающее, ужас перед их возможным повторением — все это вызывает многообразные реакции, в основе которых потребность забыть, а также стремление имитировать их. Астрологи и звездочеты, предсказатели пророчили; завоеватели упражнялись в буйстве и жестоких разрушениях, подражая своим планетарным образцам. Пророки и жрецы предостерегали, а священнослужители умиротворяли. Астрономия стала главным занятием мудрецов прошлого в Мексике, в Ассиро-Вавилонии и по всему миру именно из-за катастрофических событий, которые произошли. Астрология интересовалась главным образом взаимным расположением планет и их конъюнкциями. В первом веке до нашей эры греческий историк Диодор Сицилийский, сообщив, что, по утверждению халдеев, планеты меняют скорость своего обращения и временные периоды, заметил: «Эти звезды оказывают величайшее воздействие как благое, так и вредоносное на род людской; и именно из природы этих планет и их изучения они (халдеи) узнают, что предназначено человечеству»¹.

Вывод Диодора в определенной степени верен, потому что контакты планет вызывают большие перемены в жизни человечества и всего живого на нашей планете. Но в верованиях халдеев соседствовали истина и ложные выводы. Поскольку планеты в момент своих разнообразных контактов вызывали наводнение, ураган, пожар, гибель животных

---

¹ Diodorus, *The Library* by C. H. Oldfather (Loeb Classical Library, 1933), II. 31.1.

или появление новых растений, человек мог легко прийти к заключению, что это «влияние» было результатом особого характера какой-нибудь планеты, который, следовательно, должен был быть обозначен. Таким образом возникла религия, в ее основу было положено почитание небесных тел. Подобное происходило и в архитектуре, когда строились огромные храмы: Парфенон, выстроенный в честь Афины, и храм Зевса, огромные колонны которого все еще высятся в Афинах; храмы в честь Юпитера в Баальбеке и в честь Амона, который и был Юпитером, в Карнаке, а также в честь других богов прошлого, которые все были астральными божествами. Инженерное искусство тоже развивалось под влиянием этих катастроф, потому что огромные пирамиды в Египте (величайшее из архитектурных свершений прошлого) были — в моем понимании — царскими укрытиями, защищающими от возможных повторений катастрофических событий.

Организованная армия также изначально связана с этим страхом. Когда древние ассирийские цари отправлялись на войну, они сравнивали свои деяния с разрушительными последствиями действий астральных божеств во времена катастроф.

Поскольку многие поколения созерцали ад кажущейся теомеханики, или битвы планетарных богов, вполне естественно, что люди на Земле стремились принять чью-нибудь сторону. Почитание всего пантеона одновременно представлялось нелогичным, но почитание отдельных планетарных богов или богинь означает навлечение на себя гнева божеств враждебных. Эта дилемма стала еще одной причиной психической неуравновешенности человека и целых народов.

Праздник света

Большинство религиозных обрядов и представлений во всех вероисповеданиях происходят из древних мистерий, восходящих к событиям далекого прошлого, в которых участвовали небесные боги — Сатурн, Юпитер и другие планетарные божества — и оставившие

после себя неизгладимые воспоминания. В качестве подтверждения этого вывода я попытаюсь в этом небольшом разделе обобщить все, что постиг и о чем написал, хотя и не в законченной форме, более трех десятилетий назад. Я хотел было вообще не упоминать здесь об этих событиях, потому что в столь кратком варианте вся история может показаться попросту фантастической. Но если вдруг мне не удастся представить историю Сатурна и Юпитера в специальных книгах («Сатурн и наводнение», «Юпитер Громовержец»¹), я поясню здесь некоторые главные положения.

Любой, кто изучал древние культы и мистерии — дионисийские, орфические, элевсинские, культ Осириса — обнаруживал, что они стремятся символизировать, повторять, имитировать события прошлого и судьбы планетарных богов. Я не буду входить здесь в эту обширную область, оставив проблему тем, кто хочет и способен объять такую тему. Но я немного скажу об одном из культов — культе Осириса. Культ этот и связанные с ним мистерии господствовал в египетской религии как ни в одной другой. Миф Осириса «слишком примечателен и встречается в столь различных формах, что не может не содержать значительного элемента истины» — таково мнение Алана Гардинера². Но что это за историческая истина? Могла ли это быть судьба «какого-то древнего царя, на трагической смерти которого держалась вся легенда»?

Но «никаких следов этого царя не было обнаружено до начала эпохи текстов пирамид», а в этих текстах об Осирисе говорится как о не имеющем конца. Здесь он появляется как мертвый бог, или царь и судья мертвых. Вместе с тем «он представлен нам как растительность, таинственным образом рождающаяся из него самого, которая погибает во время разлива...»³. Он также ассоциировался с ярким светом; он был расчленен; Исида, его супруга, отправилась на поиски разбросанных частей его тела; Исида родила Гора, которого она зачала от Осириса.

¹ Книги Великовского, посвященные этим проблемам, готовилась к будущей публикации.

² Alan Gardiner, *Egypt of the Pharaohs* (Oxford University Press, 1961), p. 424.

³ Ibid., p. 426.

Джеймс Г. Фрезер, собиратель фольклора, в конце концов стал рассматривать Осириса как растительное божество; подобным же образом он видел в Таммузе, вавилонском Осирисе, растительного бога. Увлеченный этой идеей, он написал книгу «Золотая ветвь», построенную на концепции растительного божества, которое умирает и воскресает на следующий год.

О Таммузе также говорилось, что он ассоциировался со сверкающим светом, с наводнением, с сошествием в преисподнюю, где его навестила Иштар, его супруга. Смерть Осириса — или Таммуза — затем его воскресение или его пребывание вдалеке, где уже не было сияния, стали сюжетом не какой-нибудь одной мистерии, а широко распространенного важнейшего культа. Смерть Таммуза оплакивалась, как и смерть Осириса.

На закате Иудейского царства, во времена Иеремии и Иезекииля, в период месяца Таммуз женщины Иудеи плакали о Таммузе (Книга Иезекииля 8:14), и устраивался пост. То же самое происходило на всей территории древнего Востока.

Посвятив целую жизнь изучению египетской истории и религии, Гардинер, ведущий специалист в своей области, признался, что ему так и неясно, кого воплощал или увековечивал Осирис.

В моем понимании Осирис был не царем, а планетой Сатурн — Кроносом у греков, Таммузом у вавилонян. Временем Кроноса был Золотой Век; он пришел к концу с наступлением всемирного потопа. Семнадцатый день месяца Таммуза (июнь-июль) был первым днем плача, который продолжался целые недели. Семнадцатый день месяца также играет заметную роль в истории Потопа.

«Свет семи дней», о котором говорит Исайя (Книга Исайи 30:26), относится, в моем понимании, к «семи дням» непосредственно перед началом Потопа (Книга Бытия 7: 4). Весь мир был ярко освещен: Сатурн вспыхнул, как новая звезда («как сто солнц», как говорится в раввинском предании). Сатурн, или Кронос, Таммуз, Осирис, — все они были сверкающими богами до того, как погибнуть. За этим последовал вселенский потоп, который охватил не только Землю, но и всю солнечную систему. Уровень воды на

Земле увеличился в несколько раз. По-видимому, тогда возник самый молодой океан — Атлантический; он был назван морем Кроноса. На земле во время Потопа погибли многие формы жизни, и возникли в результате мутаций, подобных которым не знает человеческая память, многие новые животные и растительные виды. Это и дало основания Осирису, или Таммузу, или Кроносу, выступать в качестве растительного божества.

Юпитер собрал большую часть рассеявшейся материи и, вращаясь как никогда быстро, подвергся расщеплению.

Сатурн, господствующий в небе (возможно даже, что это та звезда, вокруг которой вращалась Земля), стал невидимым, пока не объявился вновь, теперь уже с окружающими его кольцами. Греческая легенда сделала Юпитера сыном Сатурна, в том смысле, что Юпитер приобрел власть над небом. Именно Юпитер связал Сатурна. Но в соответствии с египетской версией небесной драмы, Исида (Юпитер), жена Осириса (Сатурна), обернула его повязками так, как поступают с мертвыми перед их путешествием в мир мертвых, над которым царствует Осирис.

Праздник света в честь Сатурна устраивался римлянами под названием сатурналий в конце декабря. Этот праздник заменился еврейской ханукой, а затем Рождеством. Праздники света проводились по всей Земле, потому что Потоп был пережит всеми.

Первый век: видения Апокалипсиса

В середине пятнадцатого века до нашей эры планета Земля прошла через одну из величайших из когда-либо случавшихся катастроф и была охвачена огнем, сметена ураганами и гигантскими волнами. Семь веков спустя, во времена Амоса, Осии, Иоиля и Исаяи, произошла новая серия глобальных толчков: народы Земли были потрясены, увидев, как Земля несколько раз сближа-

лась с другой *aster*. Эти две эпохи описаны в книге «Столкновения миров». В серии катастроф, происходивших в период с 776 по 687 г. до н. э., Земле, хотя и сдвинутой со своей оси и орбиты, пришлось легче, чем семь веков назад.

Когда прошло еще семь веков, в первом веке до нашей эры в сознании людей вновь возродился ужас, и он выразился в идеях и чаяниях, которые выдавали свое происхождение. Люди всегда боялись конца света, и в первом веке это предчувствие конца света возросло невероятно. Учения о конце мира или о новом мире, который должен возникнуть, были выражением идей, родившихся из опыта прошлого. С тех дней, когда разыграло Мертвое море и яркая комета, появившаяся среди бела дня, светила в течение целых месяцев после насильственной смерти Цезаря, в течение всей эпохи Иисуса из Назарета и императора Нерона, пророческих писаний Сивиллы, книги Откровения и падения Иерусалима страх цепко держал весь человеческий род.

В первом веке до нашей эры Лукреций, традиционно считавшийся пророком фатальных событий, писал о катастрофах и их ужасных последствиях. «Мощная и сложная система вселенной, державшаяся в течение многих лет, превратится в руины, — пророчествовал он. Однако я не забываю о том, как ново и странно для нашего ума знать, что землю и небо ожидает разрушение. ...Мои слова заслужат доверие благодаря точным фактам, и через некоторое время вы увидите, как миры сотрясаются и вселенная содрогается от ударов... вселенная может погибнуть, низринутая с ужасным треском». Он вспоминал о более ранних разрушениях, засвидетельствованных человечеством, и о том, что нынешний мир создан недавно. Поскольку известно, что «целые поколения людей погибли в обжигающей жаре, что их города были сметены каким-то нанесенным всей Земле ударом и что после бесконечных дождей реки вышли из берегов, чтобы разлиться по земле и поглотить города», вполне также очевидно, «что такое разрушение вновь постигнет землю и небо». Ибо «не так уж мало тел, которые могут случайно возникнуть из бесконечности и разрушить данный порядок вещей сокрушительным ураганом или при-

нести какое-то другое бедствие или опасность». И он живыми красками описывал ненадежность существующей гармонии: «Следовательно, дверь смерти не закрыта ни для небес, ни для солнца, ни для земли, ни для океанских глубин, она открыта и ожидает их своей огромной ненасытной утробой». Ведь разве уже не случилось ранее, что огонь побеждал все остальные стихии и приводил мир на порог гибели, «когда, сбившись с пути, могучие разъяренные кони Солнца пронесли Фаетона по небу и над всей землей. Но всемогущий отец [Зевс] преисполнился тогда гнева, сбросил тщеславного Фаетона с его колесницы на землю внезапной молнией, и солнце, видя его падение, отняло у него вечную лампу, освещающую мир, и вернуло разбежавшихся коней, запрягло их, дрожащих, и затем направило их на подобающий им путь, все заново восстановив»¹.

В начале нашей эры Сенека писал о судьбе человеческого рода: «Настанет день, который положит конец всей человеческой жизни и интересам. Все земные стихии должны рассыпаться или полностью уничтожиться... земная кора повсюду растрескается, и новые воды заполнят морские заливы и образуют одно большое море... Один-единственный день станет свидетелем гибели всего человечества. Все, что родилось за долгие поколения, все, что прославилось и отмечено красотой, великие троны, великие народы — все рухнет в пропасть, будет сметено за час».

Когда придет назначенный день, многие причины будут способствовать разрушению существующего порядка — «такая катастрофа не наступит, если не получит встряски весь мир» (*neque enim sine concussione mundi tanta mutatio est*)².

Книга «Оракулы Сивиллы», которая относится к тому же периоду, посвящена главным образом предстоящим катастрофам. Придет день, когда «Бог, обитель которого в небе, перевернет небеса, как мы переворачиваем книгу, и весь небосвод с его различными светилами падет на божественную землю и на море; и тогда обрушится бесконечный

¹ Lucretius, *De Rerum Natura* (London, 1924), Bk. V., 95f., 338f., 395f.

² Seneca, *Naturales Quaestiones* (London, 1910), III. 28, 29.

водопад бушующего огня и сожжет землю и море, и небесный свод, и звезды, и все сотворенное превратится в единую расплавленную массу и полностью испарится. И тогда не будет больше светил, сверкающих орбит, ни ночи, ни рассвета... ни весны, ни лета, ни зимы, ни осени». Предсказанием этого конца будет комета: «На западе вспыхнет звезда, которую назовут кометой, посылающей людям меч, голод и смерть. Целые города исчезнут в безднах, открывшихся в земле, или будут уничтожены огнем, падающим с небес»¹.

В апокрифической «Книге Еноха» сказано, что к концу света «годы станут короче, а луна изменит свое движение и не появится в назначенный час... И в те дни Солнце взойдет вечером, и его великая колесница будет двигаться на запад, навлекая бедствия, и оно будет светить более ярко, чем положено. И многие главные звезды изменят свой путь (предписанный), а также свои орбиты и направления, и не появятся в назначенное для них время года». Потом Енох имел видение: «...небо содрогнулось, и наклонилось, и упало на землю. И когда оно упало на землю, я увидел, как земля разверзлась огромной пропастью, и горы громоздились на горы, и холмы обрушивались на холмы, и высокие деревья вырывались с корнем и валялись в эту пропасть»².

Подобную же картину описывал апостол Петр: «А нынешние небеса и земля... сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков... Придет же день Господен, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят».

Иисус пророчествовал о конце света при его жизни, но когда светопреставление не наступило и он умер на кресте, ожидали, что он вернется в период апостолов. Какими должны были быть те, «ожидающие и желающие пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают? Впрочем, мы, по обето-

¹ *The Sibylline Oracles*, ed., Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament (London, 1913), III, pp. 80f., 334, 341.

² *Book of Enoch* (Ethiopian) 80:2-6.

ванию Его, ожидаем нового неба и новой Земли...»¹. «Новое небо» — это небо с изменившимся положением созвездий и с Солнцем и Луной, движущимися по новым орбитам; а «новая земля» имела перевернутые полюса и изменившийся климат, новые очертания материков, морей; там, где были равнины, поднялись новые горы. Но Сын Человеческий, который обещал прийти, чтобы устроить суд на Земле, медлил.

Прошло несколько десятилетий. «Апокалипсис, или Откровение Иоанна Богослова», последняя книга в каноне Нового Завета, — это видение пророка, по имени Иоанн, которое он имел на острове Патмос в Эгейском море: «...и упала с неба большая звезда... и поражена была третья часть солнца и третья часть луны, и третья часть звезд... горе, горе, горе живущим на земле...»².

Фантазмагория продолжается; одно устрашающее видение дополнялось другим, еще более пугающим: в небе появляется дракон, падает еще одна звезда, и открывается бездонная пропасть. Ужасные чудовища движутся страшной процессией.

Мучительный страх в течение целого столетия перед тем, как Иерусалим стал *capta* в когтях римского орла, и следующее столетие разбитых надежд и разочарования наполнили души многих леденящим ожиданием конца света, когда зло погибнет вслед за добром и истиной, которые уже погибли.

Это было время, когда нищета превысила пределы терпения людей. Муки растревоженных умов рождали ужасающие картины преследований, видения гротескных чудовищ и апокалиптических катастроф. В этих видениях следы архаических впечатлений принимали форму откровения. С приходом раннего христианства сцены прошлого передвинулись в будущее, ко времени Второго Пришествия, и стали жребием грешников. Но именно непреодоленные потаенные воспоминания о прошлом реальным грузом ложились на душу каждого человека.

¹ Второе послание Петра 3:7-12. Cf. I. Chaine, *Cosmogonie aquatique et conflagration finale d'après la secunda Petri*, Revue Biblique, 46 (1937), p. 207 f.

² Откровение Иоанна Богослова 8:10-13.

Седьмое столетие и «темные века»

В седьмом веке — Темные века средневековой Европы — пепел долго тлевшего огня внезапно ярко вспыхнул в Аравии. Один неграмотный погонщик верблюдов, который до этого почитал планету Венера¹, почувствовал в себе дух посланника Божьего, и его речи — суры Корана — уже в следующем поколении были с помощью победного меча перенесены в Марокко и в Индию. О древних временах Мухаммед (570?—632) знал только то, что он слышал у ворот раввинских школ в Медине, и все это смешалось у него в голове: Мириам, сестра Моисея, была для него то же, что Мария, мать Иисуса², а сам Иисус — то же, что Иисус, сын Нуна, который завершил завоевание Ханаана. Хаман, персидский визирь, стал визирем фараона эпохи Исхода³. Но в его речах говорилось о движущихся горах, и о взбунтовавшейся природе, и о гибели неверующих, ниспровергнувших моральные законы: «Ведь они видят это [день Суда] далеким, а Мы видим это близким. Разве дождутся они чего-нибудь, кроме часа, что придет к ним внезапно? Ведь пришли уже все знамения его. Это — день обещанный! В тот день небо покачается и свернется, горы вздыбятся и рухнут... В тот день земля расколется, и они побегут в спешке. Жди дня, когда небо прольется ослепляющим дымом, обволакивающим всех людей: страшная кара. Когда земля со всеми ее горами поднимется ввысь и от одного мощного удара разлетится на куски, в тот день произойдет Страшное. Хрупкое небо расколется... Когда солнце перестанет светить, когда звезды упадут, а горы рухнут... когда моря станут огнем... а небеса обнажатся...»⁴.

¹ Al Kalbi. См.: Philip Hitti, *History of the Arabs* (Princeton, 1937), p. 99.

² The Koran, Chapter 19 (London, 1956).

³ Ibid., Chapters 29, 40.

⁴ Ibid., Chapters 70, 47, 57, 50, 44, 69, 81 соответственно.

Изменения в положении звезд, движущихся вместе с небосводом, бури на Солнце, изменения в геологической структуре Земли, кипение и исчезновение морей — все это образы прошлого.

Середина четырнадцатого века: периодичность безумия

Прошли еще семь веков, и в четырнадцатом столетии человечество снова стало ожидать конца света. Я воспроизвожу описание бедствий, которые происходили, и ужас, который они вызывали¹: «Середина четырнадцатого века была периодом невероятного ужаса и бедствий для Европы. За многочисленными знамениями, которые пугали людей, последовала чума, которая грозила обратить весь континент в безлюдную пустыню. Год за годом появлялись знамения в небе, на земле, в воздухе, и все они указывали, как считалось, на приближение какого-то страшного события. В 1337 году в небе появилась большая комета, ее далеко раскинувшийся хвост вселил смертельный ужас в умы невежественных масс. В течение трех последующих лет землю посетили огромные полчища летящей саранчи, которая мириадами опускалась на поля и оставляла после себя призрак голода. В 1348 году произошло землетрясение такой ужасающей силы, что многие люди подумали, что предсказанный конец света наступил. Причиненные им разрушения затронули большие пространства. Кипр, Греция и Италия приняли этого страшного гостя, и сейсмические колебания распространились по альпийским долинам. ...Горы провалились под землю. ...Воздух стал плотным и душным. Возникли плотные и зловещие туманы. Вино в бочках бродило. В небе появлялись стремительные метеоры. Сотни людей, собравшихся на крыше

¹ Charles Morris, *Historical Tales: The Romance of Reality* (Lippincott, 1893), p. 162 f.

папского дворца в Авиньоне, видели гигантский столб огня. В 1356 году произошло еще одно землетрясение, которое почти полностью уничтожило город Базель. С этим голодом, наводнением, туманом, полчищами саранчи, землетрясением и прочим нет ничего удивительного в том, что многие люди сочли, будто чаша грехов земных переполнилась и конец царствия человеческого близок.

За всем этим последовало событие, которое, казалось, подтверждало эту уверенность. Чума приобрела такой ужасающий размах, что действительно создавалось впечатление, что человек должен быть стерт с лица земли. Люди умирали сотнями, тысячами, толпами, пока оставалось достаточно живых; они хоронили мертвых, но эти живые были так напуганы, что все, кто мог еще бежать, покидали свои жилища, деревни, города, оставляя их единственными обитателями умирающих и уже мертвых. Это была так называемая «Черный мор» — самая ужасная эпидемия из всех, какие когда-либо знала Европа.

Болезнь эта пришла из Азии. Говорилось, что она возникла в Китае, распространяясь по всему огромному континенту на запад и обрушиваясь со всей своей разрушительной яростью на Европу, территория которой опустела, словно испытав действие смертельного яда. Эта болезнь скорее всего была наиболее опасной формой той, что известна как чума, формой чумной инфекции, которая несколько раз возвращалась, но никогда не достигала такой силы, как в этот раз. ...Во многих местах деревни и города полностью опустели: в них не осталось и следа живого...

Лондон потерял сто тысяч жителей; во всей Англии количество умерших оценивалось от одной трети до половины населения (что означает примерно от трех до пяти миллионов). Если мы возьмем Европу в целом, то считается, что целая четверть ее населения была унесена этим страшным мором. Чума свирепствовала в течение двух лет — в 1348 и 1349 гг. Она вновь вспыхнула в 1361—1362 гг. и еще раз — в 1369 году.

Смертность от этой болезни была лишь одним из ее разрушительных последствий. Общественные связи рушились; естественные привязанности, как кажется, исчезали;

друг покидал друга, даже матери бежали от своих детей. Деморализация обнаружила себя во многих примерах самого крайнего разврата. Интересный пример сохранился для нас в «Декамероне» Боккаччо, рассказчиками новелл в котором были любители удовольствий, которые бежали из зачумленной Флоренции.

Во многих районах ненависть населения к евреям приводила к крайним формам их преследования: их обвиняли в том, что они отравляют колодцы. Из Берна, где городские советы дали приказ начать их массовое уничтожение, безумие перекинулось на всю Швейцарию и Германию, и было убито множество людей».

Религиозный экстаз, охвативший эту эпоху, привел к созданию секты флагалянтов: «Члены этой секты, не видя надежды на помощь от людей, обратились как к единственному прибежищу к Богу и считали необходимым ради умиротворения Божества приносить немислимые жертвы и заниматься самобичеванием. Вспыхнувшее пламя фанатизма распространилось быстро и широко. Сотни мужчин, и даже мальчиков, двигались отрядами по дорогам и улицам, неся в руках тяжелые факелы, стегая себя по обнаженным плечам завязанными узлом хлыстами, которые часто утяжеляли свинцом или железом, распевая покаянные гимны, шествуя среди толпы, которая несла знамена и приметой которой были белые шляпы с красным крестом. Женщины, подобно мужчинам, участвовали в этих фанатических действиях, шествуя почти обнаженными, яростно стегая друг друга, бросаясь на землю в общественных местах города. ...Входя в церкви, они простирались на полу, раскидывая руки в форме креста. ...Судный день, как они заявляли, уже недалек. ...Они молились, исповедовались и прощали грехи, говоря, что кровь, пролитая ими во время бичеваний, смешивалась с кровью Христа при отпущении грехов, что их бичевания заменяют таинства церкви и что отпущение, данное представителями духовенства, не имеет никакой цены. Они учили, что все люди братья и равны в глазах Бога, и ругали священников за их гордыню и разврат. Некоторые из них даже претендовали на роль Мессии, и один из них был сожжен как еретик в Эрфурте».

Небесные знамения и последовавшая за ними чума вполне могли вызвать тревожное ожидание судного дня: нет смысла искать какую-то скрытую причину для подобной реакции. Тем не менее повторение — уже в четвертый раз, всегда с интервалом примерно в семьсот лет — природных событий, поразительно похожих на события середины пятнадцатого века до нашей эры, эпохи Исхода и кризиса Среднего Царства в Египте, могло только способствовать нарастанию ужаса. Такие знамения могли быть легко возвеличены в восприятии людей, населявших мир, поскольку психологическая позиция была predetermined. В таком состоянии разума человек к тому же более легко становился добычей заразных болезней. Может даже показаться, что сама природа создает периодичность приступов безумия, как будто стремясь еще больше напугать испуганных. В любом случае расовая память о первых двух катастрофах, отмеченных буйством стихий, подготовила ум к тому, чтобы искать в естественных событиях, которые могут произойти почти в любом столетии, предвестия конечной гибели.

Как-то я описал феномен, которому дал название «психический анафилактиксис». Анафилактиксис — это медицинский термин для обозначения повышенной реакции на повторный контакт с раздражителем. Под психическим анафилактиксисом я понимал следующее: «Это явление психической деятельности человека, которое, подобно его биологическому аналогу, характеризуется особой чувствительностью по отношению к раздражителю, когда-то воздействовавшему на индивида и который при повторном воздействии вызывает повторную реакцию, превосходящую первую по интенсивности. Очевидно, что такие изменения (телесные или психические) должны далеко отстоять во времени от момента первичного воздействия. Однако латентная чувствительность, которую они вызывают, приводит к кризисным реакциям только намного позже, при воздействии подобного же раздражителя»¹.

---

¹ Velikovsky, *Psychic Anaphylaxis and Somatic Determination of the Affects*, *The British Journal of Medical Psychology*, 17, Part I (1937), p. 98.

Аналогичный процесс, переживаемый человечеством в целом на протяжении столетий, может усилить страх, которым были отмечены первый век до нашей эры и седьмой и четырнадцатый века нашей эры. Если мы спроецируем такую периодичность безумия, возникающего с интервалами примерно в семь столетий, на будущее, то не станет ли двадцать первый век еще одной эпохой ужаса и безумия? А поскольку этот период в семь веков только приближен, может быть, следующий взрыв произойдет даже раньше? Семисотлетний цикл не только в первый раз совпадет с тысячелетним царством (в действительности речь идет о двух тысячах лет), но в руках у человечества ныне такие устрашающие средства уничтожения, что если оно не придет к пониманию своего бессознательного стремления оживать самые тягостные испытания прошлого, то может оказаться в опасной близости от пропасти, рискуя дойти до самоуничтожения, а возможно, и до биологического вырождения.

«И негде здесь спрятаться...»

Летом 1971 года я провел некоторое время в швейцарских Альпах и познакомился с Сент-Клером Дрейком, профессором антропологии и социологии Стэнфордского университета. Он услышал мои лекции и пришел поделиться со мной тем, что он, сам будучи чернокожим из Вест-Индии, узнал об эсхатологических верованиях различных этнических и религиозных групп. После того как я выслушал его красочный рассказ, я попросил его кое-что записать. Он это выполнил, и с его позволения я представляю здесь несколько фрагментов из его уже завершённой рукописи: «Я был поражен тем, насколько характерна для приверженцев некоторых религиозных групп сосредоточенность на катастрофах — прошлых и нынешних, и из этого следуют два факта: а) катастрофа вводится с «надеждой», рассматриваясь диалектически как необходи-

мая прелюдия какой-то более благополучной эры в сравнении с той, которую переживают ныне; б) люди, которые придерживаются этой точки зрения, по типу своему не являются садистами (по крайней мере, в поступках) или представителями поколения, реально пережившего катастрофу, но скорее по своей ориентации тяготеют к пацифизму.

Я лично познакомился с тремя такими группами и изучал их: (а) менее всего мудрствующих афро-американцев (американских негров); (б) свидетелей Иеговы; (в) адвентистов Седьмого дня.

Я выделил среди африканцев и афро-американцев аутсайдеров, или тех, кто отверг иудейско-христианское учение, феномен, который я назвал «комплексом Самсона» — страстное желание *устроить* катастрофу, которая одновременно уничтожит и их самих и их угнетателей.

Христианский религиозный культ среди менее всего философствующих афро-американцев делает упор на вере в то, что Бог уничтожает определенные цивилизации (или людей) или с помощью природных катастроф (например, Содом и Гоморра), или используя человеческую вражду. Поэтому в будущем повторятся катастрофы, а самая главная будет «концом света». Книга Откровения описывает, как это будет происходить. Пророчества, которые приносит Христос в Евангелии от Матфея после входа в Иерусалим в Вербное воскресенье (первый день пасхальной недели), также четко на это указывает. Когда это произойдет, праведники будут «спасены» — или с помощью чуда или путем воскресения после смерти. Тысячелетнее царство мира и благоденствия наступит на обновленной земле — Тысячелетнее царство Христово. Эта апокалиптическая эсхатология была общей и для белых верующих-фундаменталистов.

Вместе с молитвами, которые взывали к этим истинам, развивалась и прекрасная религиозная народная музыка — духовные гимны, которые их выражали. Вот несколько примеров, связанных с темой катастроф:

- (а) Я бежал к горам,
 чтобы спрятать свое лицо;
 Горы стонали:
 «Нет укрытия» —
 И негде здесь
 Спрятаться.

- (б) Боже мой, что за утро!
 Боже мой, что за утро!
 Боже мой, что за утро!
 Когда звезды начинают падать,
- (в) Я слышу, как приближается
 Спаситель! (зов)
 Прощайте, прощайте (ответ)
 В этот великий утренний час,
 Прощайте; Прощайте,
 Звезды упадут с неба,
 Прощайте, прощайте...
 Как воск тает гора -
 Прощайте и т. д.
 Моря будут кипеть -
 Прощайте и т. д.
 Луна источает кровь.
 Прощайте...

Запевала исполняет множество стихов, обыгрывая все подробности катастроф из Ветхого и Нового Заветов. Все духовные гимны, посвященные теме катастроф, являются эсхатологическими, связаны с последней завершающей катастрофой, когда силы Гога и Магога встретятся в битве на равнинах Мегиддо (битва Армагеддон) и в завершение которой появится Мессия (во второй раз, согласно христианскому учению), а с небес спустится новый Иерусалим, украшенный, как невеста для своего жениха. Книга Откровения — главный источник подобных деталей. Насколько я уловил во время богослужений, эти гимны, исполняющиеся с огромным рвением и очень красивые, выражают следующие эмоции:

(а) страх и удивление при виде необычного события, которым Иегова может и хочет воспользоваться, чтобы вынести приговор человеческой истории;

(б) увлеченность обилием деталей — почти восторг — какой вызывает созерцание фейерверка или в наше время научно-фантастические фильмы;

(в) уверенность, что спасенные останутся живы, и в связи с этим — чувство облегчения;

(г) предвкушение счастья лицезреть Тысячелетнее царство. Любопытно, что это связано не с духовными пес-

нопениями, а с гимнами «белых», которые использовались во время негритянских служб и исполнялись в типично негритянском ритме.

Свидетели Иеговы, или движение Сторожевая Башня¹. «Основано Чарлзом Тейзом Расселом во второй половине 19 века как одно из главных милленаристских движений в Соединенных Штатах. Он предсказывал «конец света» в 1914 году. Его преемник, судья Разерфорд (ныне умерший), заново обратился к эсхатологическому мифу, но не указал точной даты. Их журнал «Awake» и другие публикации постоянно интерпретируют то, что они называют знаками времени, чтобы доказать, что конец близок. Их роль сводится к тому, чтобы быть свидетелями, а не участниками событий, выражающих Божественный гнев. Например, войны неизбежны и необходимы, но они являлись абсолютными пацифистами и заключались в тюрьму в гитлеровской Германии, в Советском Союзе, в Соединенных Штатах и т. д. за отказ от воинской службы.

Их публикации свидетельствуют о постоянных изысканиях в сфере биологии, геологии, астрономии, физики, археологии и т. д. в поисках даты катастроф, прошлых и настоящих, которые указывают на конец одной эпохи и начало другой и на то, что мы живем в эпоху конца. Статьи эти обычно хорошо написаны, они не искажают реальных фактов, но интерпретируют их в нужном русле.

Адвентисты Седьмого дня. «Одна из милленаристских американских групп 19 века теперь рассматривается как ортодоксальная протестантская секта. ...Адвентисты считают, что мы живем в «эпоху конца», но не устанавливают, как их основатель, его точной даты. Они терпеливо наблюдают за «знаками времени» и выпускают хорошо оформленный ежемесячный журнал под названием «Signs of the Times». ...Насколько мне известно, адвентисты смотрят на будущее возможное уничтожение человечества от атомной войны не со страхом и ужасом, а с надеждой и предвкушением. Они верят, что таков механизм, с помощью которого

¹ Cf. St. Clair Drake, *Who Are Jehovah's Witnesses?* in *Christian Century* (1936) и вдумчивое социологическое исследование Herbert H. Stroup, *The Jehovah's Witnesses* (Columbia University Press, 1945).

возникнет новая Земля, предназначенная для тысячелетнего царствия. Резкое увеличение радиации в результате выпавших по всей земле осадков изменит генетическую структуру флоры и фауны (включая человека). Таким образом, ягнята и львы смогут благополучно сосуществовать, и будут созданы новые люди, которые не захотят поднимать против друг друга оружие. Появятся растения, подобные тем, что описаны в Эдеме и в Книге Откровения, «листья которых будут исцелять людей». Адвентисты, поскольку они будут «спасены», переживут катастрофу, и их преобразенные тела будут существовать вечно. Адвентисты, подобно Свидетелям Иеговы, полагают, что Бог, а не они, может забрать человеческую жизнь. В армии они согласны служить только в медицинских частях. Они ценят терпение, мягкость, покой.

Вопросы:

1) Как мы объясним тот факт, что эти секты, как кажется, не подавляют воспоминаний о прошлых катастрофах?

2) Как мы объясним тот факт, что они принимают и даже приветствуют бедствия, в результате которых будут уничтожены миллионы, в то время как в своей частной жизни они придерживаются пацифистских принципов?»

Сент-Клер Дрейк

ГЛАВА IV

Поэты и визионеры

В поздние века в различных странах и культурах порой появляется некий визионер, поэт: перед ним вдруг словно открывается дверь, впуская свет, и он видит прошлое.

Шекспир: через три поколения после Коперника

17 февраля 1600 года Джордано Бруно был сожжен на костре в Риме. Прежде, чем он умер за свою теологическую и астрономическую ересь, он провел семь лет в тюрьме священной инквизиции в Венеции и в Риме. А до этого он провел некоторое время в Англии, пытаясь убедить высокопоставленных лиц елизаветинского королевства в истинности идеи Коперника, согласно которой Солнце, а не Земля находится в центре планетной системы. Это было до того, как Галилей обобщил доктрину Коперника. Бруно, хотя он был философом, а не астрономом, опередил свое время: он увидел в фиксированных звездах другие солнца, вокруг которых вращаются планеты, — точка зрения, которая сделала его объектом ненависти со стороны Кеплера и Галилея. В Англии ему не удалось распространить простую систему Коперника: ни Шекспир, ни Бэкон не поддались его усилиям, но твердо следовали аристотелевской системе, считая Солнце одной из планет, вращающейся, подобно остальным, вокруг Земли. Только Уильям Гилберт, врач и физик, принял, благодаря собственным усилиям или усилиям Бруно, за истину систему Коперника и опытным путем пришел к выводу, что Земля является огромным магнитом. Он определил, что солнечная система управляется силами магнетизма при движе-

нии всех ее частей. Философа Бэкона ценят за то, что он ввел принцип эксперимента и наблюдения в сферу науки вместо опоры на высказывания авторитетов, особенно античных. Но он смеялся над экспериментами Гилберта и порицал их.

Страх всех живущих при мысли, что они обитают на движущейся планете, должен был лежать в основе отрицания идеи вращения Земли Шекспиром, Бэконом и другими великими мыслителями этой эпохи. Если Земля движется, с ней может что-нибудь случиться; будучи неподвижной, она надежно защищена. В большинстве своих произведений Шекспир придерживался докоперниковской системы. Однако в глубинах своего существа поэт должен был знать, что это явно не соответствует истине: если Земля не движется вокруг Солнца и не вращается вокруг своей оси, тогда сферы должны ежедневно нестись вокруг Земли со скоростью, с которой ничто на Земле не сравнимо.

«На небесах планеты и Земля
 Законы подчиненья соблюдают...
 Ведь если вдруг планеты
 Задумают вращаться самовольно,
 Какой возникнет в небесах раздор!
 Какие потрясения их постигнут!
 Как вздыбятся моря и содрогнутся
 Материки! И вихри друг на друга
 Набросятся, круша и ужасая,
 Ломая и раскидывая злобно
 Все то, что безмятежно процветало...»

(«Троил и Крессида», Акт I. Пер. Т. Гнедич)

Беспорядок в природе сопровождается подобным же «противостоянием» человеческих существ:

«Давно бы тяжело дышащие волны
 Пожрали сушу, если б только сила
 Давала право власти; грубый сын
 Отца убил бы, не стыдясь нимало...»

(«Троил и Крессида», Акт I. Пер. Т. Гнедич)

Родовая память поднимается из заповедных глубин:

«[Король Лир] Сражается один
С неистойвой стихией, заклиная,
Чтоб ветер сдунул землю в океан
Или обрушил океан на землю,
Чтоб мир переменялся иль погиб.»
(«Король Лир», Акт III. Пер. Б. Пастернака)

«Ты, гром,
В лепешку сплюсни выпуклость вселенной...!»
(«Король Лир», Акт III. Пер. Б. Пастернака)

Поэт вопрошает устами одного из своих персонажей:

«А ты спокоен, если вся земля
Заколебалась вдруг? ...
Я бури огненной такой не видел.
Иль там, на небесах, междуособье,
Иль мир наш, сانشком надерзлив богам,
Побудил их на разрушенье?»
(«Юлий Цезарь», Акт I. Пер. М. Зенкевича)

Фантазмагория в уме Горацио («Гамлет») пробуждает некое древнее знание. Никогда прежде не испытанный ужас вспыхивает, когда необычно яркая комета появилась вскоре после смерти Цезаря и мир ожидал судного дня:

«В высоком Риме, городе побед,
В дни перед тем, как пал могучий Юлий,
Покинув гробы, в саванах, вдоль улиц
Визжали и гнусили мертвецы;
Кровавый дождь, косматые светила,
Смущенья в солнце; влажная звезда,
В чьей области Нептунова держава,
Болела тьмой, почти как в судный день...»
(«Гамлет», Акт I. Пер. М. Лозинского)

Чтобы замедлился приход судного дня, Земля должна быть неподвижной, и в соответствии с поэтическим выражением истины, «планеты и Земля законы подчиненья соблюдают...». Эти убаюкивающие строчки будут слышны еще и через три с половиной века после Шекспира.

Тень смерти

Видения мира в момент столкновения с огненным телом, становящиеся еще более масштабными и угрожающими, или фантазмагории небесной битвы — все это до некоторой степени напоминание о событиях, свидетелем которых было перепуганное человечество, оказавшееся на грани уничтожения. Такие видения вновь и вновь появляются в минуты экстатических состояний, в поэзии экзальтированных лириков, в снах и кошмарах обычных людей. Высокие волны, поднимающиеся, а потом обрушивающиеся вниз; сотрясающие всю землю толчки; огненный дождь, льющийся из космоса; пылающие горы, взрывающиеся, когда их настигает приливная волна; волны, несущие глыбы на другие горные хребты, которые сами только что возникли на месте равнин — эти и сходные с ними видения объемлют почти весь репертуар бессознательного в человеке. Время от времени они поднимаются на уровень подсознания, а оттуда — в сферу поэтического прозрения или, как может случиться, в ночные кошмары людей, которые могут проснуться в холодном поту.

Обнаруживая в столь многих случаях неприкрытое отражение событий, свидетелями которых были наши перепуганные предки, событий, многие из которых связаны с природными потрясениями, происшедшими тридцать четыре столетия назад, я искал также аналогичного отражения опыта предков, которые, пережив разрушительные катастрофические события, мучались в сумраке, окутавшем мир. В книге «Столкновения миров» я показал, что выражение «тьма смертная» определяло условия, которые явились результатом посещения нас неким блуждающим небесным телом, ставшим в недавнее время планетой Венера. И я ссылался на незамеченный стих Иеремии (2:6) о населении пустыни, погрузившемся в Тень Смертную; еврейские источники утверждают, что всем этим людям суждено было погибнуть в пустыне. Германская мифология обозначает эту ситуацию понятием *Goetterdaemmerung*.

Древние мексиканские предания, сохранные в священных обрядах, говорят о глубокой мгле, которая почти четверть века обволакивала западный континент, и я повторяю здесь одну обобщающую цитату из книги Шарля Этьена Брасера, исследователя и археолога девятнадцатого века: «Долгая ночь царила над всем американским континентом, о которой предание говорит с отвращением: не было больше солнца над этим разрушенным миром, который порой освещался только страшными пожарами, демонстрирующими весь ужас положения маленькой кучке человеческих существ, уцелевших после этих бедствий»¹. В разделе «Тьма Смертная» («Столкновения миров») я упоминал о письменных источниках на других древних языках, связанных с тем временем, когда небо было в обломках, день стал темным и темнота длилась целые десятилетия, а Землю населили ядовитые паразиты.

Поколение Тени Смертной почти полностью вымерло, и его потомство появилось в исключительно травмирующих условиях умирающего мира. Согласно одному исландскому преданию, во время мрачного Фимбульветра (зимы перед гибелью богов) выжила только одна человеческая пара. Все это должно было отложиться в реально чрезвычайно богатой, но обреченной на подавление подсознательной человеческой памяти.

Один из моих друзей, зная о моих разысканиях, послал мне следующее стихотворение Байрона «Тьма»:

«Я видел сон, не все в нем было сном.
 Погасло солнце яркое, и звезды
 Без света, без путей в пространстве вечном
 Блуждали, и замерзшая земля
 Кружилась слепо в темноте безлунной.
 За утром утро шло без света дня,
 О всех своих страстях забыли люди,
 И в ужасе застыли все сердца
 В эгоистической мольбе о свете.
 Все жили у костров: дворцы и троны
 Монархов венценосных, и дома,

¹ Charles-Etienne Brasseur, *Sources de l'histoire primitive du Mexique* (Maisonneuve et Cie., Paris, 1864), p. 47.

И хижины; домашние все вещи
 Сжигались — так исчезли города.
 Сходились люди у жилищ горящих,
 Чтобы друг на друга раз еще взглянуть,
 А жившие у факелов вулканов
 Счастливее других себя считали.
 Весь мир жил в ужасе одной надеждой;
 Леса зажгли, но и лесной пожар
 Недолго длился, догорали с треском
 Стволы деревьев — и сгущался мрак.
 А пламени отчаянные вспышки
 Какой-то неземной, ужасный вид
 Всем лицам придавали, и одни,
 Упавши ниц, рыдали, а другие
 Задумчиво сидели улыбаясь;
 А третьи погребальный свой костер
 Питали топливом и беспокойно
 Глядели ввысь, на сумрачное небо,
 Покров земли умершей, и, во прах
 Повергнувшись, с проклятьями вопили,
 Зубами скрежеща; и птицы с криком
 Махали крыльями, боясь взлететь,
 Все звери стали робкими, ручными,
 Гадюки ползали у ног толпы,
 Шипели, извиваясь, не кусая...

..... Любовь исчезла:
 Одна лишь мысль осталась на земле -
 О смерти неизбежной и бесславной.
 Всем внутренности волчий голод грыз,
 И люди мерли, их не хоронили;
 И жадно тощие съедали тощих.

.....
 Пустынею безлюдной стал весь мир,
 Лишенный света, зелени и жизни,
 Стал комом смерти, комом твердой глины...»

(Пер. М. Зенкевича)

Эта фантазия Байрона не родилась по воле поэта, извлекающей творческий эликсир из ничего, оживляющей образы и ситуации, им изобретенные и никому больше не известные.

Детали этого стихотворения — вулканы, сверкающие во тьме, внезапно обезлюдивший и обнищавший мир, стаи обезумевших от страха диких птиц, которые порхали над землей, пребывавшей в тисках голода и отчаяния, — казалось, явились отзвуком каких-то древних воспоминаний. Байрон, по-видимому, не осознавал сходства с ситуацией времен Исхода и блужданий в пустыне, когда он развернул перед читателями эту картину мира, близящегося к концу. Но именно так выжившие после первого удара, столь разрушительного, как мы знаем, должны были видеть свое существование в мире погибающем и не подлежащем воскресению: разве это не то самое реальное событие, которое было похоронено в человеческой душе более тридцати веков — унылая картина, где стаи птиц безнадежно парят над землей среди оголодавших путников в мире, окутанном пеплом?

В книге «Земля в переломе» я попытался показать воздействие изменившихся экологических условий на животный мир, даже притом, что человек мог и не иметь об этом непосредственных впечатлений. Я нарисовал картину так, как она мне виделась через сохранившиеся кости и камни: «В изменившихся условиях, среди климатических превратностей, среди высохших пастбищ, среди растений, которые не годились в пищу, или при отсутствии животных, которые могли бы стать добычей, эти немногие последовали за прочими в изнурительной борьбе за существование, уступив в конце концов в борьбе за выживание видов.

Горящие леса, надвинувшиеся моря, извергающиеся вулканы, затонувшие земли взяли основную дань; бесплодные поля и сгоревшие леса не предлагали благоприятных условий для тех испуганных и одиноких, которые выжили, и внесли свою долю в процесс уничтожения».

Лорд Байрон не описал эсхатологической картины умирающего мира *будущего*, хотя сам считал, что сделал именно это: он черпал из общего для всех людей, и даже для животных, источника.

Больше никогда

Эдгар Аллан По написал один короткий рассказ — «Разговор Эйрос и Хармионы». Закончив свою земную жизнь, Эйрос прибыла в потусторонний мир и была встречена Хармионой: они знали друг друга еще на земле. Хармиона, уже в течение нескольких лет обитающая в Земле Обетованной («Aidenn»), говорит: «Я сгораю от нетерпения услышать подробности о грандиозном событии, забросившем тебя к нам. Поведай мне о нем... на старом привычном языке мира, погибшего столь ужасно... Когда, покинув человечество, я прошла через Могилу и Ночь, — в ту пору, если я верно помню, бедствия, постигшего вас, никак не ожидали. Но ведь я была мало сведуща в предсказаниях умозрительной философии тех дней».

Эйрос отвечает: «Как ты сказала, бедствия, постигшего нас, совершенно не ждали; но подобные невзгоды на протяжении долгого времени составляли для астрономов предмет обсуждения. Едва ли стоит говорить тебе, друг мой, что, когда ты ушла от нас, люди истолковали те места из наших священных писаний, где повествуется об окончательной гибели всего сущего от огня, как относящиеся лишь к земному шару. Но касательно сил, посредством которых свершится наша гибель, все предположения были ошибочны, начиная с той эпохи развития астрономии, когда перестали считать, что кометы способны уничтожить нас огнем. Была точно установлена весьма невысокая плотность этих небесных тел. Заметили, что они проходят среди спутников Юпитера без какого-либо значительного изменения массы или орбит этих второстепенных планет. Мы давно рассматривали этих небесных скитальцев как крайне разреженные газообразные скопления, никак не способные причинить вред нашему весоному шару даже в случае соприкосновения. Но соприкосновения мы ни в коей мере не опасались, ибо элементы комет были досконально известны. Что среди них должно искать носителя огненной гибели, много лет счита-

лось недопустимой идеей. Но последнее время причудливые фантазии и вера в чудеса странным образом распространились по свету; и хотя подлинное предчувствие грядущей катастрофы укоренилось лишь среди немногих невежд, но после того, как астрономы объявили о новой комете, эта весть была принята всеми с какой-то тревогой и недоверием.

Немедленно определили элементы незнакомой кометы, и все наблюдатели сразу признали, что ее траектория в перигелии проходит очень близко от Земли. Двое или трое второстепенных астрономов настоятельно утверждали, что соприкосновение неизбежно. Не могу должным образом выразить тебе, какой эффект произвело это сообщение. Несколько дней люди не в силах были поверить утверждению, которое их разум, погруженный в будничные заботы, никак не мог осмыслить. Но правда о чем-то жизненно важном быстро доходит до понимания даже самых тупоумных. Наконец, все увидели, что астрономия не лжет, и принялись ожидать комету. Ее приближение на первых порах не казалось особо стремительным; да и вид ничем не поражал. Она была тускло красная, с еле видимым хвостом. Семь или восемь дней мы не замечали значительного увеличения ее диаметра и видели лишь частичное изменение ее цвета.

Тем временем повседневные дела оказались в забросе, и всеобщий интерес был направлен на все расширяющееся обсуждение природы кометы, начатое людьми с философским складом ума. Даже величайшие невежды напрягли свои дремлющие способности ради рассуждений о комете. Теперь ученые не тратили ни интеллекта, ни души на то, чтобы рассеять страхи или защитить любимую теорию. Выбиваясь из сил, они искали правильного взгляда. Они мучительно добивались совершенства знаний. Истина восстала в чистоте силы своей и в беспредельном величии, и мудрые благоговейно простерлись перед нею.

Мнение, будто земной шар или его обитатели подвергнутся урону от предполагаемого соприкосновения с кометой, с каждым часом теряло вес среди мудрых; и мудрым теперь предоставлялась свобода власти над разумом и фантазией толпы. Было доказано, что плотность ядра кометы

значительно ниже плотности самого разреженного из наших газов; настойчиво подчеркивали факт происхождения подобного небесного гостя среди спутников Юпитера, не имевший никаких опасных последствий, что весьма споспешествовало уменьшению ужаса. Богословы с усердием, вызванным страхом, занимались библейскими пророчествами и толковали их народу с прямолинейностью и простотой, дотоле неведомой. Представление о том, что окончательная гибель Земли настанет от огня, внедрялось с упорством, убеждавшим всех; а что кометы состоят не из пламени (как поняли к тому времени все) — было истиной, в огромной мере ослабившей всеобщее предчувствие предсказанной беды. Заметно было, что принятые суеверия и заблуждения черни относительно эпидемий и войн — заблуждения, широко распространенные при появлении любой кометы — теперь были совершенно неведомы. Словно бы неким судорожным усилением разум в единый миг низверг суеверие с престола. В повышенной любознательности черпал силу и слабейший ум.

В мельчайших подробностях изучался вопрос: каких малых зол можно ожидать от соприкосновения с кометой. Ученые говорили о незначительных геологических сдвигах, о вероятных изменениях климата, а следственно, и растительности; о возможных магнитных и электрических влияниях. Многие держались того мнения, что никаких видимых или заметных перемен вообще не последует. Покамест продолжались подобные дискуссии, предмет их постепенно приближался, его диаметр возрастал, сияние делалось все ярче. По мере приближения кометы росла тревога человечества. Все дела людские приостановились.

Настало время, когда комета в конце концов достигла величины, превосходящей величину всех подобных явлений, ранее отмеченных. Теперь люди, отбросив всякую оставшуюся надежду на ошибку астрономов, уверились в неотвратимой беде. Ужас потерял свою призрачность. Сердца смелейших бешено стучали. Однако оказалось довольно совсем немногих дней, дабы растворить и подобные чувства в других, вовсе уж непереносимых. Мы не могли бы подходить к неведомой комете с какими-либо привычными мерками. Ее исторические признаки исчезли. Она тяготи-

ла нас ужасающею *новизною* внушаемых эмоций. Каждый из нас видел в ней не астрономический феномен, но инкуба на сердце, тень на разуме. С непостижимой стремительностью она превратилась в гигантский покров разреженного пламени, простертый от горизонта до горизонта.

Еще день, и люди вздохнули свободнее. Стало ясно, что мы уже находимся в сфере влияния кометы; и все-таки живем. Мы даже ощущали необычную телесную гибкость и живость ума. Была очевидна крайняя разреженность кометы, ужасавшей нас: все небесные тела были ясно видны сквозь нее. Тем временем растительность Земли заметно изменилась; и мы уверовали по этому ранее предсказанному обстоятельству в прозорливость мудрых. Буйная, роскошная листва, неведомая ранее, покрыла каждое растение.

Еще день — а зло все же не достигло нас до конца. Стало очевидным, что первым дойдет до нас ядро. Все люди безумно изменились; и первое ощущение боли послужило яростным сигналом для всеобщего плача и ужаса. Первое ощущение боли пришло от резкого стеснения грудной клетки и легких и от невыносимой сухости кожи. Нельзя было отрицать, что наша атмосфера поражена; начались споры о составе атмосферы и о допустимых в ней изменениях. Итоги исследования пропустили по всем людским сердцам электрическую искру глубочайшего ужаса.

Давно было известно, что окружавший нас воздух представляет собою смесь кислорода и азота в пропорции двадцати одной доли кислорода к семидесяти девяти азота на каждые сто в атмосфере. Кислород, источник сгорания и проводник тепла, самое могучее и действенное вещество в природе, был абсолютно необходим для поддержания жизни. Азот, напротив, был неспособен поддерживать жизнь или огонь. Протivoестественный избыток кислорода привел бы, как было удостоверено, именно к такому подъему жизненных сил, какой мы незадолго до того испытали. Следование за этой идеей, ее развитие и породило ужас. К чему привело бы полное удаление азота? К воспламенению, неотвратимому, всепожирающему, повсеместному, немедленному; — полностью сбудутся, в мельчайших и устрашающих подробностях, пламенные, вселяющие ужас обличения из пророчеств Священного Писания.

Есть ли нужда, Хармиона, живописать ничем не сдерживаемое исступление человечества? Разреженность кометы, ранее вселявшая в нас надежды, стала теперь источником горестного отчаяния. В ее газообразной неосвязаемости мы ясно усмотрели свершение Судьбы. Тем временем прошли еще сутки, унося с собою последнюю тень Надежды. Мы задыхались в стремительно изменяющемся воздухе. Алая кровь, бурля, пронеслась по тесным сосудам. Исступленный бред обуял всех людей; простерев оцепенелые руки к грозящим небесам, они пронзительно кричали, охваченные трепетом. И тут на нас надвинулось ядро разрушительницы; даже здесь, в Эдеме, я содрогаюсь, говоря об этом. Позволь мне быть краткой — краткой, как время, в которое постигла нас гибель. Какой-то миг сверкал злоеущий, яростный свет, пронизывающий все. Тогда — позволь мне склониться, Хармиона, пред бесконечным величием всемогущего бога! — тогда раздался громовой, все наполняющий звук, словно бы исходивший из Его уст; а вся масса эфира, в которой мы существовали, в единый миг вспыхнула неким пламенем, ослепительной яркости и всежигающего жара, которому нет имени даже среди ангелов в горнем Небе чистого знания. Так завершилось все» (Пер. В. В. Рогова).

Единственным источником для Эдгара По могло быть описание столкновения Земли с блуждающей кометой, имеющееся у Лапласа. Лаплас ограничил свое описание физическими явлениями и последствиями, а По сосредоточил внимание на зрительных и слуховых ощущениях, и главным образом, на ужасе, переживаемом человечеством перед лицом надвигающейся гибели. Некоторые детали не могли иметь своим источником научные познания эпохи По, т. е. почти за шестьдесят лет до того, как датский ботаник Гуго Деврис наблюдал (1900) за спонтанными, но в высшей степени рудиментарными реакциями вечерней примулы.

Астрономические аргументы По должны поразить читателя, который был в курсе дискуссий 1950-х годов (вызванных не появлением кометы, а появлением книги): кометы — это тела без субстанции; ни одна из них не потревожила ни один из спутников Юпитера во время прохождения через их систему и т. п. Таким образом, можно

предположить, что поэт обладал определенным научным предвидением, хотя можно было бы обнаружить, что астрономы той эпохи использовали те же самые аргументы, чтобы смягчить страх перед приближением эффектных комет. Это помогло бы рационально объяснить некоторые детали в рассказе По, но далеко не все.

Страх, нарастающий у По, изображен как наследие исчезнувшего поколения, или лучше сказать, исчезнувших поколений. Это истина непознанная, но объективная и создающая внутреннюю тревогу, которая спрятана под приглушающим ее слоем рассудочного сознания, как у ученого, так и у непрофессионала. С помощью поэтического ясновидения По на время снял этот слой, и обнаружилась агония, со всем заключенным в ней ужасом, нарастающим и отступающим *crescendo* и *diminuendo* и наконец ярко вспыхивающим: современный человек познал это состояние только после атомного взрыва в пустыне Лос Аламос.

По ощущал скрытую тревогу, свойственную человеческому роду, когда он созерцал распад жизни на Земле как нечто уже свершившееся. Земля мрака — наше земное существование — остается позади: все кончено. Неизвестно, что могло случиться с обитателями других планет, которые послушно вращаются вокруг Солнца по выверенным, если только не измененным, орбитам. Ничто не указывает на то, что эти планеты могли иметь развитые формы жизни, пока, распавшись на элементы, они не выдохнули: «Больше никогда».

Разум на пределе возможностей

Жюль Верн (1828—1905) стал новым типом пророка: никакого сходства со своим соотечественником Нострадамусом, который предшествовал ему на три столетия; никакого мистицизма — только свободные грезы научной фантастики. Он описал некоторые авантюрные проекты нашего столетия. И описывая полет человека на

Луну как нечто сверхъестественное, за сто лет до «Аполлона 11» он выдумал некоторые детали, которые стали реальностью при полете 1969 года. Но когда он достиг шестидесяти лет, его поток иссяк, и его мантию перехватил Г. Уэллс.

В «Машине времени», «Войне миров» и «Во временах кометы» Уэллс соединил научную фантастику с социальной, и его бьющий через край оптимизм привел его и его читателей к мысли, что границей возможностей человека не является даже небо. Он также сочинил свою известную краткую историю мира и был самым выдающимся из тех, кто, будучи атеистами или антиклерикалами, видели человеческое будущее как неуклонный и блестящий прогресс, а жизнь — как сплошную радость.

Однако я недостаточно знаком с Уэллсом, чтобы судить о нем как о философе. В качестве пророка технологического прогресса, хотя он и был постоянно переполнен оптимизмом, Уэллс не всегда выдвигал фантастические проекты, которые ждали своего осуществления. Например, в 1907 году в статье «Средства передвижения в 20-м веке» он утверждал, что авиация никогда не станет средством массового передвижения. Стремительный темп открытий и изобретений, которые совершил этот век в сравнении с предыдущим, свойственен словно какой-то другой эпохе, опередившей полет воображения писателей-фантастов. Но в первую неделю августа 1945 года над двумя городами на далеких островах поднялись облаком грибы, которые записали на небесах, что яблоко с древа познания было плодом Содомы.

Прежде чем произошло это событие, мир целые шесть лет в лихорадочном безумии сражался за тевтонское тысячелетнее царствие. Уэллс сидел в Лондоне, не обращая внимания на падавшие вокруг бомбы, одолеваемый теперь бесчисленными немощами, и писал свою книгу «Разум у предела своих возможностей». Атомный век еще не наступил. Но, вероятно, ужас, унаследованный от предков и никогда не прорывавшийся в нем наружу, или видение готвящегося будущего, как эсхатологии, нацеленной на ближайший результат, превратили проповедника гедонизма и наслаждений в пророка надвигающегося бедствия.

«Писатель, — так он начал, — находит весьма весомое основание для уверенности в том, что в течение периода времени, который следует измерять скорее неделями и месяцами, чем эрами, произошли фундаментальные изменения в условиях, в которых жизнь, и не просто человеческая жизнь, а все сознательное существование, проходила с самого начала. Это весьма шокирующее суждение, и оно не может быть принято разумом как таковое, поэтому писатель обнародует свои выводы, будучи уверен, что они окажутся полностью недоступны обычному, рационально мыслящему человеку».

Он продолжал, говоря о себе в третьем лице: «Если его мысли зазвучат, значит, этот мир находится у предела своих возможностей. Конец того, что мы называем жизнью, близок, и его нельзя избежать. Он доносит до вас мысли, к которым реальность привела его разум, и он считает, что вам будет интересно над ними задуматься, хотя он не пытается вам их навязывать. Лучше всего, если он попытается объяснить, почему он пришел к такому непонятному предположению... Он пишет, повинувшись научному складу мышления, который обязывал его быть максимально ясным в мыслях и словах».

Нельзя сказать, чтобы на последующих страницах Уэллс предложил что-либо такое, что можно было бы считать научным аргументом, или представил доказательства из сферы естествознания или истории, или открыл тайну развязывания войны. Это не то, что он обещал: это видение визионера, прослеживающего будущее или знающего о скрытом прошлом. «От обычного ума требуются огромные усилия и сосредоточенность, требующие постоянного напоминания и обновления, чтобы понять, что космическое развитие событий становится все более враждебным духовному состоянию нашего повседневного бытия. Это мысль, с которой писателю трудно смириться. Но когда он приходит к ней, значение Разума ослабевает. Повседневная жизнь утрачивает свою кажущуюся духовную упорядоченность».

Объяснив, что он имеет в виду под «повседневным» по отношению к вечному, Уэллс продолжает, неизменно говоря о себе в третьем лице: «Повседневная жизнь, как он теперь видит, полностью подчинена нементальным рит-

мам, как образование кристаллических структур в месторождении минералов или как метеоритный дождь. Эти два процесса протекают параллельно тому, что мы называем Вечностью, а теперь они резко оторвались друг от друга, как комета, которая в перигелии висит в небесах в течение какого-то времени, а затем уносится на века или навечно. Человеческий разум принял повседневную жизнь как рациональную и не может поступать иначе, потому что он сам является ее частью и в ней участвует».

Но как случилось, что Уэллс вводит в качестве метафоры метеоритный дождь и зловещую комету в небе? Может быть, дело не только в простом сходстве?

В своих пророчествах судного дня Уэллс ни разу даже не упомянул о человеке и его деяниях. Природа изменила свой ход, и жизнь обречена на исчезновение. «Реальность холодно и враждебно смотрит на любого, кто может вырваться из плена удобных иллюзий нормальности всего происходящего, чтобы стать лицом к лицу с неразрешимым вопросом, который волновал писателя. Они понимают, что в их жизнь входит что-то пугающе странное. Даже самые ненаблюдательные люди выдают своими внезапными реакциями определенное недоумение, смутное ощущение того, что произошло нечто такое, после чего жизнь уже никогда не будет той же самой».

Уэллс обращается к читателю и наставляет его: «Разверните картину событий и исследуйте ее, и вы обнаружите, что столкнулись с новой схемой бытия, непостижимой для человеческого разума. Этот новый холодный взгляд с усмешкой дразнит человеческий ум, и однако так велика в умах упрямая потребность философствовать, что они все еще способны под этим холодным взглядом искать какой-то выход из тупика или пытаться его обойти. Писатель убежден, что из этого тупика нет пути назад, вокруг или вперед. Это конец».

Вслед за этим Уэллс возвращается к аналогиям, способным пояснить истинное значение его выводов: «До сих пор события были соединены вместе определенной логической связью, как небесные тела, насколько нам известно, соединяются силой, золотой нитью Гравитации. Теперь представим, что эта нить исчезла, и все движется как попа-

ло с непрерывно возрастающей скоростью. Границы привычного развития жизни, кажется, точно фиксированы, так что можно было набросать примерный план будущего. Но эти границы были достигнуты, и за ними открылся до сих пор непостижимый хаос... Теперь события следуют друг за другом в совершенно невероятной последовательности. Никто не знает, что принесет завтрашний день, но именно современный философ науки может принять эту невероятность как истину... Он знает, но большинство знать не желает и поэтому никогда не будет знать».

Никогда? Если космос близится к хаосу и законам природы скоро придет конец, то больше не может быть тайн. И тем не менее... «В этом непроницаемом невежестве тупой массы заключен ее иммунитет по отношению ко всем упрямым вопросам растревоженного разума. У нее потребность никогда не знать. Поведение этой стаи, в которой она живет и движется и обретает свое бытие, еще в течение некоторого времени останется благодарным материалом для положительных, извиняющих, трагических, сочувствующих или язвительных комментариев, которые составляют сферу искусства и литературы. Разум может находиться на пределе своих возможностей, и однако эта драма повседневной жизни будет продолжаться, потому что таков нормальный порядок бытия и его нечем заменить».

Наблюдателю из какого-то отдаленного и совершенно чуждого космоса, если мы допускаем столь невероятную ситуацию, может вполне показаться, что уничтожение близится к человеку, как жестокий громовой окрик «Хальт! Мы можем все быстрее кружиться в воронке исчезновения, но мы этого не понимаем».

Покров глубокого уныния опустился над самыми жизнерадостными писателями его поколения. Это не та ситуация, когда верующий теряет свою веру. Г. Уэллс был атеистом с юности. Он не воспринимал идеи конца на сикстинских фресках Микельанджело. Он не считал, что исчезновение человека, а вместе с ним и всей жизни, будет последним наказанием для homo sapiens, достигшего запрещенного предела. Природа вместе со всеми ее законами, считавшимися вечными, распадается сама. «Страшное бедствие надвигается на мир и отбрасывает в прошлое все, что

мы до сих пор считали определенными нерушимыми границами объективных фактов. Эти факты ускользают от анализа и уже не возвращаются... Пределы величины и пространства сокращаются и продолжают безжалостно сокращаться. Стремительный ежедневный ход этого безжалостного маятника, новый порядок связей внедряют в наш разум мысль о том, что реальные факты выходят за границы любых до этого принятых стандартов. Мы переходим к страшному осознанию прежде невыносимой новой реальности».

Три тысячи миллионов лет Органической Эволюции (Уэллс пишет эти слова с большой буквы) стремительно близятся к концу, и финал уже виден. «...Расширяется расхождение между тем, что наши отцы стремились называть Природным Порядком, и этой новой резкой враждебностью по отношению к нашей вселенной, нашему все».

Но кто же несет в себе эту враждебность, если он не Бог и не Дьявол? Уэллс ищет определения: «космический процесс», «Запредельное», «Неизвестное», «Непознаваемое» — и отвергает их одно за другим, потому что они заключают в себе «невыраженный подтекст». Бессильный найти лучшую формулировку, Уэллс остановился на «Антагонисте». Он положит конец эволюции, и «пыльные карты Времени стряхнут свою пыль в печь крематория...».

Разве не слышатся в мрачных словах Уэллса пророчества оракулов Сивиллы: «...и тогда обрушится бесконечный поток бушующего огня, который сожжет землю и море, и небесный свод, и звезды, и все творение превратится в одну расплавленную массу и полностью исчезнет. Не будет больше светил, блистающих на орбитах, ни будет ни ночи, ни рассвета, ни постоянных ласковых дней, ни весны, ни лета, ни зимы, ни осени».

Как бы продолжая пророчество Сивиллы, Уэллс поднимается со своего кресла в затемненном Лондоне, освещенном только всполохами пожаров, и говорит: «До сих пор возврат казался первоначальным законом жизни. Ночь следовала за днем, а день за ночью. Но в этой новой странной фазе существования, в которую входит наша вселенная, становится очевидным, что события больше не возвращаются. Они движутся и движутся к непроницаемой

тайне, к безгласной и беспредельной темноте, с которой может бороться упрямая потребность нашего неудовлетворенного разума, но только до тех пор, пока он не будет побежден. Наш мир самообольщения этого не допускает. Он погибнет посреди этих уверток и самообманов... дверь закрылась для нас навсегда. Нет пути ни назад, ни вперед, ни в обход».

Не слышим ли мы голос ослабленного войной разума? Но Уэллс не говорил о разрушительных войнах, о Дюнкерке или Ковентри, или о людях, согнанных в лагеря смерти: он выносит свой приговор так, как будто виновен не человек, а неживая природа. «Наша вселенная не просто банкрот... она не просто ликвидирована, она продолжает освобождаться от всего живого, оставляя позади обломки. Попытка увидеть в этом какой-то план абсолютно бессмысленна. Это доступно философскому уму, когда он находится на высшей степени развития, но для тех, кому недостает этой прочной духовной опоры, соприкосновение с такими идеями оказывается столь неадекватным и столь опасным, что они не способны ни на что больше, как ненавидеть, отвергать и преследовать тех, кто их выражает, и укрываться за такими удобными и контролируемыми убежищами веры и спокойствия, какие послушный зову страха разум мог создать для себя и ближних на протяжении веков».

Я прерываю цитату, чтобы сделать вывод: Уэллс случайно обнаружил, что великий страх, им овладевший, так же древен в человеческом роде, как религия. Можно было надеяться, что в следующей фразе он извлечет на поверхность древний страх перед разрушителем, пришедшим из космических пространств, для которого он подыскивал название. «Наш обреченный муравейник беззащитен перед лицом безжалостного Антагониста, который разнесет наш мир на куски. Терпеть его или бежать от него — это не будет иметь никакого значения...».

Через этот ад разгромленного бомбежками Лондона, к которому Уэллс был внешне равнодушен, просвечивал древний, даже первобытный страх. Годом позже самая многострадальная планета, описав еще один круг по своей орбите, ослепительной вспышкой и грибом, похожим на печной дым, ознаменовала свое вступление в Век Ужаса.

ГЛАВА V

Век ужаса

«Для чего нужна война?»

После первой мировой войны и всего за год до захвата Гитлером Германского рейха Альберт Эйнштейн и Зигмунд Фрейд обменялись письмами на тему «Для чего нужна война?». Два великих человека этого поколения, идеи которых воздействовали на мышление первой половины нашего века и продолжают воздействовать до сих пор, задались этим вопросом. Эйнштейн, физик и пацифист, спрашивал Фрейда, который был старше его на двадцать три года, существует ли в сфере психиатрии и психоанализа панацея против убийства человеческих существ, организованных в государства, против санкционированного разрушения человеческой жизни. «Вы оказали бы всем нам колоссальную услугу, если бы представили проблему всеобщего мира в свете ваших последних открытий, поскольку это могло бы проложить путь к новым и более плодотворным формам действия».

В своем ответе Фрейд дал довольно мрачный прогноз. Он не видел в нашем существовании возможностей «подавлять агрессивные склонности человека»¹. Остальная часть ответа Фрейда была лишь обоснованием этого вердикта.

Брайент Ведж, писавший свою работу «Психиатрия и международные дела» тридцать пять лет спустя, в годы, которые стали свидетелями второй мировой войны, с ее разрушениями и атомной бомбой, и войн в Корее и Индонезии, сказал следующее: «Этот ответ [Фрейда] не смог подорвать веру Эйнштейна в то, что психиатрия, наука, самым непосредственным образом занятая беспорядком и

¹ Freud, *Collected Papers* (1950), vol. 5.

конфликтом внутри и между человеческими индивидуальностями, может помочь в налаживании отношений между нациями. Эта надежда пока в нас живет, но понемногу наступает разочарование. Психиатрии не удалось оказать практической помощи в урегулировании международного конфликта, хотя такой конфликт стал гораздо более опасным для человечества с того времени, как прозвучал призыв Эйнштейна». Нельзя сказать, что не было усилий со стороны психиатров. «В 1935 году 339 психиатров из тридцати стран подписали манифест о предотвращении войн», в котором было записано: «Мы, психиатры, заявляем, что наша наука достаточно продвинулась вперед, чтобы мы могли судить о различии между рациональными, воображаемыми и бессознательными мотивами даже у государственных деятелей»¹.

Два года спустя, летом 1937 года, в Париже состоялся большой конгресс психологов². Профессор Клапаред из Женевы зачитал главное обращение «О межнациональной ненависти», в котором выражались благие надежды и заверения о вере в человеческий прогресс. Мой доклад был единственным непосредственно посвященным этой проблеме³. Моя точка зрения, отражавшая в то время психоаналитические обобщения, состояла в том, что подавленные гомосексуальные потребности целых наций являются источником ненависти и желания нанести телесный ущерб целой социальной массе, что массовые убийства и одержанные каким-нибудь народом победы мотивируются мужской гомосексуальностью, направленной против феминизированных народов. Разве не было вызвано желание турок учинить резню в одной из армянских деревень этими различиями в подсознательной национальной структуре? И разве не является Германия, со своей национальной эмблемой — орлом с когтями, готовыми терзать плоть жертвы, — естественным врагом Франции, с ее девушкой во фригийском

¹ Science, 157 (21 July 1967). Доктор Брайент Ведж возглавлял Институт изучения национального поведения в Принстоне (штат Нью-Джерси).

² XI-e Congres International de Psychologie, Paris, 25-31 July 1937.

³ Психологические истоки межнациональной ненависти.

колпаке или Шантеклером — шумным, но не очень страшным, скорее смешным символом самца?

Я все еще считаю, что подавленная гомосексуальность глубинно связана с агрессией. В серии конфликтов между Израилем и арабскими государствами последние постоянно и решительно наказывались евреями, образ которых в течение тех столетий, когда они были рассеяны по миру, связывался с преследуемой и терпящей насилие нацией. Таким образом, столь долго лелеемое мнение арабов о себе, как о мужской нации настолько серьезно пострадало, что их не утешат никакие уступки со стороны Израиля.

Глава задуманной мною книги «Маски гомосексуальности», которая называлась «Крейцера соната» Толстого и бессознательная гомосексуальность», была опубликована во фрейдистском журнале «Imago»¹; остальное осталось лежать в ожидании, так как я был захвачен темами моих книг «Столкновения миров», «Века в хаосе» и «Земля в перевороте».

Вторая мировая война, разумеется, не стала ждать психологов, которые бы объяснили и выявили корни этого бедствия, известного как война. «Мысль о том, что «война начинается в умах людей» и что именно «в умах людей должны быть воздвигнуты гарантии мира», стара, как сама история отношений между организованными обществами».

Доктор Ведж продолжал цитировать фрагменты переписки Эйнштейна и Фрейда 1932 года и, отмечая бесплодность всех усилий, задал вопрос: «Почему наука, более всего занятая тем, чтобы помочь отдельному человеку решить психологические проблемы, оказывается бессильной решить наиболее значимую проблему всего человеческого поведения? Что может дать психиатрия?».

Ведж определил важность психиатрической науки для решения данной проблемы, но сам не предложил ничего более конструктивного, чем «исследование персональных особенностей иностранных государственных лидеров, психологических факторов в отдельных международных кон-

¹ *Imago*, Zeitschrift für psychoanalytische Psychologie, 23 (1937), pp. 353—70; reprinted in English, translated by Dr. J. V. Coleman, *The Psychoanalytical Review*, 24 (January 1937).

фликтах, интерпретации поведения при переговорах и возрастающей эффективности межнационального общения» и т. п. Это не больше как общие фразы, с одной стороны, и паллиативы — с другой. Но при этом он сделал одно верное наблюдение: «Психиатрия сначала занималась отдельными людьми. Только недавно новая концепция социальной взаимообусловленности привела психиатрию к более обобщенным объектам, таким, как общество и нация в их влиянии на историю индивидуумов. Строгие границы психиатрии едва ли способны дать научное основание для рассмотрения международных дел. Психиатры, которые стали заниматься международными отношениями, совершенно верно отмечают, что в них порой действуют динамические психологические факторы. Здесь, однако, и начинаются все трудности...».

Повторяющиеся бедствия

Существует саранча, которая появляется раз в семнадцать лет. Что заставляет это насекомое совершать нашествие через этот долгий период времени, неизвестно; нет ни земных, ни космических причин, которые были бы очевидны.

Подобное же наблюдается и в истории человеческого рода. Если мы начнем исследовать большие войны последних нескольких столетий, мы обнаружим определенную периодичность в возникновении этих крупных столкновений (я предоставляю другим судить, могут ли подобные же схемы быть обнаружены и в предшествующие последним векам периоды).

С 1700 по 1709 год армии Карла XII Шведского захватили в результате завоевательных войн значительную часть Европы. Карл покорил Данию, большую часть Германии, Польшу, балтийские государства и вторгся на Украину. Здесь, в центре страны, близ Полтавы, вдалеке от своего собственного отечества, он потерпел поражение от рук Петра Великого.

В то время как Карл XII воевал в восточной Европе, западная Европа была ареной войны (1701—1714), в которой Франция под предводительством Людовика XIV, Испания и Бавария объединились против Англии, Голландии, Австрии, нескольких германских государств, а Португалия и Савойя постоянно переходили от одного лагеря к другому. Эта «война за испанское наследство» велась на Рейне и Дунае, во Фландрии, Италии и Испании и на морях. В результате Франция уступила Ньюфаундленд и Новую Шотландию Англии, Испания лишилась Гибралтара и Менорки, а Португалия утвердилась в Бразилии.

Через век с небольшим, а именно, через 104 года после начала этого противостояния, Наполеон предпринял свою атаку на объединенные силы Пруссии, Австрии и России при Аустерлице (1805). Он завоевал большую часть Европы и прорвался далеко в глубь России в 1812 году, где и был разбит. Он вновь проиграл Битву народов (1813) и провел заключительное сражение при Ватерлоо (1815).

И вновь, чуть больше чем через столетие, мир был охвачен пламенем. Германия при Вильгельме II повела за собой Австро-Венгрию и Турцию против Англии, Франции и России. Первая мировая война захлестнула многие европейские страны и самые удаленные уголки мира с невиданным размахом. Она продолжалась с 1914 по 1918 год. Существует бесспорная периодичность в повторении таких событий примерно раз в 104 года. Но и на полпути между этими войнами происходили также войны континентальных масштабов, так что реальный период составляет пятьдесят два года от начала одного мощного всплеска до начала следующего. В восемнадцатом веке это была Семилетняя война (1756—1763), мировая схватка Австрии, России, Франции и их союзников с Пруссией и Англией, которая предоставила Англии решительное преимущество в Северной Америке, Индии и Вест-Индии и сделала Пруссию главным противником Австрии.

В девятнадцатом веке это была Гражданская война в Америке (1861—1865): в продолжение этой бойни, одной из самых масштабных в военной истории, были убиты сотни тысяч человек.

Последний глобальный конфликт разразился точно на половине этого пятидесятидвухлетнего периода: первая мировая война началась в августе 1914 года, а вторая мировая война — в сентябре 1939 года, но она приобрела полный размах в 1940 году. Продолжалась она шесть лет, вновь охватив все пять континентов. В прошлом волна достигала подъема каждые пятьдесят два года, в этом столетии большая волна поднимается на половине этого периода, или опережает прошлую на полпериода.

Вдумчивое исследование диаграммы больших вооруженных конфликтов показало бы резкий подъем перед и после каждого пика, а у его подножия — отзвук столкновений меньшей мощности или ограниченного характера. Так Гражданской войне предшествовала Крымская война, а затем выступление Пруссии против Австрии, Дании и Франции. Первой мировой войне предшествовали балканские войны, а за ней последовала гражданская война в России. Второй мировой войне предшествовало выступление Муссолини против Эфиопии (а также гражданская война в Испании и война между Японией и Китаем), а за ней последовала корейская война.

Если следовать этой схеме, то новый большой взрыв враждебности между нациями должен наступить около 1966 года; мир вошел в состояние напряженности и гонки вооружений, а также локальных войн — во Вьетнаме и на Среднем Востоке. Атомное вооружение, развивавшееся со времени второй мировой войны, действовало как сдерживающее средство¹.

Если человеческий род наделен потребностью разрушения и самоуничтожения, которая обнаруживается с интервалом в пятьдесят два года, а может быть, и двадцать

¹ Если существует определенная подвижность в таких циклах, так что главный взрыв может произойти на половине цикла (как это было со второй мировой войной) или может, как кажется, быть удержан (как произошло в 1966 году), тогда, возможно, нам следует соблюдать осторожность и в наших прогнозах относительно семисотлетнего цикла. В разделе «Периодичность безумия» мы говорили о двадцать первом веке. Но исследуемый цикл составляет приблизительно семьсот лет. Было бы ошибкой заявлять, что мы будем пребывать в безопасности до середины двадцать первого века. Все, что мы можем сказать: час близится.

шесть лет (это промежуток от начала перкой мировой войны до начала второй мировой войны), тогда вместо политических и экономических факторов в роли запальников, вызывающих воспламенение человеческих масс, должны выступать психологические и даже биологические факторы. Состояние раздражения — это предварительное условие той «патриотической» непримиримости, которая ведет к масштабным неконтролируемым столкновениями с насилием, увечьями и убийствами. Когда человеческий род, объединившийся в большие сообщества, разделяется на разные лагеря, локальные, «племенные» периоды конфликтов сами собой сливаются во внезапные общие взрывы континентального и даже, как в нашем веке, глобального масштаба.

Масштабные конфликты, повторяющиеся каждые пятьдесят два года и угроза которых существует на половине этого периода, должны рассматриваться как своего рода природные явления, подобно нашествиям саранчи каждые семнадцать лет (можно по ходу дела отметить, что последний период составляет примерно третью часть пятидесятидвухлетнего, хотя, возможно, они и не имеют отношения друг к другу). Этот феномен массовой истерии мирового масштаба должен быть понят, и его корни должны быть найдены и удалены.

Следует напомнить, что две грандиозных природных катастрофы произошли тридцать четыре столетия назад с тем же самым интервалом в пятьдесят два года, и если нельзя с уверенностью констатировать биологическую причину таких периодических массовых истерий, то по крайней мере ее следует предполагать и изучать. Само такое предположение и изучение может оказать целительное воздействие.

Избранный народ Хиросимы

6 августа 1945 года американский военный капеллан благословил команду самолета и пожелал ей успешного выполнения своей миссии — доставить и бросить атомную бомбу на Хиросиму. Это была

ослепительная вспышка, горячий смерч и землетрясение; в небе повис атомный гриб; тела обуглились, десятки тысяч тел, — и начался атомный век.

Двадцать лет спустя (1967) Роберт Джей Лифтон, профессор кафедры психиатрии в Йельском университете, опубликовал очень сильную книгу «Смерть в жизни: пережившие Хиросиму». Он опросил семьдесят человек из числа выживших, людей самых разных судеб. Он обнаружил незначительные отличия в психическом состоянии людей образованных и необразованных, врачей, писателей, священников и торговцев, домохозяек, крестьян и людей деклассированных. Ниже я цитирую отзыв Пауля Гудмэна о книге Лифтона, поскольку ему удалось схватить самую суть¹: «Они считают — семнадцать лет спустя — что постоянно присутствуют при этом событии. Они отказываются сообщать в точности о его деталях, которые священны. Это событие было Великим, некоторые говорили даже о мгновенном счастье в том смысле, что пробудились от иллюзий этого мира. Они Избранный народ. Многие имеют шрамы, как отметки бога Иисуса. Они создают своего рода мистическое братство с некоей миссией. Они являются жертвой. Они должны стать освободителями обездоленных и апостолами мира. Их презирают, но они тот камень, который отвергнут строителями.

Нужно стать морально совершенными и не продавать свой опыт менялам. По мнению некоторых из них, любая речь и любая форма социальной активности — это профанация. Должно хранить чистоту с помощью изоциренных табу, например, не носить нейлоновые чулки, потому что они сделаны Дюпоном. Однако с того времени произошла переоценка ценностей, на людей возлагается обязанность «обирать египтян», то есть действовать на черном рынке. Матрица человеческого существования разбита; вместо человеческого существа — сплошная рана: невозможно жить, если только не существует нового неба и новой земли. «В этом мире я вижу истинный ад». Традиционные рели-

¹ Paul Goodman, *Stoicism and the Holocaust*, The New York Review of Books, March 28, 1968, p. 15. См. обмен письмами между Лифтоном и Гудмэном: *Ibid.*, April 28, 1968, pp. 36–37.

гии, буддистская или католическая, не могут справиться с этим новым явлением. Это новое ощущение принадлежит всему человечеству.

Но когда-нибудь лев ляжет рядом с агнцем. «Они считают... что энергия в десять миллионов лошадиных сил на грамм, освобожденная из атома, будет передана в руки человека. Тогда богатый урожай науки будет мирно доставлен людям, как гроздь винограда, собранного на заре и мокрого от росы». Это видение в стиле Исаяи, Санхики Тогэ. После черного дождя засияет радуга. Даже перед падением Бомбы, в том привычном прошлом, мы не жили — это была иллюзия. Но человек по-прежнему видит все еще четкую фотографию своего невинного детства: оно остановилось, пока не наступит новый мир, в котором оно оживет. Избранные святые, вместе с мертвыми, которые также присутствуют, ибо участвовали в том событии, захвачены, как в чистилище, бессмысленным ходом текущей истории. Скорее всего они ждут нового пророка, который сможет преобразить жизнь... А пока ждут, они сидят в молчании и вспоминают о яростной теофонии; другие же говорят с мертвыми».

Мое внимание к эссе Пауля Гудмэна привлекло то, что он проявил пронизательность, сравнивая психологическое состояние выживших в Хиросиме с испытаниями и последующей реакцией израильтян во времена Исхода — события, уходящего в далекую историю. Он даже начинает свою статью с упоминания о книге Мартина Бубера, посвященной Моисею: «...Библейская история не может пониматься буквально, однако она не может считаться неисторичной: с этими людьми что-то произошло, сверхъестественное или ненормальное, и рассказ, который до нас дошел, был их попыткой справиться с этим испытанием, восстановить душевное равновесие и самих себя в мире, который подвергся трансформации».

Эта параллель не была проведена профессором Лифтоном; он, однако, проследил аналогии с духовной эволюцией, или точнее, мутацией людей, переживших нацистские лагеря. Основная часть его книги «Смерть в жизни» посвящена защитным механизмам против травмы: вытеснению, отвержению, формированию реакций, перечеркиванию...

экрана памяти, поискам козла отпущения и алиби, самообвинениям с целью избежать тревоги отверженности, идентификации с силой, которая нанесла ущерб с целью избежать чувства бессилия, обращению гнева против самого себя и чувству вины.

Эта книга воссоздает поразительно законченную травматическую среду, но рецензент настроен критически по отношению к патологическому прогнозу профессора Лифтона. Для меня, однако, духовная структура — поскольку это не просто состояние, а духовная структура — *hibakusha* (под таким названием известны пережившие Хиросиму и Нагасаки) является своего рода открытием и весьма значимым в свете событий далекого прошлого феноменом, в силу этой конфронтации «частицы духовного здоровья в сплошной буре безумия» с «народами, выступающими против мирового насилия».

Лифтон пишет: «Основной способ защиты выживших от смертельного беспокойства и смертельной вины — это утрата чувствительности. В ходе наших наблюдений над Хиросимой мы говорили об этом процессе, в самой острой его форме, как о психической замкнутости, а в наиболее хронических формах — как о психическом онемении. Теперь я склонен считать, что психическое онемение скорее характеризует весь жизненный стиль выживших»¹. «Психическое онемение переживших катастрофу является, на мой взгляд, первой стадией погружения значительной части воспринятых событий в частичное забвение. Главное различие этих двух событий — феномена эпохи Исхода и событий 1945 года — состоит в том, что первый не был делом рук человека и имел глобальный характер; события же нашего времени были деянием человека, и хотя они были глобальны в том смысле, что война распространилась на все континенты и моря, они сфокусировались в сожжении двух городов с помощью высвобожденной «энергии в десять миллионов лошадиных сил на грамм». Для жителей этих городов катастрофа была не менее глобальной, и только позже выжившие узнали, что они были выбраны из всех городов для

¹ Lifton, *Death in Life*, p. 500.

этого эксперимента тотального убийства. Но прежде, чем они об этом узнали, для них не было никакой разницы, если бы и все города мира были сметены. Опыт Хиросимы и Нагасаки явился ужасающим зеркалом тех минут, когда «в утреннюю стражу воззрел Господь на стан Египтян из столпа огненного и облачного...» (Исход 14:24).

О корнях антисемитизма

В книге «Века в хаосе» я показал ошибочность точки зрения Манефона, отождествившего израильтян с гиксосами. Манефон был египетским историком третьего века до нашей эры, писавшим на греческом языке. Ненависть к почти легендарным гиксосам, завоевателям и угнетателям Египта, которая сохранялась вплоть до того времени, обратилась на еврейский народ. Я показал также, что гиксосы, известные египтянам как Аму, были в действительности амаликитянами из Библии, которые властвовали над Ближним Востоком и над Палестиной во время долгого периода блужданий в пустыне и эпохи Судей. Я ссылаюсь на многочисленных древних арабских авторов, которые описывали завоевание Сирии-Палестины и Египта амаликитянами и правление в Египте династии царей-амаликитян в течение четырех или пяти столетий. Характер эксплуатации Египта Аму, описанный в египетских источниках, и эксплуатации Палестины амаликитянами, освещенный в библейских книгах, идентичен. И что наиболее важно, было показано, что именно царь Саул, первый царь израильтян, сумел положить конец правлению амаликитян, захватив их крепость, эль-Ариш, являющуюся древним Аварисом, вместе с их последним царем Агогом.

Еврейский народ был объектом глубокой ненависти амаликитян со времен блужданий в пустыне, когда, изнуренный жаждой, он безжалостно истреблялся амаликитянами, вплоть до эпохи владычества амаликитян и мидраитян, которые регулярно совершали набеги на страну со сво-

им скотом перед жатвой. Это ненависть продолжалась не только в течение всех веков жизни израильтян и иудеев на их собственной земле, но и в период их долгой диаспоры, или мировой ссылки, вплоть до наших дней.

Еврейский историк первого века нашей эры, Иосиф Флавий, принял точку зрения Манефона, согласно которой израильтяне были гиксосами, и к этому времени антисемитизм, первым известным свидетельством которого стала книга Манефона, написанная тремя веками ранее, уже широко распространился на Древнем Востоке. Чтобы исправить эту ошибку, я в «Веках в хаосе» сопроводил предложенную верную идентификацию кратким рассуждением о начале антисемитизма.

Кроме этой древней путаницы, возможен и еще один аспект. Со времен древности еврейский народ заявлял, что великая катастрофа с землетрясениями, разрушениями и природными катаклизмами, проявлениями которой были «казни», отступление моря и исчезновение фараона с его войском, была направлена во благо сынов Израиля. Египет был наказан за проявленную по отношению к ним жестокость. Израильтяне спаслись когда обрушились «казни». Их вождь призвал эти «казни» на Египет и обрушил на его армии воды Моря Перехода. Израильтяне обрели благо в результате катастрофических событий. Меньшее значение (а по существу и никакого значения) придавалось тому факту, что на самом деле разбушевавшиеся стихии не пощадили и их вопреки свидетельствам библейской истории, и в «Веках в хаосе» цитировались раввинские источники, раскрывающие оборотную сторону: во время казни темной уцелели только двое из каждой сотни израильтян, а в Море Перехода многих беглецов поглотили поднявшиеся волны. Но история, описанная в Библии, в которую верили евреи и другие народы древности и современности, имела и имеет огромное значение: когда Египет страдал, израильтяне были избавлены от бедствий и обрели свое освобождение от рабства, сохранявшегося в течение многих поколений.

Природная катастрофа, обрушившаяся на Египет, обрушилась и на весь земной шар, и многие его районы были полностью уничтожены. Пережитое в эти дни сохранилось в коллективном бессознательном разуме человеческого рода.

Эти две идеи — израильтяне как единственный народ, спасшийся во время катастрофы периода Исхода, и отождествление Манефоном израильтян с гиксосами — содержат корни антисемитизма, который сохранялся в течение столетий.

Работорговцы и рабы

Африканский континент разделен на то, что называется Черным континентом, и северную оконечность, к северу от Сахары, занятую берберскими, или арабскими, государствами. Восточное побережье Африки тянется параллельно западному побережью Аравии, а на западном побережье Индийского океана, в Занзибаре, широкую дугу образует древнее поселение арабских работорговцев. Арабы охотились на черных африканцев и продавали их в рабство повсюду, где был на это спрос. Рабство ожидало также военнопленных других рас. Колумб превратил в рабов своих карибских пленников, но в современную эпоху именно африканский континент стал местом охоты за рабами. Импорт рабов в западное полушарие, начавшись в шестнадцатом веке, прекратился только несколько поколений назад: хотя и ограниченная законодательством примерно в 1800 году, торговля продолжалась вплоть до окончания Гражданской войны и затронула соседние страны. В 1873 году, всего лишь четыре поколения назад, из 1 500 000 человек населения Кубы 500 000, или треть, были рабами.

Под заголовком «Магометанское рабство» в четырнадцатом издании Британской энциклопедии (хотя энциклопедии не относятся к тем источникам, которые я склонен цитировать, в данном случае я делаю исключение) написано следующее: «Центральный Судан был, по-видимому, одним из обширных охотничьих районов. Сюда привозили пленников на рынок рабов Кука в Борну, где, купленные посредниками, они в количестве 10 000 человек ежегодно

шли через пустыню Сахару в Мурзук в Феззане, откуда распределялись по северному и восточному побережьям Средиземного моря. Страдания их во время этого перехода были ужасны; многие погибали, и их бросали. [Сообщалось], что «любой, кто не знает дороги», по которой проходит караван, «должен ориентироваться по костям, которые лежат справа и слева от тропы». В Марокко также привозили негров из Западного Судана и из Тимбукту. «Перевалочным центром на пути в Марокко был Сиди Хамед ибн Муса, находящийся в семи днях пути от Могадора, где проводилась большая ежегодная ярмарка. Рабы отправлялись отсюда группами, прежде всего в Марракеш, Фец и Мекрнез».

Султан взимал с работоторговли дань *ad valorem*. Из Марокко французские, португальские, британские и другие корабли развозили проданных рабов по местам назначения.

Занзибарские арабы на восточном побережье Африки были самыми крупными работоторговцами. Черные деревни поджигались, когда их обитатели спали — иногда с ведома местных вождей — и убегающих негров ловили, превращая таким образом в живой товар. Многие из тех, кто был перевезен в цепях на арабских кораблях, часто плохо приспособленных к морскому путешествию, умирали от плохого питания, жажды, долгого пребывания на солнце, и на некоторых торговых судах, пересекавших Атлантический океан, только пятьдесят из каждых ста выдерживали поездку.

Британцы, французы, португальцы и прочие, покупая рабов на африканских рынках, перевозили их в Европу, но главным образом — в Америку. Согласно британской статистике, не считая рабов, умерших еще до отправления из Африки, 12,5% умерли во время путешествия в Вест-Индию. В Ямайке 4,5% умирали еще до продажи, а одна треть — во время «выдерживания».

Занзибарские торговцы не могли похвастать сохранностью своего человеческого груза.

Торговля рабами в западной полушарии продолжалась и после гражданской войны, но, утратив масштаб, она искала других путей. С дальнейшим ее упадком после 1870-х годов главным рынком потребления стали сами арабские страны, в особенности Аравийский полуостров, обширная

территория, расположенная к северо-востоку и востоку от африканского континента. Здесь велась также внутренняя торговля с черными королевствами Уганды, Бенина и Дагомеи, и арабские торговцы были здесь поставщиками. Многие из рабов приносились в жертву во время языческих церемоний. Исследователи девятнадцатого века, Дэвид Ливингстон, сэр Сьюмюэл Бейкер и доктор Генрих Барт, описали эти обряды.

Черные рабы совсем до недавнего времени продавались и покупались на арабских рынках, особенно на Аравийском полуострове. С распространением мусульманства на восточном берегу Африки, торговцы приняли обличие миссионеров, приглашая правоверных отправиться в паломничество в Мекку. По прибытии их продавали, и они никогда не возвращались в Африку, чтобы поведать истинную правду о своем путешествии. В прибрежных государствах, в эмиратах и султанатах Аравийского полуострова рабство санкционировалось традицией и защищалось законом в нарушение принципиальных заявлений, в разное время сделанных европейскими властями, особенно в конце нашего века. Тем не менее эти несколько стран, члены ООН, все еще практикуют рабство у себя дома.

В процессе черного освободительного движения в Соединенных Штатах определились характерные социальные и психологические тенденции. Потомки рабов от четвертого до десятого поколений (в Вест-Индии это всего лишь третье поколение) ощущают зов Африки, который сопровождал закованных в клетки рабов во время их подневольного путешествия в эту страну и поглощал мысли первого поколения тех, кто работал на плантациях или в рудниках. Но вместе с этим чувством тоски по Африке возникает одно странное, даже патологическое явление: самые воинственные из чернокожих американцев смотрят на арабов как на своих союзников и наставников.

Потомки рабов возвращаются к тем, кто на них охотился, кто захватывал их в ловушку, надевал на них цепи, безжалостно тащил их через пустыню. Потребность вернуться к мучителю или к его потомкам, принять их религию и почитать их как мудрецов — это реакция, причина которой известна психологии: дети жертвы остаются под чарами того, кто хлестал кнутом их отца.

Демографический взрыв

Демографический взрыв объявлен многими, как величайшая опасность для будущего человеческого рода, опасность не отдаленного будущего, но следующих двух поколений. Я помню время, когда население Земли составляло 1,6 миллиарда человек. Теперь оно превышает 4 миллиарда, несмотря на две мировые войны. Было подсчитано, каким будет население Земли, если нынешние темпы роста сохранятся — примерно от семи до десяти миллиардов к концу нашего века. Не во взрыве бомбы, а в демографическом взрыве лежит величайшая опасность — заявляют многие социологи и почти все эксперты по вопросам народонаселения. Народы, которые уже сейчас балансируют на грани голода, размножаются быстрее всего. Народы, кишашие на берегах Ганга, живут в соответствии с максимально низкими стандартами: бездомные, они испражняются на общественных площадях, открыто; они спят на улицах Калькутты; и они производят потомство. Сожителство — одно из немногих удовольствий, оставшееся нищим и неумелым. В то же самое время священные коровы — все коровы и быки у индусов священны — бродят неприкаянными прожорливыми стадами, и даже когда они умирают естественной смертью, есть их не разрешается.

В Египте феллахи (фермеры) в Дельте, одном из самых густо населенных районов мира, мучаются от малярии, трахомы (инфекционная болезнь глаз, которая ведет к слепоте) и от глистов. В то время, как большая часть обитателей этих мест страдает от одной или нескольких изнурительных болезней, население увеличивается: на весь Египет, где оно составляет тридцать миллионов, прибавляется еще два миллиона ежегодно. Большая часть этого прироста приходится на Дельту.

Эта планета — наш общий дом — не увеличивается; ее питательные резервы ограничены и уже недостаточны, чтобы прокормить людей земного шара, и уже снова слышен крик (как столетие назад, когда об этом впервые написал Мальтус), что рост населения превосходит рост возможностей для выживания. Что касается пропитания, оке-

ан еще не раскрыл до конца своих потенциальных резервов: то, что мы сегодня получаем от океана, только часть доступного. Но в любом случае, жилье, образование, транспорт — все эти нынешние проблемы будет чрезвычайно трудно решить, если непритязательные земляне поднимутся из пыли и грязи и потребуют удобств.

Существуют те, кто отстаивает доктрину священной неприкосновенности человеческой жизни при любых обстоятельствах. Самых отъявленных убийц кормят за общественный счет ради их жизни или ради отсрочки приговора, так как смертная казнь отвергается во многих государствах. Аборт, даже если ребенок зачат в момент изнасилования, был до недавнего времени наказуемым преступлением во многих странах, и уже случалось так, что насильник и его жертва получали приговоры в одном и том же суде. Только насильник, будучи виновен в менее тяжком преступлении, вскоре выходил на волю под залог, а жертва оставалась за решеткой за убийство нерожденного ребенка.

Здесь не предлагается никакой программы защиты от опасности демографического взрыва. Но возможно, что значение быстрого роста населения Земли связано не только с проблемами питания. Давайте оценим этот феномен в его вероятных социологических последствиях.

В животном царстве те формы жизни, которым угрожает уничтожение, обычно производят наибольшее потомство. Насекомые, которые вынуждены пережить суровую зиму, размножаются в невероятных количествах, так что, по крайней мере, часть их потомства выживет и сохранит вид. Имея в виду этот процесс, очевидный для всех животных, населяющих сушу и море, бурному демографическому взрыву в годы, последовавшие за второй мировой войной, следует уделить самое пристальное внимание. Вполне возможно, что существует некий механизм регуляции. С древних времен было замечено, что в период больших войн и после них самцов рождается значительно больше, чем самок: природа выступает как регулятор. И если природа может средствами, нам неизвестными, направить рождаемость в пользу самцов, не может ли та же природа регулировать само увеличение населения, чтобы защитить род от неизбежного исчезновения?

Если это так, тогда кажущийся неконтролируемым рост населения — это симптом находящейся в инкубационном периоде опасной болезни.

Армагеддон на борту плывущего судна

В редакционной статье в «Нью-Йорк Таймс» (18 декабря 1974) о владивостокских соглашениях между секретарем Коммунистической партии Советского Союза и президентом Соединенных Штатов, сообщается следующее: «Новое соглашение позволит каждой стороне создать силы первого удара на базе новых МИРВ — многоэлементных снарядов с боеголовками, небольшая часть которых может угрожать полным уничтожением бункеров МБР, в то время как основная часть средств нападения будет оставаться в резерве для отражения ответного удара. Ни одна из сторон сейчас не имеет такой возможности...

Соглашение, подписанное во Владивостоке, позволит Советскому Союзу, начиная со следующего года, заменить новыми, более крупными и более точными ракетами с боеголовками МИРВ фактически все МБР, разрешенные по условиям ОСВ 1 1972 года, т. е. 1320 из своих 1410 наземных ракет. До 1985 года настоящее количество боеголовок — 1410 — будет доведено до установленной цифры 6700. С их возросшей мощностью это более, чем в три раза превышает количество боеголовок, необходимых для уверенного удара по 1054 наземным МБР в Соединенных Штатах. Соединенные Штаты, по условиям владивостокских соглашений, могут заменить все первое поколение Minuteman III и снарядов МБР «Посейдон» — 800 из запланированных 1030 уже разблокированы — на более крупные и точные снаряды Minuteman IV и Trident II. Вдобавок планируются еще 288 более мощных ракет Trident II на борту двенадцати огромных субмарин Тридент стоимостью почти 1,5 миллиарда \$ каждая. С этой программой... объединенное командование уверено, что сумеет опередить русских в силах первого удара через два или три года.

Ядерная база «Пирл Харбор», с ее неоценимым значением, не может, естественно, быть легко атакованной с какой-либо стороны. Но наличие такой возможности у обеих сторон в свете будущего кризиса и огромное преиму-

щество, которое, как кажется, получает сторона, наносящая удар первой, открывает столь ужасные перспективы, что их трудно оценивать. Возрастание нестабильности — предпоследняя опасность ядерной эры, стоящая непосредственно перед окончательным ужасом реального ядерного столкновения — явственно обозначилось неудавшейся попыткой во Владивостоке ограничить количество снарядов МБР более умеренными пределами.

...Без МИРВ атакующий должен послать по крайней мере два снаряда на каждую установку противника для обеспечения большей надежности, таким образом разоружая себя больше, чем врага. Обладая МИРВ, атакующий имеет преимущество. Один снаряд, несущий шесть боеголовок, может разрушить три вражеских МБР».

Эта редакционная статья включает еще больше цифр и расчетов — или просчетов. Армагеддон приближается¹. Всеобщее равнодушие к тому, что произойдет, когда накопившееся ядерное оружие вылетит из своих подземных шахт, или с подводных лодок, или с движущихся по орбитам спутников, — это психологический феномен огромной важности. Уступчивость почти переходит в желание рокового конца. Разве не молят посетители церквей о Втором Пришествии, разве не распределяют концерны между своими акционерами доходы от торговли смертью, и разве супердержавы вместе с «развивающимися странами» не живут в предвкушении? И в этом предвкушении не патологическая безответственность, а скорее радость. Возможность видеть уничтожение ближних в таком грандиозном масштабе настолько завораживает, что хочется рискнуть. Может быть, только у грешников выкатятся глаза, выпадут зубы, слезет кожа, сгорит плоть и сломается спинной хребет?

Соглашения ОСВ — это всего лишь допуск к гонке вооружений, усовершенствованию арсеналов и организации по всем правилам того удара по нашей планете, который превратит ее на всех восьми тысячах миль в соляную пустыню Содома.

¹ С разрядкой напряженности, заметной за годы, прошедшие со времени опубликования этой передовой статьи, данные наблюдения приобретают даже еще большее значение.

ГЛАВА VI

СНЫ И ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Нужно открыть дверь

Я ставлю вопрос: может ли чтение моих книг и усвоение их содержания облегчить давление родовой памяти, существующей в каждом из нас? Собственно психоаналитическая методика нарушается, поскольку открывается все сразу, вместо того, чтобы дать возможность пациенту прийти к осмыслению постепенно. Но это единственное нарушение. Однако явное преимущество по сравнению с общепринятой процедурой состоит в том, что вместо заранее предполагаемых в человеческом роде эдиповом и кастрационном комплексах, обнажаются истинные травмы.

Верно ли, что осознание событий, забытых, но погребенных в коллективном бессознательном разуме может вызвать только враждебную реакцию? Если это так, то моя работа несет в себе только ненависть и раздражение, которые вырвутся наружу, оставив вытесненные воспоминания там, где они и покоятся. Проявившись внешне как фобия, вытесненное содержание закроет окно для выхода коллективной души изнутри.

Освобождение от наследственной амнезии должно стать мощным дестабилизирующим фактором. У отдельных пациентов, подвергающихся психоанализу, случается также, что временной разрыв создает расстройство шизофренического типа: у неумелых психоаналитиков такие результаты не столь уж редки. В своей психоаналитической практике я разработал необходимые превентивные меры и никогда не забывал им следовать. Здесь я несколько отвлекусь и поясню мой подход.

Нарциссизм следует лечить прежде всего, и пока его проявления превалируют, латентные гомосексуальные склонности, или эдиповы узы, не могут быть объектом психоа-

налитической практики. Именно путем постепенного продвижения к этим менее патологическим сферам души пациент психоаналитика получает возможность освободиться от аутического эротизма — стадии, при которой это ближе всего к шизофреническому расстройству. Если психоаналитик сначала затронет скрытую гомосексуальность, он, перенеся данный компонент невротической личности в сферу ее сознания, сделает уход от аутизма невозможным. Если Эдипов комплекс у пациентов с аутизмом или гомосексуальными склонностями станет первой мишенью психоаналитических действий, то и аутизм и гомосексуальные тенденции будут выключены из процесса лечения. Самый патологический компонент невроза — аутическое либидо — должен быть выявлен первым, чтобы стать объектом терапевтического воздействия. Затем происходит выявление гомосексуального компонента личности, чтобы эдипов комплекс не стал раньше времени мишенью психоаналитической деятельности. Проявления гомосексуального компонента в аутичном пациенте станут признаком успешного хода психоанализа. В завершение, объектом лечения становится эдипов комплекс, и перевод этой тенденции (общей почти для всех пациентов) в сферу сознания — это последняя стадия в нормализации состояния пациента. Я обнаружил, что при такой методике всегда удается — в течение месяцев, а не лет — достичь успешного завершения психоанализа. Слишком многие психоаналитики, не зная правильной методики, постоянно приводят своих пациентов к шизофрениии: продвижение в правильном направлении блокировано, и преждевременный выход на менее значительные отклонения ведет пациента к более серьезным расстройствам, закрывая двери, которые необходимо держать открытыми.

При правильной методике вход в своего рода палату пациентов, страдающих сильными расстройствами, открыт, и пациенту дается возможность перейти в палату для менее тяжелых больных, а затем, по той же схеме, в самую легкую палату, чтобы затем покинуть больницу. Если же сначала затронуть эдипов комплекс у больных с эмоциональными расстройствами в стадии аутической и гомосексуальной фиксации, то это равноценно закрытию двери, ведущей в палаты для легких больных, и открытию единственной двери в палаты для все более и более тяжелых пациентов.

Фрейд интуитивно следовал правильной методике, но она нигде не была обозначена в его сочинениях. Искусство психоанализа является и искусством и наукой, но не все — далеко не все — психоаналитики следуют этому правилу. Отсюда незавершенность или, что еще хуже, разрушительные результаты, не исключая и самоубийств.

Этим правилам постепенного продвижения я следовал, имея положительные результаты, в моей аналитической работе. Но, воплощая свое понимание прошлого человечества в ходе реконструкции исторического прошлого планет, я утратил контроль над воздействием, часто весьма травмирующим, на психику индивидуумов, которые воспринимают эту информацию.

Глубины бедлама

Я часто слышал и порой читал, что при галлюцинациях, вызванных алкалоидом кактуса и другими подобного рода наркотиками, новички или постоянные их потребители испытывают бурные ощущения надвигающейся катастрофы, космических катаклизмов, грядущего ада. Живость этих ощущений и ужас, который они вызывают, приводит к таким физиологическим явлениям, как бурное сердцебиение, дрожь и обильное потоотделение. Но такое состояние не обязательно возникает в результате потребления наркотиков. Те, кто изучал данное явление, заявляли, что только тогда, когда под влиянием наркотиков затронут самый глубокий пласт нашего подсознания, ужас, живущий в каждом из нас, вырывается наружу. От одного из таких наблюдателей, который экспериментировал на себе самом и на десятках людей в возрасте от четырнадцати до семидесяти четырех (он уехал в Мексику, чтобы не вступая в конфликт с законом), я получил следующее описание: «Из наиболее глубоко погребенных слоев человеческого опыта вдруг возникают живые и ужасающие воспоминания о том, что скорее всего является основными энграммами человеческого рода — о серии катастроф, пе-

режитых нашей планетой. Кусочки и части этих энграмм возникали в ходе многих сеансов у большинства субъектов, даже на первом сеансе, но очень долго мы не могли понять, что же на самом деле происходит. Со снятием, так сказать, определенного контроля воспоминания стали приобретать все большую ясность и связность. Воспоминания о катастрофах ясно выявились примерно через двенадцать или чуть больше сеансов, в которых участвовало много разных людей. То, что они ощущали и описывали, складывается в определенный сюжет, отличающийся от всего того, с чем мы сталкивались раньше.

Все подобные воспоминания насыщены ужасом. Обычно это бешеная дрожь и сотрясение всего тела, внезапные ощущения жара, за которыми следует резкий озноб, смутность сознания и ощущение полной дезориентации, внезапные, почти шоковые, реакции и конвульсивные спазмы, а также визуальные образы электрических разрядов, вихрей, проливных дождей, землетрясений и неопикуемых адских шумов.

Прочтя ответ об одном из таких сеансов, где было зафиксировано каждое слово, произнесенное человеком, иногда ответы на вопросы экспериментатора, а также детальное описание мучительных переживаний стонущего и насмерть перепуганного субъекта эксперимента, я задал вопрос: но с какой целью человек стремится к подобному опыту? И я не смог получить удовлетворительного ответа от своего собеседника. Значит, это просто потребность еще раз оказаться в том времени и в той обстановке, когда и человек и зверь пытались, напрягая последние силы и со все меньшим успехом, выбраться живыми из очага катастрофы, ареной которой была вся Земля и окружающее ее пространство?».

Один учитель общеобразовательной школы из города Нью-Йорка написал мне письмо, в котором рассказал о своих снах, о пережитых им галлюцинациях и выразил тревогу по поводу неспособности или нежелания человека видеть свое прошлое. Он выразил свои мысли почти поэтически — на бумаге это смотрелось так, будто они были написаны древними буквами библейского еврейского языка, хотя он писал на современном английском. Вот что он рассказал: «Вы начали раскапывать для человечества прошлое, заполненное картинами немислимого насилия. До этого

Армагеддон воплощался для нас в этом заменившем комету идоле — водородной бомбе. Хотя гонка вооружений прекращена, мы должны сделать все, что в нашей власти, чтобы вспомнить, кто мы и почему мы являемся носителями насилия. Для ваших теорий катастрофических столкновений вы собрали этнические, исторические, археологические, геологические данные, но вы не коснулись самого главного источника истины — памяти о самих этих катастрофах, пережитых нашими предками, которая сохраняется у их потомков через сны и галлюцинации. Я имел сотни снов: в некоторых отразился ужас перед приближением кометы, пламя, блистающая стрела с оперением поперек неба, жуткий страх, попытки устроить себе убежище, экономия воды и пищи, безнадежность, дождь из камней, горящие изуродованные тела, бесконечные черные воды, крыши и обломки, на которые взбирались уцелевшие, горящие города, падающие нефтяные капли, навязчивые картины обугленных тел, куски тел, взлетающие в воздух, подземные лабиринты, в которые бежали уцелевшие (элемент бессознательной пещерной фобии), фантастические леса, воздвигнутые над потопом, улетающие в воздух при изменении гравитационных сил, безумные мольбы, обращенные к разгневанным богам кометы, кучке головорезов, собирающих тела обреченных и уносящих эти ужасные жертвоприношения, уничтожение других народов во имя богов — жестокие муки, на которые обрекали заветы и табу религиозного культа кометы. Как могли вы пренебречь неоспоримыми фактами, свидетельствующими в пользу ваших открытий тем, что все мы являемся потомками уцелевших и все знаем истину (хотя мы это отрицаем перед лицом страха и боли, и порочих разгребающих пепел наших ночных кошмаров, который, как мы надеемся, будет «покоиться в мире»), несмотря на наше пребывание в состоянии шока и универсальной амнезии и не осмеливаемся вспоминать о том ужасе, на который человечество себя обрекло (как свидетельствует изгнание человека из райского сада). Вас поносят, потому что вред слишком велик, чтобы единичный разум мог с ним справиться. Галлюциногенные наркотики — это единственный способ пережить ужасное прошлое без угрозы полного самоуничтожения. Альтернатива нашей неспособности выбраться из заволашеванного ужасом прошлого и пересоздать себя весьма

мрачна: использование насилия, чтобы заставить нас вспомнить — насильственного расплавления или расщепления, или, возможно, сверхновой цепной реакции, вызывающей взрыв, которую ученым не терпится открыть и опробовать.

Должны ли мы повторить бедствия и уничтожение, планетарную катастрофу, или нам следует собраться с силами и решиться вспомнить о нашем общем происхождении, общих потерях через воссоздание исторической истины из материала снов, являющихся свидетельствами реальных событий, увиденных с определенной географической и эмоциональной дистанции? Возможно, мы вспомним человека таким, каков он был до познания греха и стыда, что заставило его покинуть земной рай, которым была когда-то земля (порой этот человек смутно видится визионерам, и его непосредственное ощущение возникает при приеме галлюциногенов)? Страхи человечества ныне погребены, но мы обнаружим их без всякого ущерба, ибо, если повернемся к ним лицом, они не только не покажутся нам страшными, но предстанут радостными — сознание, отступившее в глубины адского бедлама, будет вызволено зрелищем грандиозной встречи, когда наша планета соединилась с разъяренной сверкающей плазмой кометы, представшей во всей своей роскоши и ужасающей красоте».

Если в том, что написал мне этот школьный учитель, заключена истина, то вполне возможно, что широко распространившееся потребление галлюциногенных наркотиков имеет в качестве одной из целей потребность заново пережить травмирующий опыт, глубоко погребенный в человеческом разуме.

Планеты в снах и страхах

Рegimen — работа, авторство которой приписывается Гиппократу, врачу конца пятого века — начала четвертого века до н. э., содержит главу «О снах». В ней есть следующее наблюдение: «Всякий раз, когда небесные тела странствуют свободно, то одним путем, то

другим, это указывает на расстройство души, пробуждающей в беспокойстве».

Переводчик Regimen, У. Х. С. Джоунс, добавил вариант перевода этого предложения: вместо «то одним путём, то другим» — «то в одном направлении, то в другом».

Движение, и в особенности неправильное движение, планет в снах связано с бессознательным ужасом: наблюдение Гиппократом и его интерпретация основаны на глубоком прозрении. Но по какой же причине сильная тревога находит свое выражение в снах, продукте бессознательного разума, заставляя планеты свободно бродить по небу, если небесные тела всегда двигались по правильным орбитам, никогда не угрожая Земле и ее обитателям?

Чтобы иллюстрировать данное Гиппократом описание страшного сна, в котором планетарные тела покидают свои орбиты, я предлагаю здесь сон, рассказанный мне профессором истории университета Среднего Запада в связи с лекцией, прочитанной мною несколько лет назад группе сотрудников факультета.

«Недавно вы выразили интерес к моему сну, который я вам пересказал в ходе беседы за обеденным столом. Я видел этот сон, насколько я помню, когда мне было лет шесть-семь (т. е. в конце 1920 или в 1921 году). ...Во сне я находился во дворе нашего дома поздним вечером; с огромной тревогой и страхом я смотрел на небо, на котором не было луны, зато были какие-то небесные тела, больше обычных размеров, «сердито» роящиеся или спорящие друг с другом. Я очень тщательно взвешиваю слова, чтобы передать действительное впечатление.

Этот сон произвел на меня особое впечатление, потому что как раз в это время появились сообщения о пророчествах в отношении «конца света». Позже (примерно через год), когда я получил библиотечную карточку, я посвятил некоторое время чтению детских книг по астрономии. В конце моего школьного обучения в Гарварде я почти решил выбрать профессию астронома, когда один приятель предложил мне, ввиду моих исследований, работать там ассистентом в обсерватории. Я упоминаю обо всем этом, чтобы отчасти объяснить, почему этот сон так сохранился в моей памяти. В тридцатые годы он был забыт. Весной

1944 года я вспомнил о нем, когда наблюдал воздушные налеты на Лондон, а также в связи с чтением книги Дж. В. Данна «Эксперимент со временем», в которой высказывается предположение, что во сне разум высвобождается, чтобы странствовать в четвертом измерении (Данн, по профессии математик, был тогда в Англии в моде). Естественно, напрашивался вывод, что мой детский сон предвосхищал военное время в Лондоне. Однако, если быть более точным, тот сон отличался от ночного воздушного налета роящимися небесными телами, заполнявшими небо и не имевшими никакого отношения к событиям на поверхности Земли. Это было просто подобие прожекторов и ракет».

В случае, который здесь описан, сон и беспокойство, смешанное с любопытством, которое он вызвал, определили круг интересов человека в годы обучения в колледже и почти решили для него выбор будущей профессии.

В одном из предшествующих разделов мы видели, что Юнг развивал теорию коллективного бессознательного разума. Кроме собственного личного подсознания, в каждом из нас живет родовая память: мы носители некоторых черт — Юнг назвал их архетипами — общих для всего человечества. Как возникли эти схемы, Юнг не знал. Он только верил, что эти архетипы встречаются постоянно, как определенные модели мысли и воображения, и он связывал их с первоначальным возникновением человека как *homo sapiens*. Ему не приходило в голову, что пережитое всеми ужасное испытание, после которого уцелели немногие, запечатлелось в наследственной природе человека. После смерти Юнга совсем немногие из его учеников стали искать ответ в событиях, описанных в книге «Столкновения миров».

Незадолго до своей смерти Юнг описал сон, который ему рассказали: «...Когда эта сфера очень быстро приблизилась к земле, я сначала подумал, что это Юпитер, сошедший со своей орбиты, но когда она подошла еще ближе, я увидел, несмотря на ее огромные размеры, что она слишком мала для планеты, подобной Юпитеру... Когда мы поняли, что она должна самым страшным образом столкнуться с Землей, мы ощутили осознанный ужас. Но это был ужас, в котором преобладало благоговение. Это было космическое действие, внушавшее благоговение и изумле-

ние. ...Вторая сфера, и третья, и еще одна приближались на огромной скорости. И каждая из них врезалась в Землю...»¹.

В этом сне открывается нечто из родовой памяти. Даже первое впечатление, что приближающееся небесное тело — это Юпитер, позже измененное, воплощает ту иллюзию, которую пережили наши предки при приближении Венеры, ошибочно принятой за Юпитер, как это описано в «Столкновениях миров» («Зевс и Афина»). Раздавшийся треск воспроизводит впечатление той самой эпохи, когда «мощные раскаты грома» (Исход 9:28) сопровождали падение метеоритов; этот грохот был не менее ужасающим, чем сами разрушения, причиненные метеоритами.

Частичное высвобождение глубинных и пугающих родовых воспоминаний, естественно, вызывало ожидание судного дня. В вышеупомянутой книге, своей последней книге, Юнг предварил дискуссию о летающих тарелках следующими необычными словами: «Меня побуждает не самонадеянность, но моя врачебная совесть, которая советует мне исполнить долг и приготовить тех немногих, к кому я могу обратиться, к факту, что для человеческого рода все наготове, и это означает конец еще одной Эры.

В этих прощальных словах, сказанных после полувека, посвященного изучению человеческого разума, Юнг раскрыл свое видение будущего.

Торнадо

В 1966 году бешеный торнадо пронесся через Топеку в штате Канзас и его окрестности и произвел полное опустошение. Один из жителей города с населением около 100 000 в 1973 году прислал мне письмо в связи с психологическими реакциями на бедствие, которые испытали жители города и он сам. Торнадо часто

¹ С. С. Jung, *Ein moderner Mythos* (Zurich: 1958).

угрожали этому городу, в связи с чем были даны необходимые предупреждения и, хотя сам он отсутствовал, когда обрушился ураган, реакции жителей на предупреждение, свидетелем которых он был, привели автора в недоумение. Через год после первого письма он написал мне вновь по поводу иррациональных психологических реакций, как ему показалось, сравнивая их со своей собственной сильной, но абсолютно противоположной по существу, реакцией на эти предупреждения. Поскольку корреспондент, как он сам написал, подвергался психоаналитическому лечению, было поучительно увидеть даже в его первом письме, что не детские впечатления и страхи, не социальная среда и контакты, но некий родовой опыт является целостностью, непроницаемой для анализа опыта конкретной личности — та самая истина, к которой Фрейд пришел после многих лет раздумий. Человек из Топеки не был, однако, знаком с фрейдовской концепцией подавленных родовых воспоминаний. Эта концепция постоянно, даже упорно, не обсуждалась и не применялась психоаналитиками в их работе, следовательно, они не только пренебрегали тем, что сам Фрейд оценивал как вершину своих достижений, но и проникали сами только на определенную глубину. Вина в этом самого Фрейда, так как он понял «демоническую силу», заключенную в подавленных родовых воспоминаниях о травмирующем опыте прошлого, но ему не удалось постичь природу этого опыта.

Мой корреспондент уяснил, что в людях науки есть определенное нежелание стать лицом к лицу с реальностью, и не обошелся без колкостей. Не зная о постижении Фрейдом родовой памяти, он заметил, что Фрейду удалось всего лишь обмакнуть кончики пальцев в бездонно глубокие воды, а потом отдернуть их, так как воды оказались слишком горячими. Более глубокое знакомство с произведениями Фрейда, которых он не воспринял, располагаясь на кушетке психоаналитика, возможно, удержало бы его от легкомысленной реплики. Он имел преимущество над Фрейдом в том смысле, что уже прочел новаторскую работу отступника, которому направил свое письмо и, таким образом, знал, что травматический опыт человеческого рода состоял не в постоянных отцеубийствах, происходивших в доисто-

рических пещерах, а в ужасе беспомощного человека перед враждебными стихиями — стихиями, от которых он за-капывался в землю, как крот, или карабкался под какой-нибудь, иногда роковой, навес во вздрагивающих от толчков горных пещерах.

Поскольку этот человек из Топеки отсутствовал в городе во время торнадо 1966 года, я поинтересовался, насколько непосредственно он столкнулся с таким опытом, поскольку он вел себя, как если бы слышал сигнал тревоги. В своем ответе он описывал панику, охватившую его по дороге в Миннеаполис, даже до того, как полицейские сирены оповестили о торнадо. Миннеаполис — это город, который довольно редко становится жертвой вихревых штормов, и остальные пассажиры реагировали совсем по-другому, чем жители Топеки, пережившие событие 1966 года. Перед угрозой торнадо, о которой было сообщено всего через несколько лет после бедствия 1966 года, в Топеке словно стремились отбросить эту угрозу. Приходит на память сравнение с жителями Хиросимы, всегда имеющими перед глазами гораздо больший масштаб события и гораздо большие потери. Но событие в Хиросиме в свою очередь тоже не располагалось на шкале всемирных катастроф далекого человеческого прошлого.

Из писем я смог выяснить, что этот человек изучал юриспруденцию и занимается какой-то прозаической профессией. Ни его занятия, ни его квалификация не могли позволить ему со знанием дела рассуждать о вещах, о которых он писал. Однако психоаналитики из клиники Меннинджер близ Топеки и с ними вместе целая толпа тех, кто спустя одно поколение после Фрейда сидит у изголовья кушетки и слушает «третьим ухом», будут судить, можно ли извлечь какой-нибудь урок из этих посланий, цитируемых ниже.

«Дорогой доктор Великовский!

Если я правильно понял вашу теорию, суть ее в том, что люди подавляют сознание всего того, что их больше пугает и против чего они чувствуют себя беспомощными. Для меня и для любого, кому помог психоанализ, через который я проходил, это горькая истина. Но мой собственный опыт совпадает с тем, что вы предлагаете, в одном

отношении: когда я прорабатывал «забытые» эпизоды раннего детства, там всегда еще что-то оставалось. Что-то гораздо более страшное, чем все остальное. Оно было настолько отталкивающим, что ассоциации вели в никуда. Но постепенно натура этого зверя раскрывалась...

Я живу в Топеке, штат Канзас, в месте, известным своей непредсказуемой неровной погодой. Еще до начала моего психоаналитического лечения погода на меня действовала угнетающе, когда она бывала плохая, но это меня не особенно беспокоило, когда наступали более благоприятные периоды. Однако и тогда бывало ощущение предчувствия, непостижимого зла, когда темнело небо. При психоанализе я столкнулся с этим безымянным подсознательным страхом. У меня развился сильнейший страх темноты, словно это одна из величайших катастроф. Когда я бывал вне дома, инстинкты повелевали мне закрыть голову и бежать в поисках какого-нибудь убежища. Небо стало моим врагом. Если укрыться под крышей, это обеспечит определенную защиту от штормовой погоды, но не для меня. Все это было так, словно все эти враждебные силы были слишком могущественными, чтобы от них можно было защититься. Я испытывал чувство полной беспомощности, и именно это являлось самым невыносимым. Единственным возможным средством облегчения была ярость, направленная против всех и всего, ни в чем неповинных и никак не связанных с источником угрозы...

Я внимательно наблюдал за реакциями, состояниями других людей, живущих в этом климате, при приближении плохой погоды. Семь лет назад торнадо опустошил этот город, и с тех пор неоднократно поступали сигналы тревоги. В общем люди прекрасно знают, как проходят такие бури и какие имеют последствия. Они, как и я, знают, что с помощью радаров и сирен, даже если вы одинокий калека, безопасность вам гарантирована. Однако, когда такие минуты наступают, почти никто не действует в соответствии с приобретенным опытом или известными возможностями!

Начинается или паника (как в моем случае) или, что более распространено, нежелание принять предупреждение всерьез. Эта вторая реакция у людей, переживших торна-

до, просто поразительна. Я должен задать вопрос, почему люди, которые это пережили и точно знают, что нужно делать, чтобы еще раз уцелеть, этого не делают.

Я отвечаю на это, судя по самому себе: это ужасное внешнее событие создает связь с каким-то еще более ужасным, которое своей неотвратимостью делает людей беззащитными...».

Пятнадцать месяцев спустя, как явствует из второго письма, мысли, выраженные в первом, не отступили на задний план и не только продолжали занимать автора, но привели его еще к некоторым новым наблюдениям:

«Дорогой доктор Великовский!

Уже в течение нескольких лет я размышляю о том, что мне представляется наиболее могущественным природным врагом человека. Нет, это не смерть — хуже. Я говорю о склонности человека видеть мир и себя самого только так, чтобы доставить себе наибольшее удовольствие...

Доктор Великовский, Вас ненавидят, боятся, потому что Вы вынесли на поверхность нечто совершенно непереносимое. Вы пошатнули основу веры. Вы представили в качестве причины некоторых человеческих поступков и чувств то, что по происхождению является *нечеловеческим*, равнодушным и, что хуже всего, ни в чем не контролируемым. Нечеловеческие силы, возможно, слепые, возможно, наделенные злой волей, окружают нас. И именно такое положение, в большей степени, чем всякое другое, неприемлемо для человеческого разума...

Я писал вам год назад о некоторых своих наблюдениях, сделанных мною в связи с торнадо. С моей точки зрения, такие природные явления связаны с вытесненными воспоминаниями о природных катастрофах.

Я живу в Топеке, в Канзасе, в районе, где весной и осенью почти всегда существует угроза торнадо. В 1966 году торнадо обрушился на город. Он был шириной в полмили, и хотя я не находился в это время на месте, фильмы, снятые о нем, показались мне самым ужасным из того, что я когда-либо видел...

Мой интерес к этой проблеме подтолкнуло наблюдение: буквально через несколько лет после бедствия люди

вели себя так, как будто ничего не произошло. Даже теперь, когда воеет сирена, предупреждая о тревоге, большинство людей ничего не предпринимает. Они полностью отказываются менять свое привычное поведение. Такое состояние вовсе не означает безнадежности перед лицом какого-то внушающего благоговейный трепет врага. Ведь существует масса способов себя защитить. Слушать радио, голос разума, обратить хоть какое-то внимание. Однако многие не делают даже таких простых вещей. Они ведут себя так, словно ничего не происходит — как будто ничего никогда и не происходило.

И что совершенно невероятно — эта странная реакция типична именно для людей, выживших во время мощного торнадо 1966 года, людей, которые видели и слышали его буйство.

Я должен сказать, что есть очень немногие, кто испытывает страх, кто дрожит и может осознать опасность. Они, однако, порой ведут себя так, будто бежать некуда, даже если безопасность находится на расстоянии нескольких секунд.

В любом случае все это кажется мне в высшей степени странным, особенно с тех пор, как я познакомился с людьми, побывавшими в серьезных автокатастрофах. Реакция этих людей решающим образом отличается от поведения тех, кто пережил торнадо. Жертвы аварии не рассматривают вождение машины как безнадежно опасное и не отказываются от него. Они вовсе не забывают об этом эпизоде и не сидят за рулем, как будто ничего не случилось. Они продолжают водить машину, но более осторожно, действуют рационально.

Почему же тогда наблюдается такое странное поведение при угрозе торнадо? Люди в окрестностях предпочитают не произносить слово «торнадо», предпочитая слово «шторм». В эмоциональном звучании этих слов колоссальное различие. Еще более странным является тот факт, что животные, похоже, знают, когда наступит торнадо. Насекомые исчезают, птицы прекращают петь, собаки вздрагивают и ищут укрытия. Этого не происходит при обычной грозе, не сопровождающейся торнадо. Даже я могу это ощущать: сам воздух напоен его дыханием, ожиданием, надеждой, желанием.

Каждый это чувствует, но при этом большинство не придает никакого значения информации. Дело в том, что они просто не контролируют ситуацию, потому что *могут* выбраться, *могут* уйти в укрытие. Люди этого не делают. На мой взгляд, это все равно, что идти по железнодорожным шпалам, видеть приближающийся поезд, и не отступить в сторону.

Но поезд, видимо, отличается от природной опасности. Ведь люди отступают с железнодорожной колеи. Это явление слишком грандиозно, когда возникает на юго-западе. Черно-серое, оно надвигается, простираясь от горизонта до горизонта, двигаясь подобно гигантской волне. День становится ночью, и вы ощущаете, что это похоже на конец света.

Это яркое переживание Апокалипсиса.

И по этой причине любая поступающая информация об этих бурях, любой пережитый опыт не могут ослабить ужаса, связанного с ними. И единственной защитой кажется их отрицание. Это своего рода анестезия, которая служит людям эмоциональной защитой от ужаса».

Меньше, чем через две недели после этого письма, в ответ на мои вопросы, мой корреспондент из Топеки описал мне свой более ранний опыт, пережитый в Миннеаполисе: у тамошних жителей нет особых воспоминаний о природных бедствиях, однако сигнал сирены взволновал всех пассажиров. Добравшись до дома, он взглянул вверх: «Очень высоко, на значительном расстоянии, я увидел то, что показалось тонким серовато-белым жгутом, свисавшим из облаков. Его нижняя часть, все еще находившая довольно высоко над землей, двигалась, словно медленно подергивающийся кошачий хвост. Хотя он удалялся от того места, где я находился, я в глубине души ощутил, что выхода нет. Моя реакция была настолько сильной, что я испугался за сердце. До нас ничего не дошло, но когда все удалилось, оказалось, что где-то в городе была потеряна дюжина жизней. Интересно было то, что, еще не видев этого, я переживал какие-то бессознательные ощущения. Мое тело знало, даже когда еще не прозвучали сирены, что агония приближается. Это было чувство, которое я никогда не испытывал при прежних бурях. Это было ощущение смерти —

не только моей, но общей. И вновь повторялось навязчивое сознание конца света.

Я вспоминаю еще кое-что. Когда я был маленьким мальчиком, меня особенно поражало и ставило в тупик то, как вел себя отец во время бурь. По натуре он был очень рациональным, осторожным человеком, который никогда не забывал напоминать мне, чтобы я был осторожен с машинами, падениями, ножами, электричеством. Но когда приближался шторм, он бросал все, чем занимался, и выходил на улицу. Даже при самых сильных грозах с молниями он прогуливался за пределами дома. Он не проявлял никакого страха и не замечал ничего вокруг. Но в его глазах было что-то странное. Какой-то свет, блеск, совершенно не характерный для очень сосредоточенного, осторожного и сдержанного человека, каким он всегда был. Это пугало меня. Казалось, будто его бессознательно влекло к единению со стихией.

Я часто наблюдал то же самое здесь, в Топеке. Люди, которые прошли через торнадо 1966 года, вдруг вспоминали, что им что-то нужно сделать на улице, несмотря на предупреждение. Подстричь лужайки, сходить в магазин — все, что угодно. Они не торопились, а двигались медленно, задумчиво, отстраненно.

Таков итог изучения переживших это бедствие. Впоследствии ни один из них не упоминал о случившемся, ничего не говорилось о разрушениях, даже если их вытащили из-под обломков. Не слишком много говорили жертвы и о своих переживаниях, скорее описывали совершившееся вокруг них в тот момент, когда ударил торнадо. Никаких субъективных отчетов, никаких рассказов о том, как это реально для них происходило, не появилось. У вас создавалось такое впечатление, что никаких чувств не было — по крайней мере, сознательных. Сразу после события некоторые признаки всякого рода эмоций сохранялись. Говорили только о состоянии изумления.

Одна знакомая пара, которая жила всего за один дом от полностью уничтоженного участка, объявилась, как только буря прогрохотала, села в машину и поехала через весь город, чтобы не пропустить назначенной партии в бридж. И это несмотря на то, что им понадобилось два часа, чтобы

преодолеть расстояние в милю через завалы обломков, которые разделяли их и участников партии. Обычное дело, как будто ничего не случилось.

В прошлую весну, когда небо затаило злобу, завывали сирены и радио объявило торнадо над городом, мой сосед сидел у себя на лужайке, держа на коленях своего двухлетнего сына. Он тоже находился в Топеке в 1966 году. В этот момент ударила мощная молния и расколола напополам дерево на другой стороне улицы. Но он продолжал сидеть.

Я не знаю, помогут ли вам эти виньетки. Полные безнадежности, они передают пугающую непостижимость, которая царствует в такие моменты. Возможно, мое подсознание ближе к поверхности, чем у большинства людей. Они действуют в соответствии с несуществующей реальностью».

ГЛАВА VII

Хроника нашето време

Вся последующая глава должна быть прочитана как текущий комментарий к некоторым событиям последних двух десятилетий. Каждый раздел этой главы был написан в момент события, которое описывается, или непосредственно вслед за ним. По этой причине о некоторых личностях ныне покойных, например о Мао, или уже ушедших в отставку, например об Амине, здесь иногда говорится в настоящем времени.

Пробужденные воспоминания

Что скрывается за этим мощным рывком, подхватившим молодое поколение, который до такой степени меняет общество, что зоолог заподозрил бы действие мощных мутантов, и если бы подобный рывок произошел среди приматов или млекопитающих, то во всеуслышание объявили бы о появлении новых вариаций, даже новых видов? Девятнадцатилетний хиппи и его среднего возраста родитель внешне не напоминают представителей одного и того же вида, а по своему мышлению и поведению скорее всего не принадлежат даже к одному роду. Ухоженный и прилично одетый родитель, во всем является продолжением того, чем был его родитель: продвижение в учебе и по службе, зачатие и воспроизведение в супружеских и внебрачных связях, комфорт и удовольствия, гольф, моторная лодка и летний домик, возможно, и воскресное посещение церкви; ежедневное изучение новостей с Уолл-стрита, ночные думы и время от времени бегство от них в какой-нибудь шикарный ресторанчик или бар — и выше всего надежность и статус, статус и надежность.

С другой стороны разделяющей поколения бреша — расставание со всем вышеперечисленным, от цели жизни

до ее внешнего оформления: босые ноги, рваные джинсы, длинные и нечесанные волосы на голове и на лице — все внешние проявления отрицания всего общепринятого, почитаемого, желаемого или принадлежащего тем, кто находится на противоположной стороне этой пропасти.

Что скрывается за этим кардинальным изменением внутренних и внешних ценностей? Что ведет молодых мужчин и женщин к такому полному отделению от стиля жизни и амбиций их отцов и матерей? Что заставляет их предпочитать спальный мешок хорошему постельному белью? Бесприютную жизнь жизни под родительской опекой, в пригородной вилле, защищенной акциями и бонами?

Что же заставляет значительную часть молодого поколения двигаться в противоположном направлении? Что заставляет их внешне воспроизводить пещерного человека, хотя даже пещерный человек умел брить лицо кремнем? Пещерного человека без дубинки, но зато с цветком.

Может быть, это возрождение движения ессеев, о котором мы узнали из свитков Мертвого моря? Может быть, эти хиппи являются религиозной сектой, напуганной ожиданием судного дня? Не соперничают ли они с ранними христианскими сектами, выступая против насилия?

Они действительно напуганы. Они убежали в «безопасные» места при приближении астероида Икаруса, который со своей массой в миллион тонн, как ожидалось, должен был почти пересечь орбиту Земли в 1968 году. Они больше всех волновались — буквально до дрожи — по поводу предсказанной возможности (которая для многих из них превратилась в гарантию) сползания Калифорнии в океан из-за трещины вдоль разлома Сан Андреас: должно было произойти внезапное расширение этого разлома и провал земной коры. Они не живут ради презрения к земным богам, они равнодушны к жизни вообще. Они угнетены жизнью, даже больше своих стабильных здоровых родителей. Они отравлены чем-то, чего сами не знают и что заставляет их стремиться к аскетическому существованию. Они боятся, и сами не знают чего, твердая почва, на которой стоят их отцы, для них в высшей степени ненадежна: это место, откуда надо бежать.

Создается впечатление, что, рожденное от родителей, которые жили, а порой и воевали, в период второй мировой войны, и от дедушек и бабушек, которые жили, а порой и воевали, в период первой мировой войны, новое поколение, глядя в прошлое, испытывает ужасные ощущения приближающегося рокового конца.

Человек, который пожелал привести общество к миру, вывел первоначальную формулу, лежащую в основе атомного оружия — и, соответственно, уничтожения; до него человек, который изобрел динамит, установил ежегодную премию мира: какое из двух взаимоисключающих начал преобладало в каждом из этих людей?

Следовательно, пессимизм охватывает тех, кто готовится войти во взрослую жизнь. Но осознание возможности катастрофы, основанное на опыте истории двадцатого века, это еще не все: начинает ощущаться нечто таящееся в подсознании человеческого общества. Что-то провоцирует его пробуждение: пульсация артерий, скрытый импульс эндокринной системы, солнечное сплетение, спинной мозг, серое вещество — везде, где притаился древний страх, что-то начинает неясно вибрировать, ключ слегка поворачивается, поднимаются какие-то воспоминания, искоркой пролетая над миллионами клеток, удерживающих энграммы родового происхождения — электрическая цепь, прерываемая вспышками.

На потолке Сикстинской капеллы, расписанной Микельанджело, Адам просыпается, когда протянутая рука с торчащим пальцем дотягивается до его руки. Но не летящий бородатый человек, облаченный в одежды, Бог-отец, будит Адама. Зов идет изнутри, из подсознания, из потаенной родовой памяти — глубокой, непостижимой, однако всегда присутствующей, никогда не исчезающей ни в одном человеческом существе и ни в одном животном виде. Древняя энграмма требует аккорда, звучащего в унисон с ней. Две мировые войны, пепел Хиросимы и Нагасаки коснулись такой струны. И тогда возникла необходимость донести историю древних космических катастроф, чтобы утраченные филогенетические воспоминания на всех парусах могли прорваться из наглухо опечатанных небес, куда они вошли тысячи лет назад.

Конец 1960-х годов: студенческие волнения

Университетские кампусы проявляли все большее недовольство и вскоре стали ареной насилия. Президенты и другие представители администрации были заперты в своих кабинетах, мебель и лабораторное оборудование были разбиты, архивы разбросаны, выброшены в окна или сожжены; входы в общественные помещения блокированы, полиции оказывалось сопротивление, возводились баррикады.

Власти сочли, что причины студенческих волнений неясны и спонтанны. Некоторые говорили, что они вызваны политическими причинами, принадлежностью к левому или правому крылу, пацифизмом, проблемами интеграции, сексуальными запретами; другие утверждали, что это демонстрация нигилизма, отвращения хиппи к порядку и регламентации, пьянства среди молодежи до 20 лет, массового употребления наркотиков или подъема религиозных настроений. Какая же сила в действительности направляла эти волнения?

Они были мотивированы всем вышеупомянутым, но более всего — осознанием студентами того, что в новую эпоху, настолько же отличную от устоявшегося викторианского века, как от неолита, их все еще обучают несоответствующими методами, по устаревшим учебникам, и с помощью преподавателей, которые часто осознают новую эпоху в развитии естествознания и гуманитарных наук только как время бешеной погони за грантами.

Где бы я ни оказывался по приглашению колледжей и университетов, я обнаруживал, что студенты и наиболее думающие преподаватели факультетов удручены несоответствием предлагаемого обучения эпохе, когда человек уже вырвался за границы своего маленького мирка с его мелкими дрызгами и сделал первые шаги в более обширный космос, высвободив всего двадцать лет назад энергию микрокосмоса.

Научное знание прежних десятилетий, увековеченное в вузовских учебниках, заполнено устаревшими теориями, заимствованными из девятнадцатого века. Преподаватели колледжей, за немногим исключением, авторитарны из-за своей внутренней неуверенности и фрустрации. Окаменевшие теории подносятся как окончательные истины, не требующие никакой дальнейшей проверки и осмысления.

Геология преподается согласно униформистским принципам, сложившимся задолго до того, как океанографы и исследователи палеомагнетизма обнаружили свидетельства глобальных катастроф в недавние времена. В астрономии из большинства вузовских учебников исключены новые открытия межпланетных магнитных полей, электрических разрядов на Солнце и планетах и космической плазмы — о них порой упоминается только в предисловиях. Высокая температура и ретроградное вращение Венеры, газы, поднимающиеся с Луны, которая долго считалась планетой холодной, — все эти аномалии не получают никакого объяснения в ходе преподавания астрономии в колледжах.

Тревожная новая информация бесконечным потоком поступает из арктических регионов, со дна океанов и из археологических районов мира, появляются неожиданные данные лабораторий радиоуглеродной датировки, палеомагнитных исследований и палеонтологических находок.

Уже было предчувствие, что теория эволюции, построенная на мальтузианском принципе борьбы за средства выживания, определяющей новые особенности видов — единственном механизме, предложенном для эволюционного процесса, далека от истины. Появление совершенно новых условий жизни всего несколько десятилетий назад, практически вчера, со всеми ее факторами — радиоактивным, химическим и термическим — требует изменения животного и растительного мира, уже подготовленного к такой задаче (мы надеемся, что это произойдет в лабораториях, а не в результате ядерной катастрофы с неизбежно последующим вырождением).

Научное здание, всего двадцать лет назад прочное и вечное, теперь все покрылось трещинами: стены деформировались или обвалились, фундамент покосился, крыша

падает. Древняя история, антропология, социальные науки, философия, психология — все они переживают потрясения и коллапсы, хотя хранители этих областей знания слишком часто заявляют о том, что их основы нерушимы. Перед фасадом этих зданий стражи заявляют, что внутри все в полном порядке; где возникают разногласия, там происходит относительный мирный передел территории между конкурирующими защитниками. Например, в психологии приверженцы «школ» клянутся своими избранными мэтрами, не совершая и шага вперед, не сознавая (или не желая осознать) неизбежной необходимости стать наконец лицом к лицу с феноменом родовой памяти.

Оценка новых научных теорий ставит проблемы перед властными структурами внутри научных сообществ, с их немногими иерархами, которые держат плотно закрытыми крышки кувшинов во избежание брожения. Научная пресса ведет свою политику: она держит публику и даже научную общественность в неведении междисциплинарного значения вновь открытых фактов. Этот хор добровольных дистрибьютеров и добровольных реципиентов, увековечивающий сам себя, верхний слой живет за счет науки и почитает своих великих, только если к их фамилиям присоединяется название колледжей и институтов. Студенты чувствуют, что они отвлекают своих профессоров от «проектов», от выпрашивания денег и от писания отчетов о потраченных деньгах с просьбой о новых поступлениях. Преподаватели гуманитарных дисциплин — «вторая культура», согласно Ч. П. Сноу — завидуют естествоиспытателям и напрягают мозги, чтобы сочинить солидный проект на основе весьма тощей идеи. «Мыслители» снуют от побережья к побережью, из одного здания в другое. Происходит отток мозгов из сферы образования в промышленность. Каждый год публикуется примерно полмиллиона «научных» работ, большинство из которых имеют целью отчитаться за гранты и стимулировать дальнейшее стимулирование. Гвардия попечителей, которые сами являются питомцами этих школ, в воскресные дни заседающая на церковных скамьях, а с понедельника по пятницу состоящая на прямой связи с Уолл-стритом, назначает ректоров и деканов и смещает всех прочих.

Среди всего этого ада только в Соединенных Штатах два или три миллиона студентов, многие из которых взвалили груз на семейный бюджет, чтобы обрести преимущества высшего образования: им велят еженедельно писать доклады, механически проходить через письменные экзамены и придерживаться отведенных им границ. Беспомощные в захватившем их потоке, утрачивая свою индивидуальность, они превращаются в творцов письменных отчетов и зарабатывают очки, имея конечной целью академические береты, плащ и диплом и все прочее и пропуск в клан, где они лишь на шаг отстают от своих учителей, которые сами шагают за теми, кто впереди них в этой процессии.

Как тут не взбунтоваться?

Напуганные и растерянные

Бунт молодых был исполнен надежды — тысячелетнее царство должно было вот-вот наступить. Отращивались длинные волосы, в подражание Иоанну Крестителю, но этот бунт был направлен не только против материализма, но и против аскетизма. Все правила должны были быть нарушены, молодые и не очень молодые люди объединялись вокруг «психологии согласия», которая ниспровергла Фрейда и другие «школы»; в классных комнатах некоторых кампусов устраивались оргии в ответ на призыв отказаться от всех сдерживающих барьеров.

Наркотики, нечесанные волосы, разноцветные латки на рваных брюках, ругательства, вторгающиеся в литературу, — и облик Иоанна Крестителя оборачивается маской Хэллоуина. С помощью ножей и пистолетов юные девушки убивали неизвестных им собутыльников, на ночных оргиях Христос чествовался как суперзвезда. Но тысячелетнее царство маячило все дальше, чем когда-либо. Движение шло по инерции; круг замыкался вновь и вновь, и не было выхода из этого чистилища. Аура предшествующего десятилетия уже не казалась признаком наступающего ты-

сячетелного царства, а стала приметой декаданса, сигналом для расставания со всеми ценностями. Самоуверенные наркоманы объявляли себя современными пророками; наивные и невинные, подхваченные этим водоворотом, тщетно искали истинного пророка, но его не было ни за университетскими и церковными кафедрами, ни в лесах. Искалеченные во Вьетнаме были отброшены обществом, как прокляженные, перед ними закрылись все двери, и многие из них пристрастились к наркотикам еще в палатах госпиталей для ветеранов. Огни на «национальных автострадах» высвечивали ужасные картины, и гомосексуалы тут же продавали свои услуги.

«Новые левые», в рядах которых антисемиты и многие евреи, сохраняют ориентацию еще на одну супердержаву — Советский Союз. Но эта супердержава — место заключения. Все новости здесь подвергаются цензуре, и в течение десятилетий печатались только скучнейшие производственные отчеты, а писателям указывалось, что надо писать. Те из писателей, которые отказывались, попадали в тюрьму. Дважды нобелевские лауреаты исключались из литературных организаций и объявлялись отбросами общества. В фильме «Неизвестная величина», посвященном событиям в Греции, который был показан бесчисленным миллионам человек, русские ввозили в Грецию свое искусство — балет Большого театра — а американцы ввозили атомное оружие; греческие организаторы демонстрации протеста против атомного вооружения были избиты, а разрешение на проведение публичного митинга отменено. Однако в Советской России о таком разрешении никто не стал бы и просить, и оно никогда не было бы дано. Семеро смельчаков, которые однажды собрались на огромной Красной площади, чтобы вступить в защиту свобод, были отправлены в психиатрические палаты, которые стали новой формой наказания для диссидентов, поскольку правительство избегало щекотливых ситуаций суда над людьми, все преступление которых состояло лишь в инакомыслии.

Где же тогда находится земля обетованная? Являются ли восемьсот миллионов перепуганных ослов, поднимающих вверх маленькую красную книжечку с цитатами пред-

седателя Мао, свободными людьми? Они могут думать, что они свободны, но они несвободны — у них один мозг на всех.

В своей агонии, в стране, где конституция позволяет отрицать, юноша стремится все попробовать, но в конце концов оказывается дезориентированным и беспомощным, растерянным и испуганным.

Человек, высадившийся на Луну

Вечной мечтой человека была мечта при жизни оказаться в небе; потребность разорвать путы, привязывающие его к твердыне его рождения, и взмыть вверх, чтобы коснуться своим смертным телом одного из планетарных богов или богинь; томление по раю, ради посещения которого не придется сначала отправиться в могилу, а вслед за ней в чистилище; вознесение при жизни, подобно Или, который поднялся в огненной колеснице (или сгорел в каком-то огненном шаре), но при условии возвращения на Землю; участие в пиршестве богов...

Это был долгий путь. Какой рывок по сравнению с временами варварства от зависти, заложенной в генах двуногих животных, к воздушному семейству — орлам и коршунам, даже пошлым воробьям. Венец творения, рожденный без крыльев, с тоской смотрел на караваны мигрирующих птиц: они могли парить в воздухе, а он был рожден, чтобы ползать. Он привязал к своей спине паруса и планировал на них, падая и разбиваясь. И тогда он разрушил этот барьер и превзошел птиц. Это было еще не в 1903 году, когда планер, снабженный мотором, поднял и удерживал его в течение девятнадцати секунд, но несколько десятилетий спустя, когда летящие огромные металлические птицы стали постоянно переносить миллионы пассажиров через континенты и океаны, Конечная цель, однако, всегда оставалась одной и той же — небо.

Вскоре после запуска первого спутника Земли, пассажиры-собаки, Лайка и Белка (пассажир и голубь Ноева ковчега), раньше человека отправились в девяностоминутный полет вокруг земли (опередив Жюль Верна с его путешествием вокруг земного шара за восемьдесят дней). Вскоре на земную орбиту был послан первый человек, и первое сообщение советского астронавта заключало в себе следующее: «Я не увидел там Бога». Сделали ли его полет возможным законы природы, действующие по приказу технологических магов, пославших его с Земли?

Когда в декабре 1968 года команда «Аполлона 8» совершила облет Луны, один из ее представителей прочел для всех землян, с благоговением следивших за полетом: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...».

Семь месяцев спустя еще одна команда отправилась на корабле, чтобы коснуться Луны, ступить на нее человеческой ногой, принести частицу ее божественного тела — тела богини всех древних религий. Все население земли, имеющее доступ к телевизорам, следило за Нейлом Армстронгом, ступавшим по Луне, и человек — весь человеческий род — переживал ощущение высшей победы: больше не были истиной слова «земля дана человеку, а небо — Богу».

Но Армстронг и Олдрин, ступая по Луне, знали, что они не попали на пиршество богов: банкетный зал представлял собой самую унылую картину впадин и нагроможденных камней, с черным небом над ними, и абсолютно беззвучную — даже если бы кто-то закричал, даже если бы рухнули горы и обрушилась лунная почва. Астронавты исполнили ритуальный танец и покинули станцию Покоя вместе со всем оставленным — прилунившимся модулем, кое-какими приборами и пластиковым флагом — как одну из фантазмагорий Сальвадора Дали.

Все древние понятия перевернуты: ад теперь наверху, а рай внизу! Добрая Земля покрыта белыми облаками, сквозь которые видны голубые моря и зеленая суша, кое-где перемежающаяся желтыми пустынями, блестящими ледяными шапками — истинный перл творения, с которого человек поднялся в другой мир, мир, бесконечно унылый, напоми-

находящий о том, что могло произойти с Землей. Это было эхом подавленной расовой памяти, которая должна была пронести через поколения образ тех дней, когда Луна была «растеряна», а предок человека охвачен ужасом.

Человек украл с Луны камни, поднялся с нее и нашел в бесконечном пространстве родной корабль, чтобы вернуться на Землю. Толпы людей окружили астронавтов: они избегли участи Прометея, который принес с неба огонь и был прикован к скале на Кавказе, где орел клевал его печень.

Человек хотел забыть о видении древнего ужаса: на второй день после возвращения из полета один из астронавтов спросил — и это услышал весь мир — «Как держатся в Нью-Йорке акции? Акции и бонусы?». Когда ему сказали, что акции и бонусы понизились, он успокоил себя, заметив, что нельзя отправиться на Луну совершенно безнаказанно.

Президент Соединенных Штатов пообещал по куску лунной породы всем главам дружественных правительств на Земле. Ученые, которые пришли взглянуть на находящиеся в карантине камни, с готовностью убедили себя, что катастрофа, постигшая Луну, произошла раньше, чем она стала спутником Земли — колыбельная песня, которой земная наука еще со времен Аристотеля усыпляла осознание человеком грандиозных событий, свидетелями которых были его предки.

Но незнание, санкционированное неоаристотелевской точкой зрения, также является причиной человеческих несчастий. В то время, когда «Аполлон 8» с тремя астронавтами на борту, предшественник «Аполлона 11», совершал оборот вокруг Луны в декабре 1968 года, делегаты конференции по миру во Вьетнаме, проходившей в Париже, проводили дни, а затем недели, обсуждая форму столов на конференции — необходимая прелюдия к любым переговорам. Во время полета «Аполлона 11» люди, принадлежащие к одному виду, роду и разновидностям, увязали в болотах, продолжая бессмысленную войну. Если бы эти три человека погибли во время своего путешествия на Луну, какую глубокую потерю ощутило бы человеческое сообщество; но не меньше ста американцев погибли за одну

неделю во Вьетнаме — не считая искалеченных — и в этом было что-то почти радостное, так как впервые за многие недели такое незначительное количество человек встретило свою смерть.

В Биафре сотни тысяч людей голодают. На Среднем Востоке сотни тысяч арабов от Марокко до Ирака и Судана осаждают остатки избранного народа, который — включая мертвых и живых — никогда за последние три тысячи лет не был национальным меньшинством в Палестине. На Ганге голодные массы людей влачат плачевное существование. В водах океанов снуют атомные подводные лодки, готовые направить термоядерные снаряды в густонаселенные города, а на просторах Сибири две супернации готовятся к Армагеддону.

По страницам газет

Стоит всего два дня почитать газеты, хотя бы отдельные параграфы, взятые наугад, и признаки надвигающегося будущего человеческого рода становятся тревожно угрожающими. Президент Соединенных Штатов вел переговоры в столице Союза Советских Социалистических Республик с его лидером об ограничении гонки атомных вооружений, и все это закончилось соглашением об ограничении обороны гражданского населения, но не ограничением развития и производства атомного вооружения, по крайней мере на последующие одиннадцать лет. Я сказал об этом первому человеку, с которым мне удалось поговорить в тот день. «Разве можно, — воскликнул он, — оставить население беззащитным, когда продолжается неограниченное наращивание все более и более совершенного атомного оружия? Он подумал, что я ошибся, пересказывая ему то, что прочел. Но я не ошибся. «Я бы понял соглашение о развитии средств защиты мирного населения путем прекращения производства более мощных и более изощренных видов оружия массового уничтожения», — ска-

зал он, словно читая мои мысли. Но, как мы поняли, нет никакой логики, когда обе стороны ведут переговоры за столом, под которым зияет пропасть, когда обе стороны в основе своей иррациональны. Человек как вид иррационален, и те, кто наиболее восприимчив к атавистическому импульсу самоуничтожения, имеют только тонкую кожу, под которой пульсирует вожаделенное желание разжечь мировую катастрофу.

Газеты сообщают: Советская Россия располагает атомным оружием большой разрушительной силы; Соединенные Штаты разработали боеголовки, которые превосходят коммунистический арсенал. И коммунистический лагерь настаивает на более продолжительном периоде неограниченного производства ракет с боеголовками.

Ребенка и юношу ведут к одновременной общей гибели в огне; и я не могу не вспомнить груды сгоревших лошадиных тел в конюшне, в которую меня, тогда, вероятно, четырехлетнего ребенка, привели через несколько дней после пожара.

Еще одна заметка почти с радостью сообщает читателям газеты: через несколько лет в «клубе» атомной бомбы будет уже две дюжины членов. Ричард Никсон во время своего квазимирного и триумфального визита на Средний Восток пообещал атомный реактор Египту. Индия, которая получила плутоний из Канады для мирных целей, недавно произвела взрыв атомной бомбы, и в это время Индира Ганди, все еще заявляющая, что атом существует исключительно для мирных целей, обещает, согласно другой газетной заметке, вскоре испытать термоядерную бомбу. Большинство индийского населения в 600 миллионов человек стоит у черты голода. Бедные, несчастные и голодные, лишенные крыши над головой, протягивающие свои исхудавшие дрожащие руки за горстью риса — это несовместимо с вступлением в самый дорогой «клуб» для избранных. Через несколько лет он уже не будет «клубом» для избранных. Еще одна крайне перенаселенная страна, Египет, ликует в связи с перспективой атомного реактора, горючего и бомбы. По какой же тогда причине Иди Амин, Большой Папочка из Уганды, не допускается в этот «клуб»? Амин, который пользовался ледорубами, чтобы снимать

скальпы с тех, кто пришли в немилость: стоит ли отказывать ему в возможности устроить «big bang», если членство в клубе достигнет двух дюжин?

Это поколение также не имеет пророка, или чрезвычайно бедно лидерами. Нет никого, кого стоило бы послушать. Поколение развивающейся технологии, где нет никого, кто обладал бы этическим авторитетом, чей голос был бы воспринят. Предшествующие поколения имели таких лидеров.

Александр Солженицын увидел беззаконие в грандиозных масштабах, когда человеческие существа обезчеловечивались диктаторским режимом в камерах инквизиции, в тюрьмах, в рабских трудовых лагерях, в психиатрических больницах. Но он видел спасение в возврате к мифическому славянофильскому движению: Россия, как третий Иерусалим, крестьянская община, как будто цивилизация — от дьявола, как считал в последние годы и Лев Толстой, пророк судного дня.

По телевидению, незадолго до того, как были сообщены новости с московской конференции глав правительств, американского зрителя приветствовал молодой шестнадцатилетний гуру со словами «Бог», написанными на его голове и троне, который только что завел себе невесту. Это не только не было сочтено кощунством, но ему были сделаны денежные пожертвования, а его доход освобожден от налогов, как это принято в Соединенных Штатах, где по конституции церковь отделена от государства.

«Вы никогда еще так хорошо не поступали, — воскликнул президент. — Вы самая процветающая нация». Некоторые престарелые граждане поменяли привычную еду на еду для кошек и собак, так как их доллары, вложенные в спасительные бонусы, ибо таков был их патриотический долг, теряют свою стоимость день ото дня, почти по часам. Перевернем газетную страницу. Еще одна маленькая заметка: департамент торговли понес два миллиона долларов убытков за год от магазинных краж. По статистике, если разделить эту сумму на число жителей Америки, эта цифра означает, что каждый из нас, включая детей, украл за год товаров на сумму в десять долларов. Насильников-рецидивистов освобождают после их чистосердечного признания

или дают им условные приговоры по решению суда. Что делать президенту с такой страной? Атомная кнопка всегда у него под рукой.

Огненные врата

В течение двух лет Соединенные Штаты терзали политические скандалы, известные под названием Уотергейт. Нация была поставлена в тупик, даже ошеломлена невероятными разоблачениями. Уотергейт был прежде всего человеком, который карабкался на самую вершину лестницы и крепко за нее держался; когда опора начала разрушаться, он наконец скатился так низко, что трудно сыскать в истории подобный прецедент.

Вопрос состоит в следующем: если Дик был так умен, что, начав мальчиком на побегушках в маленькой бакалейной лавке своих родителей, искренне благодаривший покупателей за грошовые чаевые, перехитривший Тома и Гарри и всех остальных и, наконец, увидевший процессию королей и президентов, жаждущих его протекции в Белом Доме, то как он мог одновременно оказаться столь неразумным, чтобы действовать, восстанавливая против себя всю нацию — и это после всех его свершений на мировой сцене? Как он мог дойти до такого самоуничтожения, что, организовав широкую шпионскую сеть, имел также подслушивающие устройства, шпионившие за ним самим? И если он желал остаться великим в глазах потомков, то для чего он также записывал ругательства, которыми изобиловал его язык?

Разгневанная нация с полным восторгом принимает бессмысленную историю, сочиненную в Белом Доме президентом или его помощниками и разыгранную как кража со взломом и другие сцены из дешевого шпионского фильма: тайные встречи заговорщиков на садовых скамейках, в вестибюлях отелей и в затемненных автомобилях; портфель с крадеными деньгами, спрятанный в багажной камере же-

лезнодорожного вокзала; контрабандистские вылеты в Мексику с мелодраматическим эпизодом преданной секретарши, которая споткнулась о магнитофон, причинив ему значительные повреждения. В эти месяцы президент постоянно появлялся перед камерами и уверял нацию, что ничего плохого пока не было сделано ни им, ни его сотрудниками. Почему же тогда он не уничтожил все компрометирующие записи?

Когда же наконец крышу Белого Дома действительно сорвало, человек со свисающим подбородком спустился с невидимого трона Овального кабинета и, окруженный своей свитой, заговорил с народом так, словно стал опять мальчиком из бакалейной лавки: он говорил о своей безгрешной матери и о своем трудяге-отце. Он еще не оценил чар самого могущественного человека на земле, который вплоть до сегодняшнего дня проходил через все двери и, как мне представляется, последним победным жестом поднимал руки, прежде чем подняться на вертолете с лужайки. Это не было комедией, это было самой настоящей трагедией. Возможно, в будущем более пронзительные трагики — Эсхилы, Софоклы, Еврипиды — узнают, что же было в этом человеке, избранным нацией, которая одержала над ним победу и заставила его действовать иррационально. Какое заклинание приобрело власть над ним, его логикой и его изобретательностью? Где таится разгадка?

Каковы бы ни были личные недостатки Никсона, существует фактор, который необходимо принять во внимание, поскольку без этого правильная перспектива будет утрачена. Она была утрачена и самим Никсоном, но для психоаналитика это в природе вещей: человек не берет в расчет самых очевидных факторов, когда он старается представить, что им руководит и что его толкает.

Когда Никсон вступал в Белый Дом в качестве президента и главнокомандующего, нация, даже весь западный мир доверили ему детонатор, с помощью которого можно было уничтожить население всей Земли. Такое доверие определяет личную ответственность президента — двадцать четыре часа в сутки, триста шестьдесят пять дней в году. Атомная атака оставляет ничтожно мало времени для предупреждения; прослушивающая аппаратура установлена

на севере, на случай атаки через полюс — расстояние короче и времени для предупреждения остается меньше — а также в других стратегических точках в Америке и за ее пределами, и они непрерывно отсчитывают каждую секунду. Но именно президент может принять фатальное решение, возможно, под влиянием момента. Установки, окружающие потенциального противника в Европе, на Ближнем Востоке, на Дальнем Востоке, оснащены снарядами, готовыми мгновенно выполнить команду.

Президент исполняет всякого рода официальные и представительские функции, а также ведет обычную семейную жизнь. Но о чем бы он ни думал и чем бы ни занимался, он должен ощущать доверенный ему спусковой крючок и шахты, из которых могут вырваться межконтинентальные атомные снаряды, чтобы восстановить этот ужасный баланс, и атомные субмарины, всегда курсирующие неподалеку от побережья. Он не может выбросить все это из головы, даже во сне, даже если он сознательно об этом не думает.

Подобная роковая мощь еще никогда не доставалась смертному. Читатель евангельского описания Геенны, куда сбрасываются проклятые грешники, может на минуту представить, что ему одному доверен ключ от этого места, населенного бесчисленным потомством Адама. Он может открыть пропасть и выпустить людей наружу, а может прибавить еще больше серы и огня. И этот читатель, если он зрительно такое представит, может также понять, насколько подобное занятие будет постоянно доминировать над всеми его поступками.

Страх совершить ошибку, непоправимую ошибку, крайнее напряжение — такое, какое открыто обнаружилось во время конфронтации Кеннеди и Хрущева в дни кубинского ультиматума или, в меньшей степени, в тревожные дни, последовавшие за войной в Йом Киппур — терзающее чувство неготовности к исполнению задачи хранителя человеческих судеб — все это ни на минуту не оставляет того, кому доверена космическая разрушительная сила.

Подозрительность по отношению ко всем и даже к самому себе должна усилить сознание данной человеку возможности положить конец истории, по крайней мере

истории цивилизации. И поэтому будут совершаться иррациональные поступки, почти импульсивные. Когда из Пентагона были украдены документы и в краже был заподозрен один из служащих, который передал их прессе и таким образом потенциальному врагу, он не мог быть задержан иначе как ценой ночного взлома его психоаналитического кабинета — действия, за которое Никсон нес всю ответственность и которое он не знал, как оправдать. Каждый новый шаг выявлял страх и подозрительность: действия, направлявшиеся из Белого Дома, возглавляемого Никсоном, несли отпечаток личности, страдающей одновременно от мании величия и мании преследования — двух маний, которые обычно сопутствуют друг другу. Это величие не было воображаемым: оно было заключено в самой роли. Не беспочвенна и подозрительность, если в этот самый момент существуют планы мгновенного уничтожения двухсот главных американских городов. Но подозрительность мешает рассудительности, и в результате случился скандал с Уотергейтом, возможно, потому, что Никсон был более восприимчивым, чем Джонсон до него и Форд после него.

Основные факты нуждаются в более внимательном рассмотрении: будучи потомками выживших после грандиозных природных катаклизмов прошлого, мы одержимы потребностью, унаследованной через родовую память, повторять катастрофические ситуации. Мозговые клетки человека, готового навлечь катаклизм, должны быть подобны натянутым струнам, отзывающимся в его сознании непривычными тонами.

Опасность возможного психического расстройства у президента перед его уходом ощущалась ответственными работниками Департамента безопасности, и как сообщали газеты, секретарь по вопросам безопасности сделал временные секретные распоряжения, чтобы предотвратить возможность одновременного ухода президента и катастрофы, последующей от нажатия кнопки. А разве первый секретарь по делам безопасности, Джеймс Форрестел, у которого уже под рукой была кнопка, в то время как Советская Россия еще не имела сопоставимого ядерного арсенала, не выбежал в 1949 году, ранним утром, на улицу курортного

города Флориды, в панике крича, что русские вторглись в Соединенные Штаты Америки? Он был человеком исключительных способностей. Унаследованные родовые страхи, фрейдистская потребность воссоздать травматический опыт прошлого, бессознательная прометеевская борьба между потребностью уничтожения и потребностью выживания — и в результате Джеймс Форрестел выбросился из окна высотного военного госпиталя, чтобы обрести мир с самим собой.

Линдон Джонсон, чьим лозунгом было «Давайте сядем и вместе подумаем», ввел в заблуждение Конгресс и нацию, устроив инцидент в заливе Тонкин, а затем предельно расширив масштаб военных действий во Вьетнаме. Он послал примерно пятьсот тысяч молодых американцев в страну, в которой Соединенные Штаты вряд ли имели какие-нибудь экономические или политические интересы, само название ее было неизвестно со школьной скамьи тем, кого послали туда убивать и быть убитыми, калечить и быть искалеченными, сжигать напалмом пятнадцатилетних вьетконговских призывников, а самим тонуть в болотах и гибнуть в лесах, из-за них лишившихся листья. Джонсон заставил заплатить за эту агонию, по существу ставшую суррогатом грандиозной атомной бойни, здоровьем следующего поколения.

Атомное оружие несет опасность радиоактивного заражения. Но накопленное и пока еще не использованное, оно несет еще одну опасность — расстройство мозговых клеток человека, который отвечает за его применение или бездействие, который всегда имеет при себе запальник и не всегда контролируемую потребность зажечь его.

Избавленный от этой ответственности, лишенный своей власти, Никсон поднял руки словно в ознаменование победы, но он не знал, что именно он приветствует таким жестом.

В Сан Клименте, в окруженной стенами Каза Пасифика, бывший президент написал свои мемуары. Так он повторил ошибки узника, сосланного на остров Св. Елены сто пятьдесят лет назад, который, ввергнув Европу в кровавые войны с помощью конных пушек, написал историю своей жизни так, как она ему виделась, или как он ее воображал, что многие историки считают далеким от истины.

Три гиганта

Три гиганта нашего времени — Соединенные Штаты, Советская Россия и коммунистический Китай — хотя и неравные по уровню развития и количеству населения, главенствуют над миром и угрожают его будущему. Они достигли этих позиций только в нашем веке, точнее после второй мировой войны. Несмотря на многие войны в течение последних тридцати пяти лет, эти три страны пока избежали конфронтации между собой.

В конце второй мировой войны Америка уже обладала атомным оружием, а Россия еще нет. И когда Германия и Япония потерпели поражение, отношения между американцами и русскими стали напряженными, поскольку некоторые геополитики в Вашингтоне утверждали, что мировое господство, на которое посягала гитлеровская Германия, вскоре станет целью Советского государства. Они чувствовали, что русские рано или поздно научатся производить атомное оружие, и тогда потенциальная угроза со стороны России Америке и всему остальному миру будет день ото дня нарастать. Напряжение, вызванное ощущением того, что время безвозвратно уходит, ясно выразилось, когда два американца, муж и жена, были обвинены в передаче русским агентам каких-то черновиков. Эйзенхауэр отказался проявить милосердие и заставил их, как предателей, умереть на электрическом стуле, в то время как волны противоположных, патриотических и гуманных, эмоций разделили нацию на два лагеря.

Формула Эйнштейна — энергия равна массе, умноженной на скорость света (в вакууме) в квадрате; секрет Лизы Мейтнер, вывезенный этой еврейкой, бежавшей из нацистской Германии; алхимический опыт, устроенный в кампусе университета в Чикаго Энрико Ферми, который уехал из фашистской Италии в Соединенные Штаты; мощный взрыв в пустыне Нью-Мехико — результат усилий многих во главе с Робертом Оппенгеймером; и наконец ослепительная вспышка над гибнущей Японией в тот мо-

мент, когда американцы уже завладели тихоокеанскими крепостями, а Россия с опозданием вступила в войну на Тихом океане. Словесная реакция Эйнштейна была такой же короткой, как его формула: «Oh, voh!» — вековой вскрик или шепот на идише.

Оппенгеймер, который руководил группой, сделавшей атомные снаряды, упавшие на Хиросиму и Нагасаки, а также на атолл Бикини, хоть и безлюдный, но населенный животными, преисполнился угрызений совести. Русские уже сильно продвинулись в разработке ядерного оружия. Эдвард Теллер, который уехал из своей родной Венгрии перед нашествием нацистов, был во главе кампании по наращиванию ядерного вооружения и, понимая, что Советский Союз также будет его развивать, почти единолично разработал этот проект, несмотря на бурные протесты большинства физиков-ядерщиков, возглавляемых Оппенгеймером, а также значительной части научной общественности.

Китай ознаменовал свое вхождение в двадцатый век боксерским восстанием. Самая многочисленная нация в мире, долгое время находившаяся в тисках эксплуатирующих ее колониальных властей и еще в 1932 году представлявшая собой пассивный и беззащитный объект японской экспансии, Китай во второй половине века выдвинулся как одна из трех мировых супердержав. Англия, против которой кайзер Вильгельм II воевал в первой мировой войне, обладала в начале века наибольшим могуществом. Германия, которая приобрела мировой вес, когда уже все колониальные владения были поделены (как сказал Лев Троцкий), вышла из мировой войны на обломках империи. И из великой пятерки в промежутке между этими войнами — Англии, Франции, Италии, Америки и России — только две последних страны могли претендовать на такой статус впоследствии, хотя Россия потеряла во второй мировой войне двадцать миллионов человек, столько же, сколько в период гражданской войны, голода и сталинских репрессий.

Китай прошел через вторжение японской армии, «долгий марш», внутренний мятеж, высылку и уничтожение кулацких фермеров и образование монолитного государства при Мао, ученике Сталина, который теперь порвал с советскими коммунистами.

При своем материалистическом режиме Мао стал верховной фигурой: его труды, сама его мудрость, его тело в рекордном заплыве через реку Янцзы, священное и божественное при прикосновении. Конфуций был сброшен с пьедестала в грязь, а его учение объявлено вне закона.

Сталин, палач и убийца миллионов, говоривший по-русски с сильным кавказским акцентом, начавший как семинарист в Тифлисе, который, придя к власти, закрыл все церкви и установил почитание Сталина — «Сталин — наше солнце» — государственную религию, не был свободен от страха и угрызений совести. Иногда по ночам он будто бы ездил на кладбище Новодевичьего монастыря в окрестностях Москвы, чтобы опуститься на колени перед могилой Алилуевой, своей жены, которая лишила себя жизни, оставив ему дочь, совсем еще ребенка. Терзаемый страхом и подозрениями, умер в своей постели, что спасло группу врачей, которых он обвинял в том, что они замышляют отравить его.

Советский Союз, драматическим образом опередивший Соединенные Штаты в космических полетах — Хрущев ответил американцам своей широкой ухмылкой, когда они послали миниатюрный, размером с апельсин, агрегат, в то время как русские запускали тяжелые двухтонные спутники, почувствовал, что пришло время подвести наступательные ядерные силы к самым берегам Америки, как Америка сделала это в Турции, вблизи российской границы. Последовал кубинский кризис, и, рискуя атомной войной, Кеннеди заставил Косыгина отступить и отвести оборонительное вооружение.

Китай еще не создал ничего подобного русскому ядерному арсеналу. Мао и Чжоу энь-лай превратили Китай и его города в подземную сеть переходов, выстроенных как убежища на случай неизбежной войны с Россией, когда Россия совершит атомный налет. Китай приготовился потерять несколько сот миллионов человек из своих восьмисот миллионов, но твердо решил выжить и завладеть Сибирью, почти не заселенной; так как иначе Китай обречен на голод со своим населением, тесным пустынями и неплодородными землями. Поэтому сегодня миллион российских солдат занимает позиции вдоль русско-китайской границы по реке Амур.

Я прерву здесь повествование. Я предоставляю истории развиваться без вмешательства моих психологических откровений — пусть она не превращается в еще один психоаналитический сеанс. Однако, остановившись на этом, я спрашиваю читателя: что он будет делать дальше?

Пятиконечная звезда — древний символ планеты Венеры — украшает головной убор каждого американского, советского и китайского солдата.

Массовые самоубийства в Гайяне

20 ноября 1978 года газетные заголовки известили о массовых самоубийствах членов секты, так называемых, людей Храма, возглавляемой преподобным Джимом Джоунсом. Первоначальная цифра примерно в триста самоубийств возросла в ежедневных сообщениях из Джоунстауна в Гайяне более, чем до девятисот. Сектанты последовали за Джоунсом, своим неоспоримым лидером, сначала из Индианы в Калифорнию, затем в Гайяну, чтобы умереть здесь во время церемонии, где были также принесены в жертву более трех сотен детей, которым дали выпить яд. В этой оргии истребления людей смерть не всегда выбиралась добровольно: многие были застрелены другими сектантами.

Психологи и социологи могли мало что предложить, сясь объяснить, что произошло. Эти сектанты жили под чарами личности человека, у которого были некоторые планы социальных реформ; он собрал многомиллионное состояние, заставляя своих последователей передавать в общую кассу, единоличным распорядителем которой он являлся, все их имущество, и в некоторых случаях они продавали свои дома. Он требовал полного подчинения своей воле: некоторые формы его извращенной сексуальной практики — например, совершение гомосексуального акта с мужчиной-сектантом в присутствии женщин — были описаны теми немногими, кто избег самоуничтожения. Он выдавал

себя за воплощение Иисуса. Он страдал паранойей — это все, что могли сказать психологи, — но что лежит в основе этого расстройств личности и что лежит в основе глубинных слоев психики сектантов, которых к нему влекло (причем некоторые из них обладали высоким уровнем культуры)? Что заставило их последовать за ним в джунгли Гайяны, в один и тот же день расстаться с жизнью, так что вместе с детьми, даже младенцами, остались лежать лицами вниз, в одежде, некоторые обнявшись, группами, а некоторые и поодиночке, остановленные в тщетных попытках убежать в джунгли? Должна была начаться какая-то паника, порожденная паникой их собственного вождя. Кроме этого, никакого объяснения предложить нельзя, но такое объяснение не требует квалификации психолога. Это было очевидно для всех, кто видел эту сцену хотя бы в газетах или по телевидению, и особенно для тех, кто побывал на месте события в джунглях.

Еще не прошло и двух недель, как были выпущены книжки в дешевых обложках, но они не удовлетворили любопытства тех, кто желал понять, возможно, из опасения обнаружить в самих себе какую-то сходную потребность. Я решил прочитать, очень бегло, новые сообщения с соответствующими оценками. Моя дочь, Рут В. Шарон, психоаналитик, принесла мне фотографию трона Джоунса, опубликованную в газетах, и показала мне эту картинку из-за надписи большими буквами на спинке этого трона. Она читалась так: «Те, кто не помнит прошлого, обречены повторить его». Эта фраза принадлежит гарвардскому философу Джорджу Сантаяне, и я цитировал ее перед моими слушателями в кампусах колледжей, обычно завершая ею заключительный раздел лекции. Этот семинар обычно посвящался теме «Человечество в амнезии».

Джоунс жил, охваченный ужасом, и этот ужас он частично передал тем, кто последовал за ним. Социальные реформы, восточный деспотизм, жажда денег, комплекс преследования, сексуальные извращения — все это было попытками вынести на поверхность то, что не поддавалось высвобождению. Если бы он мог, он бы предал смерти все живое.

Чтобы облегчить понимание, более глубокое, агонии этого ложного пророка из джунглей Гайяны и его человеческого стада, я приведу ряд цитат из книги Нормана Кона «В поисках тысячелетнего царства», опубликованной в 1957 году. Несколько лет назад одна из моих читательниц, Кэти Гвидо из Бинхэмптона, Нью-Йорк, тогда студентка, а ныне адвокат, скопировала страницу 144 из этой книги в надежде, что она может меня заинтересовать. Здесь говорится о секте, основанной Конрадом Шмидом, жившем в пятнадцатом веке в Германии: «Чтобы быть принятым в эту секту, будущий ее член должен был исповедоваться перед Шмидом, подвергнуться флагелляции (по рукам) и принести ему клятву в абсолютном повиновении его воле. С этого момента единственным обязательством, которое он признавал, становилось его полное подчинение мессии. Шмид учил своих последователей, что их спасение зависит только от их отношения к нему лично. Если они не будут «мягки и податливы, как шелк», в его руках, если они проявят хотя бы малейшее стремление к независимости, они будут преданы дьяволу, чтобы он мучил их телесно и духовно. Он был их богом, и они должны были молиться ему, называя его «Отец каш».

Те, кто читал о способах вовлечения Джоунсом новых членов в свою секту, не могут не заметить явного сходства. Далее вновь обнаруживается, что предшественник Джоунса действовал как мессия, у которого в свою очередь были предшественники: «Те, кто был верен Шмиду, получали вознаграждение. Они могли приобщиться к определенному знанию о том, что в них и посредством их человеческая история подходит к своему ужасному концу». Итак, мы ощущаем некоторые общие корни, или родство, с более ранними фигурами и явлениями. Последователи Шмида считали, что «...флагеллянты 1349 года находятся по отношению к ним в таком же положении, как Иоанн Креститель по отношению к Христу. В действительности и сам Христос был не более чем их предшественником, ибо он указал верный путь к спасению через жестокое бичевание. И только те, кто бьет себя, могут претендовать на то, чтобы пройти этот путь до конца». И «...как Христос превратил воду в вино, так они заменили крещение водой

крещением кровью. Бог действительно напоследок приготовил лучшее из вин — это не что иное, как кровь, пролитая флагеллянтами».

В следующей фразе рассказывается история, которая, неведомо для автора, опускается еще глубже и ближе к своему историческому истоку, поскольку автор книги «В поисках тысячелетнего царства» далее говорит о членах секты Шмида: «Эти люди были убеждены, что пока они бьют себя, ангел, по имени — как ни странно — Венера, наблюдает за ними. Их кожа, покрытая кровью, кажется одеждами для свадебного пиршества, рубашки, которые они надевают во время бичевания, они называют одеждами невинности».

То, что Норман Кон, похоже, считал необъяснимым и назвал странным, совсем не удивительно для читателей «Столкновений миров». То, что кажется нелепым, на самом деле таковым не является. Над толпой Джоунса, отдавшего приказ проглотить яд, тоже находилась зловещая звезда, необъясненная и неисследованная. Это человеческое стадо было охвачено паникой, которой заразил его вождь, но на которую наложил отпечаток и древний ужас.

Жизнь рядом с бомбой

В последний день мая 1978 года, когда газеты в Соединенных Штатах, а также за рубежом, описывали выпускные вечера в кампусах колледжей и одновременно специальную сессию ООН по разоружению, бессильную и безгласную, вымучивающую бесполезное постановление — даже не о разоружении, а всего лишь об ограничениях в области вооружений, — один гражданин, Л. С. Бон, опубликовал в «Нью-Йорк Таймс» письмо. Я воспроизвожу это письмо: «Если больше делать нечего, то специальная сессия ООН должна напомнить нам о том, какой противоестественный и опасный мир мы создали для наших детей».

Именно в это время года мы говорим нашим выпускникам, чтобы они были уверены в своем будущем: работать, любить, жить самой полной жизнью, доверять себе и своей стране, растить собственные семьи и, возможно, оставить мир чуть-чуть более совершенным местом, чем тот, в который они вступили.

Но печальная истина состоит в том, что мир, который мы преподносим этим застенчивым выпускникам, стоит на грани катастрофы. Вероятность начала ядерной войны в какой-то день, месяц или год ничтожна. Но никто не проживает жизнь за один день. Большинство из тех, кто размышлял о реальных фактах, согласен, что на протяжении периода в 20, 30 или 40 лет выпадает карта тотальной ядерной войны.

Благодаря безумному выбору какого-нибудь будущего Гитлера, по злой воле кого-нибудь из подчиненных или какого-нибудь, вооруженного атомной бомбой, Сараево, в результате эскалации конфликта в Африке или на Среднем Востоке или благодаря нелепой случайности, реальным будущим нового поколения более чем вероятно станет смерть на войне или унылая борьба с последствиями этой войны. Кто из наших детей готов к этому? Сколь многие из них выбирают профессии, связанные с обеспечением возможности мира? Кто из них готов провести всю жизнь искалеченным, обожженным, облученным или ослепшим? Кто знает, как добывать пропитание в пустыне или выживать среди радиоактивных булыжников? У кого из них есть приборы или навыки, чтобы определить безопасность воды, почвы или натуральной пищи, и кто из них может с этим справиться? Кто готов бежать (и куда?) или рыть нору и жить в ней, возможно, месяцы и даже годы? Или ставить диагноз лихорадки, или лечить открытые раны своей жены или ребенка? Кто из них готов организовать своих выживших соплеменников, чтобы заново строить цивилизацию или опуститься до жизни дикаря, охотящегося на своих товарищей, которые в свою очередь охотятся на него?

При отсутствии всеохватывающего ядерного разоружения обеспечить мирное будущее — это проект заведомо наивный и нереалистический. При нынешнем положении вещей ядерная война скорее всего будет событием того века, который охватывает жизни наших детей.

Но мы вряд ли относимся к этому как к самой главной проблеме. Две трети живущих ныне людей никогда не знали мира без ядерной угрозы. Само представление о мире без висящих ядерных снарядов и боеголовок с каждым десятилетием тускнеет. Практически все «серьезные» люди в Вашингтоне и повсюду рассматривают мир, свободный от ядерного оружия, как бесхитростную приманку, годную только для политических речей в ООН. Даже объявленной целью ОСВ не является полное исключение ядерного террора (называемого, разумеется, ядерным сдерживанием), но только его стабилизация.

На мой взгляд, у нас есть выбор. Мы можем быть «травмированы» психологически, потрясены до глубины души, а потому стремимся к серьезным акциям в связи с ядерной войной и современным ядерным оружием, считая это первостепенной задачей нашей общественной политики и частной жизни. Или мы можем ждать, пока нас не уничтожат физически через пять, десять и двадцать лет бомбами и снарядами, которые мы и Москва так старательно копим для нашей «обороны».

Ядерный террор — ядерное сдерживание — означает жизнь рядом с бомбой. Возможно, это будет единственно возможный вариант, если нашему поколению, которое избрало этот путь, также суждено умереть от бомбы. Но как же наши дети?

Я перечитал фрагмент, начинающийся словами: «На мой взгляд у нас есть выбор. Мы можем быть «травмированы» психологически и потрясены до глубины души...». Не опоздал ли я? Что я здесь предлагаю: посмертный диагноз или своевременное предупреждение?

Я вспоминаю месяцы и недели перед первой мировой войной. Вспоминаю также месяцы и недели перед второй мировой войной. И вновь знакомые фразы, одни и те же слова, те же самые призывы к немногим слышащим, чтобы возвестить о надвигающемся бедствии, и то же самое внешнее безразличие подавляющего большинства современников. Я уже достиг восьмидесяти трех лет. Я слишком долго хранил в себе самый непопулярный свой призыв. Когда выявляется психологическая «травма», требуется время, чтобы наступило «потрясение». Согласно психоаналитической

терминологии, «запальник», управляющий психологическим процессом, называется, в зависимости от особенностей своего действия, сопротивлением или проекцией. И если он горит слишком долго или сопротивляется чему-то слишком важному, он может изменить направление и вызвать раскол личности или деперсонализацию. Сопротивление принимает бесконечно разнообразные формы: оно может выражаться в неспособности к общению, речи или деятельности, в неправильном суждении, в пренебрежении к благоприятным возможностям и отказе исполнять долг. При проекции эмоции направлены против меня самого — облегчающее наказание.

В течение двадцати восьми лет на глазах поколения, теперь уступающего дорогу следующему, этот психологический «запальник» вынуждал научное сообщество проходить через все грани распада, чтобы помешать себе и другим увидеть, каким было наше общее прошлое.

ЭПИЛОГ

Верящий в Провидение может считать, что человеческий род «избран» из всех обитателей планет этой солнечной системы, поскольку этот род пережил катаклизмы, потрясшие солнечное семейство. Неверующий может уныло созерцать пропасть, у края которой в исступлении балансировали наши предки, то и дело соскальзывая в нее ногами и цепляясь за края руками. Но мы остались одни, и наша судьба теперь в большей мере в наших собственных руках, чем в руках разбушевавшихся стихий: эти стихии усмирены, но мы, пользуясь библейским выражением, «растеряны и напуганы». Я принялся за эту книгу из-за серьезной ответственности, которую я испытываю, как историк и психоаналитик, чтобы не оставить только при себе сделанное мною открытие: человечество живет в состоянии амнезии со времен своего родового прошлого.

Истинный враг — это время. Я завершаю все это стихотворными строчками, которые принадлежат не мне, и я воспроизвожу их не совсем точно. Но час поздний, и я вновь повторю:

Мы в вечной гонке с тем Жнецом,
Мы мчались, медлил он, и нам — победа...

Я надеюсь, что будет избран именно такой путь, а не какой-либо другой.

Об авторе

Иммануил Великовский, гражданин мира, родился в России в 1895 году, изучал естественные науки в Эдинбургском университете; историю, гуманитарные науки и медицину — в Москве (магистр, 1921 г.); биологию — в Берлине; научные исследования о деятельности мозга — в Цюрихе и психоанализ — в Вене. Будучи еще молодым исследователем, он основал и издавал «Scripta Universitatis» — плод коллективного труда авторов, из которого вырос Еврейский университет в Иерусалиме.

Доктор Великовский более десяти лет практиковал как психоаналитик в Палестине (а позже в Нью-Йорке). Эжен Блейлер в предисловии к статье Великовского «Об энергетике души» писал (18 июля 1930 г.). «Идеи этого автора кажутся мне весьма достойными внимания. Я тоже пришел к очень сходной, а в некоторых существенных моментах абсолютно идентичной, концепции». Зигмунд Фрейд писал Великовскому, что он полностью согласен с Блейлером и что он тоже, вполне независимо, пришел к собственным воззрениям на проблему, «которые очень близки Вашим и которые в некоторых аспектах буквально совпадают с Вашими». Вильгельм Штекель характеризовал Великовского как «выдающегося представителя медицинской психологии... первоклассного идеалиста», а позже говорил о нем Шайму Вайзмани как об «одном из самых высокоодаренных психотерапевтов».

Доктор Пауль Федерн в 1947 году сказал, что Великовский был «гением — великим человеком. Великолепный психоаналитик, я послал к нему некоторых самых тяжелых своих больных» (Доктор Федерн был председателем Венского психоаналитического общества).

В 1939 году Великовский приехал в Нью-Йорк и оттуда переехал в 1952 году в Принстон, где жил до самой смерти, последовавшей в 1979 году. Он автор шести ранее изданных книг — «Столкновения миров», «Земля в перевороте», «Века в хаосе», «Эдип и Эхнатон», «Народы моря» и «Рамзес II и его время».

«Ktopos», ежеквартальный журнал междисциплинарных исследований, опубликовал статьи Великовского и исследования, посвященные его работам. Он выходит в государственном колледже Глэссборо (Глэссборо, Нью-Джерси).

ИММАНИУЛ ВЕЛИКОВСКИЙ: ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО

Специализация научных знаний в Новое время, особенно в XX веке, чрезвычайно затрудняет диалог ученых. Наука, которую раньше можно было вообразить в виде единого древа познания, от ствола которого тянутся ветви и веточки, ныне превратилась скорее в бескрайний заповедный лес, где деревьям несть числа и где под каждым разрастается новая молодая поросль. В одиночку по такому лесу бродить рискованно. Рост количества всякого рода научных специализаций затрудняет диалог даже среди ученых одной «большой профессии»: что может стать предметом профессиональной дискуссии между хирургом и психиатром, египтологом и славистом, археологом и историком-международником. Поэтому принято считать, что эпоха ученых-универсалов кончилась. Сами научные открытия стали скорее делом коллективным, чем индивидуальным, за каждым из них — институт, кафедра, лаборатория.

На этом фоне фигура Иммануила Великовского поистине уникальна. Это, быть может, единственный из современных ученых, у которого в сущности не было «специализации», хотя с ним в чисто профессиональные дискуссии вступали астрономы, физики, геологи, историки, искусствоведы и проч. и проч. Может быть, он и вообще не ученый в том смысле, как это понимается в XX веке? У него не было научных степеней, защищенных диссертаций, академических должностей, своего творческого коллектива, своих студентов и аспирантов, — словом, всего того, что ныне дает пропуск в большую науку. Он всегда был один. Он творил в одиночку, переворачивая материал, который обеспечил бы не на один год работу целого научного института. В этом дерзании было что-то от гуманистического универсализма, от романтики первоначального освоения мира, освобожденного от готовых авторитарных истин. Может быть, такая свобода и недоступна узким профессионалам, а составляет дар гениальных самоучек.

Впрочем, профессия у Иммануила Великовского была — врач-психиатр. В своей области он достиг успехов и признания, в течение многих лет занимался врачебной практикой как психоаналитик. Она была для него не только источником существования, но и призванием. Но, как ученый, Великовский предпочитал заниматься совершенно другими сферами науки, избрав путь самый трудный. Его основные работы никакой точной маркировке и классификации не поддаются. Что это: история, культурология, палеография, палеонтология, библеистика, геофизика, геохимия? Ничто в отдельности и все вместе, потому что все они представляют собой единое и беспрецедентное по масштабу исследование прошлого планеты, под названием Земля.

Судьба сделала Великовского гражданином мира. Он родился в России в 1895 году. Родиной его стал город Витебск, где издавна жила семья Великовских — традиционная еврейская семья, свято хранившая вековые заповеди своей веры, родовые предания, талмудическую мудрость и национальный язык. Его отец, Шимон Великовский, занимал видное положение в финансовых кругах России, будучи одним из крупных оптовых торговцев. Он принимал активное участие в сионистском движении и даже купил за полтора килограмма золота участок земли в

пустыне Негев в Израиле, чтобы со временем организовать там поселение. Уже с детства Иммануил Великовский пристрастился к чтению древних священных книг, что в значительной мере повлияло на его будущий научный выбор. В 1912 году он с золотой медалью закончил императорскую гимназию в Москве. Отец отправил его учиться медицине во Францию, в старинный университет Монпелье, еще со средних веков готовивший врачей для всей Европы. Но попав на юг Франции и впервые увидев море, за которым находилась «земля обетованная», колыбель его предков, в почтении к которым он был воспитан, Иммануил Великовский незамедлительно вернулся в Москву и попросил у отца разрешения поехать в Израиль. Путешествие оказалось долгим. Иммануил проехал от Одессы через Болгарию, Грецию и на несколько месяцев задержался в Палестине. В Москву он вернулся только весной следующего года, исходив древнюю землю, насладившись экзотической красотой Иудейской пустыни и городов, названия которых звучали еще в Библии. В 1913 году он поступает на медицинский факультет Эдинбургского университета. Выбор учебного заведения был подсказан весьма прагматическими соображениями: поскольку Иммануил Великовский с детства свободно владел французским и немецким языками, обучение в Англии должно было приобщить его к третьему главному европейскому языку. Тогда еще Великовский, естественно, не думал о том, что английский будет избран им навсегда и что на этом языке будут написаны все его книги.

После каникул недавний первокурсник уже, не смог выехать из Москвы в Эдинбург. Началась первая мировая война. Пришлось продолжить обучение в Московском университете, в который ранее Великовскому, из-за его еврейского происхождения, путь был официально закрыт. С началом войны политика стала менее жесткой, особенно в отношении медицинского института, потому что стране были нужны врачи, уже независимы от их национальности.

С началом революции над семьей Великовских нависла непосредственная угроза. В феврале 1917 года в Москве были арестованы члены сионистской группы, к которой был близок и отец Иммануила Великовского. Его успели вовремя предупредить, и он сумел выбраться из Москвы с женой и Иммануилом. Два старших брата Иммануила сделали свой выбор в пользу социалистической идеи и остались в Москве служить революции. Больше семье собраться вместе не удалось.

Путь лежал на юг, за море, а там как придется. Конечно, Великовские мечтали через Турцию или Ирак пробраться в Палестину. Но шли долгие месяцы, а они все шли, вынужденные прятаться и от красных и от белых. Однажды в какой-то донской станице Иммануила, решившего раздобыть хлеба, арестовали казаки атамана Шкуро. Этот эпизод стал памятным семейным преданием. Приняв Иммануила за большевистского агента (вид у этого московского интеллигента был и в самом деле подозрительный), казаки незамедлительно вынесли ему смертный приговор. На расстрел его повел на край станицы один молодой казак. По дороге Иммануил Великовский зачем-то стал рассказывать ему романтическую средневековую легенду об испанском рыцаре, который перешел из христианства в иудаизм и умер на костре, отказавшись отречься от новой веры. Разумеется, эта история, совершенно непонятная казаку, не была рассчитана на то, чтобы его разжалобить. Иммануил рассказывал ее для себя, уже прощаясь с жизнью. Но казак понял, что имеет дело с «чудным», необычным человеком, и пощадил арестованного, велел ему отсидеться в яру до ночи, а потом уходить восвояси.

Иммануил Великовский записал родившуюся в этих чрезвычайных обстоятельствах поэму, и через пятнадцать лет она вышла в Париже на русском языке под псевдонимом Эмануил Рам — «Тридцать дней и ночей Диего Пиреса на мосту Святого Ангела». Может быть, этот эпизод впервые заставил его задуматься о феномене подсознательного, который ляжет в основу одной из его научных гипотез о родовой памяти человечества.

Эти скитания семьи Великовских по южным окраинам России, охваченным гражданской войной, продолжались три года. Выбраться оказалось невозможным, а возвращение представлялось в высшей степени опасным. Первым рискнул Великовский-младший. Он приехал в Москву в 1921 году, оставив родителей на Украине. К счастью, было уже, по-видимому, не до него. Его даже восстановили в Московском университете, и этим же летом он получил диплом врача. Год ушел на то, чтобы выхлопотать разрешение на отъезд для себя и для родителей. Тогда за кордон еще уходили пароходы, увозившие интеллектуальную элиту России — первая массовая «утечка мозгов»...

Отец и мать Великовского сразу отправились в Палестину, где им и предстояло окончить свои дни, а Иммануил задержался в Берлине, осененный идеей создания университета в Иерусалиме. С этой целью он решил издавать новый журнал — ученые записки, в которых публиковались бы работы самых выдающихся ученых еврейской национальности. Название журнала он дал латинское — «Scripta Universitatis», что должно было подчеркнуть идею единства научной корпорации, восходившую еще к традициям средневековых университетов. Вышло несколько выпусков этого журнала (всего 237 томов), и в ходе работы по его подготовке и редактированию Иммануил Великовский познакомился со многими выдающимися европейскими учеными, в том числе с Альбертом Эйнштейном, с которым он сохранил дружеские отношения вплоть до смерти последнего. Его помощником в это время стала молодая скрипачка Элишева Крамер, разделившая его увлеченность и бескорыстное служение идее. В 1923 году она стала его женой и бесшумным и преданным секретарем, референтом, сотрудником. В предисловии к своей первой книге «Столкновения миров» Иммануил Великовский писал: «Автор часто посвящает свою книгу жене, по крайней мере, упоминает о ней в предисловии. Мне всегда виделось в этом что-то нескромное, но теперь, когда эта книга выходит в свет, я чувствую, что было бы крайней неблагодарностью не упомянуть о моей жене Элишеве, которая просидела над ней за нашим письменным столом почти столько же времени, сколько и я. Я посвящаю эту книгу ей».

В 1923 году молодая семья Великовских приехала в Израиль, где уже жили родители Иммануила. Он занялся врачебной практикой, а Элишева преподавательской и концертной деятельностью. Жили сначала в Иерусалиме, здесь у Великовских родились две дочери — Суламифь и Руфь. В 1927 году семья переехала в Хайфу, где были прожиты, вероятно, самые счастливые годы.

Великовский зарабатывает себе высокую репутацию в медицинских кругах. В 1930 году он решил обнародовать свое первое исследование, посвященное физиологическим процессам мозговой деятельности, которые он уподобил электрическим импульсам и в связи с этим предложил новый метод диагностики эпилепсии с помощью электроэнцефалограммы. В 1930 году он поехал в Цюрих к виднейшему европейскому психиатру Эжену Блейлеру, который согласился написать к его статье предисловие. Здесь же он познакомился с Карлом Юнгом, бывшим учеником З. Фрейда. В 1931 году его статья была опубликована в

престижном европейском журнале, и он получил на нее положительный отзыв от Зигмунда Фрейда, направившего письмо молодому ученому. Казалось бы, перспектива определилась полностью, имя Великовского зазвучало, перед ним если не открылись, то приоткрылись двери престижных клиник и институтов. Вильгельм Штеккель, известный психиатр, ученик Фрейда, назвал Великовского «одним из наиболее высоко одаренных психотерапевтов».

В 1931 году Великовский переехал в Тель-Авив, где продолжил свою медицинскую практику. В 1937 году он принял участие в работе Интернационального конгресса психологов, который проходил в Праге, в это время были опубликованы две его психоаналитических статьи, причем одна из них в престижном журнале «Imago», основанном Фрейдом. Задумана книга, связанная с областью медицинской психологии, которой так и не суждено было появиться на свет.

Великовского увлекли совсем иные научные проблемы. Все началось с того, что он ощутил необходимость определиться в отношении Фрейда — создателя психоанализа, основателя школы, к которой до некоторого времени причислял себя и сам Великовский. Теперь, приобретя врачебный опыт и научный авторитет, Иммануил Великовский предпринял весьма дерзкий замысел — обратиться к личности самого Фрейда, выявить психологический механизм, который заставил Фрейда остановиться перед наиважнейшими, с точки зрения Великовского, проблемами уже не индивидуального, а коллективного бессознательного. Он начал работать над книгой, которая выходила уже за рамки собственно медицинского исследования и которая получила рабочее название «Фрейд и его герои». Непосредственным поводом для ее написания являлась книга Фрейда «Моисей и монотеизм», вслед за этим Великовский заинтересовался и другими героями австрийского психиатра — Эдипом, Эхнатомом. Они должны были помочь ему выявить «комплексы» самого Фрейда. Для работы над этой книгой Великовскому нужны были солидные библиотеки, каких в Израиле не было. Он решил на несколько месяцев поехать всей семьей в Соединенные Штаты для завершения работы, которая казалась ему принципиально важной.

В 1939 году семья Великовских прибыла в Нью-Йорк. Тогда еще никто не думал, что вернуться назад уже никогда не придется. Работа над книгой началась, а в сентябре 1939 года пришла весть о смерти Фрейда, которому уже не суждено было прочитать психоаналитическое эссе о себе самом. Книга «Фрейд и его герои» была уже практически завершена, шли переговоры с издательством, был куплен обратный билет в Тель-Авив. И вдруг... Творческие идеи часто осеняют внезапно. Для Великовского поводом стал случайный разговор о Мертвом море, о котором почему-то не упоминается в Библии. А не могло ли оно возникнуть позже, во время пока неведомой глобальной катастрофы?

Книга «Фрейд и его герои» была отложена и, как выяснилось, навсегда. Великовский вновь обосновался в библиотеках, и началась работа, которая держала его в напряжении до конца дней и которая в конце концов вывела его к дерзкой, ошеломляющей концепции древней истории, шокировавшей научное сообщество, до сих пор не определившее своего однозначного к ней отношения. Он начал работать сразу над двумя книгами. «Весной 1940 года, — писал Великовский в предисловии к книге «Столкновения миров», — мне впервые пришла в голову мысль, что в Дни Исхода, как явствует из многочисленных фрагментов Священного Писания, произошла грандиозная физическая

катастрофа и что подобное событие могло бы помочь определить точное время Исхода в египетской истории или установить хронологию исторических событий в прилегающих странах. Так я приступил к книге «Века в хаосе» — своего рода реконструкции истории древнего мира от середины второго тысячелетия до нашей эры до появления Александра Македонского. Уже в конце этого же 1940 года я почувствовал, что пришел к пониманию истинной природы и масштабов этой катастрофы и в течение девяти лет работал в двух направлениях — в области политической и естественной истории».

Книгу «Столкновения миров» Великовский счел необходимым опубликовать первой. Ее сюжет он сам назвал историко-космологическим. У истоков этой книги лежит определенная методология, которой Великовский будет следовать и в других своих работах. Она состоит, во-первых, в строгом следовании источникам, которые становятся предметом пристального изучения и комментария. Во-вторых, Великовский проводит тщательную синхронизацию источников, что позволяет ему уточнять их датировку, в ряде случаев принципиально отклоняющуюся от общепринятой. В-третьих, он обычно стремится к синтезу накопленных сведений, добываясь их согласованности и законченности. Это придает его конструкциям абсолютную логичность, что пленяет читателей его книг и зачастую бесит специалистов, поскольку они не могут смириться с разрушением веками устоявшихся истин. Кроме того, он тяготеет к междисциплинарному синтезу, что под силу немногим исследователям и составляет несомненное своеобразие его работ.

Отношение Великовского к источникам, вероятно, не может быть принято безоговорочно профессиональными историками. Так, одним из главных его источников неизменно остается Библия, которую он читает и комментирует как строго историческую книгу, в которой каждое слово и каждый образ несут на себе печать исторической истины. Библейскую картину Исхода он читает как описание космической катастрофы, и знаменитые «казни египетские» для него реальные бедствия, которые обрушились на данный географический район в результате грандиозного космического столкновения. Иногда аргументы Великовского строятся на интерпретации отдельного слова в библейском тексте, что, естественно, не могло приниматься безоговорочно. Наравне с традиционными историческими источниками (древними папирусами, надписями, предметами) Великовский использует и литературные тексты (поэмы Гомера, драмы греческих трагиков, древние эпические произведения), мифы, сказки. Искомый эффект возникает в результате синтеза прослеженных мотивов, который и создает панораму явления или события. И эффект иногда достигает буквально художественной зримости. Такого рода исследования принято называть «провоцирующими»: они не столько констатируют готовую истину, сколько стимулируют поиск, раздвигают грани незнаемого, ошеломляют красотой и величием гипотез. А масштабность этих гипотез определяется поистине уникальной эрудицией автора.

Книга «Столкновения миров» вышла в свет в 1950 году. Она имела огромный читательский успех и вместе с тем вызвала скандал в научном мире. С этого времени началась полемика Великовского с учеными, разделившая весь научный лагерь на два фронта — сторонников и непримиримых врагов. Эта многолетняя борьба, так до конца и не завершившаяся, составляет особый драматический сюжет, который положен в основу книги биографа Великовского И. Дегена «Иммануил Великовский» (Тель-Авив, 1990). Основные этапы этой полемики, не всегда корректной со стороны оппонентов Великовского, освещены и в его книгах, в особенности в последней — «Человечество в амнезии».

«Столкновения миров» открываются величественным прологом, погружающим читателя в загадки исторической космологии. Как возникла солнечная система? В чем состоит таинственная сила притяжения, удерживающая нас на нашей планете? Как возникли горы? Почему случилось так, что толстый ледовый покров поглотил большую часть Европы и Северную Америку так недавно и внезапно, вызвав мгновенную гибель мамонтов? Почему за полярным кругом когда-то росли пальмы? На все эти вопросы пока нет точных ответов. То, что человечеству в течение веков представлялось как «небесная гармония» — это период относительно недавно обретенного покоя, которому предшествовали грозные поединки планет, космическая теомеханя, потрясшая воображение землян и заставившая все древние народы планеты создать мифы и легенды, запечатлевшие в сущности один и тот же сюжет. Таким главным сюжетом становится для Великовского история межпланетных столкновений. Героиней первой части его книги становится планета Венера.

«В середине второго тысячелетия до нашей эры Земля, как я намереваюсь показать, — пишет Великовский, — подверглась одной из величайших катастроф за всю свою историю». Сближение Земли с каким-то космическим телом вызвало целый ряд явлений, которые были описаны и запечатлены в самых различных памятниках во всех концах мира: покраснение земной поверхности от тонкого слоя ржавой пыли, метеоритный дождь, нефтяной (огненный) дождь, темнота, землетрясение, ураган, прилив, электрические разряды в небе. Из всех этих деталей Великовский восстановил величественную картину. Комета, явившаяся из далеких Галактик в солнечную систему, приблизилась к Земле и едва не погубила нашу планету. Этой грозной кометой была будущая планета Венера, которая в преданиях всех древних народов имела облик кометы («дымящаяся», «волосатая», «волноволосяя», «рогатая») и соотносилась с воинственным божеством. В древних памятниках Великовский смог прочесть о повторном столкновении с Венерой, которое произошло через 52 года после первого, после чего комета, наконец, вышла на орбиту, занимаемую ею и донныне и стала прекрасной Утренней звездой.

Об истории второй глобальной катастрофы, происшедшей семь с половиной веков спустя, Великовский впервые прочел в книге библейского пророка Исайи. На этот раз ее виновником оказался Марс, Нергал у вавилонян. Самое полное описание «схватки» небесных светил, Марса и Венеры, от которой пострадала и земля, Великовский нашел... в «Илиаде» Гомера. Соперничество Ареса (Марса) и Афины (Венеры) — это, с его точки зрения, облеченное в мифологические образы планетарное столкновение. Вдохновенная драма гомеровского эпоса, истолкованная таким образом — это конъюнкция Венеры и Марса, сопровождающаяся катастрофическими последствиями, вновь отраженными в свидетельствах и преданиях народов всего мира: смещением полюсов, изменением календарных циклов, наступлением темноты, электрическими разрядами и т.п. Эта грандиозная картина воссоздается Великовским не спеша, как мозаика, складываясь из внешне разрозненных деталей и фактов. Она открыла для ученого необозримые перспективы дальнейшего научного поиска. В «Эпilogue» своей первой книги он писал: «Историческая космология предлагает возможность установить реальность катастроф глобального характера, опираясь на синхроническую историю древнего мира. Предшествующие попытки выстроить хронологические таблицы на базе астрономических расчетов — новолуний, затмений, солнечной активности или кульми-

наций некоторых звезд — не могут быть оправданными, потому что порядок природы изменился с древних времен. Но грандиозные катастрофы космического характера могут стать отправными пунктами при написании уточненной истории народов».

Так была сформулирована самим автором задача, которой будут посвящены все его последующие книги, отнесенные им к одной серии — «Века в хаосе». Замысел был поистине грандиозным: полная ревизия всей древней истории мира. Эта работа не могла быть доведена до конца одним человеком в пределах отведенной ему земной жизни, поэтому ряд задуманных книг так и остался ненаписанным. Но и то, что было сделано, потребовало истинного научного подвижничества.

Первая книга серии «Века в хаосе» вышла в свет в 1952 году. В предисловии Великовский очертил общий план будущей серии исследований: «Века в хаосе» охватывают период, о котором идет речь и в «Столкновениях миров» — восемьсот лет от Исхода израильтян из Египта до покорения Палестины Сеннахеримом в 687 г. до н. э. и еще три с половиной столетия до Александра Македонского — в целом двенадцать веков истории Древнего Востока.... Факт широкомасштабной природной катастрофы служит здесь лишь отправным пунктом для создания уточненной хронологии рассматриваемых эпох и государств».

В книге «Века в хаосе», давшей название всей серии, Великовский попытался решить проблему корреляции израильской и египетской истории. Он считал, что хронология древней истории сместилась потому, что была целиком ориентирована на египетскую хронологию и с ней соотносилась. А египетская история подверглась ретардации (в этом Великовский винил историка древности Манефона, который первый дал ошибочную хронологию египетских царских династий, взятую затем за основу историками последующих эпох) и потому была исключена из реальных связей с историей других народов. Это и стало причиной того «хаоса», который приводил к удвоению событий и к появлению на исторической сцене «призраков», «двойников».

Метод выявления истины был пояснен самим Великовским в предисловии к книге: «Я исследовал одно за другим предания различных регионов, шел от поколения к поколению, черпая отовсюду намеки и ключи к разгадке, факты и доказательства. Поскольку я вынужден был добывать их и сопоставлять, эта книга написана на манер детективной истории. Хорошо известно, что в детективных историях неожиданные ассоциации часто основываются на мелких деталях: отпечатке пальца на металлической стойке, волоске на подоконнике, обгоревшей спичке в кустах. Некоторые детали археологического, хронологического или палеографического характера могут казаться ничтожными, но они являются своего рода отпечатками пальцев в расследовании, в которое непосредственно вовлечена история многих наций во множестве поколений. Подобные детали включены не для того, чтобы затруднить чтение: они необходимы, чтобы обосновать основные положения данной работы. Поэтому любая попытка прочесть эту книгу бегло будет заведомо бесплодным предприятием».

Великовский, разрабатывая концепцию своей книги, исходил из вполне логического предположения. Если Исход израильтян из Египта сопровождался катаклизмами космического характера, то они неизбежно должны были отразиться и в египетских источниках. События такого масштаба не могли пройти мимо внимания современников. Между тем подобными сведениями наука не располагала. Ключом к разгадке тайны стал для Великовского Лейденский папирус 344, содержащий речи египетского жреца Ипувера, адресованные скорее всего фараону.

Прежде считалось, что данный папирус содержит пророчества жреца. Но Великовский провел детальное, построчное, сопоставление текста папируса с соответствующими библейскими фрагментами и пришел к поразительному выводу: перед нами не просто история какой-то воображаемой катастрофы, а египетская версия тех самых «казней», которые описаны в Библии. Значит, папирус Ипувера содержит то же повествование об Исходе, но только с египетской точки зрения?

Эта новая датировка позволяет Великовскому уточнить проблему гиксосов, вторжение которых в Египет порой отождествлялось (у Манетрона) с приходом израильтян. Проводя дальнейшее сопоставление источников, Великовский приходит к выводу, что это вторжение произошло через несколько недель или даже дней после Исхода израильтян и что таинственными гиксосами, о принадлежности которых до сих пор идут споры в науке, были амаликитяне — то самое племя Амалика, о котором так часто упоминается в Библии и с которым позже сразился Иисус Навин в той знаменитой битве, когда он остановил Солнце, чтобы продлить день и завершить разгром врага. Привлекая арабские источники, Великовский выясняет, что амаликитяне были древним арабским племенем, которое с древнейших времён владело Аравийским полуостровом. Все эти уточнения позволяют представить реальную расстановку сил на Древнем Востоке. В арабских источниках он также обнаруживает сведения о глобальной природной катастрофе, которая вынудила амаликитян покинуть свою землю: «В хаосе и смутении, убегая от зловещих предзнаменований и бедствий, увлекая за собой стада животных, обезумевших от землетрясений и знамений, полчища бегущих амаликитян достигли Красного моря. Казни насекомыми, засухой, землетрясением в ночь «самого ужасного разрушения», тучи, окутавшие землю, приливная волна, увлекающая за собой целые племена, — все эти потрясения и удары были пережиты как в Аравии, так и в Египте».

С этого бегства амаликитян начинается история их завоеваний чужих земель — сначала Сирии, а потом Египта, где они установили свою династию. Царствование гиксосов продолжалось, по хронологии, четыреста сорок лет и соответствовало по времени эпохе блужданий в пустыне и правления Судей в истории древнего Израиля. Первой от власти гиксосов сумела освободиться Иудея, а затем с помощью израильского царя Саула гиксосы были изгнаны и из Египта, из пограничного города Аварис, который они сделали своей резиденцией. Этому уточнению Великовский придавал очень большое значение, неоднократно возвращаясь к нему и в последующих своих работах. Он считал, что истоки антисемитизма первоначально связаны с этим историческим недоразумением. Когда ранний историк Манефон объявил, что израильтяне и гиксосы — это одно и то же, он спровоцировал негативную реакцию: израильтянам была приписана жестокая экспансия, разрушение культурных ценностей соседних народов и т. п.

Проведенные параллели позволили Великовскому уточнить исходные пункты истории трех регионов: Египта, Палестины и Аравийского полуострова. А это повлекло за собой новые параллели и сближения, порой чрезвычайно эффектные и неожиданные.

В связи с этим особенно выделяется в книге Великовского третья глава, целиком посвященная царице Савской. Загадка царицы Савской, могучей владелицы чужеземных стран, посетившей библейского царя Соломона, стала одной из особо интригующих. На роль родины царицы Савской претендовала Эфиопия, район Сабы (Шебы) в Южной Аравии, но никаких точных исторических сведений об этой блиста-

тельной властительнице не сохранилось. Она так и осталась для исследователей таинственной «царицей Юга». Великовский предложил совершенно неожиданную, дерзкую, но в высшей степени увлекательную гипотезу. В соответствии с заново выверенной им хронологией, получалось так, что единственной претенденткой на роль «царицы Юга» становилась Хатшепсут, правительница Египта, дочь египетского фараона Тутмоса I. Гипотеза эта оказалась дерзкой уже потому, что царица Хатшепсут всегда оставалась для историков фигурой в высшей степени приметной. После ее царствования осталось великое множество сооружений, барельефов, надписей. Великовский должен был мобилизовать все свое искусство почти детективной идентификации и скрупулезной интерпретации, чтобы убедить специалистов и просто читателей в своей правоте. И ему это во многом удалось. По крайней мере, серьезных опровержений его гипотеза не получила.

Ключевым эпизодом царствования Хатшепсут становится для Великовского ее поездка в Пунт, в «Божественную землю», о местонахождении которой веками спорили исследователи. Вооружаясь источниками, библейскими и историческими, включая многочисленные барельефы и монументальные постройки в Деир-эль-Бахри, Великовский провел скрупулезное сопоставление даже мельчайших деталей — от маршрута путешествия царицы до особенностей внешнего вида воинов, изображенных на барельефах Пунта, и деталей убранства иерусалимского храма. Вывод исследователя прозвучал вполне уверенно: «Полная согласованность деталей этого путешествия и многих сопутствующих дат делает очевидным то, что царица Савская и царица Хатшепсут — это одна и та же личность».

В следующей главе Великовский заново изучил документы о военных кампаниях Тутмоса III, преемника Хатшепсут на египетском троне, и не менее убедительно доказал, что эти кампании освещены и в библейских исторических книгах, что кардинально меняет общепринятую египетскую хронологию. Великовский устанавливает дату 1000 г. до н. э как начало египетской восемнадцатой династии (которая традиционно относится к XV в. до н. э.), эпохи царствования Давида и Соломона и позднемикенского и позднемикенского периодов. Таков итог проведённой им синхронизации.

Завершающие главы книги посвящены своду интереснейших документов — письмам эль-Амарны, своего рода государственному архиву египетских фараонов, расположенному в древнем городе Ахет-Атон, который был резиденцией царя-еретика Эхнатона. Архив этот оказался исключительно познавательным для Великовского, поскольку содержал переписку на глиняных табличках между фараонами и царями прилегающих земель, что давало исследователю великоценные возможности для дальнейшей синхронизации явлений и процессов. Великовский впервые попытался идентифицировать многочисленные географические названия и имена, названные в этих письмах, что позволило ему выявить их реальный исторический контекст.

Великовский понимал, сколь шокирующе могут выглядеть его параллели и соответствия. И в завершающей главе книги писал: «Было бы, право, чудом, если бы все эти совпадения оказались чисто случайными. Любой, кто знаком с теорией вероятности, знает, что с каждым дополнительным совпадением шансы другого уменьшаются, и не в арифметической и геометрической прогрессии, а в прогрессии высшего порядка. Следовательно, существует шанс триллион или квадриллион против одного, что все параллели, представленные на предшествующих страницах, являются простыми совпадениями».

Книга «Века в хаосе» обозначила принципиальную исходную точку в той задаче, которую Великовский сформулировал как реконструкция древней истории и которой он намерен был посвятить всю оставшуюся жизнь. «Мы должны суметь распутать, — писал он на последней странице своей книги, — археологические, исторические и хронологические проблемы, с которыми мы столкнемся в последующих столетиях, и с нитью Ариадны, которую мы приняли из рук Ипувера, пройти путь до того пункта, где истории разных народов древности начинают гармонизировать друг с другом». Этой последней точкой Великовский считал эпоху завоеваний Александра Македонского. Но до нее было еще далеко...

В 1955 году вышла книга Великовского «Земля в переворотах». Она самым непосредственным образом связана с его первой историко-космологической книгой «Столкновения миров» и по существу представляет подробный анализ дополнительных и совершенно неоспоримых свидетельств древних катастроф, которые хранит сама Земля. В совокупности эти две книги иллюстрируют междисциплинарный синтез, к которому так целенаправленно стремился Великовский. Прошлое Земли исследуется через призму разных наук — астрономии, истории, археологии, геологии, геофизики, геохимии, палеонтологии. Книга «Земля в переворотах» пытается подвести итог дискуссиям «катастрофистов» во главе с Ж. Кювье и «эволюционистов» (школа Ламарка-Дарвина). В своем споре с «эволюционистами» Великовский опирается прежде всего на те факты, которые не могли получить объяснения в рамках данной теории. В книге представлен ряд таких загадок: внезапное исчезновение мамонтов, в желудке и между зубами которых были найдены остатки растений, ныне не растущих на территории Восточной Сибири; уничтоженные леса, унесенные из сибирской тайги в океан; гигантские кладбища животных на Аляске и в других регионах; следы ледникового периода на тропических широтах при отсутствии таковых на широтах северных; залежи каменного угля в Антарктиде; Гималаи, не так давно бывшие морским дном и т. д. Продолжая следовать методике своеобразного детективного расследования, Великовский в конце своей книги заметил, что в данном исследовании использовал свидетельства камней и костей. В сочетании со свидетельствами человека, собранными в книге «Столкновения миров», они создают неопровержимые доказательства неоднократно происходивших на земле катастроф, в результате которых резко менялся облик Земли и условия жизни на ней. Эти две книги по существу составили части одного общего исследования, предельно расширив аргументацию автора и сделав ее в основном неувязимой, ибо можно опровергать идеи, но чрезвычайно трудно опровергнуть факты.

Появление книги «Земля в переворотах» оживило научные дискуссии, и с этого времени Великовский стал постоянно выступать с лекциями в американских университетах и колледжах, предпочитая вести спор со своими научными оппонентами открыто и гласно. Поразительно, но он завоевал себе сторонников среди специалистов «узких» профессий, которые вынуждены были признавать в нем ученого нового типа, попытавшегося создать всеобъемлющую междисциплинарную науку, разрушающую границы специальностей.

Пять лет понадобилось Великовскому для подготовки к изданию следующей его книги «Эдип и Эхнатон», которая вышла в свет в 1960 году. Более двадцати лет отделяют первый замысел автора и долгожданное исполнение. Дело в том, что в свое время Великовский, увлеченный новой историко-космологической концепцией, отложил на не-

определенный срок книгу «Фрейд и его герои». Но еще тогда в 1930-е гг., работая над ней, он погрузился в исследование личности Эхнатона, египетского фараона-еретика, одного из первых монотеистов древнего мира. Открылось много загадок, которые требовали разрешения. Но в ту пору Великовский предпочел устремить свой взор в космос, разгадывая тайны небесной битвы, зашедшей и нашу Землю. Теперь этот большой сюжет был завершен, а новый, обозначенный в «Веках в хаосе», остановился в той точке, где Великовского ждала новая встреча с Эхнатоном. Ведь эль-Амарна, архив которой он так подробно исследовал в первой книге серии, была столицей Эхнатона, дерзко противопоставившего себя традиции. После его смерти город будет разрушен и заброшен. Чтобы закончить разговор об эль-Амарне, Великовскому необходимо было вернуться к забытой рукописи. Но за это время его видение истории изменилось. Поэтому Эхнатон уже не воспринимается им только в границах египетской истории. Начинается диалог Египта с греческим миром, и эта идея составила пафос исследования, поражающего читателей таким неожиданным, парадоксальным сближением — «Эдип и Эхнатон». «Скрытая ироничность этой книги, — писал Великовский в предисловии к Эдипу и Эхнатону, — состоит в том, что и Эдип, и Эхнатон были героями Фрейда. Он не сознавал их близкого сходства, даже идентичности; он видел в одном символическую фигуру грешника, терзаемого греховными, но в то же время человеческими побуждениями, которым он повинует, а в другом — святого, первого монотеиста, предшественника Моисея, законодателя».

Великовский поставил перед собой задачу доказать, что легенда об Эдипе, вдохновившая греческих трагиков, а впоследствии ставшая основой для фрейдистской концепции «эдипова комплекса» как подсознательного импульса, свойственного человеческой природе, имела в основе определенные исторические события. Главным мотивом этой легенды, который позволяет проникнуть в ее подлинные истоки, представлялся Великовскому сфинкс. «Существо, которое сторожило Фивы в Беотии, не было одной из знакомых греческих фигур: великан Паллас, Минотавр, кентавр, Медуза Горгона, фурия, киклопы, — подчеркивал Великовский. — А это был Сфинкс, и так он назывался у греческих трагиков. Его родиной был Египет. Хотя его изображения были найдены во многих странах, включая Крит и Микены в Греции, они были или привезены из Египта или, как считается, представляли собой подражания или заимствования образа, рожденного в Египте».

Образ сфинкса, охраняющего ворота Фив в Беотии, становится для Великовского той нитью Ариадны, которая позволяет ему установить связь между греческой легендой и египетской историей, один из драматических сюжетов которой он блистательно в этой книге разворачивает. Он сумел увидеть прототип мифического Эдипа в египетском фараоне Эхнатоне, создав одновременно его историческую и романизованную биографию. В данной книге особенно ярко предстает свойственное Великовскому искусство реконструкции, восстановления исторических обстоятельств и сюжетов по законам мозаики, когда из мельчайших деталей, на первый взгляд, между собой не связанных, рождается поразительное и неожиданное панно, обладающее законченностью, логическим и стилевым единством. Книга «Эдип и Эхнатон» особенно показательна для метода Великовского и, пожалуй, остается одной из немногих его книг, которые можно читать независимо от любой другой ее работы.

По древним барельефам, отрывкам древних документов и писем Великовский восстанавливает драму в семье Эхнатона, делившего свою любовь между прекрасной Нефертити, образ которой увековечен египетским искусством, своей женой и матерью его детей, и своей родной матерью, царицей Ти, которая в конце концов выиграла в соперничестве с Нефертити и заняла место законной царицы. В персонажах этой драмы, представленной в книге Великовского, угаданы все персонажи более позднего греческого мифа, вплоть до второстепенных. Одна из археологических находок XX века — пещера, вырубленная в скале неподалеку от могилы Тутанхамона, — позволила Великовскому блестяще реставрировать сюжет о египетской Антигоне — сестре убитого принца, сына Эхнатона, Меритатен, которая была погребена в пещере за то, что осмелилась похоронить своего брата.

Повествование в «Эдипе и Эхнатоне» действительно построено как увлекательное детективное расследование, и если даже построения и догадки Великовского не во всем бесспорны, они имеют право на существование, потому что опираются на строго выверенную систему доказательств.

Данная книга Великовского составила очередной том «Веков в хаосе», осветив завершающий период Восемнадцатой династии в Египте.

За ней последовал долгий перерыв, в котором ничего удивительного не было. Двигаясь поступательно по векам древней истории, Великовский остановился перед колоссальным препятствием — таинственным «хеттским царством», история которого начала складываться всего столетие назад, почему его и начали именовать «Забывтой империей». Погрузившись в историю стран Ближнего Востока и Малой Азии, Великовский вынужден был поневоле расширить географические границы своего исследования, включив в них и так называемые «народы моря», что поставило его перед необходимостью разгадки еще одной тайны. В результате одна за другой появились две его книги «Народы моря» (1977) и «Рамзес II и его время» (1978) — плод многолетних исследований, новая попытка корреляции всей истории древнего мира. За точку отсчета Великовский, как всегда, берет Египет, поскольку вся традиционная хронология построена на египетской.

Во вступлении к книге «Рамзес II и его время» Великовский достаточно четко сформулировал смысл предпринятой им реконструкции, в результате которой «хеттское царство» превращалось в фантом, в фикцию: «На последующих страницах сделана попытка реконструировать период халдейского владычества на Среднем Востоке. Этот период известен также в исторической литературе как время неовавилонской империи; в Библии Навуходоносор известен как царь вавилонский и царь халдейский. Тезис, который предложен и доказывается в данной работе, состоит в том, что так называемое хеттское государство, названное Забытой империей, поскольку его открыли примерно сто лет назад, — это не что иное, как царство халдеев. И далее: пиктографические надписи, обнаруженные на обелисках от западных берегов Малой Азии до Вавилона, но главным образом в центральной и восточной Анатолии и северной Сирии, вероятнее всего, являются халдейскими. Хеттские императоры — это второе воплощение великих царей халдейской династии Вавилона. Таким образом, «хеттское государство» ... исчезает, «прожив» в книгах и статьях чуть больше века. Не меньшее потрясение переживает и египетская историография. Так называемая Девятнадцатая династия, главными представителями которой являются Сети Великий, Рамзес II и Минепта, оказывается идентичной так называемой двадцать шестой династии Псамметиха, Нехо и Априя, о

деятельности которых нам известно частью от греческих историков, а частью из библейских книг, но не их сохранившихся египетских текстов. Это тождество влечет за собой перемещение Сети Великого, Рамзеса II и Минепты с четырнадцатого-тринадцатого веков, к которым их обычно относят, к седьмому и шестому векам».

Нетрудно заметить, что Великовский предложил поистине революционную перестройку привычной хронологии. Чтобы обосновать свою точку зрения, он пользуется уже привычным методом синхронизации событий и тщательного сопоставления документов, памятников, археологических находок, исторических реалий. Решающее значение приобретает комментирование письменных источников. В результате главное сражение Рамзеса II при Кархемише, план и ход которого глубоко изучен Великовским, обретает свои параллели в библейских текстах, а библейский Навуходоносор отождествлен с халдейским царем Хаттусилсом. Клинописный архив, открытый в Богазкее, становится, таким образом, не хеттским, а халдейским. На материале этого архива Великовский выстраивает непривычно живой и пластичный образ царя Навуходоносора, разворачивая драматическую историю его жизни и складывая из древних текстов даже автобиографию монарха (так называется одна из глав книги).

Книга «Народы моря» посвящена последнему периоду древней египетской истории. Она, как писал автор, «охватывает приблизительно два века персидского владычества над Египтом и доходит, освещая завоевание Египта Александром Великим, до времени ранних Птолемеев». Сопоставление источников приводит Великовского к ряду интереснейших, а в чем-то и сенсационных выводов. Так, он предлагает свою версию истории посещения Александром Македонским оракула Амона в одном из пустынных оазисов Египта. О таком посещении известно от греческих историков. Но содержание пророчества оракула всегда составляло тайну, якобы хранимую Александром Македонским. Проведенная синхронизация событий и документов позволила Великовскому заглянуть в эту тайну. Великовский устанавливает факт персидского владычества над Египтом, которое длилось два века вплоть до завоевания Александра Македонского. В результате установившийся еще со времен Манефона порядок египетских династий, который составлял основу хронологии древней истории, полностью рушится. Великовский решается предложить собственную схему, которую еще предстоит обдумать научному миру.

Специальный раздел книги «Народы моря» посвящен погрешностям астрономической хронологии, которой издавна руководствовались многие историки древнего мира.

Данную книгу Великовский считал итоговой, и в предисловии к ней подчеркнул, что обоснованные им новые хронологические рамки истории древнего мира фактически подтвердились соответствующими тестами. Предоставим слово автору: «...я могу здесь признаться, что в течение двенадцати лет после публикации работы Либби «Радиоуглеродная датировка», которая появилась в том же самом году, что и «Века в хаосе», я тщетно пытался всеми возможными путями добиться, чтобы соответствующие предметы эпохи Нового Царства в Египте, в особенности периода восемнадцатой династии, подверглись углеродному тестированию. Только в 1953 году я добился, чтобы Каирский музей доверил мне три маленьких кусочка дерева из погребальной утвари Тутанхамона для тестирования в лаборатории музея Пенсильванского университета. В то время как, по общепринятой хронологии, юный царь умер в 1350 г. до н. э., а в соответствии с моей реконструкцией —

около 836 года, углеродный анализ указал на 1030 г. до н. э. (или, по данным Либби, 1120 г.). Далее я написал доктору Элизабет К. Ральф из музея Филадельфийского университета, задавая вопрос, отражает ли углеродный возраст дерева время формирования его колец, и предполагая, что если это так, то самый большой из трех кусков, проверенных одновременно (для одного теста необходимо 30 г), будучи очень древним кедром из Леванона, мог вызвать расхождение результатов. Если бы исследовался только недолговечный материал, такой как тростник, зерно или папирус, то результат указывал бы приблизительно на 840 г. до н. э. Доктор Ральф подтвердила, что радиоуглеродный возраст — это отражение времени формирования колец, а не того момента, когда дерево было срублено. На все это понадобилось еще семь лет. Весной 1971 года лаборатория Британского Музея подвергла анализу тростник и зерно из могилы Тутанхамона. Последнее показало результат 899 г. до н. э., а первый — 846 г. до н. э. Я узнал об этих цифрах из письма доктора Эдвардса, эксперта-египтолога из Британского Музея... Британский Музей не опубликовал полученный им результат, как первоначально было договорено, вероятно, на основе подозрения, что, ввиду такого расхождения с установленными датами, тростник и зерна могли быть попорчены или подложены позже, хотя склеп Тутанхамона оставался нетронутым до того, как был вскрыт Ховардом Картером в 1922 году, а все содержащиеся в нем предметы переданы в Каирский музей. Не проникала в могилу и вода».

Это лишь один из эпизодов схватки Великовского с научным миром. Надо отдать должное исследователю: он всегда приглашал к честной дискуссии, сам обращался за помощью, консультациями, не отметал голословно возникающих вопросов и не пренебрегал чужим профессиональным мнением. Достаточно обратить внимание на богатейший справочный аппарат его книг: все документировано, оценен любой, даже самый скромный, вклад предшественников. Он вправе был рассчитывать на ответную реакцию.

Время летело неумолимо быстро. Великовский не мог не сознавать, что осуществить все задуманное он не успеет. В 1978 году, в год выхода книги «Рамзес II и его время», ученому исполнилось 83 года. Ждали своего опубликования рукописи еще четырех книг: «Время Исайи и Гомера», «Сатурн и Потоп», «Юпитер-громовержец» и «Орбита». Но человек всегда чувствует приближение смерти. И Великовский, вдруг отложив все, взялся за книгу, написать которую считал исполнением своей врачебной клятвы Гиппократова.

Ее название «Человечество в амнезии» не было неожиданным. Идея коллективной амнезии была высказана Великовским еще в книге «Столкновения миров». Долгие годы исторических исследований подготовили его к обобщению истории человечества с позиций врача-психолога. Он поставил человечеству опасный диагноз — амнезию, т. е. утрату памяти, которая может быть полной или частичной. С точки зрения Великовского, очень глубоко в родовой памяти человечества запечатлелся первобытный ужас, который когда-то испытали его предки, столкнувшись с космической катастрофой. «Все мы — дети выживших», — подчеркнул Великовский. Память об этом пережитом ужасе, вытесненная в подсознание, продолжает жить и может провоцировать повторение травматического опыта. Она определяет всякого рода загадочные фобии (вроде боязни замкнутого пространства, грозы, высоты и проч.), которыми страдают люди, она определяет механизм бессознательного отторжения травматического опыта. Великовский полагал, что в условиях XX века, когда накоплен огромный арсенал

ядерного оружия, такая амнезия особенно опасна. Эта болезнь настигает политиков, которым доверена ядерная кнопка. И где гарантии, что в приступе безотчетного страха она не будет нажата? Новая ситуация возложила на конкретного человека, страдающего от общей болезни человечества, немислимую и не соответствующую его возможностям ответственность. Все человечество становится заложником его воли. Растущее психологическое напряжение, отражение которого Великовский видит в зигзагах современной культуры, в распространении эсхатологических религиозных учений, в настроениях безысходности, которые охватывают молодое поколение — это опаснейшие, с его точки зрения, симптомы. Особую тревогу вызывает у Великовского цикличность войн и насилия в человеческой истории, которую он прослеживает начиная с XVIII в., предлагая всем, кого волнует эта проблема, углубиться и дальше в историю.

Последняя книга Великовского, как всегда, насыщена историческим и культурологическим материалом и в определенной мере является итогом его раздумий о судьбах человечества. Это блестящий образец научной публицистики, затрагивающий проблемы, которые, увы, касаются каждого. Прощаясь со своими читателями, Великовский поднялся на поистине планетарный уровень мышления.

Предчувствие его не обмануло. 17 ноября 1979 года Иммануила Великовского не стало. Он умер так, как умирают патриархи, отмеченные Божьей милостью. Он устроился в тихом осеннем саду возле дома, в кресле, с Библией в руках, с той великой книгой, с которой никогда не расставался и которая стоит у истоков его научных прозрений. Когда его рука безжизненно упала с поручня кресла, Библия захлопнулась. Это был единственный звук, обозначивший переход из жизни в вечность...

Нельзя сказать, что после смерти Великовского идеи его победно прошествовали по миру. Наоборот, наступило затишье. Четыре его книги так и лежат в рукописях. Его верная жена и помощница Элишева Великовская успела после смерти мужа выпустить его книгу-завещание «Человечество в амнезии». Она скончалась в 1983 году в возрасте 88 лет. По тем историческим меркам, по каким мыслил Великовский, времени прошло слишком мало. Но если вчитаться в его последнюю книгу, то каждый год, быть может, приближает нас к неизбежной гибели, которую мы сотворим собственными руками. Мир тонет в насилии. Именно этого он боялся и об этом предупреждал. Хватит ли у человечества мужества взглянуть на себя с позиций Большого времени? Книги Великовского этому учат.

Н. В. Забабурова,
профессор, доктор филологических наук

Оглавление

НАРОДЫ МОРЯ

Благодарности	3
Вступление	5

Часть I

ГЛАВА I. Двенадцатый или четвертый век?	13
ГЛАВА II. Персы и греки вторгаются в Египет	45
ГЛАВА III. Военское искусство	75
ГЛАВА IV. О языке, искусстве и религии	95
ГЛАВА V. От Рамзеса III до Дария III	109

Часть II

ГЛАВА I. Династия жрецов	139
ГЛАВА II. «Слабейшее из царств...»	167
ГЛАВА III. Александр	207
ГЛАВА IV. Си-Амон	225
Хронологические таблицы	249

Приложение

Астрономия и хронология

ГЛАВА I. Основы египетской хронологии	257
ГЛАВА II. Сириус	273
ГЛАВА III. Венера	297

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В АМНЕЗИИ

Предисловие	313
ПРОЛОГ	315
ГЛАВА I. О родовой памяти	323
ГЛАВА II. Знать и не знать	351
ГЛАВА III. Со страхом и содроганием	407
ГЛАВА IV. Поэты и визионеры	429
ГЛАВА V. Век ужаса	451
ГЛАВА VI. Сны и галлюцинации	473
ГЛАВА VII. Хроника нашего времени	493
ЭПИЛОГ	525

Об авторе	526
Н.В. Забабурова. Иммануил Великовский: личность и творчество	527

Популярное издание
Иммануил Великовский
НАРОДЫ МОРЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В АМНЕЗИИ

Редактор Н. Подгорный
Художник С. Царев
Художественное оформление Е. Коробкова
Корректоры: Н. Передистый, Г. Бибилова, В. Колобова

Лицензия № 062308 от 24 февраля 1993 г.

Сдано в набор 22.11.96. Подписано в печать 13.01.97.
Формат 84×108/32. Бум. газетная. Гарнитура «Академическая»
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 12.

Издательство «Феникс»
344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов в АО «Книга»
344019, Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57
OCR Давид Титиевский, ноябрь 2021 г., Хайфа

*Торгово-издательская
фирма*

- ❧** *Оптовая и розничная торговля книжной продукцией*
- ❧** *Издание книг и финансирование издательской деятельности своих партнеров*
- ❧** *Быстрообновляемый разнообразный ассортимент (всегда в наличии более 3000 наименований популярных книг)*
- ❧** *Своевременная доставка книг контейнерами и автотранспортом в любую точку России*
- ❧** *Умеренные цены*

Надежность, качество, оперативность

*Наш адрес:
344007, г. Ростов-на-Дону,
пер. Соборный, 17
Тел. (863 2) 62-44-72, 62-38-11
Факс: 62-55-27*

**Полный комплекс услуг
для оптовых покупателей**

ЗНАНИЕ

Э

Кем были таинственные
«народы моря»?

О чем говорил
Александр Македонский
с жрецом
оракула Амона

в пустынном оазисе?

Обо всем этом, а также
о поразительных наход-
ках в руинах египетских
храмов и дворцов и в
древних могилах читайте
в увлекательной книге

И. Великовского
«Народы моря».

ФЕНИКС